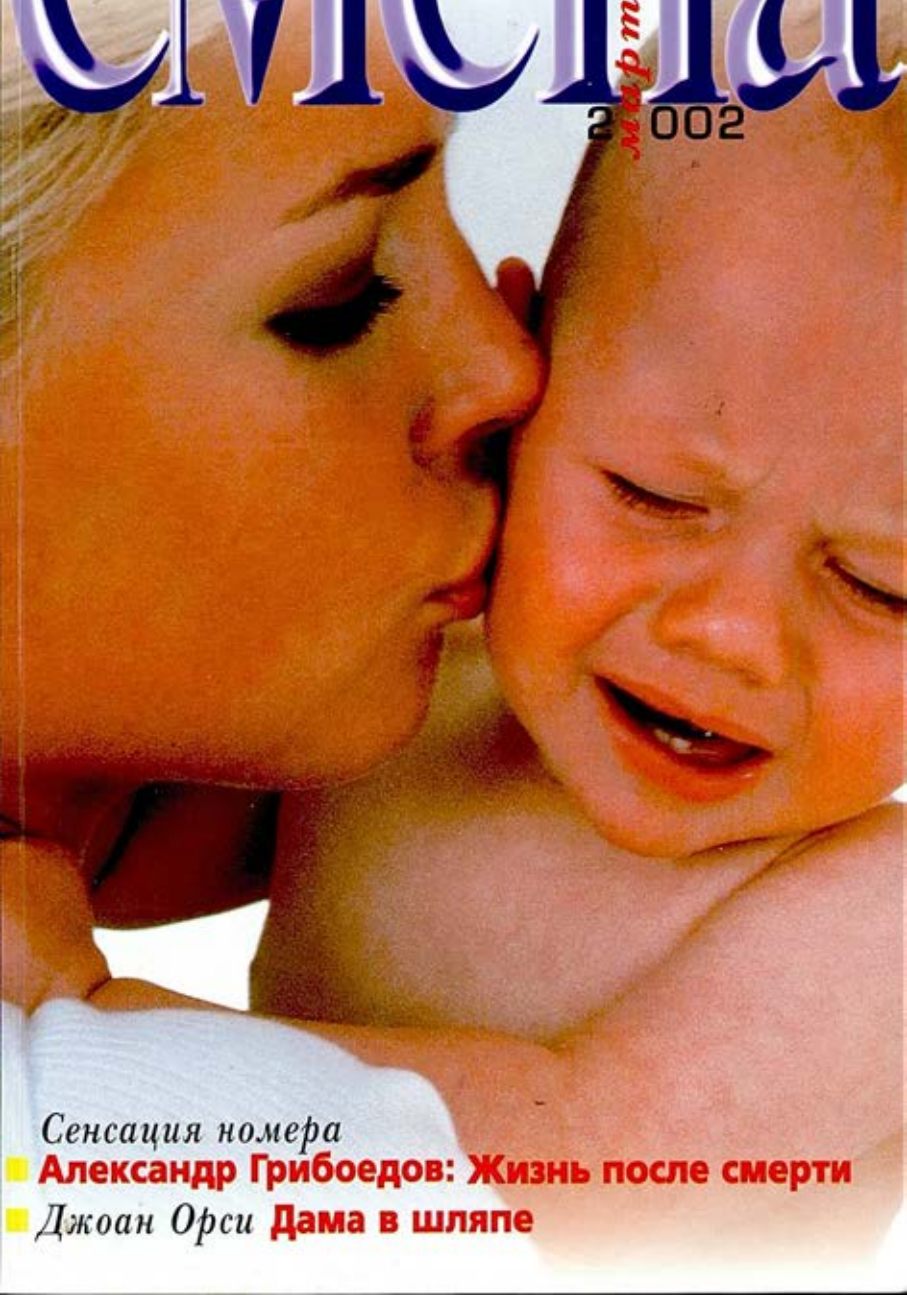

СМЕНА

2 март 002

Сенсация номера

- **Александр Грибоедов: Жизнь после смерти**
- **Джоан Орси Дама в шляпе**

ИДЕАЛЬНАЯ ФОРМУЛА

Моторное масло ЛУКОЙЛ

ТОМАС СОРТИРАЦИОНАМ

Предельные температуры.
Экстремальные режимы.
Исключительная выносливость.

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ
ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

 ЛУКОЙЛ

www.lukoil-masla.ru

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Даниюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела
литературы и искусства

Шамара Чинина

3 2002
март (1649)

Сдано в набор 23.01.2002.
Подписано к печати 18.02.2002.

Печать офсетная.

Заказ № 444

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской
Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии
ООО ОИД "Медиа-Пресса"

по адресу: ул. Правды, 24,
Москва, А-40, ГСП-3, 129993.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2002.

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

50 *Джоан Орси*
ДАМА В ШЛЯПЕ
 Зарубежный рассказ

134 *Хью Пейтикокт*
**МЕРТВАЯ
 КРАСАВИЦА**
 Детектив

32 *Михаил
 Подгородников*
**ДОБРОВОЛЬНО
 ПРИКОВАННЫЙ**

41 *Светлана
 Бестужева-Лада*
**В ОБЪЯТИЯХ
 МОРФЕЯ**

64 *Галина Калинина*
**НАСЛЕДНИКИ
 ФАБЕРЖЕ**

242 *Леонид Шаров*
**ПЯТОЕ КОЛЕСО
 В ТЕЛЕГЕ**

256 *Илья Рюмин*
**ПЕРВЫЙ
 КОСМИЧЕСКИЙ ДОМ**

март 2002

В НОМЕРЕ:

стр. 64

стр. 76

4 *Олег Дзюба*
**ТРИДЦАТЬ ТРИ
МАКОВКИ**

16 *Сергей Смородкин*
**АЛЕКСАНДР
ГРИБОЕДОВ:
ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ СМЕРТИ**

76 *Любовь Русева*
РУССКАЯ ЭЛИТА

92 *Алла Духова:*
**"МЕЧТАЮ
ПОКОРИТЬ МИР..."**

98 *Софья Пискун*
ФЕДОР ВАСИЛЬВ

116 *Денис Мауцев:*
**"ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ
ЧАЙКОВСКОГО
НЕ СЫГРАЮ
И ЗА МИЛЛИОН
ДОЛЛАРОВ"**

124 *Леонид Лернер*
**ЗАПОЗДАЛОЕ
ПРИЗНАНИЕ**

стр. 116

29 *Татьяна Смертина*

Елена Логунова
**"СПЯТИТЬ
ПОДАНО!"**

Повесть молодой писательницы своеобразна по жанру: это скорее всего иронический детектив с налетом фантастики. Главная героиня, от лица которой ведется повествование, и ее близкая подруга попадают в невероятные, порой опасные, порой комические ситуации...

Николай Александров
**ТАЙНЫЕ
ОБИТАТЕЛИ
ЗЕМЛИ**

Уже многие годы, а точнее — столетия человечество стремится разгадать две загадки, две проблемы, две тайны — Несси и снежного человека. Реальные ли они обитатели нашего сегодняшнего мира или это все мифы, тонко и точно запущенные в нашу жизнь либо учеными, склонными к безответственной выдумке, либо коммерсантами, ловко извлекающими из неразрешимой загадки свои немалые прибыли... — об этом вы узнаете из очерка нашего научного обозревателя.

4 март '2002

АНОНС:

тридцать три макówki

Олег ДЗЮБА

Мудрый философ Генри Торо уверял, что не стоит ехать вокруг света, чтобы пересчитать кошек в Занзибаре. Африка и впрямь далека, бензина не напасешься, да и дома достойных маршрутов пока что в достатке. А потому я сел за руль "Нивы" и поехал вокруг великого и по сию пору все еще чистого Онежского озера, благо что в первый год третьего тысячелетия дорожники проложили последний участок круговой трассы. Край это водный, так что из автомобиля приходилось не раз пересаживаться то на катер, то на "Метеор". Начал я с Нижней, а потом оказался счастливым гостем Водлозерского национального парка, побывав и там, где сказы сказывались, и где ныне дела делаются...

Девушка вышла из озера и... угодила в мой объектив. Очаровательной юной кижанке оставалось только всплеснуть руками и запечатлеться на пленке. В островной деревне Ямка Галя Горчакова не одинока. В просторном крестьянском доме она обитает вместе с подругами по студенчеству и славной работе экскурсовода.

Гидом Нижней стать непросто. Сначала надо выдержать конкурс на курсы, а претендентов на каждое место чуть ли не десяток. Полный цикл лекций тянет

Фото автора

ся три года, хотя работать по урощенной программе разрешается уже следующим после поступления летом. Тогда и перебираются на весь сезон новоиспеченные нижанки в бревенчатые стены. Правда, без хотя бы одного иностранного языка поработать на острове мало кому удается. Туристы валят со всего света, а потому есть здесь и полиглоты, повествующие гостям про историю Нижей на трех, а то и четырех наречиях.

Так и живут девушки до поздней осени по соседству с идолом, которого норвежские реставраторы, как-то работавшие на острове, соорудили потехи ради по образцу статуй острова Пасхи, но усатым, как древний викинг.

От Ямки до легендарного Нижского погоста больше километра, но таинственного и здесь хватает. Само название деревни — загадка. Есть, правда, сказание, что некогда при царе Горохе деревенская молодежь презрела запреты великого поста и устроила гулянье в неположенный срок. Небеса такого не стерпели и нечестивцы провалились в преисподнюю вместе с избой. Впрочем, Гале и ее коллегам такая участь не грозит. Повеселиться они, может, и не прочь, но как выкроить время на веселье, если первый туристический лайнер швартуется к причалу не позднее восьми утра, а последний уходит уже белой ночью... Зато в октябре, когда круизные теплоходы отправляются в затоны, а студенты возвращаются к лекциям, в Нижках остаются только постоянные их смотрители, пожарные да сторожа.

В Ямку туристы не забредают, на скромное деревенское очаро-

вание у них времени нет. Главное для них на погосте, где высятся знаменитые на весь мир многоглавые храмы, сотворенные без единого гвоздя. Поток любопытствующих вливается в ворота погоста, но уныло разбивается у Преображенской церкви.

Посторонним входить под ее своды не придется еще многие годы. Храм нуждается в реставрации и незваные гости для него сейчас хуже басурманов. Я и после возвращения домой с трудом верю, что директор историко-архитектурного и этнографического заповедника "Нижи" Эльвира Аверьянова разрешила главному хранителю всех островных памятников Александру Любимцеву распахнуть передо мною двери.

...Безлюдный храм печален, как заброшенная нива. По скрипучим лестницам, закрепленным между стальными опорами внутреннего каркаса, мы поднимались все выше к маковкам церкви Преображения. Современные ступеньки сменились допотопно-старинными, которые ладилась, верно, еще в пору строительства двадцатидвухглавого творения легендарного мастера Нестера. Их и лестницами-то в нынешнем понимании назвать трудно. В толще доски прорезаны отверстия для ног, по ним и карабкаешься ввысь, к самим куполам.

Тонкие и ажурные снизу, вблизи барабаны маковок оказались едва ли не трехметровыми в диаметре — как ни силась растянуть руки в стороны, двух полукружий сразу не достанешь. Мой провожатый Александр Любимцев заботливо проверил по пути прочность оконной рамы. Ветер иной раз способен приоткрыть

оконце, а непутевые птицы нороят невесту как внутрь, сами загоняя себя в ловушку, из которой без человека не выбраться. Воробью еще ничего, он птица небыстрая, глядишь, да отыщет путь к спасительной щели. А вот стремительным ласточкам — верная погибель. Любимцеву доводилось отыскивать в храме обессилевших и оголодавших птиц — накрывает их нурткой и выносит к солнцу, онежскому ветру и... мошкам, без которых ласточкам не прокормиться.

Преображенская церковь знаменита на весь мир, а потому и состояние ее тревожит всякого, кто слыхивал про Кижи. Любимцеву ее беды знакомы, как мало кому еще. Должность главного хранителя всех памятников деревянного зодчества, выставленных в Кижах, а еще и свезенных сюда с островков и побережий Онежского озера, обязывает помнить хвори деревянных чудес света назубок.

В одном из приделов храма выставлена его точная копия с моделями оборудования, которое понадобится для грядущей реставрации. Мощные домкраты будут постепенно поднимать уникальный сруб, а мастера (многих из которых предстоит еще найти и обучить) будут заменять истлевшие бревна. Потом придет черед следующего уровня, дальше — третьего, четвертого... и так до тех пор, пока не удастся заменить тысячи пострадавших от времени фрагментов.

Прежде высказывалась идея начисто разобрать церковь и возвести ее с нуля в первозданном облике. В конце концов от этих планов отказались, ибо Ки-

жи получили бы в лучшем случае более или менее искусно воссозданный, но все же новодел... Непонятно к тому же, на сколько лет затянулось бы подобное строительство, да и кто рискнет представить себе всерьез Онежское озеро без ажурного силуэта, чарующего островитян и всех гостей едва ли не триста лет! А так туристы получат редкостную возможность увидеть, как плотники и реставраторы врачуют уникального "пациента".

Но устоит ли храм до начала предстоящего лечения? Вопрос кощунственный, но не задать его было нельзя. Любимцев категоричен. Слухи о критическом состоянии храма преувеличены. Разумеется, церковь "дышит". Осенний вдох прибавляет 5-7 сантиметров, летний выдох (жара, сушь) чуть сбавляет высоту. Бывают смещения и по горизонтали, но все в рамках естественного поведения столь сложного сооружения. Аналогий с Пизанской башней иснать не стоит. К тому же деревянная конструкция хорошо продувается и многие тревожившие специалистов процессы в древесине в последние годы заметно замедлились. Сказки и то, что без внутреннего каркаса церковь попросту рухнула бы. Храм отнюдь не висит на каркасе, как принято считать, он вполне устойчив, хотя оттягивать реставрацию до бесконечности и нельзя.

Исследования, годами ведущиеся в Преображенской церкви, показали, что обитатели Кижей еще двести лет назад впервые озаботились состоянием своего любимого храма. Однажды в подклете обнаружили груды

земли. Их происхождение удалось объяснить начальнику плотнично-реставрационной службы Николаю Попову. Оказывается, церковь впервые стала крениться еще в первые десятилетия после того, как Нестер, если верить легенде, утопил в Онеге свой топор. Заметив неладное, кижане подкопали одну из сторон храма, стремясь выровнять его земляное основание. Тогда хватило и, так сказать, местного хирургического вмешательства, теперь же не обойтись без серьезной "реплантации"... Сколько же лет займет ожидаемая реставрация? Эльвира Аверьянова сказала мне, что на восстановление Преображенской церкви уйдет по меньшей мере десять лет, из них три первых года — подготовительный период. По всей Карелии придется искать подходящие древесные стволы. Соснам, прежде чем на века улечься в нестеровский сруб, надо отлежаться на ветерке, просохнуть... Да и мастеров, способных продлить славное житие храма, найти непросто. Это я не к тому, что истинные умельцы в Нижих перевелись. Но работа столь масштабна, что сегодняшними только мастерами не справиться, иначе придется забросить все остальные работы.

Директор музея-заповедника связана с этой нишанго не оставляющей равнодушным темой уже четырнадцать лет. В конце 80-х Эльвира Валентиновна работала консультантом в Совете министров Карелии, постоянно занимаясь проблемами Валаама и Кижей. Тогда яростно ломались копья в спорах, как спасти Преображенскую церковь. В начале 90-х

реставраторы из 22-х стран съехались в Карелию на научную конференцию, но так и не решили, что делать. Однажды остров посетил митрополит Ленинградский Алексей. Аверьянова рискнула поинтересоваться его мнением по поводу вариантов реставрации. Будущий Святейший Патриарх деликатно и дипломатично сказал, что одному Богу ведомо, что сделать для спасения этого дива. Семь лет назад Аверьянова пришла работать в Нижы ученым секретарем, потом заместителем директора, а теперь ей самой доводится в бесконечных хлопотах помогать решению вопроса, ответ на который митрополит оставил за Всевышним.

Реставрация — занятие вообще недешевое, а восстановление уникаума — храма Преображения — и подавно не потерпит скупости. По самым скромным расчетам на это уйдет никак не меньше 100 миллионов рублей. Правда, Президента России Владимира Путина, в августе посетившего Нижы, эта цифра не смутила, а, напротив, показалась заниженной. Он попросил представить необходимые расчеты и предложения и даже поинтересовался у директора, а не разрешат ли ему с топором в руках поучаствовать в уникальной реставрации. Кижане только диву дались, узнав, что Президент к тому еще и плотник четвертого разряда! Для самых филигранных работ на храме такой квалификации может и не доставать, но будут у мастеров задачи и проще.

После такой беседы есть надежда, что отказа в финансировании не будет. Все-таки Нижы у нас одни...

О приезде президента вспоминали на острове многие. Священник отец Николай с трепетом поместил в храм икону XVIII века, подаренную Владимиром Путиным. Для настоятеля Свято-Преображенского прихода минувшее лето воистину выдалось летом необычных встреч. Дело не в ранге островных гостей — здесь стайка школьников в синих курточках, бродящих по нижским лугам, может, оказывается, оставить след в душе, чем-то сравнимый с ощущением от разговора с лидером державы.

— Вижу я этих детей и понять сразу не могу, чем они так мне близки, — расспрашивал отец Николай. — Наконец вспоминаю, это же "Витязи". Когда я школьником в Париже был, сам летом входил в такую дружину. Их можно со снаутами сравнить, но только с православными. Думаю, неужели из Франции сюда занесло? Нет, из Санкт-Петербурга... Такая нечаянная радость, что лучшее из того, что наши соплеменники за рубежом сохранили, в Россию приходит...

Судьба отца Николая удивительна: сын видного парижского священника, закончивший семинарию в Нью-Йорке, вдруг обрел приход в Карелии. Он говорил мне, что и для него самого такое перемещение в пространстве оказалось не просто неожиданным, но и внезапным. Решив как-то навестить коллегу по семинарии, отец Николай приехал к нему в Петрозаводск из Франции, да так и остался, сочтя, что ему суждено служить Господу в этих краях.

Хлопот по исправлению душ в России-матушке и впрямь на

многих и многих добровольцев хватит. Художник Дмитрий Москвин, устроившийся с выводком деревянных статуэток у бревенчатых стен музейного дома, только и успеваешь отвечать забредшим экскурсантам, что леших сегодня нет.

— Всем нечистую силу подавай, — смеясь, говорил он мне. — Предлагаю им лесного божка, диво какое-нибудь побезобиднее, нет же, черта им срочно сделай или демона.

Демонов у Дмитрия вообще-то хоть отбавляй, но торговать он ими не любит. Интерес художника — дохристианские верования обитателей русского Севера. По описаниям этнографов и народным статуэткам, сохранившимся в музейных собраниях, он реконструирует древних онежских идолов, некогда оберегавших очаги онежских рыбаков и крестьян. В Книжи его пригласила дирекция. Здесь любят собирать необычных мастеров, которые, занимаясь любимым делом, понемногу торгуя, попутно разъясняют любопытствующим экскурсантам забытые черточки былой жизни этих островов и вод. Рядом с Москиным обычно трудится над поделками из напа почтенный профессор из Петрозаводска. Интерес к философии народной культуры сочетается с необходимостью зарабатывать на хлеб насущный, ибо на одну только преподавательскую зарплату в наше время живется не слишком счастливо. Увы, эпохи ломаются без нашего согласия и одобрения, так что посетившим мир "в его минуты роковые" нужно и выстоять, и сохранить хоть что-то от бывшего в назидание по-

Деревянные статуэтки Дмитрия Москина.

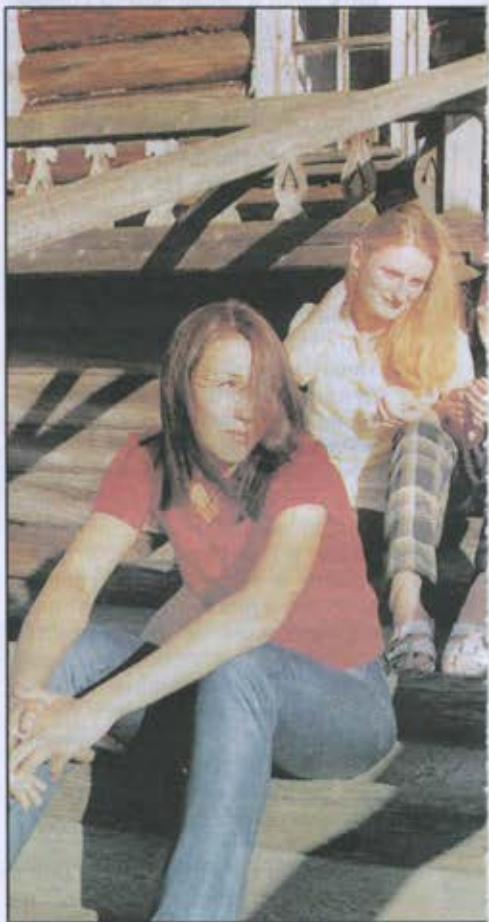
роился в гостиничке на дебаркадере. С той поры много онежских волн расплескалось по берегам, но с приютом на острове лучше не стало. Прежде можно было понадеяться на прием в деревянной избе, но теперь обитаемых домов в островных деревнях почти не сыскать. Крестьянские династии снэзителей, лодочников, землепашцев превратились. Немногие из уцелевших потомков поразъезжались на ма-

томкам, каним бы неожиданным это уходящее ни показалось строгим ревнителям прямоты в убеждениях и поступках.

В Заонежье и поныне легенды ходят про деревенского мельника Ивана Титова, который и после сталинского "великого перелома" исхитрился оставаться единоличником, избегая раскулачивания и неизбежных нар. Молва гласит, что мельник обладал колдовскими способностями и даже чертей заставлял у себя на ветряке трудиться, зерно подносить, крылья к ветру разворачивать да мешки с мукой таскать. Сельсоветчиков, собравшихся навести в деревне порядок по своему революционному разумению, Титов к себе доставил на лодке без паруса и весел, так что незваные визитеры предпочли сбежать без оргвыводов.

Много о чем еще проскрипит старая нижняя мельница, успевай только вслушиваться в пошвиств ветерка, следя за ленивыми облаками и сонным колыханием трав.

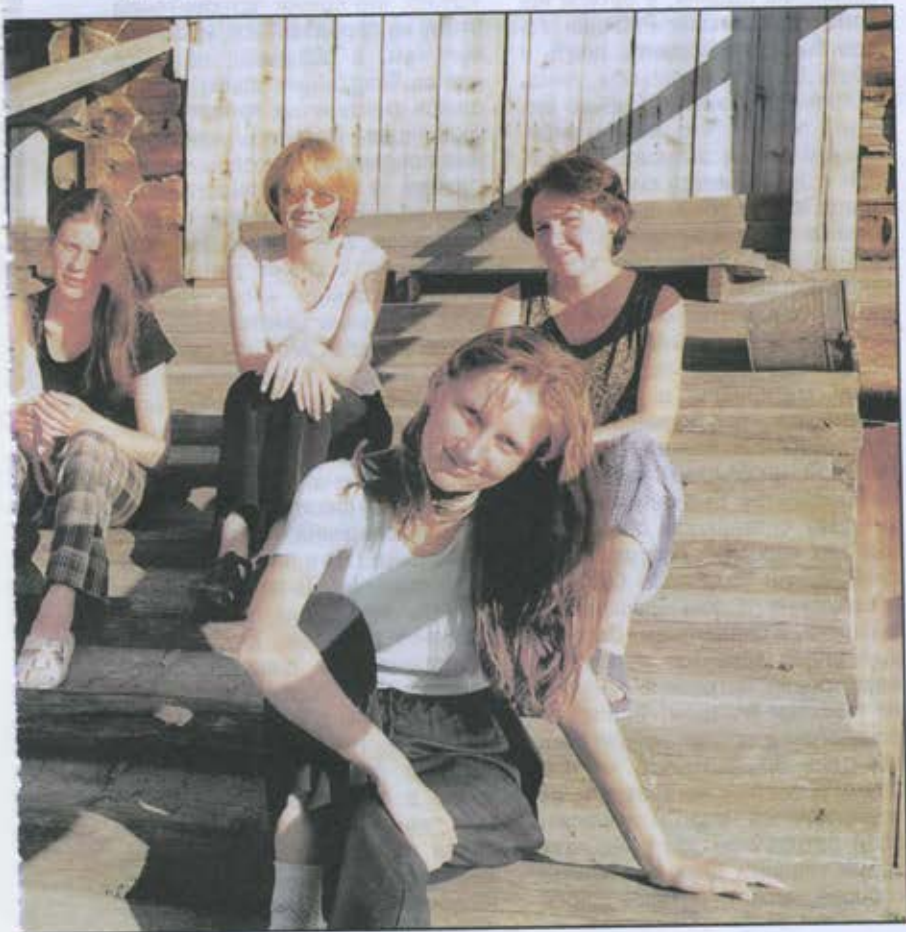
Обидно только, что приобщиться к нижним прелестям непросто. Угодив впервые на остров еще в конце шестидесятых, я без проблем и помех уст-

терик, оставив свои фамилии только в названиях музеефицированных родовых гнезд. Сетовать на это бессмысленно, минувший век плющил судьбы надежней асфальтового натка. Теперь и не представить, что островные храмы строились не для туристов, а для тысяч жителей архипелажной Нижней волости.

Знаменитый фольклорист Александр Гильфердинг, размышлявший в конце XIX столе-

тия над истоками богатейшего народного творчества онежских крестьян, отчеканил свое объяснение талантов северян в ланочничной фразе "Глушь и свобода". Веком раньше о том же самом писал и Гавриил Державин, оставивший занятую характеристику обитателей прионежского городка Лудожа: "Жители ласковы, обходительны и довольно трудолюбивы, но, живя от правительства в отдалении, своеволь-

ны и несколько грубы к ближним начальникам". Чем уж там досаждали пудожцы местной власти в лицах городничего или околоточного надзирателя, нам теперь не дознаться, но во многом другом приятном из нравов онежан сомневаться не приходится. Легендарному сказителю Трофиму Рябинину, с чьих слов были записаны все народные поэмы про Илью Муромца, на рыбалке даже сети вытягивать не приходилось. Ладожские рыбаки, в артели которых подрабатывал Рябинин, готовы были его кормить, поить и работу за него выполнять, лишь бы только сказывал. Сейчас мало кто помнит, что именно рябининский напев записал Мусоргский в дни приезда сказителя в Санкт-Петербург и ввел музыкальные темы нижанина в "Бориса Годунова". Такая вот глушь, такая вот свобода.

Научная сотрудница Нижского музея-заповедника Светлана Воробьева, многие годы собирающая материалы о династиях сказителей, рассказывала мне, что островные Бояны передавали свой необъятный репертуар по наследству. Былинчики по сути дела составляли своеобразный цех народных поэтов. Онежский мужик умудрялся быть одновременно и земледельцем, и рыбаком, и сказителем. Загадочный сплав талантов и обычаев одухотворял островную жизнь с ее вековым укладом. Таким островитянам и впрямь нельзя было обойтись прелестными, но простыми деревянными храмами, им понадобилось еще и украсить свой остров как раз тридцатью тремя главами двух знаменитых соборов, числом, которое с древ-

ности почитается сказочным и былинным...

— Сравните старинные фотографии с послереволюционными, — сказала мне Воробьева, — сразу увидите, что у людей разные лица. Былое достоинство исчезло.

Некогда в Нижках шла простая жизнь, теперь жизнь музейная. Прежде нижане хаживали на заработки в столицы, теперь к ним валит весь мир. Жаль только, что самим островитянам этому не порадоваться, ибо таких там, в общем-то, нет. Это как во Флоренции, давно лишившейся знаменитых правителей и уроженцев. Остались накопленные сокровища и воспоминания. Правда, в городе династии Медичи пожить в гостинице не возбраняется. А в Нижках, увы! Минимальная стоянка длится немногим больше часа. Другим счастливицам удастся погулять с утра до ночи. Мой случай и по-прежнему особый, с разрешения директора удалось провести на острове три дня. Но для большинства гостей это звучит как ненаучная фантастика.

И нельзя сказать, чтобы сотрудницы заповедника чурались любопытных, хотя проблем с ними предостаточно. В планах Нижней затеять несколько гостиниц на соседних островах. Тогда проще будет усмирять "динарей", которые норовят пробраться в запретные зоны с окрестных клочков суши, где уже не редкость частные постоянные дворы. Лазейки в ограде особо любопытным туристам охотно подсказывают за небольшую мзду экипажи теплоходов, изучившие архипелаг назубок. С этими маеты больше

Островной обитатель.

всего, потому что судовые уставы для островного времяпрепровождения команд явно не писаны. Одни норуют искупаться там, где островитяне набирают воду для питья, другие не прочь запалить костер, что по нижским понятиям и подавно страшный грех. Про слабость оставлять в траве поблеснивающую посуду от национальных напитков говорить и подавно не приходится.

— Только змеи и спасают, — сказала мне Аверьянова с улыбкой. — Публика боится наступить ненароком и в траву не идет.

Парочку гадючек я и впрямь увидел на каменной россыпи, посреди заросшего поля. Ненюгда крестьяне собирали по весне камни, которые зимние морозы выталкивали из земли. Змеи и по-

вадилась греться на этих печальных следах угасшего земледелия.

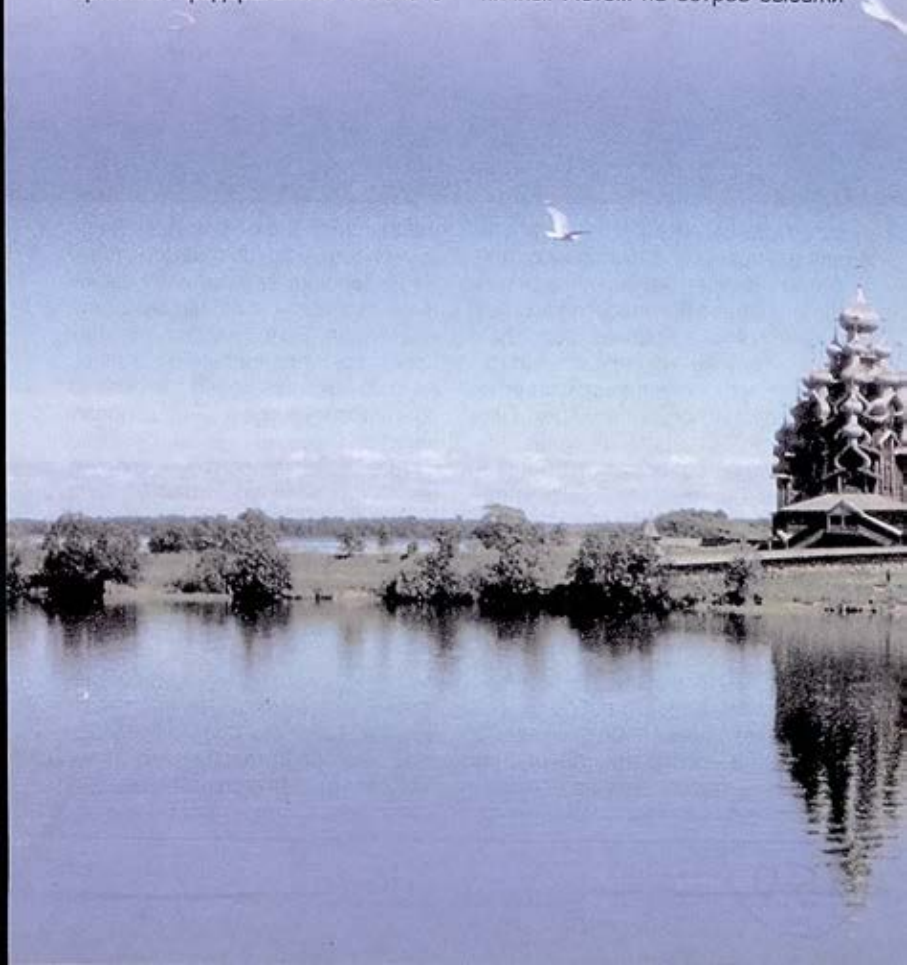
Заброшенные земли способны и на сюрпризы поноварней змеиных унусов. Большинство нижских просторов принадлежит отнюдь не музею-заповеднику, а давно обанкротившемуся береговому колхозу. Существовая в основном на бумаге, разоренное хозяйство тем не менее располагает некоторыми правами на драгоценный уголок Карелии. Вот музейщикам и пришлось заняться землеустройством, взять в штат опытного юриста. Трудно, конечно, поверить, что такую землю кто-то рискнет пустить с молотка, но в нашей истории много чего невероятного бывало. Святость против дуроломства иной раз и бессильна. Стоит припомнить легендарный случай, когда часть территорий, принад-

лежавших русской миссии в Палестине, при Никите Сергеевиче Хрущеве продали, а деньги потратили на покупку израильских мандаринов. Теперь на этой земле полицейский участок, который по привычке кличут русским подворьем. Я не сомневаюсь, что подобных кульбитов в Нинах никто не допустит, но право собственности — понятие серьезное. Как бы не повернулось оно подобно закону из присказки, который народная мудрость уподобила дышлу...

Не случайно же в Нинах, да и не только там ждут не дождутся принятия федерального закона о

музеях-заповедниках. Первое слушание было несколько лет назад, потом Госдума увлеклась другими темами и множество тонностей и нюансов жизни униальных российских жемчужин никак не найдут строгого законодательного оформления. Устроить же гостиницы удастся только тогда, когда музею-заповеднику будет официально дано право такой деятельности. Пока что туризмом он не занимается, вся просветительская активность проходит по раздлу экскурсионных услуг.

А возможности здесь безграничны. Летом на остров высажи-

вается не менее ста тысяч туристов, а вот за зиму всего только 600-700 человек. Это и любители экстремальностей, заехавшие на снегоходах или забредшие на лыжах, а то особо важные персоны, прибывающие по воздуху. Между тем вокруг да около охранной зоны, исчисляемой забавной цифрой в 9 999 гектаров, столько просторов для регулируемой охоты и рыбалки. Да и само счастье добраться зимой на развалинах по заледенелому озеру много может стоить и в прямом смысле, выгодном музею-заповеднику и государству, и в переносном,

сладостном для чувствительных душ.

Лошади в Нинах скоро появятся. Диренция уже ведет переговоры с фирмой из Германии о приобретении двух-трех фазтонов. Остров же отнюдь не мал — добрых семь километров в длину, а зарубежные гости — люди чаще всего весьма пожилые. Пронатиться среди онежских приволий мимо ажурных деревянных прелестей мало кто откажется — под ступ копыт и ржание лошадей мимо мановок, изб да часовен, мимо истории, которая стоит того, чтобы ею гордиться. ■

Александр Грибоедов:

ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ **СМЕР**

*Кому назначено-с,
не миновать судьбы...*

**А. Грибоедов,
"Горе от ума"**

Сергей СМОРОДКИН

Сначала одно личное воспоминание.

Денябрьским вечером в Бухаре я был в гостях у местного ювелира усто Джавахира. Мастеру далеко за восемьдесят. В юности вместе с отцом он работал в золотой дворцовой мастерской эмира. Джавахир многое видел, многое знал, кое о чем рассказывал. В тот вечер вспоминал придворные нравы, хитроумные уловки гаремных красавиц, последнего эмира, бежавшего от Красной Армии в Афганистан с любимой женой и вьюном золота.

— Брошенный гарем выл и вопил так, — вспоминал Джавахир, — будто женщины выпили напиток безумия.

Неожиданно беседа потекла по другому руслу.

Мастер показал мне работу своего младшего сына, отмеченную премией на конкурсе ювелиров в Ташкенте. Брошь была выполнена из нетемнеющего серебра "нукра". К украшенному бирюзой медальону, на продолговатых бусинах, набранных из серебряной зерни, подвешены миниатюрные инструменты для восточного макияжа: ложечка для сурьмы, пинцет, щипчики, еще наклейто атрибуты. Их ручки украшали бирюза и ченанка. В центре ме-

**Сенсационное
расследование
нашего
корреспондента**

ТИ

дальюна рубин редкостного малинового оттенка. Повернул камень к свету и из глубины, из кровавой тьмы выплыла восточная вязь.

— Всевышнему красота угодна, — перевел Днавахир. — Камень старинный. Персидский. Называется "голубиная кровь". — Помолчал. — Наш род из Тебриза. Мы ирони...

Поясню: ирони — так в Бухаре называют выходцев из Ирана. В городе они жили столетиями. Одни переселились по своей воле. Другие попали в плен во время войн или аламанов — разбойничьих набегов на иранские провинции. Особенно ценились ремесленники: ткачи, кузнецы, гончары, ювелиры. И еще мирабы — знатоки воды. По всей Средней Азии ирони славились как искусные ирригаторы. Тысячелетний опыт орошения сухих нагорий Ирана был у них за плечами. Говорят, ирони рождались с гулом воды в крови.

Разглядывая рубин, спросил усто, слышал ли он историю, связанную с бриллиантом "Шах"? Алмаз — цена крови Александра Грибоедова. Адамант был подарен Николаю I персидской искупительной миссией после того, как российское посольство в Тегеране было вырезано фанатиками. Поэт и дипломат Грибоедов несколько лет прожил в Тебризе, где тогда располагались иностранные представительства.

Оттуда Грибоедов — полномочный министр при персидском дворе — везир-и-мухтар — поехал на переговоры с шахом в Тегеран и был убит.

Острым, как бритва, ножом хозяин продолжал нарезать дыню.

Выложил на блюдо медовые, истекающие соном ломти, пододвинул ко мне.

— Грибоед... — сказал усто Днавахир. — Мой прадед в Тебризе знал его. Говорил с ним. Вот как мы с тобой.

"От изумления остается вложить свои пальцы в рот", — так бухарские насмешники передают крайнюю степень удивления. Нечто подобное случилось и со мной. Не только потому, что предок Днавахира знал поэта — мир всегда был достаточно тесен! — но и потому, что имя автора "Горя от ума" прозвучало в Бухаре так же, как полтора с лишним столетия назад на горной дороге, на границе Армении и Грузии, его услышал Пушкин.

Два вола волокли арбу. Всадник в картузе и бурке спросил сопровождающих: "Откуда вы?" — "Из Тегерана". — "Что везете?" — "Грибоеда"...

Грубо сколоченный гроб походил на ящик с фруктами. Он кольхался между двумя мешками с соломой. По траурному персидскому обычаю ни вола, ни лошадь, ни осла, ни верблюда нельзя нагружать одним лишь мертвым телом. Пушкин снял картуз.

"Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! — напишет поэт впоследствии в "Путешествии в Арзрум". — Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия".

Волы удалялись медленно и важно.

...Зачем поехал? Судьба? Но разве может человек знать, какой день для него последний?

Арба скрылась за поворотом. Это было в июне 1829 года¹.

Через полтора столетия старик, худой как кощей, рассказывал мне в Бухаре о том, что случилось в Персии давным-давно, словно это произошло вчера на соседней улице.

— Перед отъездом к шаху Грибоед пришел к моему прадеду и заказал серьги и ожерелье. Для жены. Намни сам выбрал. Индийские изумруды. Заплатил вперед. Зиён-зиён²... Саади говорил: умный не тот, кто хватается за нож. Умный тот, кто, увидев нож, отводит голову в сторону... Грибоеда не убили. Нет! Осенью в Исфохане прадед встретил его. Ехал на богато убранном коне вместе с индийскими купцами.

Видно было, что хозяин устал, рассказывать ему не хочется. Но я вопросительно смотрел на него.

— Гебры!³ Грибоеду помогли гебры. Так говорили...

Собеседник замолчал, все больше уходя в себя. Все-таки он был очень стар. Мне удалось узнать немногое.

...За драгоценностями никто не приходил. Через год или позже тебризский мастер, собравшись

по делам в Тифлис, захватил серьги и ожерелье с собой. Он пришел к княжне Нине Чавчавадзе и передал процальный подарок мужа. Сказал ли ювелир молодой вдове, что встретил Грибоедова в Исфохане, Джавахир не знал. Или не вспомнил.

Вот и все.

Деревянная резная дверь в доме усто Джавахира закрылась за мной. Я возвращался в гостиницу вдоль глиняных стен. Дул ледяной ветер. В городе было сыро и пусто. Даже собачки не лаяли. А на минарете с голубым куполом, где обычно стоял аист, поджав ногу, птицы не было.

Навстречу, на пустыре, мне попался караван. Погонщики сидели между верблюжьими горбами, натянув на головы бараньи тулупы. Двенадцатым днем 1828 года такой же караван встретился полномочному министру Александру Грибоедову, въезжавшему на вороном карабахском жеребце в Тегеран. Над столицей Повелителя Всей Земли, над ее минаретами, мечетями, плоскими крышами нависало низкое зимнее небо. И как и сто, и двести лет назад на мохнатые верблюжьи бона, кружась, падали снежинки.

Столетия проворачивались, словно колеса, делая одни и те же повороты, перемалывающие человеческие жизни. Я шел, размышляя об истории, услышанной от усто Джавахира. Она назвалась совершенно невероятной. Предок ювелира, скорее всего, просто ошибся: принял за Грибоедова кого-то похожего на него.

"Гебры помогли"... Но как последователи Зороастра, фантически загнанные мусульманами в

¹ Современные исследователи полагают, что эта встреча — художественная конструкция Пушкина.

² Несчастье, беда; дурной знак.

³ Так мусульмане Ирана называют зороастрийцев, последователей пророка и основателя древнейшей религии Заратуштра (Зороастра). По одному из преданий он родился в VI в. до н. э. в районе Тебриза. Некоторые ваннейшие дотрины зороастризма заимствованы иудаизмом, христианством, исламом. В современном Иране около 30 тыс. зороастрийцев. В Индии более 200 тыс. парсов — потомков иранских зороастрийцев.

гетто, могли помочь чужеземному везир-и-мухтару? В то январское утро 1829 года русскую миссию у южных тегеранских ворот окружила разъяренная толпа. Ее подогревала ненависть к "неверным" и слух, что в резиденцию доставлена посольская казна — оного десяти тысяч золотых червонцев.

Толпа редела: "Смерть! Смерть!", требуя немедленной выдачи евнуха-армянина, укрывшегося в посольстве. Переметчик служил назначаем и главным хранителем драгоценностей шахского гарема. Он знал многие деликатные тайны Царя Царей и считался его собственностью. Армянин явился к Грибоедову перед самым возвращением миссии в Тебриз и попросил убежища. Отказать — значит нанести урон российскому влиянию в Персии. По Туркманчайскому трактату между двумя государствами, где многие параграфы составлены Грибоедовым, перебежчик, как уроженец земель, отошедших к России, имел право просить защиты русского посла. Кроме того, русские дипломаты были обязаны помочь ему возвратиться на родину в Эривань, откуда юношей был уведен в плен.

Вся эта история — ловушка, поставленная персами и англичанами российскому послу, который выигрывал у них одну дипломатическую партию за другой. Проницательный Грибоедов, несомненно, это понимал, как и то, что с ним торопятся рассчитаться до его отъезда в Тебриз, и что беглец-армянин, возможно, провокатор. Но роковой узел, как известно, затягивается быстрее и туже других.

Было и еще одно: Россия вела очередную войну с Турцией. На войну нужны деньги. Они в Персии, полагали в Петербурге. Десять куруров¹ туманов — двадцать миллионов рублей серебром — дань, наложенная Россией на Персию, проигравшую войну. Нуруры идут медленно, считают в Петербурге. Слишком медленно. Их надо выколотить, выбить. Иначе зачем полномочный министр сидит в Тебризе? Грибоедов докладывал: с частью контрибуции лучше повременить. Страна разорена. Заложены даже золотой шахский трон.

В министерстве иностранных и престранных дел, как называл свое ведомство Грибоедов, резоны не принимают: персы проиграли войну — пусть платят. Никакой отсрочки!

Грибоедову приходилось все туже завинчивать винт. Он это умел. Предки дипломата были думные дьяки: цепкие, упорные, изворотливые, не любящие уступать, тем более проигрывать. Русского посла прозвали в народе "сахт-гир" — крутой, крепко хватающий. За толстыми стенами мечетей, в глубине базаров не первый месяц слышалось: "Русские завладели бородой Шаха. Везир-и-мухтар сидит в сапогах перед Тенью Аллаха на Земле. Кто насыпал пепел на наши головы?!"

Грибоедов знал об этом. Агентурная сеть, налаженная им, работала, как хорошо смазанный механизм. Посол убеждал агентов: персы прежде всего должны бояться России и исполнять то, что велит Государь Николай Павлович.

¹ Персидское название полумиллиона.

...Из дипломатической миссии, прибывшей с Грибоедовым в Тегеран, уцелел только молодой, деловой и проворный чиновник Мальцев. Купил жизнь за двести червонцев, и благонадежные люди спрятали его в коврах. Во всяком случае, так он сам описывал свое чудесное спасение, оправдываясь перед министерством.

Мальцевский вариант спасения для Грибоедова был исключен. Человек чести и долга, чья блестящая холодная храбрость признавалась даже недругами, не мог прятаться среди пыльных ковров, когда за стеной резали товарищей. Вместе с горсткой соотечественников поэт мужественно сражался и разделил их судьбу.

Но так говорил во мне только один человек — рассудительный и недоверчивый, помнивший основную нить тегеранских событий еще со студенческой скамьи. Другой же, горячий и увлекающийся, возражал: семейная память паразитична. Через поколения и границы она проливает свет на то, о чем знать не знает или умалчивает устоявшаяся точка зрения. Взять хотя бы открытие Америки Эриком Рыжым задолго до Колумба или отравление Наполеона англичанами, когда именно "история молчания" — ее темноты, загадки, недосказанности, хранившиеся в родовых хрониках, помогли восстановить подлинный ход вещей. Всем известные факты вдруг повернулись неожиданными гранями, минувшее ожило, стало ближе и понятнее.

Семейное предание, рассказанное бухарским ювелиром, не оставляло меня и в Москве. Первым делом попытался поговорить

с самим Грибоедовым — перечитал его литературное наследие. Оно невелико. Бессмертная комедия, около двух десятков стихотворений, путевые записи, несколько статей, разрозненные заметки и наброски, письма, наконец, казенные деловые бумаги. От личного грибоедовского архива остались какие-то клочки. У поэта, как у Чацкого, постоянно пристанища, своего угла не было: "поехал, переночевал, исчез", и значительная часть бумаг потеряна. Но и во фрагментах нашлось немало интересного.

Потом начал расспрашивать современников поэта, читая их воспоминания. Они противоречиво и дали немного для разгадки кровавой тегеранской трагедии. Все же кое-что любопытное отыскалось и здесь.

Странное дело, чем больше узнавал о Грибоедове, тем менее ясным он становился. Образ мерцал, двоился, ускользал. Цельного представления не складывалось. Поэт и дипломат, лингвист и историк, композитор и энонимист... Но что за человек?

Вот он смотрит на меня сквозь круглые очки с пушкинского рисунка. На голове высокая персидская шапка, едва намеченная стремительным пером. Сухое, строгое, словно ледяной водой sprysнутое, непреклонное лицо. На вытянутых губах музыканта то ли презрительная, то ли горькая усмешка.

Невеселый персонаж.

Не сразу и представишь, что в молодости этот человек с холодным лицом был легкомыслен, пылок, беспечен. Во время мессы в католическом храме сажился за орган и играл то Баха, то "нама-

ринского"; верхом на жеребце въезжал на светский бал к изумлению и испугу дам, досаде и зависти кавалеров; стрелялся на дуэли с декабристом Якубовичем и едва того не убил. В общем, куролесил.

Но к чему вспоминать шалости и промахи молодости? Грибоедов-Персидский — так называют человека с холодным лицом в петербургских и московских салонах. Он *L'homme du jour*¹, заключивший с персиянами мир столь выгодный, что кажется невыполнимым. Обласкан Императором, добился славы, высокого положения, денег. Вращается в атмосфере всяческих великолепий.

Почему же сам Грибоедов считал, что взял не той дорогой, что жизнь не удалась, не вышла? Почему все чаще наваливались припадки тоски и глубокого отчаяния? ("Чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то, или другое у меня впереди".)

Не спасали ни путешествия, ни карты, ни любовные похождения. Люди и дела представлялись мелкими и ничтожными. Славная комедия — искажением грандиозного замысла. Громкий успех именовался шутовством. Даже женитьба на кроткой Нине Чавчавадзе, шестнадцатилетней грузинской красавице, случившаяся в Тифлисе между приступами лихорадки, проездом в Персию, рождала сомнения. Жизнь с "воздушным созданием" казалась то спасением, то виделась темной и неопределенной.

Через несколько недель после венчания Грибоедов признавался

¹ Герой дня.

в письме к давней приятельнице: "Может быть, я и ее оставлю"...

И мрачный итог: "Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется".

Поэту еще далеко до преклонных лет, но так и слышится дребезжащий голос старца, чья жизнь на закате, душа сморщилась, высохла, а сама смерть ожидается как избавление.

Поневоле задумаешься: да верил ли Грибоедов в свой гений? Доставлял ли он ему хоть какую-то радость?

К сорока годам, — точный год рождения до сих пор не установлен¹, Грибоедов "чернее угля выгорел". Кажется, поэт прожил не одну жизнь. Видел войны, смерть, знамена победы; горемычные русские избы и разоренные персидские селения; нелепость, фразерство, трусость друзей-декабристов; измены любимых, доносы, предательство; видел тщеславие, глупость, деспотизм властителей, губивших несчетное количество людей. Понимал: человечность мало кому нужна. Наин снова и снова будет убивать Авеля.

За тысячи верст от Петербурга и Москвы сниталец в восточных краях выпадал из своего поколения. ("До меня известия из России доходят, как лучи от Сириуса, через шесть лет".) Его сверстников будто уже не существовало: кто казнен, убит, умер; объявлен сумасшедшим или впрямь с ума

¹ Возможно, Грибоедов сознательно загултал время своего появления на свет для более быстрой карьеры. Очередной чин можно было получить по достижении определенного возраста. Не исключено также, что путаница с годом рождения кроется в обстоятельствах замужества матери поэта.

съехал; кто на наторге, в ссылке, в крепости или заперся в имении. Их нет. Как нет их споров, завиральных идей, манифестов, программ. А как шумели! И где они? Ничего. Пустота. Вместо них шумят другие. В других фулярах и шляпах, с другими прожентами, уставами и надеждами. И так же сойдут, слиняют. Есть ли он сам? И кто сидит в пестром персидском халате, вытянув длинные ноги в остроносых туфлях, курит нальян и смотрит на звездное персидское небо?

Юпитер — звезда магов, золотой, огромный горит в конце Млечного Пути. Круглый, как запыстье, кипарис. Бассейн в саду налит до краев темной смолой. На плоских крышах, точно обезьяны, снорчились спящие тебризцы. Духота. Длинная безоглядная ночь. Как это у Хафиза...

Если ты людей покинул, и они дали тебе уехать,

Это не ты — они ушли.

Персию Грибоедов не любил. Проклинал ее на разных языках. "Дурацкая земля" — еще не самое жесткое определение. Но ее глиняные города, не помнившие своего рождения; еще более древние руины, основание которых уходило в мифическую тьму, где бродили тени Зороастра, Дария, Александра Македонского; ее мистическая поэзия, где поэты были пророками, а пророки поэтами; ее вычурная обрядность и сладкая лесь, сплетенная с вероломством, жестокостью и приторной вежливостью — все это так или иначе окружало, притягивало, въедалось в него, как въедалась легкая золотистая пыль персидских дорог.

Оставаясь европейцем, Грибоедов все больше проникался духом Востока. Его привлекала древность, фантастичность, таинственность. Время исчезало. В сущности, наной это ничтожный срок — тысяча или две тысячи лет. Вообразить, что жизнь увеличилась в пятьдесят-шестьдесят раз и вот оно — время Зороастра. И разве, разбирая старые персидские и арабские рукописи, ты не живешь во дни Христа или Будды так же, как в XIX веке?

И тут что-то забрезжило. Я уже смотрел на историю, услышанную в Бухаре, словно через матовое стекло: что-то за ним двигалось, мелькало, беспокоило, но все пока неясно, зыбно, размыто. Так же странно, как странны персидские сны Грибоедова.

Со слов поэта известно о двух ночных видениях, связанных с историей создания "Горя от ума".

...На праздничном вечере к Грибоедову подходит приятель и спрашивает, не сочинил ли он что-нибудь нового? — "Охоты нет, ума нет, от всякого писания давно отложился, — отвечал Грибоедов. — Дайте мне обещание, что напишете? — Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Объявляюсь. — Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом... Пробудился... Муэдзин с высоты минара возвещал ранний час молитвы. Ночная стужа развеяла мое беспомыслие; затеплил свечку, сажусь писать, и живо помню мое обещание: во сне дано, наяву исполнится"¹.

¹ Разрядна А.С. Грибоедова.

Беловик письма неизвестному нам адресату не сохранился, но на черновом наброске грибоедовская пометка: "17 ноября 1820, — час пополудни. Тавриз". Стало быть, автор придавал случившемуся откровению особый смысл.

В Тебризе был и другой сон или, скорее, озарение: поэт увидел план "Горя от ума", читал друзьям отрывки из комедии. Проснувшись, той же ночью, в саду, набросал сюжет и несколько сцен. Александр Блок, которого чрезвычайно интересовала судьба Грибоедова, считал "Горе от ума", "увиденное в сне тревожном", трагическим прозрением, равным гоголевскому провиденью в "Мертвых душах". Блок был уверен: оба произведения не выдуманы — восприняты. От кого? От Того, Кто Альфа и Омега, Кто посылает в мир пророков-поэтов. Они приходят в мир неузнанными и свое предназначение понимают не сразу. Это их мучает, жнет, ибо "пожирает свое сердце глупец, сидящий праздно". Великий мученик и великий счастливец такой посланник. С ненасытной жадностью приемлет он сначала этот мир, а затем с неменьшей страстностью клянет и обличает его грехи и слабости, передавая свои мысли и чувства с такой точностью, силой и красотой, которые могут противостоять злу.

Похоже, нечто подобное происходило в душе Грибоедова. На Востоке он утвердился в мысли, что рожден для другого поприща. Какое? У поэта было достаточно опыта и хладнокровия, чтобы до поры до времени скрывать истинные мысли и настроения. По восточной поговорке: сокровенную песню громко не поют. Но однаж-

ды, в минуту откровенности, признался Бегичеву, задушевному другу с юности, что собирается "явиться в Персию пророком, сделать там совершенное преобразование". Бегичев улыбнулся: "Бред поэта"... — "Ты смеешься, — возразил Грибоедов, — но ты не имеешь понятия о восприимчивости и пламенном воображении азиатцев! Магомет¹ успел, отчего же я не успею?" И тут он заговорил таким вдохновенным языком, что я начал верить возможности осуществить эту мысль².

Намерение Грибоедова и сегодня может вызвать скептическую улыбку. Но представляем ли мы истинный масштаб его личности? Наполеон, Декарт — вот "калибр" личности Грибоедова в оценке другого гения — Пушкина. Тут не поспоришь.

Не случайно упоминание Бегичева о "вдохновенном языке". Поэт обладал удивительной, почти невероятной способностью привлечь к себе людей, заставлять их любить себя, по сути дела, очаровывать.

Представьте: вас подозревают в государственном преступлении, арестовывают, доставляют в тюрьму. Вместе с вами передают тюремному начальству опечатанный пакет с бумагами, изъятыми при обыске. И вот вы, арестант, у следователя на глазах забираете с его стола пакет с компрометирующими вас материалами. Мало того, находите способ передать пакет на волю, доверясь совершенно незнакомому человеку. Невозможно? И тем не менее, все это

¹ Мухаммед (Магомет) — ок. 570-632 г., религиозный проповедник и политический деятель, основатель ислама.

совершил Грибоедов, доставленный фельдъегерем из крепости Грозной в Петербург, в Тайный Комитет, созданный Николаем I для изыскания соучастников событий 14 декабря 1825 года.

Грибоедов, выйдя из заключения, когда речь зашла о вольте с бумагами, пожал плечами: *"Если бы я велел им бежать с собой, — сказал он, имея в виду охрану, — они бы бежали"*.

Для своего ума и воли Грибоедов препятствий не видел. Жил и поступал так, как писал: свободно, отважно, дерзко. Но ни глубокий, острый ум, ни беспощадная воля не могут заменить высокого вдохновение. После "Горя от ума" с поэтом случилось необъяснимое: его поразила немота. Он не мог создать не только что-то равное комедии, но даже приблизиться к ее уровню. Легкое перо словно омертвело, мысль не попадала в слово. За редким исключением все, что написано после "Горя", холодно, заурядно. Нет ни блеска, ни силы, не хватает за сердце, не волнует ум.

Творческое оскудение ставило в тупик самого Грибоедова: *"У меня с избытком найдется что сказать — за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!"* Почему это произошло? В чем причина? Не одно поколение литературоведов вывихнуло мозги, спотыкаясь на этой тайне Грибоедова. Одни утверждали: на создание комедии ушло столько сил, что это опустошило душу и сочинитель надорвался. Другие склонялись к мысли: Грибоедов — литературный однодум, автор одной книги, как Сервантес или Данте. Третьи видели истоки не-

моты в уме поэта, ибо "во многих мудрости много печали и кто умножает познания — умножает скорбь". Одним словом, ум съел талант.

Загадка так и осталась загадкой: с чего начали, тем и закончили. Тонкий знаток литературы Борис Эйхенбаум подвел черту: тайна Грибоедова научными методами вряд ли разрешима. И, в общем, был прав. Чтобы шагнуть дальше, нужно провидеть нечто такое, что сначала было неясно и самому поэту. Ведь речь шла не столько о явной, сколько о внутренней, "подпольной" жизни.

Как человек умный, Грибоедов имел смелость посмотреть на себя со стороны и после тяжких раздумий и колебаний пришел к выводу: поэзия — не его путь. Надо круто менять жизнь. *"Лишение надежды — есть тоже покой... Люди созданы, чтобы владеть судьбой"*, — с научной точностью записал Грибоедов.

Что же делать дальше свободному человеку, "пламенному мечтателю в краю вечных снегов", для души которого нет и не может быть ничего чужого: "она страдает болезнью ближнего, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии?" Грибоедов все чаще задумывается о "побеге". В незавершенных поэтических отрывках намечена тема бегства изгоняемого пророка, его аскетическая жизнь в другой стране. Это предвестие очень важной для России темы "ухода", получившей воплощение в самой русской жизни: от легенды о старце Федоре Кузьмиче, якобы императоре Александре I, "ушедшем" в Сибирь, до поразившего мир ухода Льва Толстого из Ясной Поляны.

Мысли Грибоедова о "бегстве" поразительно созвучны раздумьям Пушкина в конце его жизни: "Давно, усталый раб, замыслил я побег"... Пушкин мечтал о жизни в деревне, подавал прошение о поезде за границу. Грибоедов то пытался создать собственную заграницу, найти убежище в несуществующем государстве, то рисовал себе завидную долю и покой в поместье жены — Цинондалы: любовь, семья, книги, труды философские.

Подозревал ли поэт в минуту ясного, а потому жуткого сознания, что круг его жизни замыкается? Видимо, да, если судить по следующим строкам: "...И что мне в чудесах и в заклинаниях напрасных! Нет друга на земле и в небесах, ни в Боге помощи, ни в Аде для несчастных".

Вам не кажется, что это звучит как запись, которую оставляют близким перед тем, как уйти из жизни.

О жизни Грибоедова в Тебризе известно крайне мало. Она проходила за сценой да еще при опущенном занавесе. "Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла никакая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки с турнами, — писал Грибоедов. — Друзей не имею никого и не хочу"... Тем не менее, считается, что поэт дружил с английским посланником, если можно назвать дружкой общение двух дипломатов, чьи державы соперничали за влияние в Персии. Уезжая в Тегеран, именно этой английской семье поручил Грибоедов заботу о жене, ожидавшей ребенка.

Иностранная колония в городе была небольшой и пестрой: на од-

ном из раутов присутствовало 26 гостей тринадцати национальностей. Один из гостей, австриец, близкий к английскому послу, после возвращения на родину опубликовал записки о персидской жизни. О гибели русских дипломатов в Тегеране он пишет вскользь, распространяя версию английских резидентов: происшествие прискорбное, но в нем виноваты азиатский фанатизм и сами погибшие.

Записки написаны по устоявшемуся трафарету книг о Востоке и малоинтересны, если бы не одна особенность: автор сравнительно много места уделяет своему знакомству с мобедами — зороастрийскими жрецами-магами. Пишет о них с симпатией: люди они великодушные, обладающие тайным знанием, неутомимые труженики, уверенные, что добрыми делами можно искоренить любое зло. Добро победит, если следовать трем заповедям: благие мысли, благие слова, благие дела.

Автор утверждал, что был свидетелем чудес, которые совершали мобеда. Один из них собирал растеншуюся воду; другой сидел под проливным дождем и на него не упала ни одна капля. Австриец заметил, что христианские апостолы творили и большие чудеса. Например, ходили по водам. На что маг невозмутимо парировал: если бы апостолы более преуспели в истинном знании, то ходили бы по воздуху.

Интерес к восточной мистике понятен. Персия была страной не только всевластных шахов, раем обетованным для торговцев, но родиной Зороастра, считавшимся одним из духовных отцов европейских масонов. Грибо-

едов состоял в двух масонских ложах в Петербурге. В списке ложи "Соединенные Друзья" его имя значилось рядом с именем Чаадаева.

Вполне вероятно, что в Тебризе или во время поездок по Персии поэт мог познакомиться с мобедами. Но в дошедших до нас грибоедовских бумагах прямых доказательств этому нет. А наоценка доказательств косвенным, даже выстроенным в определенную систему, сканет любой юрист.

Не исключено, что в бумагах разгромленной в Тегеране российской миссии — они были до клочка, до лоскутка скрупулезно собраны и доставлены шаху, — скрыто нечто такое, что могло бы пролить свет на отношения Грибоедова и зороастрийцев. А если Грибоедов действительно был знаком с мобедами, рассуждал я, то в памяти зороастрийцев могли остаться какие-то отголоски такого знакомства.

И следы отыскались.

В Париже вышла книга "Маздеизм. Современные исследования Зороастра". В ней приведен рассказ священнослужителя-зороастрийца, нашего современника, записанный русским литератором Юрием Терапиано. Впервые прочитав запись этого рассказа, я был буквально ошеломлен. Настолько он ясен, четок и независим от всего, что знаем мы о поэте.

Вот что рассказал зороастриец писателю:

"Еще во время своего первого приезда в Персию Грибоедов обратил на себя наше внимание. Он был человеком исключительно одаренным в духовной области. У

него было то, что мы называем фарн — божественная благодать. Во что бы то ни стало Грибоедов должен был пойти этим путем. У себя на родине он уже принадлежал к духовному братству, но у вас люди редко доходят до "Ночной Цели" в своих исканиях.

Грибоедов был одним из тех людей, для которых связанными внешними обстоятельствами не могла явиться препятствием; он легко бы нашел в себе силы порвать со всем, если бы не одно обстоятельство. Грибоедов был связан внутренне: он хотел писать, хотел выразить то, что ему часто не удавалось. Блестяще образованный, тонкий и умный человек, он не был по настоящему одарен в той области, в которой ему этого хотелось.

Но у нас есть свои способы: при помощи некоторых средств можно на время вызвать в человеке искусственную гениальность. Одно нельзя сделать — удержать это состояние навсегда..."

Прервав рассказ священнослужителя.

Одно из ритуальных средств, вызывающих "искусственную гениальность" — божественная хаома: эликсир бессмертия, царь всех лекарств, бальзам поэтов. "Как наездник погоняет лошадь, — говорит в одной из священных книг, — так хаома возбуждает песню". Современные исследования подтвердили: золотистая хаома, приготовленная из *Salvia Persepolitana*, растения, встречающегося только в Персии, укрепляет сознание, стимулирует ассоциативно-образное восприятие мира.

Теперь снова вернемся к рассказу зороастрийца.

“...Грибоедов дал согласие на такой опыт и видел во сне план своей будущей комедии, которая стала знаменитой в России. Но, написав ее, он окончательно исчерпал себя как писатель и больше не мог создать ничего такого же замечательного. Несколько лет он еще колебался, но, наконец, понял свой Путь. Даже любовь к жене его больше не удерживала. Он порвал цепи и под другим именем долго еще жил в нашей стране, никем не тревожимый...”

Что касается тегеранского мятежа, то о нем знали заранее и все было подготовлено. Поэт храбро сражался, был ранен, потерял сознание. В Персии, как вы знаете, легко осуществлять такие вещи, как подмена трупа. Изрубленное и нарочно изуродованное тело “опознали” потом по искалеченной руке.

Дальше эта история для вас уже не имеет интереса...”

Что можно добавить к сенсационному рассказу, всплывшему со страниц книги, изданной в Париже? Легенда ли это? Или, впрямь, все так и произошло в действительности? Вопрос Пилата: **что есть истина?** — вечный, самый трудный вопрос.

И все-таки, как мне видится, именно зороастрийцы сумели нащупать и ухватиться за самое главное в личности Грибоедова: он был свободный человек и свободно выбирал добро, зло, красоту.

И еще. Не догадывалась ли Нина Чавчавадзе, что муж вовсе не погиб в Тегеране? Не этим ли объясняется, в частности, поражающее современников упорное нежелание красавицы-княжны связать судьбу с одним из многочисленных претендентов на ее руку?..

Чей же прах покоится на Мтацминде? Было ли действительно найдено тело Грибоедова? Персы утверждали, что останки дипломата опознали по скрюченному мизинцу левой руки — память о дуэли с Якубовичем. Но почему тело перед отправкой в Тифлис не забальзамировали? Для Персии это было обычной практикой. Мало того, содержимое ящика залили смолой. Русский падишах требует выдачи тела своего везир-и-мухтара — тело “находят”. Очевидцы, присутствовавшие в Джелал-Оглинском карантине при вскрытии гроба, доставленного из Персии, никого опознать не смогли. Перед ними было одно лишь хозяйство нагой и наглой смерти.

Все позади: любовь, слава, словесность русская, государство. Он полно и честно рассчитался с жизнью и с самим собой, абсолютно свободен и ничем не обременен. Если после Тегерана Грибоедов на самом деле начал **СВОЙ ПУТЬ — ПУТЬ ПРАВЕДНИКА**, где ум становится высшей мудростью, а праведность — вершиной духа, то какая это высокая, трудная и завидная судьба?! ■

Татьяна СМЕРТИНА

* * *

*Вчера, приблизив древнее, бывшее,
Легко исчезла в комнате своей.
Я по дворцу брела, там всё иное...
Выходит вдруг из комнаты Кощей!*

*Костляво пальцы тонут в бриллиантах,
Рубины тёмной кровью запеклись.
И так сверкает золотом палата,
Что даже страшно глянуть и пройтись.*

*И я — была в старинном, бусы висли,
Очелье — в жемчугах. Не сгинуть прочь!
В бровях Кощей лютовали рыси,
В глазницах пела гробовая ночь.*

*Я побледнела и закрылась локтем,
Мелькнула мысль: теперь подлее жизнь,
Из-за богатства повенчаться с гробом
Сегодня бы — охотницы нашлись!*

*Но как же сказка? Я отлично помню:
Иголка в яйце, в иголке — смерть.
А он — живой, у мраморной колонны
Стоит блистая, борода — что сеть.*

*Сказал мне хрипло:
"Призраком беспечным
Зачем явилась? Я устал от див.
Один я знаю тайну Жизни Вечной,
Вам всем — погибель, ну а я — всё жив!"*

*И я исчезла, тая и бледнея.
Бог знает, для чего текут года!
Бессмертье — ужас? Как судьба Кощей?
Иль плотский плен, навеки, навсегда...*

* * *

*Окатный жемчуг, розовый, речной,
Русалочьим дыханьем замолила,
Прополоскала млечною росой
И под подушкой семь ночей таила.*

*Потом вонзила в смоль своих волос
И по лугам бродила средь тумана.
И мне пригрезился жемчужный гость,
Легко жемчужная открылась тайна.*

*И я плыла в прозрачной пустоте
Изгибами жемчужными белея...*

Я пленница жемчужины, а те,
Что в черных волосах зовут бледнея,
Вам будут сниться, словно вербный шелк,
Который позабыть никто не смог.

* * *

Земная жизнь так много значит,
Что в мглах Небесного ковша,
Земную вспомнив боль, заплачет
Моя жемчужная душа.

Но не вернуть средь бездны звездной
Земного плача благодать:
Как тяжело рыдать бесслѣзно,
Молчаньем вечности кричать.

Лишь пошатну свечное пламя
Из мрачной двери сквозняком.
Или мелькну вдали огнями
Над полем в мареве седом.

* * *

И Люцифер, и революция —
Таят единый корень зла.
А что такое — эволюция,
Она черна или бела?

И это “лю” такое странное —
Навеки врезано в Любовь!
И кто мы — люди? Тьма обманная?
Иль бранный свет, где плоть и кровь?

Господь отгадку скрыл таинственно
В едином корне разных слов...
И мы твердим ее бессмысленно,
Храним, несем сквозь вихрь веков.

И вдруг, как молния в сознании,
Среди дождей, забот мирских, —
Беру перо: о мироздании
Вам создаю прозрачный стих.

Душа дрожит и лунно мечется:
Так тьма иль свет в том слове “лю”?
Просвет в Иное в нем мерещится,
И жизни смысл — душой ловлю...

* * *

Не могу весною — без венков,
Без туманных елей и болот!

Там, среди дремучих темных мхов,
Есть цветок, что для меня цветет.

Бледной зеленью бутон пронзен
И такой воздушной чистотой,
Что пред ним впадаю в лунный сон,
И сама пронзаюсь красотой.

И колена тонко-белый нимб —
Пред цветком! И травяная тьма.
Вдруг роса — ее никто не шиб! —
Так сверкнет, что я сойду с ума.

Дух болотный стоном изойдет,
И знакомая проснется рысь.
А цветок сквозь душу прорастет
И уйдет в неведомую высь.

А потом сиянье высоты
Будет молнии швырять в глуши.
Я же тонко — в бледные листы! —
Буду прятать молнии души.

* * *

Средь людей и туманов столетних
Тихий странник бредет с рюкзаком.
В бороде его — звезды и ветер.
А в душе — то затишье, то гром...

Ишь, задумал шататься по свету!
В книгу Гиннеса жаждет попасть?
Иль рехнулся и памяти нету?
Иль бастует, чтоб видела власть?

Вот прилег у дрожащей осины,
Потрапезничал жалким пайком.
Долго слушал рычанье машины
И смотрел на базарный содом.

Подошел к нему странный ребенок:
— Дядька, дай закурить! — попросил.
— Бедный ангел, сгоришь, что курёнок;
Крылья белые кто отрубил? —

Засмеялись в толпе! А мальчонка
Хохоча побежал в магазин.
Что кровит на спине рубашонка,
Только странник и видел один.

Михаил Подгородников

Добровольно

Первое мимолетное впечатление: рослый, ладно скроенный человек с легкой пружинистой походной — он двигался стремительно, будто летел, приподнятый наной-то мыслью. Это были 70-е годы, время энтологического протрезвления — азартных обсуждений, конференций, семинаров. Протестующий дух мог иметь только такую летящую походку.

Другое впечатление 80-х годов: он на трибуне — мрачное лицо, речь напряженно-тревожная. В ней — удручающая картина энтологических бедствий. Притихший зал слушает заворуженно. Многим понятна затаенная горечь в словах докладчика: недавно у Яблокова умерла от рака жена.

Лет через десять я спросил его об этом впечатлении — в тогдашней речи слышалось что-то личное. Он подтвердил: да, так оно и было. От рака гибли многие близкие ему люди.

— Это кара нам. За то, что мы допустили.

Личной для него стала и судьба нитов, о которых написана диссертация. Были экспедиции по миру, наблюдения за морскими вели-

канами. Ниты — гордость океана, его хозяева, и тем страшнее их вымирание. Тем отчаяннее растерянность людей на побережьях: ниты выбрасывались на берег, и люди бессильно пытались вернуть их океану. Тем загадочнее их гибель, тем болезненнее отгадка: в чреве нитов обнаруживали отраву, губительные вещества, которыми невесть за что наградила их земная цивилизация.

И вот тогда Алексею Владимировичу Яблокову надолго пришлось перестать любоваться морскими красавцами и заняться тем, что находилось в их чреве. Начались широкие всеохватные исследования: что же губит живые организмы — от нитов до дождевых червей. Он приковал себя к проблеме, к компьютеру — информационной галереи наших дней. Вместе с известным профессором-химиком Львом Александровичем Федоровым он перерыл горы материалов: сообщения международных организаций, данные закрытых отечественных диссертаций, медицины, энтологических союзов. Объединенными усилиями они выпустили в свет мощный энциклопедический труд "Пестициды" — тонический удар по

прикованный

биосфере и человеку", книгу с беспощадной оценкой химизации сельского хозяйства, о которой победоносно вещала нам когда-то КПСС и которая сильно подняла кривую онкологических заболеваний. Бог мой, если бы эта энциклопедия ядов появилась в 70-х годах! Это был бы атомный взрыв. Подобный эффект произвела в США в 1962 г. книга Р. Карсон "Безмолвная весна" — о страшных последствиях применения пестицидов. Смерть Р. Карсон от рака в возрасте 57 лет через два года после публикации "Безмолвной весны" словно подтвердила трагический смысл ее труда.

Секретный перевод "Безмолвной весны" был прочитан тогдашней кремлевской верхушкой, но она не посчитала нужным обсуждать ее публично. Да и зачем? На ее номенклатурный стол поступали продукты, свободные от химии. Не учла, правда, эта самая верхушка важного обстоятельства: безграничности загрязнений. Они попадают вместе с рыбой и мясом по биологическим цепочкам даже к эскимосам Канады. Они проникают даже в зерно риса, хотя наши благодушные аграрные ученые когда-то заверяли нас в непреодолимости биологических барьеров. Но нет, увы, непреодолимости. Есть всепроникающие остатки гербицидов, которые привели к росту раковых заболеваний в Краснодарском крае, там, где больше всего выращивают рис.

В лагере поклонников химии книгу "Пестициды — токсический удар..." встретили более чем прохладно. Такое непонимание достоинств благородных ядов-тружеников! Яблоков ослабляет народное

хозяйство! Яблоков отдаст поля на растерзание саранче!

Химики лунали. Они знали еще тридцать лет назад, какое зло они сотворили, когда благословили ДДТ — "ошибку цивилизации". Но корпоративные интересы превыше всего. Их лидер Н.Н. Мельников в 1971 году благодушно, ласково, с ощущением своей руководящей силы рассказывал мне о благотельности ДДТ. Как успокаивающе журчали тогда слова маститого ученого. Как приятно было слушать его! И как неприятны были мрачноватые речи Яблокова, его беспощадные оценки. Ну, право, злой человек! Он намерен испортить нам безмятежное чаепитие с чистыми продуктами.

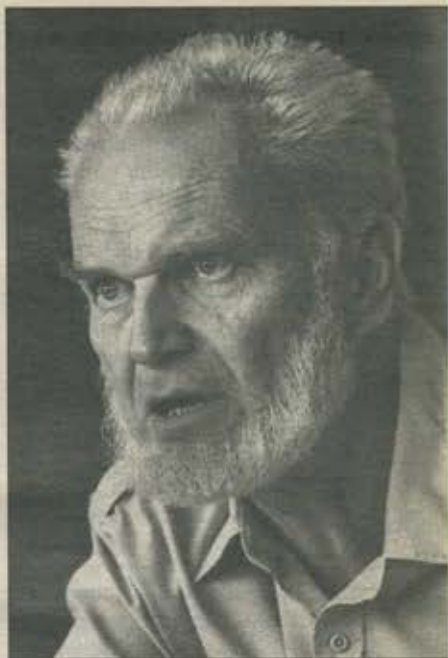
Вот тогда у обывателя и родилось привычное определение "американский шпион", "сумасшедший"! Яблоков терпит, старается не замечать выкриков, идет в лес для успокоения. Но выкрики множатся и достигают своего предела. Тогда он делает ответный шаг — подает в суд для защиты чести и достоинства. Так было с Минатомом, который обрушил на Яблокова сильнейшее обвинение чуть ли не в измене родине — он посмел рассказать, не стесняясь, о советском секретном оружии, малогабаритных ядерных чемоданчиках! Язык обвинений был соответственным: "удавшийся фокус г-на Яблокова", "эколога понесло", "науськивал". "Г-н Яблоков выдал государственные тайны конгрессменам США — амбициозный ученый, неудачник, клеветник". Суд признал сведения, порочащие ученого, не соответствующими действительности.

— У вас много врагов? — спросил я его недавно.

— Черт его знает, как назвать, — с досадой морщится он. — Но многим из них я отношусь с достаточным уважением. Просто я часто мешаю кому-то. Иногда получаю в ответ не брань, а нечто посерьезнее. В Насимове одна предпринимательница решила построить завод по переработке военного электронного лома — там содержатся платина, золото, серебро. Местные активисты экологической организации "Хранители радуги" выступили против проекта, доказав, что заключение экспертизы некомпетентно — в частности, не указано на опасность выбросов диоксида. Райсуд отменил решение экспертизы как неграмотное. Мы поддержали действия "Хранителей радуги". И вот хулиганы на огромной скорости протаранили мою машину, хотели сбросить с обрыва. Мы чудом спаслись. Увы — мешаю дельцам, мешаю энергетикам, мешаю аграриям.

Экология требует открытого внятного разговора. Когда Яблонова упрекали в резности, нетерпимости, он как-то ответил: "Я-то могу уступить, природа не уступит".

Он знает за собой недостаток — малую дипломатичность, привычку рубить с плеча. Еще в школьные годы он бросил учителю биологии — "сволочь" за то, что тот славил Лысенко и его учение. Он был наказан незамедлительно: его лишили серебряной медали. В студенчестве, при приеме в партию, его спросили, кого он считает идеалом человека, ожидая услышать в ответ "Ленин". Он про-

изнес другое имя — "Шмальгаузен" (советский ученый-генетик, менделист).

Странно, но именно биологический факультет МГУ, который он окончил, дал многих общественных деятелей демократического склада — В. Буновского, С. Новалева, Н. Медведева. Может быть, тут сработывал закон "обратного эффекта". Лысенковщина, ее ложь и вероломство, нестерпима в научной сфере. Ее не украсишь фальшивыми словами, как это случалось в те годы на гуманитарных факультетах. В среде несогласия и сопротивления формировался и Алексей Яблонов. Не случайно перестройка вытолкнула его в первые ряды демократического движения, его избрали народным депутатом. Он заверял избирателей: "Брошу науку. Буду

заниматься только тем, ради чего вы избрали меня". Так и случилось. Последующие штормовые события еще жестче подчинили своей логике, политическая волна понесла его дальше и прибила к российскому берегу, в стан Ельцина.

Август 1991 года резко изменил жизнь. Яблоков — советник президента по экологическим проблемам. Высокая политика, доверительные близкие отношения с президентом, возможность сделать что-то реальное для страны. Но радость скоро меркнет. Он — странная фигура среди скороспелых политиков. Он занят вечными вопросами, глобальными угрозами. Они озабочены тем, как устроить и устроиться. Он ловит министров в кабинетах, в коридорах, энергично объясняет им, как это важно — чистые вода, воздух, земля. Они вежливо слушают, смотрят вяло и соображают привычно: "Что он мне про экологию толкует? А где это Яблоков меня кидает? Где он меня обходит?" Наважнейший вопрос, который обычно мучает чиновника.

Впрочем, было не только ощущение политической мути, но и отчетливое понимание цепкости, неуступчивости чиновничьего аппарата. Дважды удалось отбить атаку Минобороны и ФСБ на Госатомнадзор. Когда Яблоков перестал быть советником президента, эти ведомства добились своего. Госатомнадзор потерял право контроля за военными объектами.

Там, в Кремле, Яблоков в полной мере осознал, как несладок чиновничий хлеб. Можно, конечно, упрощать ежедневный выбор: послушно выполнять указания,

ничего не заострять, пропускать осложнения мимо сознания, усреднять, облегчать, сбавлять. Но тогда потеряешь уважение к себе. В разгар парламентских слушаний об уничтожении химического оружия к нему в Кремль явился химик Л. Федоров, президент "Союза за химическую безопасность", и заявил: "Вы неправильно ведете обсуждение. Главный вопрос — не уничтожение современного оружия, а избавление от последствий уже уничтоженного старого оружия. Вот где беда... Армия прошлась по всей стране, перепахала землю, уничтожала, зарывала бомбы, емкости. Загрязнены громадные территории. Вот где главное зло. Если мы не скажем об этом, то не скажет никто. Мы знаем о 40 тысячах тонн химического оружия. Но произведено за 70 лет в два-три раза больше. Где оно?" Яблокову стало не по себе. Он мог бы сказать — это не наша забота, мы не отвечаем за предшественников. Но, к чести его, он так не сказал. Да, Федоров прав, и слушания были повернуты в нужном направлении. Чиновник услышал голос общественности. Мало того, он помог изданию книги Л. Федорова "Необъявленная химическая война" (о химическом оружии, об ответственности армии за иснащенные территории). Очень неприятная книга, вынесен сор из избы, считает аппарат. Жалобы из Минобороны на Яблокова идут к президенту. Трения усиливаются. Яблоков подает президенту прошение об отставке. Молчание. Подает еще и еще раз — никакого отклика. Тогда ученый покидает Кремль, как говорится, без спросу.

Теперь он полностью сосредотачивается на работе в Центре экологической политики России — без льгот и привилегий, с одним несомненным правом: "Волка ноги кормят". Штат Центра — четыре человека, договора с городами, предприятиями, помощь различных фондов.

Но свобода — не награда, скорее, суровый долг. Ежедневно, ежедневно надо напоминать стоящим у кормила: страна ослаблена, люди ослаблены — не только духовно, психологически, экономически, но и чисто физически. Популяция россиян сдала, среда не здорова. Чиновники вежливо соглашались: "Да, есть проблема. Глобальная проблема". Они любят эти слова, широкие, необязательные — глобальный, компьютеризация, нестабильность, виртуальность, консенсус. Любят все, что накрывает проблему расплывчатым туманным смыслом, что избавляет их от конкретных действий.

Их язык заразителен, используем его и мы — страна поражена химизацией, радиацией. Две грозные опасности, в корне отрицающие жизнь. Можно ли усиливать эти угрозы, ввозя из-за рубежа отработанное ядерное топливо? Академик Ю.Б. Харитон, один из создателей советской атомной бомбы, на склоне лет говорил: "Я уже не уверен, что человечество созрело до владения этой энергией. Я осознаю нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, нанесенным природе нашего дома — Земли".

Благонамеренные депутаты, замороженные 20 миллиардами долларов, принимают Закон о ввозе отработанного ядерного топли-

ва. Дума благословляет токсический и радиационный удар по народу, пережившему Чернобыль, взрыв на челябинском "Маяке", многочисленные атомные испытания, соседство с отравленными полигонами. "Спросите у народа", — зывали российские газеты сто лет назад. Этот призыв не устарел и сегодня.

И все-таки Центр экологической политики, возглавляемый Алексеем Яблоновым, добился того, что сама природа рассказывает нам о своих бедах строгим геометрическим языком.

Если бы мы в 70-х годах знали о потрясающем биологическом факте — гибели мышей-полевков вокруг Байнальского целлюлозно-бумажного комбината! У всех погибших мышей обнаружена черепная асимметрия. Факт, который по сути мог бы стать окончательным приговором комбинату. Несовместимость БЦБК с живыми организмами налицо.

Флуктуирующая асимметрия — признак беды. Загрязнения вызывают в живом организме конструктивные нарушения — в скелетах мышей, рыб, метаморфозы у насекомых, искривления деревьев и др. Совершенно конкретный показатель, определитель, тест с более убедительным языком, чем известные ПДК и ПДВ. Метод, разработанный В.М. Захаровым, учеником Яблонова, уже живет и успешно действует — в Воронежской области, в Нижнем Новгороде, в Калуге, Томске, на Байнале.

Пришло время знания. Оно, конечно, с горьким привкусом. Как хочется, чтобы у чернобыльской беды не было длинного

шлейфа. А он есть, и течение десятилетий его не уменьшает. Он расплодился по миру, по нашим головам, желудкам, нервам, наследственному аппарату. Официальные службы (в том числе и МАГАТЭ) нас успокаивают, что потери незначительны, болезни невелики, а дальше вообще сияют светлые горизонты. "Вранье", — говорит Яблоков и издает книгу "Миф о незначительности последствий Чернобыльской катастрофы".

Если эта книга верна на 50 процентов, то этого достаточно, чтобы осознать гибельность происшедшего. Но она верна на 99 процентов (один процент — предположения). Радужные горизонты, которые рисует МАГАТЭ и наш родной Минатом, явно туснеют.

Может быть, кого-то утешит факт, обнаруженный в белорусских деревнях, на которые осело чернобыльское облако: у семидесятилетних старушек появилось молоко в грудях. Но тем, кто хотя бы только улыбнулся, напомним другой факт: у девочек в загрязненных районах Белоруссии обнаружено развитие многих мужских признаков, произошел гормональный дисбаланс.

— Трудно, наверное, жить с таким знанием, — говорю я Алексею Владимировичу.

— А без него и вообще невозможно, — отвечает он.

Президент АН СССР А.П. Александров и министр среднего машиностроения Е.П. Славский спустя несколько дней после чернобыльского взрыва говорили: "Ничего страшного. Надо крепко выпить, хорошо закусить и выспаться. И все как рукой снимет".

Многие высшие чиновники так и поступили: хорошо выпили, закусили — и успокоились. А.П. Александров все-таки остался честным интеллигентным человеком — впоследствии он заявил, что несет ответственность за Чернобыль, виновен в случившемся. Кто еще набрался мужества?

Похоже, что атомная энергетика — это та особая отрасль науки, которая полна прелестей и соблазнов, но понуждает закрывать глаза на ее ужасы. Битва за ясную, отчетливую информацию становится смыслом нашего времени. Потому что паутина лжи безгранична.

В бесчисленной картотеке Яблокова на эту тему я выуживаю две истории. Первая случилась в Германии, вторая в США. В Германии года четыре назад "зеленые" обратились к правительству с письмом о том, что вокруг атомных станций, на территории 5-15 километров наблюдается увеличение раковых заболеваний, детской лейкемии и т.п. Правительство отдало распоряжение провести исследование. Вывод комиссии — "ничего страшного". "Произошла виртуозная работа по сокрытию данных, — объясняет Яблоков. — Объединили и усреднили все сведения". Для анализа взяли не только промышленно работающие станции, но и научно-исследовательские реакторы (с очень слабыми выбросами), и недолго проработавшие закрытые промышленные реакторы — с помощью усредненных данных нарисовали картину успокоительную. Однако если взять только основные действующие реакторы, да еще ограничить исследуемую территорию десятью

километрами — вот тогда очевиден явный рост всевозможных заболеваний, и прежде всего — онкологических.

Другая история связана со взрывом на атомной станции "Три-Майл-Айленд". Президент Дж. Картер хотел опубликовать полный отчет о происшедшем, но адмирал Химан Г. Риквер, ответственный за развитие атомной промышленности, уговорил президента исключить из отчета наиболее тревожные места, опубликовать отчет в сильно урезанном виде. Иначе это могло разрушить всю гражданскую ядерную индустрию. Умирая, адмирал Риквер признался в том, что он тогда оказывал давление на Дж. Картера, принудил его к умолчанию. Над всем возобладавал корпоративный интерес — шутка посильнее, пожалуй, чем интерес приватный.

Наши отечественные атомщики ничуть не меньше подчинены корпоративным интересам. Болезни телесные — дело проблематичное, а вот корпоративные доходы вполне реальны. При ввозе отработанного ядерного топлива в нашу страну ожидается доход в 20 миллиардов долларов, причем каждый россиянин разбогатеет на полтора доллара, а каждый атомщик — на 2050 долларов. Интересы, как видите, несоизмеримы. Сопоставить заболевания? Дело, конечно, нелегкое, но Яблоков сопоставил: оназалось, и тут атомщики впереди, работники закрытых городов Минатома больше страдают от различных заболеваний, чем в среднем население страны. Правда, бывший министр Минатома Адамов считает, что Яблоков искажает картину, но у того основа-

тельные данные, которые он готов защищать в суде.

Ученого стремятся оттеснить на обочину общественной жизни. В декабре 2000 года состоялись парламентские слушания по проблемам радиационной безопасности — ни Яблокова не пригласили, ни других оппонентов Минатома. Весной 2001 года на ОРТ и РТР проходит обсуждение вопроса о завозе ядерных материалов в Россию — не предоставили слова ни Яблокову, ни иным оппонентам из лагеря "зеленых". Телеэкран обходит его, и тогда ученый берется за перо: появляются крепкие брошюры, изданные Социально-экологическим союзом с дотошными комментариями А. Яблокова "Что депутатом вешали на уши".

Что же им вешали?

Депутатам не сказали:

...что ввоз 20 тысяч тонн отработанного ядерного топлива приведет к образованию радиоактивных отходов более 9 миллиардов Ньюри (это эквивалентно 180-200 чернобыльским выбросам);

...что реакторы на быстрых нейтронах не так уж безопасны, как это утверждают ответственные лица Минатома;

...что планов по реабилитации загрязненных территорий нет до сих пор;

...что атомное электричество не столь дешево, как это представляется;

...что отработанное ядерное топливо — это, скорее, сданные на хранение радиоактивные отходы, которые по закону в Россию запрещается ввозить;

...что мирового рынка, который распространяет ядерное топливо, в сущности, нет. И его не надо захватывать. "Что-то никто

не стремится занимать такой рынок", — признаются некоторые видные специалисты-атомщики;

...что компетенция многих "зеленых" оназалась выше компетенции некоторых ядерщиков — уж, во всяком случае, в вопросе влияния на среду обитания;

...что проблема долгосрочно-го хранения радиоактивных отходов не решена ни в одной стране мира.

— Но вы биолог, — напоминаю я Алексею Владимировичу. — Как же вы можете судить так всесторонне о ядерных проблемах?

Яблоков не вспыживает, как это нередко с ним случается, отвечает спокойно:

— Я вполне компетентен в вопросах "здоровья среды", жизни организмов. Когда же речь заходит о технических деталях, я никогда не говорю от себя. Я анализирую мнение специалистов — университет приучил меня серьезно работать с научной литературой. Послушайте: один серьезный ученый атомщик утверждает, что реакторы на быстрых нейтронах не могут быть безопасными, а другой серьезный ученый-атомщик доказывает обратное. Я им говорю: господа, договоритесь сначала между собой, не морочьте нам голову, не убеждайте нас, что ваши частные представления это и есть истина.

Сокращение информации — чистый убыток. В этом нас убеждают и истории с недавними судебными преследованиями экологов. Реакция Норвегии и Японии на эти события была соответственной: инвестиции для строительства предприятий, утилизирующих радиоактивные отходы, тут же сократились. Как помогать стране, если

она скрывает свои беды? По оценкам Яблокова, мы могли бы получить от Японии не 50 миллионов долларов на переработку отходов, а 500 миллионов. От Норвегии не 20 миллионов долларов, а раз в пять больше. Узлобная политика убыточна, это давно известно.

Мы говорили с ученым о проявлениях — событиях почти космических, ударах катастрофических. Но есть и микромир, воздействия слабые, по виду незначительные. Последнее время Яблоков занимается проблемами малых доз — радиационного воздействия, химического, электромагнитного. Конференция в Минске "Дети Чернобыля" лишь подтвердила сильную опасность слабых доз. "Этого не может быть, вы идете против науки", — слышит он упреки. Но Яблоков знает, что у живого организма свои законы. Опыт гомеопатии лишь подтверждает это.

И еще неожиданность: в последнее время биолог захотел стать юристом. Яблоков занялся юридическими науками.

— Зачем вам это? — удивляюсь я.

— Хочу квалифицированно выступать в суде. Обстоятельства заставляют.

Назалось, легко власть в уныние от этих обстоятельств. Но он не унывает — путь в гражданское общество еще только начинается.

— Знаете, что утешает? — вдруг говорит Яблоков. — Мне недавно позвонили из Думы: "Мы, молодые депутаты, создали межфракционную экологическую группу". В Думе, где, назалось бы, не с кем работать в области экологии, вдруг такое обнадеживающее событие. ■

Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

В объятиях Морфея

*Дорогие читатели!
С этого номера мы начинаем
публиковать новый цикл
материалов — о снах.*

Сон — это краткий побег в ту неведомую страну, где все берет начало и конец... Всем известно: чтобы жить, нужно не только есть и пить, но и обязательно спать. Но, в отличие от еды и питья, сон всегда воспринимался людьми как нечто мистическое и загадочное. И боги сна у разных народов в разные времена отнюдь не считались добрыми богами. Скорее, наоборот.

Древние греки поклонялись таинственной богине ночи Никте и ее многочисленным детям: дочерям Немезиде — богине мести, и Эриде — богине раздора, порождающей ссоры, беззакония, убийства, и сыновьям Мому — богу злословия и насмешки, Танатосу — олицетворению смерти, безжалостному и неподкупному, с железным сердцем, и Гипносу, — богу сна, его брату-близнецу. Но вот сын Гипноса уже не внушает торого страха и ужаса. Морфей — милый мальчик, он посылает людям сладкие сны, и до сих пор все мы стремимся попасть в его объятия.

Богиня Луны Селена и страшной семейке богини Никте не име-

ла никакого отношения, но греки, а до них и древние египтяне знали, что именно Луна влияет не только на характер сновидений, но и на их пророческие свойства.

Для толкования снов в древности обращались к жрецам и прорицателям, в средние века — к астрологам. А потом появились специальные книжки — сонники, в которых подробно перечислялись толкования увиденного во сне. Толкования эти подчас оказывались самыми неожиданными. Ну, например, кто бы мог предположить, что есть во сне ягоды — к болезни?

Но вообще к толкованию снов нужно относиться творчески, примеряя классическое определение к тем событиям, которые происходят с каждым конкретным человеком. По свидетельству Гомера, который считается не только величайшим поэтом, но и историком древности, началу Троянской битвы предшествовал "обольстительный" сон, увиденный Агамемноном. Царю явился чтимый им старец Нестор, призвавший его "в бой вести все ополчения" и обе-

щавший быстрое покорение "Троянского града многолюдного".

Гомер точно отразил уровень представлений времен Троянской войны: сновидение — предзнаменование со стороны высших божественных сил. Оно могло быть добрым или дурным и даже заведомо ложным, "обольстительным". Интересно, что теологическая ветвь мифологии сна и сновидений существует и поныне. Католическая церковь, например, допускает явление снов, посланных Богом. На этом основании средневековая воительница Жанна д'Арк и удостоилась в прошлом столетии поздней реабилитации: не еретичка, а святая.

История толкования сновидений насчитывает тысячелетия, в то время как подлинно научное их изучение началось менее столетия назад. Прежде всего появились исследования психоаналитиков. По сути, исследуя сны как психический феномен, за которым стоит сложная работа разума, ученые пытаются выйти на истоки личности, единственной и неповторимой. Для этого приходится, как заметил однажды Фрейд, "спускаться в ад", на самые нижние этажи человеческой психики, в глубины подсознания, касаясь скрытых и темных сторон личности. Картины сна, собранные при пробуждении, — как бы "иероглифы", для которых еще нужно найти перевод. Таким образом, существуют два языка сновидений, два их содержания — явное и скрытое. Выяснение скрытого и есть главная задача исследователя. По мнению Фрейда, сновидение охраняет покой, служит созданию психологического комфорта, позволяя человеку спать.

Сон компенсирует личностные недостатки и порой предупреждает об опасности неадекватного пути. Этим объясняется, например, почему люди с неоправданно высокой самооценкой, нереальными планами, которые не соответствуют уровню их возможностей, нередко видят во сне полеты и падения. Такие сновидения могут оказаться, что называется, "вещими".

В середине XX столетия была сделана еще одна попытка понять механизм снов. Психоанализ продолжал сохранять свои позиции перед лицом нейрофизиологии, сделавшей в результате экспериментов над людьми и животными ряд выдающихся открытий в исследовании состояний сна и бодрствования. Состояния сна, сопровождающиеся сновидениями, получили название "парадоксальных фаз сна". Покой и бездеятельность во сне, оказывается, относительно активны. Мозг продолжает активно работать, идут интенсивные психические процессы, проявляющиеся и в сновидениях.

Все ли видят сны? Нейрофизиологи в 50-х годах установили, что вообще нет людей, которые не видели бы снов. Это явилось сенсацией. Сны видят все, но не все их запоминают. Сновидения посещают спящего каждую ночь, и не единожды, а в среднем 4-6 раз. Преимущественно сны носят зрительный характер, но могут иметь образы слуховые, связанные с осязанием, обонянием, восприятием движений, ощущениями тепла или холода. На характер сновидений оказывает влияние, например, профессия человека или его принадлежность к определенной социальной группе. А сюжеты сновидений могут быть связаны с собы-

тиями в семье, общественной жизни, рабочей обстановкой и т.д.

В известной мере психоанализ лишает ореола таинственности и чуда так называемые творческие озарения, посещающие некоторых людей во время сна. В основном это касается людей искусства или науки, способных на творческий процесс. Если мозг активен у каждого спящего человека и способен выдавать в виде сновидений результат своей деятельности, почему бы ему не выдать давно вызревавшую в голове ученую идею, дать композитору услышать долго ускользающую мелодию, художнику — увидеть желанный образ?

Александр Вейн, знаменитый московский профессор, давно занимающийся проблемами сна и его патологии, называет подобные "озарения" без излишнего пафоса: творческие доработки во сне. Он приводит множество примеров такой "доработки", отмеченной у деятелей разных областей искусства и науки. Отличались этим, в первую очередь, поэты. Известно, что басню "Два голубя" Лафонтен сочинил во сне. Вольтеру явилось стихотворение, посвященное Турну. Державин, очнувшись ото сна, записал последнюю строфу оды "Бог". Есть несколько авторитетных свидетельств, что и Пушкину не раз "грезились стихи". План поэмы "Горе от ума" и несколько сцен первого акта пришли Грибоедову во время сна.

Похожее происходило и с музыкантами, и с художниками. Среди "озарявшихся" во сне — Бетховен, Шуман, Вагнер, Тартини, Римский-Корсаков, Рафаэль, Партазий, Гойя. Спящие гении давали миру и научные открытия. Хресто-

матиен пример Менделеева, увидевшего во сне свою знаменитую таблицу периодической системы. Есть такого рода свидетельства о математиках, создававших свои теории и теоремы во сне: Декарте, Гауссе, Маньяне, Пуанкаре.

Появляется соблазн вполне сознательно использовать скрытые возможности мозга, его своеобразной ночной работы. К этому прибегали некоторые творческие люди. Но кое-что здесь доступно и простым смертным. Еще не так давно много писали о возможностях обучения во сне. Сам факт запоминания спящим чего-то был замечен давно. Педагоги Древней Греции прибегали к нашептыванию своим ученикам во сне материалов, что не были усвоены ими при дневном обучении. В 1923 году в США появились сообщения об успешном обучении во время сна телеграфному коду в одной из военно-морских школ. Гипнопедия (обучение во время сна) становится модной. Начинают учить таким образом иностранные языки. Кажется, найден еще один способ введения информации в мозг. Однако тут же появляются сомнения: не вредна ли гипнопедия для нервной системы?

Последующие исследования частично подтвердили опасения. К тому же оказалось, что гипнопедия может быть применена в короткий отрезок ночи и на определенной стадии сна, вернее — еще дремотного состояния. Результат запоминания зависит от того, насколько мозг удерживает сигналы. В свою очередь важен стимул обучающегося, поскольку реактивность мозга на безразличную информацию резко снижается. Все это способствовало пониманию того, что обучению во сне мо-

гут подвергнуться не все люди, а только проявляющие большое стремление к обучению или гипнотические (поддающиеся гипнозу).

Сегодня наш рассказ — о так называемой "географии сна". О

том, какое значение имеют (или могут иметь) местность, природные явления и разные стихии. Земля, вода, воздух, небо — у них есть и вполне реальные, и мистические толкования.

Воздух

Бездна — тебя ожидают трудности.

Ветер — если сильный, порывистый — кто-то мешает тебе осуществить задуманное; ровный — все будет хорошо; ветер на море — неожиданная помощь откроет путь к достижению цели; если слышишь, как ветер шелестит листвою, — скоро придется уехать из дома; слабый ветерок — скорые вести.

Воздух — чистый, прозрачный — легкая, веселая жизнь в ближайшее время; сумерки — печаль, болезнь, потеря; вихри, смерчи в воздухе — неожиданные перемены, и не всегда приятные.

Дым — в комнате — ссора, скорее всего, с родителями, на улице — разочарование, и чем гуще дым, тем сильнее разочарование.

Туман — неизвестность, нерешительность, неопределенные обстоятельства.

Гром — неожиданное и скорое благополучие, знак вестника судьбы; дальний, еле слышимый — предупреждение о переменах; сильный удар грома — исполнение желаний.

Дождь — пустая потеря времени;

тихий, накрапывающий — оправдание; сильный — большая неудача; промокнуть под дождем — застой в делах, болезнь;

дождь в солнечный день — приятная перемена.

Звезды — яркие — счастье, верная любовь; тусклые — опасность; вечерние — безответная любовь.

Луна — если новая — большая прибыль; полная — опасность, серьезные перемены; луна может означать и чью-то преданную любовь к тебе.

Небо — светлое — успех; голубое — к добру; красное — к ссоре; звездное — исполнение желаний; темное без звезд — опасность; в огненных тучах — большая радость; в темных тучах — неожиданная болезнь.

Солнце — слава, любовь; подернутое проходящей тучкой — денежные перемены к лучшему.

Тучи — темные, черные, угрожающие — скверное влияние постороннего человека на твои дела, опасность; видеть ночью облака — неприятное открытие; небо, подсвеченное закатным солнцем, — легкая жизнь.

Ночь — темная — разумные расчеты; ясная — долгая жизнь;

бурная — потери.

Радуга — благая весть; может быть, ложный страх, напрасные опасения.

Свет — яркий и не синий — большая удача; видеть свет маяка в море — исполнение желаний.

Сумерки — затруднения, временные неудачи.

Темнота — трудности, неизвестность; если идешь в темноте — потерянное вернется; выйдешь к свету — большой успех.

Цвет — яркий — хорошо; яркость цветов во сне — достижение, успехи вне зависимости от самого цвета.

Черный цвет — печаль, горе; невезение во всем.

Огонь

Молния — невероятные вести, опасное положение.

Огонь — несбыточные мечты; разочарование, ссора с другом; ожог — дурная слава, сплетня;

ощущение ожога — новая дружба, волнующие вести; в печке — богатство; огонь и дым — опасность.

Огоньки — к встрече с друзьями. *Пламя* — сильная тревога. *Пожар* — к радости.

Вода

Вода — пить чистую — к счастью, мутную — к болезни, идти в мутной воде — разочарование в друзьях; погружение в воду — попасть в затруднительное положение в личной жизни; умываться — к радости;

лить воду — к ошибке; поливать — к потере; смотреть на водопад — неожиданная и не очень приятная встреча.

Вода хлынула — из-под пола — тайные враги; из стен — беззащитность; источник — опасная доверчивость.

Волны — скорая и неожиданная дорога, путешествие; чувства, сильные переживания; мутные волны, захлестывающие с головой, — к большой ссоре либо тяжелой болезни; волны бьют о берег — скорое разрешение дел.

Родник — невероятные перемены; пить из родника — исполнение желаний.

Напель — к деньгам.

Море — идти по берегу моря — дорога; смотреть на море — вести удалена; плыть на пароходе — важные перемены; синяя, голубая вода — встреча; плавать в море — исполнение желаний.

Нырять — рискованное дело, искушение.

Озеро — опасность; плыть по озеру — разлука для влюбленных.

Прилив — надежда, новые возможности.

Пруд — если в лилиях — приобретение через потерю; если в рясе — путешествие по суше.

Рена — плыть по ней — прибыль;

быть на берегу — дальняя дорога; переходить вброд, идти по воде — преграда, отсрочка в решении проблем.

Роса — все будет хорошо.

Ручей — перемена места и жизни; встреча с давно утраченным, радость.

Тонуть — затруднения.

Фонтан — радость, неожиданность.

Земля

Мы живем на земле, поэтому, наверное, и большинство наших снов имеет вполне реальную основу. И потому все, что находится на земле, все, что она окружает, так часто является нам в ночных видениях.

Берег — достижение намеченной цели.

Болото — кто-то о тебе сплетничает; ходить по болоту — сам будешь сплетничать.

Горы — тревога; если горы покрыты лесами — к предательству; взбираться на гору — успех; спускаться с горы — неудача.

Грязь — если пристала — болезнь, быть обрызганным грязью — клевета; ноги в грязи — неприятности в личной жизни; упасть в грязь — смена места жительства.

Земля — покрытая зеленью или мхом — богатый жених; рыть землю — скорое завершение дел (но только если земля мягкая), землетрясение — к войне, смуте, в общем, к крупным неприятностям, и не только для выдающего сон.

Намни — препятствия, затруднения; сидеть на камнях — большие ожидания, судьбоносные свершения; если поднимаешь камни — невзгоды, тяготы.

Люди

И все-таки главными персонажами были, есть и будут люди. Плохие и хорошие, знакомые и незнакомые, живые и давно покинувшие этот мир. Каждый такой персонаж несет свою информацию и важно правильно принять и растолковать ее.

Адвокат — встретить — скандал; нанять — своя вина; быть адвокатом — неожиданные известия.

Арестант — назойливая неприятность.

Артист — неожиданность (в жизни или в состоянии здоровья).

Бродяга — напал на пустынной дороге — скорые серьезные испытания, быть самому бродягой — полное благополучие, мир в душе.

Вдова — быть вдовой — жди неприятностей от злых людей; видеть молодую — неожиданная удача; видеть старую, некрасивую — неприятные вести от родственников. Если мужчине снится, что он женится на вдове, значит, наной-то давно задуманный им план рухнет в самое ближайшее время.

Военнослужащий: рядовой — неприятности, офицер — принуждение к чему-либо, незапланированная дорога; генерал — покровительство.

Вор — поклонник (для женщин); в доме — обман; преследовать — семейные ссоры.

Враг — видеть во сне — к удаче, если знакомый; незнакомый — см. *Противник*. Если тебе снится, что ты воришна и тебя преследуют, зна-

чит, ждет неудача и отношения с окружающими изменятся в худшую сторону. Если во сне ты гоняешься за вором, наяву ты одержишь победу над врагами.

Врач — для женщины — неудачи в личных делах, для мужчины — в работе, зубной врач — к болезни; встретить врача в обществе, в компании — знак удачи, благоприятствования.

Девушка — к богатству, танцующая — любовь; целовать — радостная неожиданность.

Дети — целовать — спокойствие; бить детей — успехи.

Дитя — грудное — благополучие; красивое — радость; нагое и испачканное, некрасивое — тяжба, неожиданные заботы.

Друг, подруга — если вам приснятся друзья здоровыми и счастливыми, значит, они пришлют весточку или вскоре вы встретитесь с ними или с кем-то из родственников. Если вам снится, что друг в горе, значит, и в жизни они больны или страдают. Увидеть своих друзей темноволосыми — предвестие их или вашей необычной болезни. Если вы видите своего друга в виде животного — значит, враги скоро разлучат вас. Если друг одет в ярко-красные одежды, сон сулит тревоги и потери. Если снится друг, стоящий на холме, как изваяние, — предстоит совершить очень многое из задуманного, и чувство справедливости будет сопутствовать вам.

Журналист — приснившийся журналист, который почему-то вызывает неприязнь, сулит сплетни, а возможно, и ссору. Если во сне ты видишь себя журналистом — наяву тебя ждет неожиданное приключение, сопряженное с риском и неприятностями. Но в итоге ты завоеешь почет и получишь вознаграждение.

Жених — заботы, помехи в делах; смеющийся — обман.

Женщина — черноволосая — сплетни; старуха — склоны; заглядываться на женщину — обман со стороны друзей; целовать незнакомку — к деньгам; нагая — огорчение, болезнь; старая, уродливая — ссора, беда; молодая, незнакомая — для женщины — неприятность, для мужчины — искушение в делах.

Знакомые — если беседуешь со знакомым, это предвещает успех в делах при небольших семейных разногласиях. Но если вы спорите или беседа протекает на повышенных тонах — наяву тебя ждут унижения и ссоры. Если ты чувствуешь неловкость при встрече или тебе снится, что встреча ваша носит напряженный характер, то, скорее всего, кто-то из твоих знакомых сделает достоянием общества секрет, который тебе хотелось бы держать в тайне.

Знаменосец — если тебе снится, что ты знаменосец, — то, скорее всего, грядут приятные, но сумбурные события. Видеть во сне кого-то со знаменем — предвестие того, что ты можешь испытать зависть и ревность к своим друзьям.

Издатель — сон об издателе обещает путешествия и, кроме того, свидетельствует о твоём литературном даровании. Если во сне издатель возвращает тебе рукопись, то жди разочарования в самых заветных желаниях. Если же издатель принимает твою рукопись, ты порадуешься исполнению желаний.

Изобретатель — если тебе приснился изобретатель, то сон обещает успешное завершение дел, признание твоих способностей. Если видящий сон видит в образе изобретателя себя самого, то это означает, что тебе повезет и замыслы осуществляются.

Нарлик — неоправданные проволочки в достижении желаемого.

Капитан — явившийся во сне капитан любого экипажа знак того, что твои самые добрые побуждения осуществляются.

Лжец — увидеть во сне людей, которых ты считаешь лгунами, — предвестие того, что ты можешь с легкостью отступить от намеченных планов. Если тебе приснилось, что кто-то назвал тебя лжецом или лгуньей, — жди неприятностей от тех, кто уже однажды тебя предал. Если девушка думает во сне, что ее парень — лжец, такой сон является предупреждением: возможно, она потеряет друга по причине собственного неразумного поведения.

Люди — нагие — злословие, сплетни.

Мать — удача и признание.

Мастер по ремонту — снится как предупреждение о том, что кто-то пытается бесцеремонно вмешаться в твою жизнь или оказывает на тебя давление.

Мертвец — разговаривать с ним — покой души; знать, что он мертвый, — произойдет очень странное событие.

Миллионер — арестовывает — неожиданное предложение; приход миллионера — к выздоровлению больного родственника.

Младенец — к большому удивлению; нагой — к беде.

Моряк — для женщины — неудачи в личных делах.

Невеста — ожидание.

Нищий — домашние радости; подать милостыню — к успехам; отказать — неудачи в учебе.

Отец — если говорит с тобой — скорое счастье; молчит или болен — к беде, для женщины видеть отца или мать — к удачам в личных делах, видеть обоих родителей — к удаче во всех начинаниях.

Покойник — сон о покойнике обычно является предупреждением. Если во сне ты видишь своего умершего родственника или говоришь с ним, то тебе грозит опасность совершить ошибочный поступок. Следует также быть осторожным в высказываниях, ибо твои слова могут быть исковерканы недругами. Сон, в котором приходят умершие родственники или друзья, может также означать болезнь кого-то из близких. Если тебе снится, что ты разговариваешь с каким-то давно умершим родственником и тот пытается вырвать у тебя некое обещание, это предупреждение о том, что в твоей жизни начнется черная полоса.

Почтальон — получение писем — предупреждение не спешить; отдать в руки письмо — разглашение тайны.

Противник — препятствует — быстрое завершение дел.

Пьяный — если во сне ты вдруг почему-то увидишь пьяного, готовься к тому, что тебе предстоит совершить легкомысленный поступок. Однако ты не будешь испытывать особых угрызений совести, а если тебе встретятся сложности, попытаешься их обойти вместо того, чтобы преодолеть. Женщину подобный сон предупреждает о том, что она способ-

на совершить безрассудный поступок, о котором потом может горько сожалеть.

Родители — если во сне твои родители выглядят жизнерадостными, это означает, что тебе предстоит приятное общение в дружеской компании. Если они являются после своей смерти — это предвестие грядущих тревог и напоминание о том, что тебе следует быть осмотрительнее в делах. Если твои родители живы и во сне ты видишь их спокойными и счастливыми, то жди приятных перемен. Если во сне родители одеты в темное, впереди тебя ждет несколько серых и тоскливых дней; если они в печали — твоя любовь под угрозой.

Святой — надежда; говорить с ним — тоска, сожаление о прошлом; отшельник — одиночество.

Священник — благополучие, получение радостного известия.

Слепой — быть самому или вести слепого — не исключено, что кто-то из друзей тебя обманет.

Старушка — к радости.

Сапожник — обстоятельства в скором времени сложатся неблагоприятно.

Семья — если ты видишь во сне счастливую и дружную семью, готовься к тому, что жизнь преподнесет тебе радостные сюрпризы. Но если в семье, которая тебе приснилась, нет мира, то тебя ждут уныние и разочарование.

Скульптор — появление в сновидении скульптора означает, что тебя, возможно, ждут перемены в жизни.

Соперник, соперница — они снятся обычно накануне неприятных событий, возможно, ты совершишь поступки, о которых придется жалеть в будущем. Если девочке снится, что у нее есть соперница, то не исключена опасность совершить непоправимую ошибку по отношению к своему возлюбленному.

Соседи — если тебе приснились соседи — ты можешь потерять уйму драгоценного времени в бесплодных спорах. Печальные или рассерженные соседи во сне означают, что наяву возникнут серьезные разногласия с друзьями.

Толпа — столпотворение на каком-то празднике, вечеринке или банкете сулит тебе радостную встречу с друзьями. Неприятный инцидент, омрачивший вечеринку, означает потери и разочарования. Иногда такой сон предвещает серьезные конфликты. Толпы людей на улицах означают начало активного периода в твоей жизни. Если во сне ты стараешься перекричать шум толпы — это говорит о твоём стремлении во всем быть лидером. Неблагоприятен сон, в котором в толпе люди одеты в темное.

Труп — разлука; много трупов и нет плохих ощущений — неожиданные дела, успех в негаданном месте.

Учитель — новое знакомство.

В следующей публикации мы расскажем о том, что такое вещие сны и когда их лучше всего видеть, а также о значении многих обыкновенных снов.

Дама в шляпке

Джоан ОРСИ

Леди Молли потом всегда говорила, что если бы судьба сложилась иначе и мы бы с ней тогда решили выпить чашечку кофе не в “Лайонс”, а в “Мэтис”, мистер Калледон до сих пор был бы жив. Думаю, моя дорогая подруга абсолютно права: она наверняка смогла бы предугадать намерения убийцы и таким образом предотвратить одно из самых жестоких и бессердечных преступлений, когда-либо случившихся в Лондоне.

В тот день мы с леди Молли, гуляя по Реджент-стрит, зашли в “Лайонс”, напротив венского кафе “Мэтис” и, сидя за столиком, наблюдали, что происходит на улице и у входа в “Мэтис” — в это время там было довольно много народу.

Около шести часов, когда мы с удовольствием уничтожали свежие ароматные булочки, наше внимание привлекло какое-то странное оживление на улице. Мы увидели, как из кафе выбежали двое мужчин, которые вскоре вернулись, но уже в сопровождении полисмена. Вы знаете, как это бывает в Лондоне, когда происходит что-то экстраординарное — уже через три минуты у входа в “Мэтис” собралась огромная толпа. Леди Молли, как гончая, почуявшая запах дичи, выбежала из “Лайонс”, быстро оплатив счет и даже не глядя, иду ли я за ней. Перейдя до-

рогу, она кинулась в толпу у входа в "Мэтиc". И вот я уже потянула ее грациозную фигурку из виду.

Через некоторое время мне все-таки удалось ее обнаружить — леди Молли разговаривала с одним из полицейских. Вскоре мы смогли войти в "Мэтиc" — признаться, к явному неудовольствию толпившихся у дверей кафе зевак.

Обычно такое милое, уютное заведение теперь выглядело совсем иначе. В углу взволнованные служащие кафе обсуждали последние события, двое полицейских — с ручками и блокнотами — выслушивали показания рыжеволосой официантки. Горько рыдая, она говорила явно не то, что им хотелось бы узнать, выдавая множество не относящихся к делу подробностей. За старшим инспектором Сондерсом уже послали, и растерянные констебли с нетерпением ждали, когда его уверенная фигура появится в дверях кафе. В другом же углу, в нише, в кресле у столика как-то странно неподвижно сидел человек — с первого взгляда было понятно, что он мертв. Еще до того, как мы с моей дорогой подругой смогли задать какие-то вопросы, в кафе наконец-то появился инспектор Сондерс. Его сопровождал медэксперт доктор Томсон, который тут же занялся телом умершего, а Сондерс устремился к леди Молли.

— Шеф просил послать за вами, — проговорил он. — В этом деле замешана женщина и мы целиком и полностью полагаемся на вашу помощь.

— Но что тут произошло? — спросила леди Молли, при том глаза ее уже загорелись от предчувствия интересного дела.

— У меня пока совсем немного информации. Главный свидетель — эта рыжеволосая официантка. Сейчас мы с ней и поговорим. Да и мистер Томсон поделится своими соображениями.

Медэксперт, только что закончивший осмотр тела, не спеша подошел к нам.

— Дело ясное. Этот человек был отравлен огромной дозой морфия, растворенного в его шоколаде, — и он указал на чашку, стоявшую на столике.

— Когда это случилось? — обратился Сондерс к официантке.

— Не могу сказать точно, — нервно ответила та. — Джентльмен пришел где-то около четырех. Он был с дамой. Они сразу же направились к этому столику. Кафе только начало заполняться посетителями и уже заиграла музыка.

— А куда делась дама?

— Она ушла довольно скоро. Заказала чашку чая для себя и шоколад для джентльмена, а потом еще булочку и пирожные. Через пять минут, проходя мимо их столика, я услышала, как она сказала: "Боюсь, мне надо идти, а то магазин закроется. Вернусь минут через двадцать. Ты ведь подождешь меня?"

— А джентльмен? Вы не заметили в нем ничего странного?

— Нет, ничего! Он начал пить свой шоколад и только попрощал: “Пожалуйста, недолго”, она же взяла свои перчатки и вышла из кафе.

— И потом так и не вернулась?

— Нет.

— Когда вы заметили, что с этим джентльменом что-то не так? — спросила леди Молли.

Девушка задумалась.

— Я взглянула на него пару раз, когда пробежала мимо их столика. Казалось, что он слегка задремал. Я даже сказала о нем менеджеру, но тот велел, чтобы я его не трогала. Потом было очень много работы, я забыла о странном посетителе, но после шести часов, когда все любители выпить у нас после обеда чашечку чая ушли и мы стали готовиться к вечеру, я вспомнила о нем. Тут уж я решила, что с этим человеком что-то неладно, позвали менеджера, и мы позвонили в полицию.

— Не могли бы вы описать даму, которая была с ним? Узнали бы вы ее, если б увидели снова? — спросил Сондерс.

— Не уверена, — ответила девушка. — Вы видите, у нас бывает столько людей. И на ней была такая большая шляпа — никто при всем желании не мог увидеть лица этой женщины, может, только край щеки.

— А ее шляпу вы узнаете? — спросила леди Молли.

— Да, думаю узнаю, — проговорила девушка. — Она была из черного бархата, с перьями, и такая огромная, — добавила официантка с явным восхищением и завистью к обладательнице грандиозного головного убора.

В это время один из полисменов изучал содержимое карманов убитого. Среди разных предметов он обнаружил письма, адресованные Марку Калледону, эсквайру. На конвертах был указан адрес — Лорбери-Хаус, Фритцджонс-авеню, Хемстед. Инициалы “М.К.”, найденные на шляпе и на бумажнике несчастного, доказывали, что убитого действительно звали Марк Калледон.

Пока полицейские обыскивали труп, леди Молли думала о семье Калледона — возможно, у него есть дети, жена, мать. Как сообщить им, ждущим возвращения своего отца, мужа, сына, что он уже никогда не переступит порог их дома? И было совершенно ясно, что в деле запутана женщина — женщина, носящая огромную шляпу, причем с явной целью — скрыть от посторонних взглядов свое лицо, чтобы, когда полицейские будут опрашивать свидетелей, никто не смог бы дать ее приметы. И все это надо рассказать убитой горем жене!

Как вы понимаете, столь трудную задачу — встретиться с вдовой Калледона — леди Молли взяла на себя. Мы вместе поехали на Фритцджонс-авеню. Миссис Калледон была дома, и слуга проводил нас в гостиную.

Нас встретила леди Айрин — изящная молодая женщина небольшого роста. Думаю, ей еще не было и двадцати пяти. Она

была ирландкой, происходила из старинной аристократической семьи, но полностью разорившейся, тогда как мистер Калледон был весьма преуспевающим бизнесменом, хотя и не имел высоких связей и благородных корней. Некоторые члены семьи леди Айрин не одобряли ее желания выйти замуж за Калледона, но с любовью бороться невозможно, и они смирились. Прошло всего лишь шесть месяцев после их свадьбы, и леди Айрин наверняка считала своего мужа идеалом мужчины.

Леди Молли рассказала леди Айрин о смерти Марка с присущим ей тактом. Мы с моей подругой были потрясены глубоким горем, охватившим все существо молодой женщины. Перед лицом ее неподдельного страдания наши слова казались пустыми и ненужными.

Конечно, все ожидали, что расследование обнаружит какие-то подробности личной жизни Калледона. Однако полицейским не удалось раскопать ничего существенного. Молодая вдова была погружена в свое горе, слуги тоже не могли ничего сообщить следствию — их наняли совсем недавно, когда молодожены, вернувшись в Лондон после медового месяца, стали обустраиваться в доме на Фритцджонс-авеню. С Калледонами жила тетка Марка — миссис Стейнберг; сейчас она была тяжело больна. Одна из молодых служанок, не подумав, рассказала ей о смерти племянника. И тогда старая леди потребовала встречи с полицейскими.

— Марк Калледон был единственным из моих племянников, которого я любила, — торжественно заявила она. — Именно ему я завещала большую часть того, что мне осталось от мужа, мистера Стейнберга. Но Марк должен был вести себя, как подобает джентльмену, иначе я бы вычеркнула его из завещания; кстати, именно это и случилось раньше с другими моими племянниками и племянницами. Я выросла в Шотландии и ненавижу все эти новомодные штучки, которые считаю развратом и распутством.

К сожалению, показания старой леди не приблизили нас к разгадке смерти ее племянника Марка Калледона. Действительно, оказалось, что у Марка было несколько братьев и сестер, которые так или иначе совершили нечто, противоречившее принципам миссис Стейнберг.

Между тем следствие почти не двигалось. Правда, оставалась таинственная дама в большой шляпе. И вот эта загадка становилась с каждым днем более неразрешимой.

Несмотря на старания, никто из служащих кафе “Мэтис” не смог дать точного описания спутницы Калледона.

Спустя несколько дней миссис Стейнберг умерла — для ее больного сердца все происшедшее с племянником оказалось слишком тяжким испытанием. Перед смертью она положила в банк 250 фунтов стерлингов, велев выплатить эти деньги тому, кто поможет следствию обнаружить убийцу Марка.

Сумма в 250 фунтов стимулировала всех, так или иначе причастных к делу. И я думаю, именно благодаря ей Кэтрин Харрис, бывшая горничная Калледонов, решила поведать полицейским то, что ей вдруг показалось важным.

Леди Молли встретила девушку в кабинете шефа полиции. Кэтрин рассказала, что однажды к Калледону, через неделю после приезда молодоженов, пришла дама, по виду явно иностранка. В тот час леди Айрин дома не было, и мистер Калледон принял посетительницу в своей курительной комнате.

— Она была очень хороша, — рассказывала Кэтрин, — и прекрасно одета.

— И на ней была большая шляпа? — спросила леди Молли.

— Нет, не помню, чтобы шляпа на ней была уж слишком большая.

— Но вы хорошо запомнили саму даму?

— О да. Она была очень высокой и очень, очень красивой.

— Вы сможете ее узнать, если встретите вновь?

— Да, конечно, — воскликнула Кэтрин Харрис.

Итак, дама провела около часа с мистером Калледоном за закрытой дверью, а потом домой вернулась леди Айрин. Дворецкого в тот час не было, и дверь открыла Кэтрин. Хозяйка ее ни о чем не спросила, и Кэтрин не стала говорить, что у хозяина — гостья. Через пять минут из курительной комнаты раздался звонок. Иностранка уже стояла в коридоре, ожидая, чтобы ее проводили к дверям, что Кэтрин и сделала. А потом появился мистер Калледон. Он был просто разъярен.

— Не знаю, что я сделала не так, но он был как бешеный. Он сказал, я плохая горничная, и он потребует, чтобы хозяйка меня выгнала, что мне много раз говорили — нельзя впускать в дом кого попало. Он ужасно ругался. Думаю, он пожаловался на меня леди Айрин, и на следующий день меня уволили.

— И вы больше никогда не видели ту даму? — спросила леди Молли.

— Нет.

— Между прочим, а почему вы решили, что она иностранка? Она что, говорила с акцентом?

— Нет, она вообще почти не говорила, только спросила, дома ли мистер Калледон, но вы знаете, она выглядела как француженка.

На этом и закончился наш разговор с Кэтрин Харрис.

— Ну что, мы не продвинулись ни на йоту, — недовольно сказал шеф полиции, когда за Кэтрин Харрис захлопнулась дверь.

— Вы так думаете? — спросила леди Молли.

— А вы полагаете, показания этой девушки помогут нам найти даму в шляпе?

— Возможно, и нет, но ее рассказ, несомненно, поможет нам узнать, кто убил Марка Калледона.

И, сделав это таинственное заявление, леди Молли с достоинством вышла из комнаты.

Описание загадочной иностранки, которое нам дала Кэтрин Харрис, было распространено по всей стране. И вот через два дня после нашего разговора с горничной, когда мы снова были в кабинете шефа полиции — леди Молли изучала какие-то бумаги, а я делала записи в своем блокноте, — в комнату вошла дама. Я никогда не видела такой красивой женщины — высокая, статная, с потрясающей фигурой и прекрасной осанкой. Она была хорошо одета, а ее головку украшала роскошная шляпка с перьями.

Шеф тут же встал ей навстречу, а леди Молли мило улыбнулась.

— Вы, наверное, знаете, кто я, — начала дама, грациозно опустившись на стул. — Мое имя — на визитной карточке. Насколько понимаю, я точно соответствую описанию внешности женщины, отравившей Марка Калледона.

Она проговорила это без всякого волнения и с таким достоинством, что я была просто восхищена. Похоже, шеф тоже попал под очарование нашей посетительницы.

— О, ну что вы, — пытался он что-то пробормотать.

— Не затрудняйте себя, сэр, — с улыбкой прервала она его. — Мой слуга, хозяйка моей квартиры, мои друзья — все читали описание той женщины. Последние двадцать четыре часа меня несколько раз останавливали полицейские, поэтому я сама решила прийти к вам, пока меня еще не арестовали. Я не очень рано? — спросила она довольно спокойно, учитывая предмет разговора.

Она говорила по-английски с едва заметным акцентом, но я поняла, почему Кэтрин Харрис сказала, что эта женщина похожа на француженку. Она определенно не походила на англичанку, и узнав ее имя, я решила, что она — венка. И действительно, в мисс Элизабет Ловенталь были очарование, изящество и грация, присущие жительницам австрийской столицы.

Понятно, что шефу было непросто сообщить этой очаровательной даме, что уже на следующий день утром ее должны арестовать по подозрению в убийстве.

— Знаю, знаю, — воскликнула она. — Но прежде позвольте мне сказать — я не убивала Марка Калледона! Он поступил со мной отвратительно, но я скорее предпочла бы устроить скандал, чем убить его. Он стал таким респектабельным, важным! Но ведь между скандалом и убийством — огромная разница! Как вы думаете, мадам? — вдруг обратилась она к леди Молли.

— Несомненно, — ответила леди Молли с той же улыбкой.

— И эту огромную разницу мисс Ловенталь придется завтра продемонстрировать суду, — заметил инспектор.

Мне показалось, что на мгновенье Элизабет растерялась — румянец исчез с ее щек, и на лбу появилась морщинка. Но она быстро взяла себя в руки и тихо сказала:

— А теперь, господа, прошу вас выслушать меня. Я сама сюда пришла. Я не хочу больше видеть полицейских у своего дома, я не хочу наблюдать, как они пристают с расспросами к моим соседям и слугам. Конечно, они бы скоро поняли, что я не убивала Марка Калледона, но мне не очень нравится запах полицейской формы, я предпочитаю мои духи. — И она поднесла к носу платок, от которого доносился тонкий аромат.

— Наверное. Вы пришли сюда, чтобы дать показания? — спросил шеф.

— Да, — просто ответила она. — Я скажу все, что знаю. Не так давно мистер Калледон был моим женихом. А потом он встретил дочь этих аристократов и решил, что она подходит ему в качестве жены больше, чем какая-то мисс Ловенталь. Думаю, он решил: его тетка, эта надутая снобка, подумает, что я для него слишком проста, а ведь она собиралась завещать ему все свое состояние при условии, что он сделает приличную партию. У меня есть голос, говорят, неплохой. Два года назад я приехала в Англию, чтобы выучить язык и петь в Альберт-Холле. Мы с Марком встретились на корабле, когда он возвращался домой после каникул. Он сразу же влюбился в меня и вскоре попросил стать его женой. После некоторых сомнений я приняла его предложение. Мы были помолвлены, но он попросил меня никому не рассказывать о нашей помолвке, поскольку его старая тетка, которая должна была завещать ему свое состояние, не одобрила бы женитьбу на безродной иностранке, да еще певице. После нашего разговора я поняла, что Марку нельзя верить, а когда постепенно он стал относиться ко мне холоднее и холоднее, я уже не удивлялась. Вскоре он сообщил, что передумал жениться на мне, поскольку встретил симпатичную англичанку, которая и станет его женой. Мне уже было все равно, но очень хотелось хоть как-то его наказать — может, устроить скандал, думала я. Я пришла в его дом сначала просто чтоб заставить его поволноваться, но потом решила все-таки отомстить ему — ведь он так меня обманул! Это бы здорово взбесило Марка — наверняка его любимая тетушка, узнав о неблагоприятном поведении племянника, вычеркнет его из завещания. Вот и все. Но я совсем не собиралась его убивать!

Рассказ мисс Ловенталь произвел на нас глубокое впечатление — мы ей сразу поверили.

— Как вы справедливо заметили, полиция, конечно, узнала бы все, что вы нам тут рассказали, уже через несколько часов. И, несомненно, нашла бы неопровержимые доказательства. И теперь вам необходимо лишь доказать, что вы не могли быть в тот день, после полудня, в кафе “Мэтис”, — сказал шеф полиции.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — она слегка побледнела.

— Алиби, нам нужно ваше алиби, мисс Ловенталь.

— В тот день после обеда я гуляла.

— Вы заходили в какие-нибудь магазины?

— Нет.

— Возможно, встречали знакомых?

— Нет, я никого не видела. Мои слуги могут лишь подтвердить, что я вышла из дома в три часа и вернулась около пяти.

В комнате наступила тишина. Мисс Ловенталь явно сознавала, в какое чудовищное положение она попала. Ее губы слегка задрожали, а черты прекрасного лица стали тверже. Леди Молли написала несколько слов на листке бумаги и передала его инспектору. Мисс Ловенталь делала явные усилия, чтобы как-то успокоиться.

— Это все, что я могу сказать, — в ее голосе слышалось волнение и растерянность. — А теперь, думаю, мне лучше пойти домой.

Но мисс Ловенталь даже не поднялась со стула — казалось, прекрасная венка с ужасом ждет, что ее уже никуда отсюда не отпустят.

К моему удивлению, и к ее тоже, шеф встал и вежливо сказал:

— Благодарю вас за помощь, за ценную информацию, которую вы нам предоставили. Надеюсь, мы можем надеяться, что в ближайшие дни вы не покинете город?

Мисс Ловенталь с облегчением вздохнула, и ее лицо озарила милая улыбка. Шеф церемонно поклонился ей, и она ему благосклонно ответила, а потом, подойдя к леди Молли, протянула ей руку. И леди Молли ответила ей рукопожатием! Я не знала, что моя дорогая подруга написала инспектору, но зато я знала точно — ни при каких обстоятельствах она не пожалала бы руку убийце.

Вы, конечно, помните, какой поднялся шум, когда арестовали мисс Ловенталь. Красота подозреваемой, ее безукоризненные манеры, ее невероятное обаяние произвели на всех огромное впечатление. Честно говоря, я не верила, что мисс Ловенталь отравила Марка Калледона. Конечно, я не психолог, но я присутствовала в кабинете инспектора, когда мисс Ловенталь давала свои показания, и почему-то была абсолютно уверена, что она ни в чем не виновата.

И вот пришел день суда. Зал был полон, и конечно, когда на скамье подсудимых появилась мисс Ловенталь, такая красивая и, несмотря на то, что ей грозило, исполненная чувства собственного достоинства, симпатии публики сразу оказались на ее стороне. Судья был к ней весьма добр, ее адвокат делал все возможное и невозможное, и даже обвинитель, приводив-

ший доказательства ее вины, выполнял свой долг, и не более того.

Мисс Ловенталь была арестована в своей квартире, при задержании она не переставая говорила о своей невинности. Основанием для ареста послужили явный мотив убийства — расторжение помолвки — и, главное, отсутствие алиби. Правда, у полиции возникли трудности с определением места, где подозреваемая могла достать морфий. Было установлено, что Калледон являлся директором целого ряда компаний, и одна из них имела дело с продажей лекарств. Таким образом, была предложена следующая версия: обвиняемая под тем или иным предлогом попросила Калледона достать ей морфий. Она сама призналась, что до и после женитьбы Калледона несколько раз посещала его офис в Сити.

Мисс Ловенталь выслушала предъявленное ей обвинение и показания Кэтрин Харрис с непроницаемым лицом, но когда пришел черед официанток "Мэтис", в ее глазах засветилась надежда. Свидетелям представили большую шляпу, принадлежавшую мисс Ловенталь, и хотя детективы были уверены, что именно эта шляпа была в день убийства на голове отравительницы Марка Калледона, свидетели дали весьма противоречивые показания. Одна девушка клялась, что узнала шляпу, другая говорила, что на убийце шляпа была гораздо больше, а когда ее надели на мисс Ловенталь, три из четырех официанток сказали, что это совсем другая шляпа.

— Нет, эта женщина чем-то не похожа на отравительницу, — наконец сказала одна из девушек.

— Чем же она не похожа? — спросил ее обвинитель.

— Точно сказать не могу, — растерянно ответила та.

Конечно, в суде присутствовала и молодая вдова. Публика в зале ей глубоко сочувствовала. Шумиха, которая поднялась в обществе вокруг имени ее супруга, добавила горечи в скорбь о столь рано ушедшем муже. Все теперь понимали, что Марк Калледон женился на ней не по любви, а по явно корыстным соображениям, и сознавать это было очень больно.

Леди Айрин, однако, держалась с большим достоинством. Она, конечно, знала — до встречи с ней Марк собирался жениться на мисс Ловенталь, но и не предполагала, что разрыв отношений с Марком окажется настолько болезненным и певича даже захочет отомстить ее мужу.

Да, давая показания, леди Айрин выглядела весьма достойно — в своем строгом, но элегантно траурном костюме — но, конечно, никто не мог удержаться от сравнения этой в общем-то заурядной молодой женщины с блестящей, пленительной венкой, волею судеб оказавшейся на скамье подсудимых.

Суд, рассматрив все за и против, вынес решение: обвинение не смогло представить неопровержимые доказательства, вследствие чего мисс Ловенталь признана невинной. Под громкие

и одобрительные аплодисменты публики она покинула зал заседаний.

Итак, поиски таинственной дамы в шляпе продолжались, а в газетах между тем стали появляться статьи о позорной неудаче детективов и карикатуры с изображением гигантских дамских шляпок и обидными для всей лондонской полиции подписями.

И вот как-то — это было через день после освобождения из-под суда мисс Ловенталь — меня посетила моя дорогая подруга леди Молли. В первый раз за все это время на ее лице сияла улыбка, и, конечно, я спросила, что это ее так обрадовало.

— Хорошие новости, Мэри, — ответила она радостно. — Я все-таки добилась разрешения от инспектора делать то, что считаю нужным. Наконец-то у меня развязаны руки! Ты себе представить не можешь, чего мне это стоило!

— Что вы собираетесь делать?

— Проверить версию убийства Марка Калледона. Но сначала мы поедem в Лорбери-Хаус и зададим несколько вопросов слугам Калледонов.

Было три часа дня. Леди Молли спешила, поэтому я быстренько надела на себя что-то более или менее приличное, и мы, взяв такси, поехали на Фритцджонс-авеню.

Леди Молли написала несколько слов на листке бумаги и, вручив записку горничной, попросила срочно передать ее леди Айрин. Через несколько минут мы оказались в уютной гостиной. Молодая вдова, затянутая в черный траурный туалет, сидела напротив нас. При этом ее длинные белые пальцы нервно комкали носовой платок.

— Я очень надеюсь, — начала разговор леди Молли, — что вы отнесетесь с сочувствием и пониманием к моему острейшему желанию, разделяемому и моими друзьями из Скотланд-Ярда, найти убийцу вашего супруга.

На секунду леди Молли остановилась, как бы ожидая одобрения. Леди Айрин предмет беседы был явно неприятен, но, пересилив себя, она кивнула в знак одобрения усилий полиции и леди Молли.

— Я хорошо понимаю, что полиция предпринимает все необходимое, и мне кажется, я уже сделала то, что от меня требовалось. Я не железная, и после этого дня в суде... — Она как бы проверила, не выдала ли своих чувств больше, чем позволяли приличия, и закончила: — Вряд ли могу быть вам полезной.

— Понимаю ваши чувства, — заметила леди Молли, — но, пожалуйста, не откажите нам в небольшой помощи.

— Что вы хотите?

— Позвольте мне позвать двух ваших служанок и задать им пару вопросов.

Секунду леди Айрин пребывала в замешательстве, но потом встала и спросила:

— Каких служанок вы хотели бы видеть?

— Вашу собственную служанку и горничную.

Леди Айрин распорядилась и через минуту в комнату вошли две девушки — одна в фартуке, а вторая — в красивом темном платье с кружевным воротником, явно служанка леди Айрин.

— Эта дама желает задать вам несколько вопросов, — обращаясь к девушкам, сказала молодая вдова. — Она представляет полицию и, пожалуйста, будьте искренни в ваших ответах.

— О! — воскликнула леди Молли, стараясь не замечать холодность интонации леди Айрин. — Моя просьба не будет трудной и неприятной. Я просто хотела бы попросить вас поучаствовать в небольшой комедии, которую разыграют сегодня вечером в “Мэтис” — для проверки правильности показаний официанток. Вы ведь не откажетесь нам помочь?

— Мы сделаем то, что вы просите, мадам, — ответили они.

— Отлично, дорогие! Дело в том, что сегодня утром главная свидетельница, официантка “Мэтис”, опознала даму в шляпе, которая убила вашего хозяина. Но в это дело замешана иностранка, и оно имеет такой широкий резонанс, и за границей тоже, вот почему мы должны предоставить все мыслимые и немыслимые доказательства того, что именно эта дама — коварная отравительница. — Леди Молли на мгновение замолчала, а затем, поскольку ни леди Айрин, ни ее служанки не обронили ни единого слова, продолжила: — В Скотланд-Ярде считают, что наш долг — попытаться максимально осложнить акт опознания убийцы. Они требуют, чтобы в “Мэтис” находилось как можно больше дам в шляпах. Среди них будет и та, которую мы подозреваем в убийстве. Свидетельница должна узнать ее среди всех дам, собравшихся в кафе.

— Думаю, вы и ваши друзья в Скотланд-Ярде вряд ли полагали, что мои служанки захотят участвовать в таком нелепом фарсе? — возмущенно и резко проговорила леди Айрин.

— Мы не считаем это фарсом, — леди Молли была чрезвычайно вежлива и учтива. — Подобные следственные эксперименты очень часто проводят в интересах обвиняемых. И я буду настаивать на участии в нем ваших служанок.

— Не вижу, чем они могут быть вам полезны, — сухо сказала леди Айрин.

Но обе девушки не возражали. Я чувствовала, что идея им явно нравилась — это было так волнующе, так непохоже на их каждодневное скучное существование.

— Уверена, что у девушек есть большие шляпы, — продолжила леди Молли, с одобрением поглядывая на служанок.

— Я не позволяю им носить уродливые шляпы, — строго произнесла леди Айрин.

— Вы знаете, у меня есть одна шляпа, очень большая, которую мадам не захотела носить и приказала выбросить, — воскликнула горничная.

Тут наступила тишина, один из таких особенных моментов, когда кажется, что слышна поступь судьбы.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, Мэри, у меня никогда не было большой шляпы, — сказала леди Айрин как-то особенно спокойно.

— Ну как же, госпожа, а та, которую вы заказали у “Санчия” и надели лишь один раз — на концерт?

— Когда это было? — тут же спросила леди Молли.

— Никогда не забуду! — взволнованно продолжала служанка. — Госпожа пришла после концерта, я помогла ей раздеться, и она сказала, что больше ни за что не наденет эту дурацкую шляпу — слишком тяжелая. Это было как раз в тот день, когда убили мистера Калледона.

— Ну что ж, шляпа эта нам очень пригодится, — спокойно заметила леди Молли. — Мэри, пожалуйста, принесите ее, а ты, дорогая, — обратилась она ко второй девушке, помоги ей надеть на голову это грандиозное сооружение.

Девушки вышли из комнаты, и мы остались втроем, прекрасно осознавая, что произошло.

После минутной паузы леди Молли спросила:

— Что вы собираетесь делать, леди Айрин?

На лице молодой вдовы не было ни кровинки, а ее глаза застыли, уставившись в одну точку.

— Вы не можете ничего доказать! — вдруг воскликнула она.

— Думаю, вы ошибаетесь. В любом случае, я попробую. В машине сидят две официантки из “Мэгис”, и я уже говорила со служащим шляпного салона “Санчия”. Мы знаем, что у вас были большие сложности при заказе шляпы — вы пытались описать ту, которую видели на мисс Ловенталь, когда однажды встретили ее в офисе мужа. Мы легко докажем, что та встреча имела место. Кроме того, у нас есть доказательства, что вы надели эту шляпу лишь один раз, когда якобы были на концерте — при этом ваше посещение концерта доказать невозможно — и именно в тот день, когда ваш муж был отравлен.

— Да люди будут смеяться над вами! Вы не осмелитесь предъявить мне столь чудовищное обвинение!

— Когда мы представим доказательства и улики в суде, никто и не улыбнется, поверьте мне. А теперь позвольте поведать вам о некоторых результатах нашего расследования — часть того, что услышат суд и господа присяжные. Итак, вы конечно знали о расторгнутой помолвке мисс Ловенталь и мистера Калледона и всеми силами старались, чтобы эта информация не достигла ушей старой миссис Стейнберг — вы прекрасно понимали, что скандал вокруг ее любимого племянника сразу же повлечет исчезновение его (и, соответственно, вашего) имени из завещания тетушки. Вы уволили горничную только за то, что та стала свидетельницей появления мисс Ловенталь в вашем доме. Известно, что миссис Стейнберг указала в завещании, что

если ее племянник умрет раньше вас, то состояние перейдет к вам. Поняв, что мисс Ловенталь жаждет отмщения, решили действовать. Можно убить старуху — но, подумали вы, полиция в этом случае наверняка сразу догадается, кому выгодна ее смерть и кто убил дорогую тетушку. И тогда вам в голову приходит другая идея — осуществив ее, вы унаследуете деньги миссис Стейнберг, которая при этом так никогда и не узнает о любовных приключениях своего племянника. И все это мы легко докажем в суде, как, впрочем, и историю со шляпой, которую вы заказали, оплатили и надели всего лишь раз — в тот самый день, когда “неизвестная” дама отравила вашего мужа.

Громкий смех прервал леди Молли — смех, от которого меня как будто обдало холодом.

— Тут есть одна деталь, о которой вы запомнили, моя дорогая леди Скотланд-Ярд, — проговорила леди Айрин. — Не забудьте в вашей речи на суде указать, что обвиняемая вершила правосудие своими собственными руками.

И не успели мы подбежать к ней, как она поднесла что-то ко рту и мгновенно проглотила.

— Найдите Сондерса, Мэри, быстрее! — закричала леди Молли. — И доктора!

Но когда доктор пришел, было уже слишком поздно. Несчастливая женщина, по всей видимости, неплохо разбиралась в ядах. Понимая, что если преступление будет раскрыто, наказание за содеянное неотвратимо, она не ошиблась в дозе.

Не уверена, что вся правда об этой истории стала известна широкой публике. Леди Молли с самого начала знала, в каком направлении вести расследование — надо было искать честолюбивую, амбициозную женщину, способную на все для достижения своих целей. И действительно, леди Айрин, вышедшая замуж за Марка Калледона исключительно из-за его состояния, не собиралась отказываться от денег ни при каких условиях — более того, ради них она была готова даже на самое жестокое преступление.

Я спросила леди Молли, что натолкнуло ее на мысль о виновности леди Айрин в отравлении мужа — ведь поначалу никому даже в голову не приходило заподозрить ее в убийстве.

— Большая шляпа, — улыбнувшись, ответила моя дорогая леди Молли. — Если бы дама, которую видели официантки “Мэтис”, была высокой, шляпа не показалась бы им такой огромной. Ее обладательница должна была быть небольшого роста, и тогда из-под полей действительно виднелся бы только край щеки. Я сразу подумала о маленькой женщине. Наши ребята из Скотланд-Ярда никогда не задумываются о таких вещах — они ведь мужчины!

Вот видите, как все оказалось просто!

Перевод с английского
Ирины ОЛИМАХ.

наследники

Галина КАЛИНИНА

фото автора и Игоря Яковлева

фа

Ролан Быков приезжал сюда, на окраину Москвы, в поисках исполнителей киноролей. "У твоих детей на лице написан интеллект, их можно снимать в фильмах без репетиций", — вспоминает слова знаменитого актера и режиссера директор лицея Борис Всеволодов.

...Новое профтехучилище "металлообрабатывающего профиля" открылось здесь, в нескольких автобусных остановках от станции метро "Домодедовская", в начале восьмидесятых. Только что построенное здание обживали будущие тонари, фрезеровщики, наладчики станков-автоматов.

В коридорах нового ПТУ элетропроводку закрывали ложные фанерные потолки — в метре восьмидесяти пяти от пола. Разгоняясь, парни запросто прошибали фанеру ловким ударом ноги. Учительницы пробовали, было, читать им нотации, но быстро поняли бесполезность морализаторства — 680 лбов стали грозой района и с трудом поддавались какой-либо "воспитательной работе". Оно и понятно: ребята пришли сюда не столько за профессией, сколько затем чтобы где-то перекантоваться перед армией, а заодно получить аттестат о среднем образовании, раз уж оно обязательное.

К 86-му году, когда в училище появился новый директор, Борис

Всеволодов, здание ПТУ было уже изрядно потрепано. Борис Вадимович, увидев "спортивные достижения" недорослей, только пожал плечами: "Подумаешь, я и не такое могу". И предложил: "Что в кабинете директора с первой попытки выключит свет ногой, тот освобождается от зачета по физкультуре. Только нажать на кнопку надо так осторожно, чтобы выключатель остался цел". Увильнуть от "физ-ры" захотели многие. Глядя на очередную попытку сдать "директорский зачет", Всеволодов не выдержал: "Чего ты пыжишься? Смотри, как это делается!"

Если вы полагаете, что в кабинетах ПТУ началось массовое вышибание выключателей — в порядке тренировки, — то ошибаетесь. Борис Вадимович, серьезно занимавшийся теннисом и боксом, другими видами спорта, пригласил в училище знакомого каратиста. Его "показательные выступления" с разбиванием кирпичей ребром ладони потрясли парней. Те, у кого было меньше пяти троен, получили право... учиться рукопашному бою. Странное дело, но в училище перестали корезить потолки. А Всеволодов едва не лишился... свободы. В одной из газет появилась разгромная статья: корреспондент возмущался, что в ПТУ под видом физкультуры преподается карате. Дело в том, что боевые искусства в 70-х приобрели в стра-

не широкую, но несанкционированную популярность, а потому их причислили к идеологически вредным явлениям. В результате нароте было запрещено заодно с атлетической гимнастикой, женским самбо, хатха-йогой и бриджем. В Уголовном кодексе появилась 219 статья, по которой преподавание этих видов спорта грозило посадкой на пять лет. Словом, на уроках физкультуры в ПТУ были вынуждены вернуться к упражнениям на бревне и перепрыгиванию через козла. Спустя год после скандала в училище та статья в УК была отменена. Но Всеволодова волновали уже совсем иные проблемы.

"Не иначе как рехнулся мужик..."

На производстве есть такое понятие — "кризисное управление", а менеджер, способный вытащить предприятие из ямы, называется "кризисным управляющим". Признаться, эта профессия всегда была для меня загадкой. В самом деле, как может такой специалист искать работу на предприятиях, скажем, пищевой, нефте-

перерабатывающей промышленности или в банновской сфере одновременно? Не раз допытывалась у знакомых, что такого не обычного, оригинального придумал на их еще недавно загибающейся фирме кризисный управляющий — человек со стороны, не знавший ни нюансов их производства, ни особенностей взаимоотношений между людьми? Мне в ответ чертили какие-то графики, показывали схемы, диаграммы... Я решительно отказывалась понимать все это и уж никак не предполагала, что встречу кризисного управляющего в сфере образования, причем начального профессионального образования, которое не избаловано вниманием властей или прессы. Как попал в эту сферу Всеволодов, никакого отношения к педагогике не имевший? За плечами — Московский энергетический институт, должность начальника техотдела Министерства электротехнической промышленности. Назначение директором ПТУ иначе как зигзагом судьбы не назовешь. Причем зигзагом не очень удачным. Придя в училище, Всеволодов очень быстро понял, что "ребенок", которого ему предстоит растить... мертворожденный.

— Я инженер по управлению производством, — рассказывает Борис Вадимович, — и мне не составляло большого труда понять абсолютную бесперспективность и бессмысленность создания этого училища. Как ПТУ может существовать без производственной базы?

Оказывается, здание спроектировано так, что в нем невозможно оборудовать мастерские по металлообработке, негде поста-

вить станин, на которых выпускники училища должны уметь работать. (Для того, чтобы показать ребятам токарный станок, их приходилось возить на предприятия.) Впрочем, и классные комнаты оставляли желать лучшего. Что уж тут виновато — советские "ударные" темпы строительства или энергия оболтусов, пинавших ногами не только фанерные потолки, но уже через шесть-семь лет после новоселья училище требовало капитального ремонта. Специалисты дали заключение, что оно находится в аварийном состоянии — необходимо "прекратить образовательный процесс", чтобы отремонтировать здание и "на-то решить проблему с мастерскими". Ох уж эта формула райкомовских начальников советских времен — "будем на-то решать"! Как?

Если вы мечтаете стать кризисным управляющим или просто хорошим менеджером, попробуйте предугадать дальнейший ход событий. Тут надо иметь в виду, на каком фоне все это происходило. Начало 90-х: развал Союза, летящий в пропасть рубль, разорение предприятий... А у вас в руках — чемодан без ручки: и бросить жалко, и нести тяжело. Ремонтировать училище, создание которого было "абсолютной бессмыслицей" — все равно, что делать мертвому припарни. Впрочем, "остановка учебного процесса" на время ремонта в то время все равно означала закрытие училища... навсегда.

Всеволодов ошарашил начальников из управления профтехобразования, уже почти смирившихся с неизбежностью потери ПТУ, вопросом: "А зачем останавливать учебу и "на-то решать" проблему

мастерских? Давайте учить ребят тем профессиям, которые не требуют сумасшедшего станочного парня, слесарных мастерских и всего прочего"

— И ного же будет готовить училище?

— А давайте создадим учебное заведение, в котором будут учиться одаренные дети.

— А в какой области?

— В области декоративно-прикладного искусства.

— Не иначе как рехнулся мужик, — пожал кто-то плечами.

Вообще-то это называется подрубать сун, на котором сидишь. В "металлообрабатывающем" учебном заведении Всеволодов, на худой конец, мог преподавать электротехнику и еще добрый десяток предметов "по специальности", а вот художник из него, скажем прямо, никакой. Ну, никакого отношения к этому делу Всеволодов

не имеет! Он не рисует, не коллекционирует произведения искусства, не выпиливает лобзиком в свободное от работы время и никогда ничем подобным не занимался. Разве что стихами балуется, но это ж совсем из другой оперы, да и кто не грешил этим в молодости?

Художника обидеть может каждый

У нас до сих пор считается хорошим тоном пенять на "наследие прошлого". В самом деле, что сегодня требовать от людей, переживших такое сложное десятилетие? Выжили — и то слава Богу. Но ведь это логика слабого. Кто-то смирился с тем, что он на дне ямы, а кто-то с самого момента падения пытался из ямы этой выкарабкаться.

— Идея перепрофилирования училища родилась, когда "наверху" была полная... деморализация, — рассказывает Всеволодов. — И я воспользовался бедламом, который там творился.

Реорганизовывались и переименовывались министерства, менялись как перчатки, начальники, на стол которым ложились предложения "снизу"... Руководители "на местах" стонали по этому поводу и ждали, когда "все утрясется" и можно будет наконец-то "начать нормально работать". А когда "все утряслось", выяснилось, что ПТУ по металлообработке превратилось в... профессиональный лицей декоративно-прикладного искусства. Не ломать же уже построенное? Тем более, что за ломку ответственность надо принимать на себя, а за бездействие у нас еще никто, кажется, не отве-

чал. Можно, правда, затоптать ростки...

...Половину здания, в котором размещается теперь уже лицей, когда-то занимало "парфюмерное" профтехучилище. На его место въехала другая организация, которая — знакомая история, не правда ли? — начала претендовать и на оставшуюся, "лицейскую", часть здания. Бог мой, сколько же подобных сюжетов прошло перед нашими глазами за годы приватизации! Сейчас нет смысла ворошить те события, выясняя, кто прав, кто виноват, интереснее другое — логика действий лицеистов. Сколько раз рутинные тяжбы, как в воронку, затягивали умных, талантливых людей, подводя к выводу, что "в этой стране" невозможно заниматься творчеством, невозможно жить — можно только выживать. Да, борясь за помещение, лицеисты тоже участвовали в тяжбах. (Говорят, дело доходило даже до ночных дежурств возле здания — боялись, что туда вселятся самозванные хозяева.) Все это так, но "направление главного удара" директор наметил совсем иное. В лицее решили... прославиться, стать знаменитыми! Говоря словами Всеволодова, "решили работать над имиджем". Логика простая: если вы прозябаете в неизвестности в качестве захудалого училища, то такого "художника обидеть может каждый", а пусть кто-нибудь попробует "обидеть" лицей, который, например, носит имя Карла Фаберже! Прошерстили все учебные планы, решили участвовать во всех выставках — российских и международных, профессиональных и учебных.

Как-то Всеволодов задержался в лицее дольше обычного. Дверь кабинета открыла незнакомая женщина: "С вами можно поговорить?" — "А кто вы, собственно говоря?" — "Я правнучна Карла Фаберже".

Не знаю, действительно ли визит Татьяны Федоровны Фаберже был столь неожидан для Бориса Вадимовича, как он рассказывает, но мне эта история очень нравится. По версии Всеволодова, у Татьяны Федоровны, приехавшей из Франции на несколько дней, оказалось свободное время и переводчик предложил ей съездить в лицей, который "вроде бы готовит ювелиров". Она провела здесь четыре часа, после чего поделилась своей идеей: давно мечталось, чтобы имя ее прадеда носило какое-то учебное заведение в столице России. Она даже к мэру Москвы с этой просьбой обращалась, и он обещал подумать о строительстве такого училища. "Не надо ничего строить, в Москве, оказывается, все уже есть!" — вдохновилась правнучна Фаберже.

— Мы решили сделать так, чтобы нам нельзя было не присвоить это имя! — восклицает Всеволодов.

...Сегодня из 560 выпускников лицея — лица имени Карла Фаберже! — 148 стали лауреатами и дипломантами различных российских и международных профессиональных конкурсов мастеров декоративно-прикладного искусства. Работы лицеистов открывали в парижской штаб-квартире Юнеско выставку "Возрождение Москвы". Несколько лет назад в связи с презентацией лицея... было прервано заседание Госдумы РФ. Понадобился специальный

перерыв, поскольку депутаты "прилипли" к выставочным стендам. Почти половина лицеистов продолжают учебу в высших учебных заведениях. Предприятия едва ли не в очередь выстраиваются за выпускниками лицея. В прошлом году фабрика художественной росписи приняла на работу сразу всю учебную группу. Открытый государственный педагогический университет, просмотрев коллекцию лицейских художников по костюмам, забрал весь выпуск — сразу на третий курс.

"Кто делает брошку для моей модели?.."

Мы живем в век узкой специализации, когда один, к примеру, придумывает фасон пиджака, другой его кроит, третий пришивает рукав, четвертый — карман, а пятый — пуговицы. (Одна моя приятельница уверена, что в поликлиниках скоро появятся лор-специалисты по правой и левой ноздре.) Но ведь давно известно, что специалист подобен флюсу. Помня об этом, Всеволодов предложил объединить идеи, лежащие, казалось бы, в разных "творческих плоскостях", а для этого соединить под одной крышей обучение тех, кто придумывает фасон одежды, с теми, кто расписывает для нее ткань. Здесь же учатся ювелиры, которые делают украшения к этим нарядам, и художники, расписывающие эмалевые вставки к ювелирным украшениям. Если хотя бы один паренек или девчонка из такой "бригады" — творец по характеру, то можно надеяться, что его энтузиазмом заразятся и остальные, возникнет, как говорит Борис Вадимович, "обучающая среда".

Здесь уже начинается соревнование в творчестве — соперничество не ювелиров с ювелирами, предположим, а — творцов. Вот недавно лицейстов пригласили участвовать в выставке клинков. Что интересно: откликнулись не только парни, имеющие дело с металлом, но и девчонки с отделения росписи тканей. Они придумали батик-триптих со сценами охоты. Первые мальчишеские опыты по изготовлению клинков потерялись среди изделий признанных мастеров-оружейников, а вот украшавший стенд лица батик привлек внимание своей оригинальностью. Можно надеяться, что благодаря этому лица снова будет участвовать в подобных выставках, на которых учащих обычно не приглашают, здесь необходим высочайший уровень мастерства.

Есть и другие резоны предложенной Всеволодовым "обучающей среды". На Западе говорят, если хочешь стать политином — иди в Гарвард, если собираешься сделать карьеру в экономе — в Нембридж. Речь не о том, что в Нембридже учат экономе лучше, чем в Гарварде, а все о той же "среде": после Гарварда у тебя появятся друзья-политики (бывшие однокурсники) по всему свету, после Нембриджа — бизнесмены. Я не собираюсь сравнивать Гарвард с лицеем на окраине Москвы, я — о самом принципе, который мы то ли недооцениваем, то ли стесняемся о нем говорить. А логика простая: у молодого человека образуется круг знакомых (друзей-однокурсников), который, простите за прагматизм, "пригодится" ему в карьере. Соберись молодой ювелир открыть свою фирму, например, ему не придется долго искать состоятельных

клиентов — помогут в этом однокурсники с соседнего отделения. Кто как не художник-модельер может порекомендовать богатой клиентке ювелира? Кстати говоря, в училище уже читается курс, как открыть свое дело, как формировать имидж, привлечь клиентов ...

Если сравнить изготовление ювелирного изделия — брошки или кольца — с пошивом наряда, то раньше "рунав" для брошки тоже делал один специалист, а "нарман" пришивал другой. Ювелиров готовили как "пооперационщиков" для госпредприятий. Об этом мне рассказывал один из преподавателей лица Олег Николаевич Жданов.

Рассказ корифея ювелирных дел

— Можно всю жизнь проработать на ювелирном заводе и уметь делать только одну операцию. В советское время в Москве два ПТУ и одна школа художественных ремесел выпускали маленькими группами узких специалистов. Скажем, монтировщик только собирает детали брошки, которые штампует не он. Другой умеет только плавить металл и выливать форму, третий — только полировать, четвертый — закрепщик, напильник закрепляет. Знаете, это как в стоматологии. Один умеет лечить зубы, другой — дергать, третий — вставлять. Но тот, который вырывает зубы, лечить их не умеет. А все называются врачами. Вот и на заводе все называются ювелирами, но каждый всю жизнь сидит на одной операции, а готовый браслет, например, сам сделать не может. Подсмотреть бы за другими мастерами, но на каждый этаж — отдельный пропуск, у каж-

дой двери сидит вахтер. Так что со второго этажа на третий вас не пустят, чтобы вы не знали весь цикл производства и не халтурили на досуге.

Наш лицей впервые стал выпускать ювелиров широкого профиля — тех, которые могут делать готовые изделия.

— Неужели в советское время негде было научиться полному циклу ювелирного мастерства?

— Отвечу на своем примере. Вот я, Олег Николаевич Жданов, на Московскую серебряную фабрику, что была на улице Гиляровского, поступил в 49-м году. Меня сразу посадили за верстак, и я участвовал в изготовлении самых простых вещей. Знаете, ширпотреб всякий — серенки, колечки, браслетики. Там работали старики, которые все умели, все знали, а мы, молодые, делали только одну операцию. Если откровенно, старики говорили так: "Хочешь, чтобы я тебя научил? Беги в гастроном".

— И вы бежали?

— А как же? Человек мог и не показать, как надо делать. Это же *его* талант. Он или подсмотрел что-то у других мастеров, или сам научился — это *его* опыт. В учебниках такого не найдешь.

— А теперь вы сами в лицее — тот, который все знает?

— Да, я тут самый старый. В 70-м году на Кузнецком Мосту открылась первая в Москве ювелирная мастерская, а я в ней стал заведующим. Ремонтировали изделия из серебра и золота, а потом нам разрешили самим их делать — по своему проекту или по рисунку заказчика. В Москве кроме нашей мастерской никто этим не занимался. К нам была запись, женщины в очереди по ночам стояли.

Заказчиками стали интеллигентные дамы, они могли сами что-то придумать, а мы работали по их рисункам. Между прочим я делал серьги с подвесками Эдите Пьехе. Она любит украшения, у нее шея длинная и серьги ей идут.

Однажды понойный Николай Петрович Старостин, наш знаменитый футболист, привез серебряный кубок, который "Спартак" завоевал в Италии. Огромный кубок, сто тысяч долларов стоил, а в самолете упал, и у него отломилась ручка. Старостин ко мне: "Олег Николаевич, меня послали к вам, говорят, только вы можете это отремонтировать". Работа оказалась и в самом деле сложная, там металл надо было тремя горелками прогревать, но мы сделали...

— Трудно поверить, Олег Николаевич, что, вам уже за семьдесят...

— Не хочется быть старым. И еще с бездарными ребятами работать не хочется, но сюда часто дети ювелиров поступают, которые знают, чего хотят, их и после занятий из мастерских не выгонишь. К третьему курсу уже все умеют делать, а, главное, у них в лицее вкус развивают. А то ведь раньше ювелирами нередко становились малообразованные люди. Ему дай рисунок — сделает, а сам ничего нового, оригинального придумать не может. Настоящие же мастера тонкости своего ремесла и сегодня утаивают от других, не хотят делиться опытом, который добыт потом и кровью, годами усердного труда. А что поделаешь — конкуренция...

"Монополька"

Старый метод обучения "ювелирне" за годы советской власти

стал настолько "традиционным", что предложение Всеволодова готовить в лицее не операционщиков, а ювелиров кажется едва ли не революцией. А как же учили ювелиров до... революции?

— Фирма Карла Фаберже была частным, а не государственным делом, — рассказывает Борис Всеволодов. — До революции частные фирмы в России готовили учеников непосредственно в стенах своих производств. С Фаберже работали выдающиеся художники России, они давали будущим ювелирам уроки живописи, рисунка, композиции, а профессионализму рунотворной работы можно было научиться непосредственно у мастеров на фирме. Причем ученики у Карла Фаберже сразу же учились работать с драгоценными металлами.

Монополизация ювелирного дела после революции сопровождалась не только тем, что это производство сосредоточили на крупных государственных предприятиях. Появились возрастные цензы, ограничение прав доступа к драгоценным материалам. Стало невозможно послать ученика на практику на ювелирное производство, если ему не исполнилось восемнадцати лет. А потом он заканчивал училище, уходил в армию и... менял профессию. Сегодня сложилась парадоксальная ситуация: все демонополизировано, появились частные фирмы, изменились экономическая и правовая основы работы с драгоценными материалами, а молодых людей, освоивших основы мастерства в лицее, но не достигших 18 лет, по-прежнему нельзя учить работать с золотом и серебром, драгоценными камнями.

профессиональное воспитание. С малых лет надо воспитать в будущем мастере понимание этических и правовых норм, научить его смотреть на драгоценный металл всего лишь как на материал для работы, а не как на предмет, который можно украсть и на этом поживиться.

Фирмы, понятное дело, работают с золотом и серебром, драгоценными камнями, а потому выпускники лица, каким бы мастерством он ни обладал, вынужден идти на фирму вновь... учеником, на низкооплачиваемую работу. (Если, разумеется, юношу или девушку возьмут туда "по блату".) Причи-

— Сломать барьер чиновников невозможно! — продолжает Борис Вадимович. — Они кричат: "Никаных драгматериалов — начнется такой криминал!" Но это же неправильный подход к делу. Ведь подготовка ювелира — это не только профессиональное обучение, но и

на? А кто будет оплачивать возможный бран молодого человека, который никогда не работал ни с золотом, ни с серебром? Но смогут ли его научить этому в фирме? Понятно, что мастер должен либо зарабатывать деньги, либо тратить время на обучение молодого коллеги. Но зачем ему растить себе конкурента? Получается, не исключено, что выпускникам лица придется, как некогда Олегу Нико-

лаевичу Жданову, решать свои проблемы "через гастроном"...

Появись у лица разрешение работать с драгматериалами, ребята и преподаватели могли бы делать коммерческие изделия — для продажи, а не только для выставок. (Есть что-то очень неправильное в том, что преподаватель сегодня получает в восемьдесят раз меньше, чем его ученик сможет заработать уже через год после выпускного вечера.)

Остается только удивляться тому, какие профессионалы преподают в лицее. Для того чтобы попасть сюда, мало владеть тонкостями мастерства, нужно уметь любить детей и уметь учить их. И нужно быть... интересным человеком. Я не случайно так подробно передала разговор с Олегом Николаевичем Ждановым, который — поистине живая история ювелирного дела. Всеволодов говорит, что найти хорошего ювелира — не такая уж неразрешимая проблема, но очень трудно найти мастера, который был бы *интересен* ребятам. Между интересом к делу и интересом к учителю есть прямая зависимость. Кто знает, когда появляется настоящий интерес к "ювелирке", увлеченность этим делом — когда лицеисты видят шедевры этого рукотворного мастерства или когда общаются с мастером? Всеволодов вспоминает, как в лицее пробовал преподавать высокого класса специалист, приехавший из Армении. Не то, чтобы он не любил детей или не нашел с ними общий язык, но... Они — мастер и лицеисты — были *неинтересны* друг другу. И этот взаимный "неинтерес" сделал свое дело — ювелир продержался в лицее не больше трех месяцев.

Многие преподаватели появились тогда, когда здесь было еще металлообрабатывающее училище. Самой примечательной мне показалась история Елены Викторовны Котляревской. После окончания Энергетического института она, не зная о планах перепрофилирования училища, пришла сюда устраиваться на работу преподавателем электротехники. Всеволодов предложил ей: "Давайте прикинем, что с вами будет через десять лет? Так и будете преподавать электротехнику? А можете представить свое будущее, если вы освоите еще и делопроизводство, если будете знать всю систему управления учебным заведением? Ведь тогда перед вами откроются другие возможности!" Обсуждение будущего Котляревской и училища окончилось предложением Елене Викторовне должности... секретарши в приемной директора. Через два года Котляревская была уже инспектором отдела кадров. А потом она села за парту вместе со своими учениками — учиться ювелирному делу. Рассказывает, мальчишки предлагали ей помощь. Она оценила их иронию и освоила азы профессии за год. Словом, сегодня Котляревская — заместитель директора по учебной работе. Всеволодов называет это — "растить кадры". И, по моему, он прав.

...Когда я уходила из лицея, на встречу мне поднималась очередная делегация иностранцев, которые спешили на экскурсию в салоны. Послышалась английская речь, значит, сегодня в лицее обойдутся без переводчика — Всеволодов убедил (обязал?) преподавателей посещать уроки английского. Что у него еще на уме? ■

www.lgz.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Лучшая Газета

для мыслящих людей

"ЛГ" представляет широкий спектр российской и мировой литературы, дает слово писателям всех направлений, регулярно публикует стихи и прозу (новая тематическая вкладка "Читальный зал"), вступает в диалог с читателями, рассказывает о новых книгах и издательских проектах ("Книжный развал").

"ЛГ" следит за современным состоянием родного языка, отстаивает его право звучать по-русски, учитывая традиции и неизбежность обновления; знакомит с самыми неожиданными гипотезами и новейшими открытиями в разных областях науки ("Научная среда").

"ЛГ" уделяет особое внимание проблемам преподавания в средней и высшей школе, предоставляя слово ученым и педагогам, обсуждает проекты реформы образования и новых учебников XXI века.

"ЛГ" изучает историю и современность, проводит журналистские расследования, прогнозирует главные направления развития общества.

"ЛГ" анализирует политическую ситуацию в стране и мире, заботится о судьбе соотечественников в ближнем и дальнем зарубежье, оказывает консультационную помощь читателям в разрешении юридических проблем.

"ЛГ" сохраняет лучшие традиции легендарной 16-й полосы: в "Клубе "12 стульев" читателя ждут встречи с известными и любимыми юмористами страны.

Отдел распространения тел.: 208-98-55 / факс: 208-97-00. lgzraspr@mail.ru

РУССКАЯ ЭЛИТА

Любовь РУСЕВА

7 мая 1724 года Первопрестольная была поражена невиданным по красоте и величию зрелищем: 70 богатырей — и все до одного писаные красавцы — лихо скакали на подобранных один к одному статных вороных лошадях. Одеты необычные всадники были в богатые зеленые кафтаны, красные камзолы и рейтузы с золотыми галунами. Поверх кафтанов на каждом был надет красный супервест с Андреевской звездой на груди и двуглавым орлом на спине. На головах у них белые напудренные парики и шляпы с плюмажем.

Это были царские драбанты, или кавалергарды¹.

Кавалергардов век не долг...

15 ноября 1723 года Петр Великий возвестил высочайшим манифестом о намерении короновать Екатерину.

Этим событием Петр Великий желал не только воочию явить перед всей Европой могущество новой империи, но утверждал свое несомненное право на сам императорский титул. Сам факт коронации государыни в России доказывал иностранным дворам, что они имеют дело с новым государством. До сих пор царицы не только не венчались на царство, но даже не могли присутствовать на этом торжестве.

Придавая коронации Екатерины политический смысл, Петр, не любивший роскоши, пошел на огромные затраты, чтобы она покорила всех торжественностью и великолепием. Одно платье государыни, заказанное в Париже, стоило 4 000 рублей. Корону и застежку для мантии изготовили в Петербурге, на них потратили 100 000 рублей. Только скипетр и державу использовали прежние, которые “издревле всегда потребляемы были при коронации царей всероссийских”.

Подготовка к торжеству началась заранее, для чего в ноябре 1723 года император отправил в Москву члена Синода Феодосия и графа Петра Андреевича Толстого. Чтобы придать наибольшее великолепие коронации, Петр повелел 31 марта 1724 года сформировать из самых рослых, видных и красивых офицеров конную роту драбантов, или кавалергардов. Лошадей подбирали под рост богатырей и одной масти. Забирали их у всех — вплоть до русских и иноземных купцов. Кавалергардам была присвоена особая форма, поражавшая красотой и богатством. Трубы и литавры были серебряные.

Государь назначил офицерами самых близких к себе лиц: командиром, капитан-поручиком — генерал-лейтенанта Ягужинского, поручиком — генерал-майора Дмитриева-Мамонова, подпоручиком — бригадира Леонтьева и прапорщиком — полковника князя Мещерского. На должности рядовых были выбраны 60 офицеров разных полков. Рота кавалергардов состояла из 74 че-

¹ От фр. *Cavalier* — всадник, + *garde* — охрана.

ловек: 4 офицеров, 60 рядовых, 4 запасных, 1 литавщика и 2 трубачей.

7 мая одна полурота кавалергардов открывала, а другая замыкала коронационное шествие из Кремлевского дворца в Успенский собор. Во время коронации офицеры кавалергардов стояли по сторонам и ступенькам трона. После совершения священного обряда кавалергарды тем же порядком участвовали в шествии императрицы к Вознесенскому женскому монастырю.

По окончании коронации, 25 мая 1724 года, рота была расформирована, и все чины ее возвратились в свои полки, сдав обмундирование в московскую мундирную контору.

Первые кавалергарды, выполнив свою функцию телохранителей и почетной стражи царствующих особ во время коронации, просуществовали меньше месяца. Не долгим был век и других кавалергардов — поскольку это были телохранители, то каждый монарх набирал себе свою команду.

Восстановлены в России они были первой императрицей. 3 декабря 1725 года Екатерина I издала указ об учреждении Кавалергардии с постоянным штатом. Она приказала набрать 60 человек "... из обер-офицеров людей молодых, которые б были из знатного шляхетства росту большого и состояния (т.е. поведения) доброго...". К тому же они должны были быть богатыми, поскольку кавалергардам не полагалось ни казенных квартир, ни "вседневного обмундирования". Так, офицера Никиту Бунина уволили из роты, потому что "за небогатством в кавалергардии быть не может".

Насколько тщательно подбирались рослые и красивые офицеры свидетельствует тот факт, что по приказу императрицы рота должна была быть набрана к середине января 1726 года, но в середине июля она еще не была укомплектована.

Сама императрица приняла звание капитана кавалергардов, а капитаном-поручиком назначила светлейшего князя Меншикова. Кавалергардия получила назначение почетной стражи и участвовала во всех придворных празднествах. Впервые вновь учрежденная рота была представлена государыне в день ее тезоименитства — 26 ноября. В 10 часов утра 40 красавцев-богатырей¹ на богато убранных лошадях собрались на лугах напротив Исаакиевской церкви. Князь Меншиков повел их к Зимнему дворцу, где они в ожидании императрицы выстроились на берегу Невы.

Петр II увеличил штат кавалергардов до 72 человек. Кавалергарды находились также и при коронации императрицы Анны Иоанновны. Но она расформировала роту, будучи недовольной участием некоторых кавалергардов в событиях, сопровождавших ее воцарение. При императрице Елизавете Петровне этой роты вообще не существовало, поскольку ее службу во время коро-

¹ Двадцать других не могли присутствовать из-за того, что мундиры оказались слишком малы и их не успели перешить.

нации и других придворных торжествах исполняла лейб-компания.

Избранная стража

Золотым веком кавалергардов явилось царствование Екатерины Великой. Перед своей коронацией императрица приказала снова набрать Кавалергардию по штатам 1726 года из чинов лейб-компания, распущенной Петром III. После торжеств, вернувшись в Петербург, она издала указ, который имел силу до ее кончины: "В дом Ея Императорского Величества караулу выходить ... пополудни в 9 часов неотменно и как карабин, так и мундир и амуницию иметь в наилучшей чистоте и исправности, волосы на голове у всех всегда были убраны и напудрены и на косах банты черные, волосяные. Кавалергардам из караульных на часы и с часов ходить и сменяться бодро и порядочно и, идучи на часы и обратно, как двором, так и покоями, никаких разговоров между собою и с посторонними не иметь и во время маршрута правую или левою не размахивать. Будучи же на часах, где показан будет пост, от места отнюдь не отходить и карабин к стене не приставлять, а стоять на часах со всякою осторожностью, так же и с караула собою ни для чего и ни под каким видом не отлучаться, помятуя воинские права, что за таковое преступление чинить повелено. При смене караула, которые придут и которым сменяться должно, оных гг. капралам в караульне обучать экзерциции по одному артикулу, а особливо стараться показывать те темпы или приемы, как сменяться на часах; и потом зарядить карабин, и всегда на карауле быть с заряженным карабином и на огнивах иметь нагалицы. Кои ж из чинов Кавалергардского корпуса придут во дворец на караул или кроме караула, чтоб за собою имели людей в ливрее..."

В 1764 году Государыня "пожелала дать кавалергардам новое устройство и новое обмундирование, которое бы и по наружному виду, и по богатству далеко превосходило все прочие войска, включая саму гвардию" и вполне соответствовало бы назначению кавалергардов быть "избранною стражею при лице императорском". 24 марта Екатерина утвердила новый штат. По нему шеф корпуса состоял в ранге полного генерала, поручик — в ранге генерал-поручика, вахмистр — в ранге полковника, два капрала — подполковника, два капрала — премьер-майоры и 60 кавалергардов — в ранге поручика, подпоручика и прапорщика армии. Кавалергардам было присвоено название Кавалергардского корпуса. С 25 марта 1765 года и до смерти (1783) шефом корпуса являлся генерал-фельдцейхмейстер Григорий Григорьевич Орлов.

Главная задача кавалергардов — охрана особы императрицы, где бы она ни находилась. Эти витязи сопровождали ее во всех поездках и путешествиях. Использовала их Екатерина Алексеевна и в качестве фельдъегерей. В течение всего царствования Екате-

рины Великой кавалергарды содержали внутренний караул во дворце, близ покоев императрицы в особой комнате, получившей название кавалергардской. Именно здесь принимала государыня новогодние поздравления иностранных послов.

Особенным великолепием отличались аудиенции, даваемые принцам и послам. Ряды кавалергардов в серебряных латах, с выкованными также из серебра бляхами на руках, богатыми перевязями, лядунками, с развевающимися на касках перьями, стояли по обеим сторонам. Между ними находились дамы в белых русских платьях, сияющие драгоценными камнями, а в самой глубине этого проспекта восседала на троне Екатерина. Смешение цветов, воинских доспехов с алмазами, величественных исполинов с изящными женщинами являли прекраснейший вид, который покорял всех, видевших это неповторимое зрелище. Большинство конфузилось от подобного великолепия.

Вновь прибывшего французского посла Верака, человека остроумного и смелого, предупреждали о впечатлении, производимом приемом при русском дворе. Но он только надсмехался над этими предосторожностями, уверяя, что, находясь при многих государях, не оробеет перед российской императрицей. Когда же настал его черед представляться и пройти сквозь строй кавалергардов, отважный Верак, встретившись с величественным взором русской императрицы, настолько смутился, что заладил, точно попугай:

— Король, мой государь... Король, мой государь... Король, мой государь...

— Он добрый мне приятель, — завершила предисловие Екатерина Алексеевна и ободряюще улыбнулась послу.

Служба в кавалергардах была достаточно сложной. Получить отпуск на продолжительный срок было невозможно из-за незначительного состава корпуса и сравнительно большого ежедневно-го расхода людей в наряды. За просрочками внимательно следили.

Придя к власти, Екатерина Великая стремилась смягчить нравы своих подданных и боролась с различными пороками, пытаясь вытравить их в обществе. От кавалергардов, как от ближайших телохранителей государыни, требовалось образцовое поведение, причем за малейшее нарушение дисциплины их переводили в армейские части. Им не прощался малейший проступок. Даже нижние чины порочного поведения не были терпимы в корпусе. За 34 года царствования Екатерины II без прошения в армию перевели более 20 человек. Единственный случай наложения дисциплинарного взыскания был в 1766 году: "По приказу графа А.Г.Орлова подпоручик и кавалергард Петр Гофман за учиненный им проступок оставлен без очереди на караул на 8 суток".

Кавалергарды должны были вести себя достойно не только на службе, но и находясь в отпуске. В 1775 году кавалергард Алексей Коробьин, находясь в Москве, встретился в панских рядах с

женою сержанта Настасьей Болотиной, которая сообщила ему, что муж ее находится на войне и что она нанимает квартиру близ его дома. Вечером храбрый кавалер вместе с двоюродным братом Михаилом Коробьиним и выгнанным со службы воеводою Халкидонским отправился в гости к Болотиной, у которой застали жену солдата из дворян Татьяну Строилову, и жену “черевешника” (башмачника) Мартына Дегтерева.

Решил ли Дегтерев ограбить Коробьина, или из ревности отомстить, но только когда кавалергард через 10 минут вышел от Болотиной в сени, башмачник вместе с дворником Павловым напали на него и ударили по лицу. Офицер пытался вернуться в комнату Болотиной, да не тут-то было. Черевешник ухватил его за косу и потребовал 100 рублей.

Заслышав драку, Халкидонский выскочил через окно и побежал в дом Коробьина, откуда примчались люди кавалергарда с кошками. Увидев, что их господина бьют, они накинулись на обидчиков. Когда Дегтерев и Павлов скрылись, Коробьин с прислугой ворвались в квартиру первого, где в суматохе один из его людей, приняв лежащего на полу больного человека за хозяина, ударил его раза два дубиной. Были ли удары очень увесисты, или тот потерпевший был сильно болен, только в результате он оказался мертвым.

Любопытно постановление главной полицеймейстерской канцелярии: дамочек, “у коих мужья находятся в походах, по учинении их наказанием кошками, чтоб оне далее в праздности не находились, отослать на фабрику в работу”. Офицеры, хотя и были признаны невиновными в зачине драки и убийстве больного, однако “яко обер-офицерские чины имеющим, в такое презрительное жилище в ночное время входить не следовало, а тем более должно и других от того удерживать и отвращать, то, с производимого дела списав копию, отослать к должному по законам рассмотрению и решению в канцелярию кавалергардского корпуса...” Алексей Коробьин, согласно прошению, был переведен в армию.

Вступив на престол, Екатерина II обратила внимание на карточную игру, процветавшую в столицах, и в 1768 году указом Сенату запретила азартные игры под угрозой тяжелых наказаний. Среди многочисленных картежников оказалось и 2 кавалергарда: капрал корпуса Федор Иванов и Дмитрий Спешнев.

Первый, пойманный в запретительной игре с генерал-майором Поздеевым, подал императрице “повинную”. Екатерина II приказала поступить с кавалергардом “на основании законов” — его приговорили к штрафу в размере годового оклада жалованья.

Спешнев, находясь в 1768 году в отпуске в Москве, обыграл “в банк форо” вместе с целой компанией “темных личностей” комиссионера Михаила Башмакова. Началось дело, но когда 30 мая 1768 года Военная коллегия уведомила кавалергардский корпус о проступке Спешнева, канцелярия корпуса ответила, что “прапорщик Спешнев по желанию его служит Ея Императорскому Вели-

честву и Отечеству в заграничной армии сего года Марта 31 дня отослан в Государственную Военную Коллегию и более в кавалергардах не состоит". Таким образом офицер оказался на фронте.

Особенно нетерпимо было пьянство. Из нижних чинов уволили фельдшера Ивана Иванова, который "являлся часто в непорядочных поступках, а иногда и пьянстве, и более быть уже в корпусе признается неспособным".

Встречались среди кавалергардов и должностные преступления. Первым комиссаром корпуса был Иван Захаров, у которого в 1765 году при сдаче им своей должности оказался недочет в 688 рублей 95 копеек. Любивший выпить комиссар так объяснил недостачу денег: он "прочел" их "ни от чего инаго, как по всегдашней слабости своего здоровья и болезненных иногда припадков".

На докладе, представленном графом Григорием Григорьевичем Орловым, императрица написала: "Прощается. 23 июня 1766 года, Петергоф".

Но не так легко отделался другой комиссар полка. В 1769 году обнаружилась растрата казенных денег у Василия Ласунского, участника возведения на престол Екатерины II. Императрица приказала отослать его в Военную Коллегию "для произведения над ним военного суда". Ласунский признался, что растратил 9 506 рублей 60 копеек на лошадей, которые, к его несчастью, пали. Суд нашел, что "сей проступок учинен им, капитаном Ласунским, весьма дерзновен", а потому приговорил его к повешению, постановив: "до получения на то конфирмации сковать в железа". Екатерина так "конфирмировала" приговор: "В рассуждение прежней его службы, расковать, выключить его из службы".

Многие желали служить в элитном корпусе, но не каждый мог совладать с собой и справиться со своими слабостями. Совершали кавалергарды и серьезные преступления, но в состоянии опьянения. 25 августа 1764 года кавалергард Алексей Нарымов, зайдя в трактир "обер-директора" Саввы Яковлева, заколол на смерть его работника Ефимова. На суде преступник показал, что в тот день "с компанией своим, кавалергардом Севастьяном Малышевым несколько подпил", затем с другим товарищем — Афанасием Меньшим, "ходил к правящему за комиссара, кавалергарду Ивану Захарову для взятия квартирных денег". А поскольку Нарымов был уже тепленький, да у Захарова всегда было что выпить, то нашелся повод.

От Захарова Нарымов направился домой, но почему-то попал на квартиру преображенского фурьера Петра Евсюкова, и "у него напился весьма пьян, так что и чувства не имел". Вот после этого кавалергарда и занесло в злосчастный трактир "знатно для питья". Что он делал в трактире и по какой причине заколол Ефимова, Нарымов "за безмерным пьянством" не помнил, "но что с Ефимовым не только чтоб пред сим какую ссору или вражду, но ни малейшего знакомства не имел... а единственно то учинил с пьянства".

А дело было так: Нарымов, “который в тот трактир почасту прихаживал”, спьяна решил постоять вместо Ефимова за стойкой. Работник этот оказался бестолковый и упрямый — не понял порыва кавалергарда, не пустил его за стойку. Сначала Нарымов бранил Ефимова, затем два раза ударил по щеке. Но работник Яковлева совсем обнаглел и вздумал было выставить неменяемого вон. Оскорбленный непониманием кавалергард вынул шпагу и “кольнул его в брюхо”.

Императрица приказала Военной коллегии учредить следствие. Следственная комиссия “мнение положила, что хотя на основании законов Нарымов и подлежал бы смертной казни, но, как из обстоятельства производимого дела видно, что он то чинил действительно не по другой какой умышленной злости или прежде бывшей вражде, а единственно от пребезмерного пьянства, как бы уже в беспамятстве и, может быть, как за какое-либо от того работника огорчительное ему слово онога заколол”, а потому, приняв во внимание, что Нарымов служил беспорочно 23 года, комиссия полагала Нарымова, “отобрав патент и лиша чинов, вместо смертной казни прогнать шпиц-рутен чрез 1000 человек 12-ть раз и, написав в рядовые, определить для церковного покаяния на род подначальный”.

По окончании следствия Нарымов обратился к императрице с письмом, в котором просил разрешить постричься ему в монахи в московский Данилов монастырь. Резолюция Екатерины: “Лиша его всех чинов, сослать под начал — на церковное покаяние в монастырь”.

Но подобных правонарушений и преступлений за все 34 года существования корпуса, если принять во внимание общее состояние нравственности того времени, среди кавалергардов было немного. Поэтому “Ея Императорского Величества кавалергардский корпус” действительно являлся во всех отношениях образцовым.

Со смертью Екатерины Великой кавалергарды как избранная стража и телохранители прекратили свое существование. Через шесть недель после кончины императрицы, на следующий день после ее похорон, корпус был расформирован. Император Павел позволил им проводить в последний путь любимую государыню, после чего они были распущены. Одновременно с этим был сформирован новый состав Кавалергардского корпуса в составе одного эскадрона, причем все офицеры и половина нижних чинов были назначены из лейб-гвардии конного полка.

31 декабря 1796 года из всех полков гвардии было выбрано дополнительно 300 унтер-офицеров из дворян для формирования еще двух эскадронов. Все три эскадрона кавалергардов участвовали вместе с конной гвардией в церемониях коронации императора и во время пребывания императорской фамилии в Москве содержали во дворце внутренние караулы.

21 сентября 1797 года Кавалергардский корпус был вновь сформирован, и чины его были распределены по своим полкам или уволены в отставку.

11 января 1799 года Кавалергардский корпус снова был сформирован, но на этот раз ему дано особое назначение — составить гвардию императора как магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Отныне он становится полком, лишенным всех привилегий, данных ему еще Петром Великим.

Павел лично назначал офицеров и унтер-офицеров, поручил поручику великого магистра, вице-адмиралу графу Литта выбрать кавалергардов из числа унтер-офицеров из всей гвардии.

С 1800 года полк стал называться “Кавалергардский Ея императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны полк”. Он состоял из трех эскадронов и находился на одинаковом положении с прочими полками гвардии.

— Отныне занимать ему первое место в ряду кавалерийских полков! — заявит сын Екатерины Великой.

“Первый в списках нашей гвардии...”

При императоре Павле кавалергардия лишилась своих особенностей и стала регулярным кавалерийским полком. Александр I сделал его боевым.

14 марта 1804 года был утвержден новый штат полка — в 5 эскадронов, а 26 мая сформирован запасной эскадрон.

Император пожелал иметь полк полноценной боевой единицей и увеличил его до 5 эскадронов. Штат был утвержден 12 декабря 1801 года: 1 шеф, 1 командир полка, 5 полковников (командиров эскадронов), 5 ротмистров, 5 штабс-ротмистров, 23 поручика, 11 корнетов, 5 вахтмистров, 10 эстандарт-юнкеров, 5 квартирмейстеров, 60 унтер-офицеров, 2 литавщика, 1 штаб-трубач, 15 трубачей и 789 кирасир.

Набирали статных и симпатичных. Основное требование — рост не ниже 3 аршин с 10-ю вершками (примерно 186 см). Соответственно всадникам подбирали и лошадей ростом 153 см в холке. Эскадроны подобраны по мастям, ибо красота кавалерийского строя зависит от единообразия лошадей в эскадронах. Кирасиры первого и пятого эскадронов сидели на гнедых лошадях, второго и четвертого — на вороных, а третьего — на серых.

10 августа 1805 года полк выступил из Петербурга на усиление войск Кутузова, действовавших в Богемии против французов. При Аустерлице он находился в тыловом отряде генерала Милютина.

И вот настал черный день для русской армии — день сражения под Аустерлицем. Самоуверенный молодой император фактически отстранил от командования войсками Кутузова. По плану союзного командования русская гвардия должна была находиться в резерве. Кавалергардам же Александр I, уверенный в ис-

ходе боя, вообще приказал готовиться к царскому смотру на случай завтрашней победы: привести в парадный вид одежду и снаряжение. Полк вместо того, чтобы готовиться к битве, стал чиститься, одеваться, пудриться, приделывать чепраки, вновь привезенные из Петербурга.

Но судьба распорядилась по-своему. Гвардейская пехота, которая не должна была принимать участия в сражении, оказалась на направлении главного удара французских войск. Лучшие гвардейские полки — Преображенский и Семеновский — оказались в критическом положении и были обречены на истребление.

С рассветом на биваках кавалергарды услышали пушечный гул, а 1-й взвод 1-го эскадрона корнета Александра Альбрехта повез полковые штандарты в Аустерлиц, где должен был состояться смотр победителей. В это время его полк получил приказ цесаревича поспешить на рыхах. Командир полка, Николай Иванович Депрерадович, боевой кавалерийский генерал, вел 800 палашей, не подозревая, что не пройдет и несколько часов, как его прекрасные витязи покроют себя бесмертной славой. Он был доволен видом своих красавцев-богатырей, был уверен, что полк покорит красотой и бравым видом и союзников, и пленных поверженных противников, а привел их на смертную схватку и покорил врага неустранимым героизмом. Взвод корнета Альбрехта догнал полк на марше и, на свою беду, пристроился в хвост колонны, к 4-му эскадрону князя Репнина.

“Пройдя Аустерлиц, — вспоминал князь Репнин, — увидели мы весь горизонт, покрытый боем”.

— Кавалергарды! Выручай пехоту! — крикнул прискакавший цесаревич.

Едва полк переправился по плотине через Раузницкий ручей и поднялся на берег, как увидел перед собой остатки семеновцев, отбивающих свои знамена у окружившей их кавалерии. “Кругом, ни вправо, ни влево, не видно было русских частей войск, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картины служила почти сплошная стена французской пехоты”. Позади гвардейцев — полузамерзший, с топкими берегами, Раузницкий ручей.

Кавалергарды верно оценили ситуацию и понимали, что идут умирать.

— Первый, второй и третий эскадроны — правое плечо! На помощь преображенцам марш-марш! — скомандовал командир полка.

Боевой порядок эскадрона (по уставу 1797 года) составлял две шеренги с плотностью всадников “до сомкнутых колен”. Три эскадрона богатырей на громадных лошадях боевым порядком врезались в живую вражескую стену. Французская пехота опрокинута. Атака за атакой остановили на короткое время продвижение неприятеля на этом участке, что позволило разрозненным

группам преображенцев и пешей артиллерии свободно перейти ручей.

Пока первые два эскадрона сдерживали наполеоновских гвардейцев, 3-й эскадрон Ушакова поспешил на помощь окруженной неприятелем конной батарее Костенецкого. Здесь все смешалось — прислуга уже дралась врукопашную, но помощь пришла вовремя. Пушки перетаскивали на другой берег. На этом остался полковник Костенецкий с одним орудием. Под его прикрытием оставшиеся в живых кавалергарды первых трех эскадронов и переправлялись через плотину.

Когда первые эскадроны помчались на помощь преображенцам, остальные два и взвод Альбрехта ринулись прямо — на выручку семеновцам, изнемогавшим под натиском конных егерей французской гвардии и мамелюков. Впереди на вороных конях неслись в блестящих белых мундирах богатыри князя Репнина. 4-й эскадрон смял первую линию кавалерии Раппа. На выручку Раппу спешил маршал Бессьер, он вел вторую линию кавалерии — два эскадрона знаменитых "chevaux-noirs". Но к Репнину подошли Оленин и Альбрехт, два эскадрона Бессьера обрушились на правый фланг русских. С левого — еще три эскадрона. Кавалергарды львами бились в кольце.

Семеновцы перебрались через ручей и бессильно наблюдали за смертельной схваткой, уничтожением нашей элиты, пришедшей им на помощь. Они не могли открыть огонь по врагу, так как боялись расстрелять своих. Пехота молилась за спасение кавалергардов, но силы были слишком не равны.

В разгар этой мясорубки еще четыре эскадрона французских конных гренадер, не уступавших по мощи нашим кавалергардам, обрушились с криком:

— Заставим плакать петербургских дам!

Белые колеты кавалергардов растворились среди синих мундиров конногренадер и цветных мамелюков Наполеона. Кавалергарды сражались до конца. Неожиданно к радости русских из свалки вырвались двое — это были корнет Альбрехт и его вахмистр. Пехота приготовилась ружейным огнем помочь им добраться до своих. Да не тут-то было. Под кавалергардами убили лошадей, и они в мгновение ока оказались окружены всадниками противника. Корнет и вахмистр отбивались палашами, стоя спина к спине. Вскоре вахмистр упал, и офицер, имевший уже несколько сабельных ранений в голову, остался один. Корнет продолжал защищаться, он получил сзади удар саблей по голове и почти в тот же момент конный гренадер выстрелил ему почти в упор в лицо, но промахнулся. Альбрехта рубанули по кисти правой руки, палаш упал, и русские увидели, как их богатырь упал замертво. Гвардия рыдала, наблюдая за невиданным героизмом и смертью своей элиты.

Из 260 человек двух эскадронов и одного взвода в живых осталось только восемнадцать, которые ранеными были взяты в

плен. Во время знаменитой атаки Репнин был ранен пулей в голову и контужен в ногу.

Битва кавалергардов с французской армией длилась всего четверть часа. 15 минут боя — и гвардейские полки спасены, знамена не посрамлены, 15 минут боя — и кавалергарды лишились 40% офицерского состава и 1/3 нижних чинов.

Остатки полка, перебравшись через плотину, быстро собрались по “аппелю” и выстроились вдоль ручья в 100 шагах от него.

Полагая, что неприятель прекратил наступление, гвардия отступила к Аустерлицу. У ручья остались только кавалергарды и лейб-казаки. Но командование опять ошиблось. Французская артиллерия, заняв высоты, открыла огонь. Император приказал кавалергардам держаться до сумерек, прикрывая отступление русской армии.

На левом берегу ручья, “сомкнув колена”, стеной стали остатки кавалергардов. На противоположном берегу — на холме стоял Наполеон, окруженный многочисленной свитой. У подножья холма — его гвардия с теми же черными конниками, мамелюками и гидами, только что вернувшимися из своей последней атаки. Французская армия не решилась перейти ручей и возобновить атаку.

По окончании сражения Рапп приказывает привести пленных офицеров к Наполеону.

— Кто старший? — спросил Наполеон.

Ему указали на Репнина.

— Ваше имя?

— Князь Репнин.

— Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?

— Я командовал эскадроном.

— Ваш полк честно исполнил долг свой.

— Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату.

— С удовольствием отдаю ее вам. Кто этот молодой человек, рядом с вами? — указал Наполеон на 17-летнего корнета, раненого саблей в голову и с перебитой ядром ногой.

— Это сын генерала Сухтелена, он служит корнетом в моем эскадроне.

— Он слишком молод, чтобы тягаться с нами.

— Молодость не мешает быть храбрым! — дерзко ответил раненый.

— Хороший ответ, молодой человек! Вы далеко пойдете.

Легендарный командир 4-го эскадрона кавалергардов Николай Григорьевич Репнин (1778-1845) был сыном Григория Семеновича Волконского и Александры Николаевны (Репниной в девичестве). В 1801 году умер старый фельдмаршал князь Репнин. Со смертью фельдмаршала прекратилась мужская линия князей Репниных. Согласно его желанию Александр I даровал

князю Николаю Волконскому с его потомством фамилию Репнина.

В 1802 году Николай Репнин вступил в брак с дочерью графа Алексея Кирилловича Разумовского — графиней Варварой Алексеевной, в которую давно был безумно влюблен. При жизни фельдмаршал Репнин был очень дружен с графом Разумовским. Он желал брака между любимым внуком и дочерью друга и нарочно вызвал Николая к себе в подмосковное село Воронцово в то время, когда туда приехал граф с дочерью. Молодые люди с первого взгляда полюбили друг друга, но брак не состоялся, так как в это время граф Разумовский поссорился с фельдмаршалом, а вскоре Николай отправился на войну в Голландию. Уже после смерти деда молодой князь осуществил свою мечту — он женился на графине Разумовской.

Раненого князя по приказу Наполеона перевезли в аббатство Мельк и обеспечили хороший уход. Французский император решил его жене выхаживать раненого мужа. В Брюне Репнина снова представили Наполеону. Тот даровал князю и всем его кавалергардам свободу.

— Я возвращаю вас императору Александру.

Среди выживших пленных, к радости русской гвардии, оказался и корнет Альбрехт. Сраженный, он упал лицом на перерубленную руку, чем остановил кровотечение, это и спасло ему жизнь. Через несколько часов после боя французский солдат, прельстившись мундиром корнета, чтобы расстегнуть колет, перевернул офицера штыком. Боль новой раны привела его в чувство и “покойник” пришел в себя. Его взяли в плен и перенесли на перевязочный пункт.

Подвиг кавалергардов под Аустерлицем вызвал прилив гордости и восхищения у русских. Потери гвардии были бы гораздо больше, если бы не самоотверженность кирасир, пожертвовавших собой. Полк, впервые увидевший огонь, кровью своей подтвердил царское слово — быть ему первым в списках нашей кавалерии.

В Прусском походе 1807 года кавалергарды находились в резерве армии и участвовали лишь в сражении при Гейльстерге. Во время свиданий императоров Александра I и Наполеона в Тильзите полузэскадрон кавалергардов составлял конвой государя. В Отечественную войну 1812 года четыре эскадрона кавалергардов были назначены в состав 1-й Западной армии и, находясь в V-м резервном корпусе, участвовали в боях при Витебске и Смоленске.

Во время Бородинского сражения кавалергарды вновь покрыли себя славой, хотя и участвовали в нем всего лишь последние полтора часа. Полк был определен в резерв. Каково это было — чудо-богатырям стоять без движения час за часом, наблюдая за гибелью соотечественников?! Давно полдень позади, а они стоят. Кругом ядра рвутся, крики, грохот, а они стоят, теряя однополчан, убитых ядрами.

Вступили они в бой только во второй половине дня, когда наполеоновские войска пошли на последний генеральный штурм и овладели батареей Раевского — центральным редутом. Заметив движение французов, Барклай вынужден был ввести в дело резервы, приказав Шевичу двинуться вперед. Мощное радостное “Ура!” было ответом на этот приказ.

Бригада двинулась рысью и встала за скатом у перекрестка дорог прямо за центральной батареей. Французская кавалерия, кроша нашу пехоту, не обращая внимания на ураганный огонь русской артиллерии, надвигалась тучей. Это была знаменитая атака Коленкура. Центральная батарея от непрерывного огня окуталась дымом. Кирасиры противника прорвали наше каре и обошли батарею с тыла. Когда дымовую завесу отпахнуло ветром, русские увидели, что у укрепления копошились всадники кирасир Коленкура. На батарее началась свалка, во время которой и погиб прославленный французский командир. Наша пехота открыла частый огонь по неприятельской коннице. Те отхлынули, пространство между укреплением и оврагом очистилось. Но только часть кирасир была отброшена. Остальные понеслись за овраг, опрокинули пешую батарею и зашли в тыл пехоте Цыбульского, которая их обстреляла и перешла через овраг в наступление. Пехота легла на землю и кирасиры через нее пронеслись навстречу русской кавалерии, спешившей на помощь своим. За кавалерией Коленкура на батарею Раевского тремя колоннами пошла французская пехота.

“Vive l'Empereur!” — крепло. “Ура!” — постепенно затихало. В три часа пополудни центральная батарея была взята французами.

— Держаться, пока неприятель не сядет верхом на орудия! — приказал начальник 1-й армии.

Подпоручик барон Корф выполнил этот приказ буквально. С двумя конными батареями он стоял на позиции до последнего, а затем, отстреливаясь, двинулся прямо на кавалергардов, которые за возвышенностью не были замечены противником. Французские всадники уже были между нашими орудиями, когда барон, оставив своих, поскакал на возвышение.

— Башмаков! Выручай орудия! — крикнул Корф командиру 1-го взвода кавалергардов.

Корнет не стал дожидаться команды своего начальства и бросился на выручку. Стремительной атакой кавалергарды истребили всех неприятельских всадников, занесшихся в ряды артиллеристов. В это время подъехал к бригаде Барклай.

— Атаковать! — спокойно сказал он Левенвольду.

— Ура! — наконец-то красавцы-богатыри дождались своего часа.

1-й и 4-й эскадроны двинулись рысью, за ними в шахматном порядке — 3-й и 5-й эскадроны под командой Левашева.

Заметив движение кавалергардов, неприятельская кавалерия начала разворачивать фронт.

— Вперед! Стоять! По четыре направо и налево! — слышались их команды. Но было поздно.

— Галопом! Марш! — крикнул Левенвольде. — Командуйте, Евдоким Васильевич! Левое плечо!

Эти слова приказа были последними словами отважного командира — пораженный картечью в голову, последний представитель древней фамилии Левенвольде упал с коня замертво.

Польские уланы все-таки успели развернуться и взяли во фланг кавалергардов, но конная гвардия выручила их, опрокинув стремительной атакой вражескую конницу. Барклай, наблюдавший за боем русской элиты, приказал трубить “апель”, но у одних лошади занесли, другие же в пылу боя и грохота выстрелов не слышали сигнала и понеслись к ручью Семеновка, где собиралась вся кавалерия противника. Около сотни кавалергардов разных эскадронов, увлекшись преследованием, наскочили на ее фронт. Кавалергарды стали собираться к своим офицерам и тоже выстроились. Старшим в этой кучке богатырей оказался поручик Шкурин. Оба фронта: французская конная армия и сотня кавалергардов неподвижно, грозно стояли один против другого. В таком положении застал их дивизионный адъютант Бутурлин.

— Что мне делать, Михаил Петрович? — спросил Шкурин Бутурлина. — Если поворочу налево-кругом, они сядут на плечи. С другой стороны, полковые трубы играют “апель”. Стоять опять же нельзя — неприятелей много, и они все усиливаются.

— На вашем месте я атаковал бы. Это единственное средство к спасению.

— Я такого же мнения, но опасаясь за действия в противность полковому сигналу. Михаил Петрович, голубчик, прошу вас объявить мне приказ атаковать.

— С Богом, поручик! Атаковать!

— С места! Марш-марш! — обрадованно крикнул Шкурин.

Неприятель, слышавший сигнал русских полковых труб, не ожидал атаки. Французская конница смешалась и “дала тыл”. Шкурин, прогнав противника и потеряв несколько человек убитыми и ранеными, возвратился к полку. Таков подвиг кавалергардов под Бородином.

В Бородинском сражении полк потерял 40 офицеров и 93 нижних чинов.

Затем полк принял участие в сражении при Тарутине, Малоярославце и Вязьме.

11 января 1899 года — в день 100-летнего юбилея полка как войсковой части — ему пожаловали новый Георгиевский штандарт с надписями: “За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году”, “1799-1899” и с Андреевской юбилейной лентой. ■

Алла
ДУХОВА:

„Мечтаю

ПОКОРИТЬ МИР...

Они — постоянные участники самых «резонансных» культурных акций и концертов, проходящих не только у нас в стране, но и за ее пределами. На их счету престижные премии и награды... Они обласканы поклонниками и практически не имеют сегодня

соперников. Их считают непревзойденными мастерами в жанре современного танца. Они — это балет «Тодес», чье название уже давно стало синонимом профессионализма и успеха.

Основатель и руководитель «Тодеса», балетмейстер и поста-

новщик номеров — Алла Духова. Кроме того, она руководит школами-студиями современного танца в нескольких городах России и СНГ.

Волевая, преуспевающая дама помогает устраивать судьбы своим воспитанникам, а сама достаточно ранима и не скрывает, что ищет личное счастье.

Мы встретились с руководителем балета "Тодес" в одном из ресторанчиков, где Духова вместе со своим коллективом ужинала после репетиции.

— Алла, вы часто находитесь вместе, даже во время отдыха, не надоели друг другу?

— Что вы! Мы уже как родственники стали, словно одна семья... И в праздники, и в будни — всегда вместе. Делимся проблемами, переживаниями, тайнами и радостями...

— Концерты всегда проходят с аншлагом. На ваш взгляд, почему коллектив имеет такой успех?

— Если честно, то для нас самих это удивительно. Когда начинали, просто делали то, что нам нравится, то, что больше всего любим. Вся наша жизнь сконцентрировалась на танце. Когда я подбираю танцоров, обращаю внимание и на то, как они двигаются, и на их внутреннюю энергетику. Мои ребята живут на сцене, и зрелище получается завораживающим. Их колоссальная энергия передается залу.

— Вы с детства выбрали танцы?

— Танцевала с 11 лет. Танцы — моя первая любовь. Однако так получилось, что в Минске, куда мы приехали с танцевальным ансамблем, меня пригласили пора-

ботать в цирке в аттракционе "Слоны и танцовщицы". Мне тогда было шестнадцать. Помню, долго уговаривала родителей, чтобы разрешили. И началась моя самостоятельная жизнь. Все шло замечательно до тех пор, пока я не сломала ногу. Травма надолго выбила меня из колеи и из цирка в том числе. Что делать? Учиться уже не могла — время упустила. Пришлось устраиваться на работу. Нем только ни была: и на заводе работала, и в магазине продавщицей, и даже дворником, кстати, взяли в ДЭЗ по благу. Вставала в шесть утра, завязывала платок по самые глаза, чтобы меня не узнала одноклассница, живущая в подъезде, где хранились метлы и лопаты. Работала и вожатой в пионерлагере. А потом судьба привела в рижский Дом культуры, где трех танцующих девочек я объединила в коллектив под названием "Эксперимент".

— А как родился "Тодес" и откуда такое название?

— История балета началась с почти любовно-романтического приключения. Как-то на одном из танцевальных фестивалей в Паланге мы познакомились и сдружились с четырьмя питерскими ребятами из брейнерского коллектива "Тодес" (слово это означает сложный рискованный элемент в фигурном катании) и решили объединить команды. "Прикрепилась" к Северо-Осетинской филармонии (раньше ведь все коллективы были при какой-либо филармонии), начали гастролировать, и на одном из концертов нас заметила София Ротару и пригласила в свою программу. Сотрудничество с певицей про-

должалось около пяти лет. Потом мы столько же проработали с Валерием Леонтьевым.

— А почему с ним расстались?

— Дело в том, что ему нужен был постоянный состав. Он очень часто гастролировал, и порой получалось, что его выступления совпадали с нашими "сольниками", тогда приходилось "выдергивать" у него самых лучших танцоров. Поэтому, поплавав друг другу в жилетку, мы решили работать отдельно. Тогда же, кстати, часть ребят из нашего коллектива ушли к нему.

— Вы сказали, что история "Тодеса" началась "романтически". Это, видимо, как-то связано с вашим романом с солистом "Тодеса" Вячеславом Игнатьевым?

— Да. Я влюбилась в него без памяти. При этом была замужем. Андрей (первый муж) и сейчас живет в Риге, работает диджеем на радио. Тогда я уже руководила коллективом, имела хорошие гонорары. И вдруг — встреча со Славой... Она все изменила... Мы прожили вместе шесть лет, потом решили расстаться. Трудно складывалось: я — руководитель, он — подчиненный. Впрочем, у нас отличные отношения, мы дружим по сей день и работаем вместе.

— У вас есть восьмилетний сын, которого в коллективе называют Вованом. Он дитя той любви?

— О, нет. Через некоторое время я встретила человека, за которого вышла замуж. Он — неплохой программист и всегда мечтал уехать в Америку. Что, собственно, и сделал, когда я бе-

ременная была. Вначале страшно переживала. Правда, он и меня звал, но здесь "Тодес", родные, друзья... Я не смогла.

Возможно, некоторые, читая мои откровения, сочтут меня легкомысленной особой, но это не так. Я даже верю в вечную любовь. Просто у меня нет выходов, нет возможности планировать свою жизнь: она отдана коллективу. Все в ней непредсказуемо. Поэтому мне довольно сложно встретить человека, который бы понял и принял такой образ жизни. Чтобы находился всегда рядом, когда нужно, и не мешал, когда не нужно. Таких, похоже, нет... Мужчины не любят независимых женщин. Но я бы посоветовала всем женщинам строить свою судьбу самим, не прячась за мужскую спину. Я заметила, что даже воспитанные и умные мужчины, как только становятся удачливее и богаче, почему-то меняются в худшую сторону. Недаром говорят, "деньги портят". И если благополучие целиком зависит от него, то он чувствует себя благодетелем, а спутницу жизни — приживалкой. Лучше самой зарабатывать...

— Алла, вернемся к творчеству. Ваши танцевальные номера невероятно чувственны, а порой и откровенно эротичны. Интересно, как вы их сочиняете?

— В основном перед сном. Меня вдохновляют любовь и красота человеческого тела, трепетная пластинка. И музыка должна обязательно "завести". Ее нам пишет композитор Алексей Гарнизов, понимающий меня с полудыхания. Каждый номер — маленькая история, буря, возникшая из страсти, боли, любви —

чувств, которые переживаю сама.

— А посвящаете любимым?

— В программе есть несколько номеров, посвященных конкретным людям. Я их ставила, когда находилась на романтическом взлете. Один из последних — под названием "Фото", о том, как меня обуяла ревность. А "Офис" посвящен отношениям с женатым мужчиной... Был такой горький опыт: любовь, переживания, боль... Теперь у меня жесткая позиция — с женатыми мужчинами не связываюсь.

— Получается, что основная тема ваших постановок — взаимоотношения мужчины и женщины?

— Большая часть номеров. Мне кажется, что танец должен вызывать у зрителя только положительные эмоции: либо приятную меланхолию, либо энергетический заряд. А как этого добиться в постановке, точного рецепта нет. Все происходит на уровне интуитивного ощущения.

— У вас только основной состав — 50 человек... Как вы с такой армией справляетесь?

— Сложно, конечно, но мне мои старички помогают. Мы иногда шутим, что в "Тодесе" есть дедовщина. Но она нормально проявляется, без стрессов. Старички, в том числе и Вячеслав Игнатьев, воспитывают молодежь в духе "Тодеса". У нас существует своя иерархия. Я занимаюсь организаторской и постановочной работой. Кто-то из ребят нурирует гастролы, у кого-то обязанности администратора, кто-то ведет детские студии, то есть каждый отвечает за свой участок.

— Вас за глаза подопечные не называют диктатором?

— Все прекрасно понимают, что без дисциплины нельзя. Строгой называли, но не злобно. Ведь в балете только один профессиональный танцор, остальные самородки. Многие девушки имеют спортивное прошлое. В коллективе есть четкая граница — вне работы мы друзья, а как только входим в зал — никакого панибратства. И никто не обижается. Существует такое понятие как профнепригодность. Одна девочка у меня набрала лишний вес, что сразу же сказало на танце, она стала плохо двигаться. Я перевела ее на репетиторскую работу в студию, пока не похудеет. И она понимает, что я права.

— А были громкие уходы со скандалами? Ведь в любом коллективе существуют какие-то интриги.

— Слава Богу, у нас в чешки кнопки не подкладывают. Старемся новеньких как бы пропитать духом "Тодеса" — духом понимания, взаимовыручки. За все время существования от нас ушли единицы, в основном девушки, они выходят замуж и рожают детей.

— Это естественно, трудно представить даму, лет эдак 35, ритмично двигающуюся по сцене...

— Не снажите. Считается, что женщина по-настоящему раскрывается после тридцати. И танцовщица — не исключение. Посмотрите на Майю Плисецкую: когда она танцует, глаз не оторвать. У нас была одна танцовщица, которая в 37 выходила на сцену и молодым еще фору давала. Здесь, главное, постоянно

тренировать себя. Тогда и в 50 можно на сцену.

— С кем из звезд эстрады было наиболее приятно сотрудничать?

— Со всеми. Но выделю Кристину Орбанайте. С ней легко работать. Она в прошлом "балетная". Может станцевать любую мою фантазию. Валерий Леонтьев — суперинтеллигентный человек, трудяга. И Филипп Киркоров. Он просто умничка, такой напор. Кроме творчества, его мало что интересует.

— Не приходилось сталкиваться с их напризами? Ведь многие из исполнителей считают себя звездами и требуют соответствующего к себе отношения.

— За все время, что я работаю со знаменитостями, ставя им номера, не припомню ни одного случая, чтобы кто-то неадекватно прореагировал на мои замечания. Надеюсь, что они уважают во мне профессионала. А потом, у всех разная хореографическая подготовка. Довольно сложно сделать так, чтобы не танцующий певец или певица производили впечатление чут-

ли не танцоров-профессионалов. И я эту задачу решаю.

— Алла, вы счастливый человек?

— Абсолютно счастливых людей не бывает. Я же всегда говорю про себя, что очень счастливый человек, но при этом лукавлю. Каного-то звена все время не хватает. Наверное, так задумано, чтобы у человека всегда была цель. Я, например, до сих пор учусь танцевать у талантливых детей, которые приходят к нам в школу-студию. Пытаюсь освоить английский. Кроме того, давно живу мечтой построить в Подмоскovie деревню "Тодес" — с хорошим балетным залом, бассейном и, конечно, общежитием для ребят: хватит им скитаться по съемным квартирам. Но нужны большие деньги, а их-то сейчас и нет. Впрочем, не унываю, думаю, все получится.

— Чего бы вы хотели добиться для себя?

— Покорить весь мир... и родить еще одного ребенка — девочку. ■

Беседовала

Ксения ЧЕБЫШЕВА.

Федор

Судьба определила ему слишком мало времени. Для жизни — двадцать три года. Для творчества — всего шесть. Но и за столь краткий срок он успел выполнить свое земное предназначение. Его страстность и романтическая возвышенность проявились так ярко и определенно, как, по словам Крамского, “ни у одного из наших пейзажистов”. Лишь позднее художники будут создавать лирические образы русской природы...

Жизнь Федора Васильева сложилась драматично, пожалуй, уже с самого начала. Он родился 22 февраля 1850 года вне брака, и по закону считался незаконнорожденным. (Толь-

Васильев

Софья ПИСКУН

ко после появления первенца родители официально оформили свои отношения и обвенчались.) И из-за этого ему впоследствии пришлось пережить оскорбительные насмешки и унижения. Его отец, Александр Васильевич, окончил гатчинский Сиротский институт, и здесь же ему предоставили место помощника преподавателя русского языка. Но спустя несколько лет должность сократили и Александра Васильевича вынудили уйти в отставку. Он один отправился на заработки в Петербург, и вскоре к нему приехала жена, Ольга Емельяновна с детьми. Поселились в маленьком домике на Васильевском острове. Глава семейства устроился на почтамте мелким служащим. Служба особого достатка не приносила, от постоянного

Мокрый луг. 1872.

безденежья Александр Васильевич часто впадал в депрессию, или, как тогда говорили, “в черную меланхолию”, и в конце концов он запил. Федору, так как семья жила впроголодь, в двенадцать лет пришлось подрабатывать на той же почте. Платили ему гроши, но и этот скудный заработок помогал как-то выжить. Проработав десять лет сортировщиком газет в экспедиции, отец заболел и умер от чахотки в Обуховской больнице. Со смертью отца все заботы о семье уже окончательно перешли к пятнадцатилетнему Федору. Тяготы жизни с самого раннего возраста не могли не сказаться на характере будущего художника, ему были присущи чувство ответственности, сознание долга, ранняя духовная зрелость.

Страсть к рисованию у Федора проявилась довольно рано, и уже в десять лет он поступает в вечернюю рисовальную школу Общества поощрения художников. Школа пользовалась особенной популярностью среди молодежи за демократизм — там учились дети самых разных сословий — и за сильный преподавательский состав. Здесь преподавали в разное время художники И.Н. Крамской, В.С. Журавлев, А.М. Морзухин. Среди преподавателей выделялся Крамской, убежденный противник академической рутин. К нему записывалось больше всего учеников, а воскресные занятия всегда проходили в переполненном классе.

В годы учебы Васильев делает первые, прекрасно выполненные карандашом работы, превосходные копии картин: “Прощание”, “Городской пейзаж” и многих других. В Государственном Эрмитаже хранится весьма популярная в свое время картина французского художника Шарля Жака “Овчарня”, копию которой выполнил Васильев. Сейчас копия находится в Воронежском областном музее изобразительных искусств. Васильев проучился в школе семь лет, и с этого момента начался его путь к самостоятельному творчеству. Некоторое время он работал у реставратора Академии художеств И.К. Соколова, что дало ему возможность не только получить профессиональные навыки, но и познакомиться с творчеством больших художников: русских пейзажистов, немецких, модной тогда Дюссельдорфской школы, французских — Коро, Руссо, Тройона. И это также стало для Васильева своеобразной школой творчества.

Когда ему было лет семнадцать, он познакомился через свою сестру Евгению с Иваном Шишкиным. Молодые люди подружались и вскоре отправились на Валаам, где провели около шести месяцев. Любящая сестра, Евгения Александровна, опека своего брата, написала трогательное письмо будущему мужу, Шишкину: “...Не оставь брата, помоги ему выйти в свет, смотри за ним построже, ведь он молод и неопытен. Мамаша поручила тебе его как родному отцу. И я с мамашей будем молить Бога, чтобы он помог вам”.

Остров Валаам, расположенный на Ладожском озере, всегда привлекал художников своей романтической живописной, хотя и суровой природой. Здесь появились первые листы Васильева из валаамского альбома "Общий вид Главного скита", "Березы у водоема"... Среди рисунков портреты богомольцев, монахов. Трудился он неистово, все больше влюбляясь в природу, делал множество зарисовок, писал этюды. У Шишкина он заимствовал некоторые приемы композиционного построения картины, отточенное мастерство изображения растительного мира. Но творческие позиции художников во многом не совпадали. Характерная особенность пейзажей Васильева — пространственность, иногда кажущаяся совершенно необъятной. И еще Васильев придавал важное значение небу. Шишкин же — второстепенное. Николай Ге, выступая на Первом съезде русских художников, подчеркнул одну из замечательных особенностей живописи Васильева: "Живое, мокрое... Движущееся небо". Еще одно различие в творчестве художников: если для Шишкина главное — рационалистическое начало, точная передача природы, природы, то для Васильева — эмоциональное, романтическое отношение к ней, ее осмысливание в связи с жизнью человека. Так в картине "Деревня" художник живописно и довольно правдиво отражает повседневный быт русской деревни, ее природу. Женщины, занятые стиркой у ручья, избы с дырявыми дощатыми кровлями с остатками соломы, извилистые дороги, лужи с отражением синего неба. Реальное состояние природы передано в живописной колористической гамме, но тем не менее в ней все же присутствует отчасти влияние Шишкина. В следующих его произведениях уже ощущается свое видение мира. Все больше Васильева привлекают определенные моменты состояния природы: надвигающаяся или проходящая гроза, порыв ветра, пробуждение утра или закат, движение облаков. Картина "Возвращение стада" — эмоциональное, романтическое произведение, где художник умело передает средствами живописи порыв ветра, надвигающиеся тучи, шум деревьев, поднимающуюся пыль на дороге, которая как бы подгоняет людей и животных.

Особую роль в творчестве Васильева сыграл Иван Николаевич Крамской. Молодой художник познакомился с ним на "четвергах" Петербургской артели художников. Необыкновенная дружба, несмотря на разницу в возрасте (Крамской был старше его на тринадцать лет), продолжалась до самой кончины Васильева. В переписке со старшим другом, напоминавшей скорее письма-исповеди, Васильев делился своими взглядами на искусство, абсолютно откровенно поверял все свои мысли, сомнения, планы. "...На меня и на мою жизнь смотрят до крайности несправедливо", — пишет он в одном письме из Ялты, и здесь же добавляет о своем желании, "чтобы хоть один человек знал меня всего, всего как есть, всего без

утайки". Письма Васильева — еще одно ценное наследие художника. Они интересны и в литературном плане, с юмором, очень живо и непосредственно написаны. Сам Крамской искренне любил этого юношу с его неумной энергией, талантом, остроумием. Он переживал его радости и горести как свои собственные. "Вы точно часть меня самого и часть очень дорогая. Ваше развитие — мое развитие". Он дал меткую характеристику Васильеву, считая его "поэтом" и "музыкантом" в живописи. И, действительно, в картинах "Осенний лес", а особенно в другой — "Болото в лесу. Осень" чувствуется поэзия, звучит гимн красоте осенней природы, одновременно ощуща-

ется восторженность и легкая грусть. Впрочем, «Болото в лесу. Осень» написана в более веселых тонах. Необыкновенно яркие краски, глубокие красно-коричневые, прямо искрящиеся, охристо-золотистые создают впечатление многоголосого хора, музыкальности, праздничности.

Талантом и поэтичностью Васильева восхищался и Репин. Стоит заметить, что своей энергией, очаровательным остроумием, артистизмом молодой художник привлекал довольно многих людей. А некоторым собратьям-художникам даже казалось, что Васильеву все, что бы он ни делал, достается необычайно легко, как бы шутя и играя.

Оттепель. 1871.

Летом 1869 года граф Строганов пригласил художника в свое имение, находившееся в селе Знаменском Тамбовской губернии. (Кстати, Знаменское когда-то принадлежало Загряжским, родственникам Гончаровых. И именно здесь в августе 1812 года родилась и прожила первый год жизни Наталья Николаевна Пушкина, урожденная Гончарова). Имение находилось в окружении большого парка, вокруг которого раскинулись бескрайние степи, с небольшими озерами и островками на них. Хозяева предоставили в распоряжение художника экипаж, и Васильев с удовольствием совершал дальние

Хрестьянская семья в лодке. 1870.

прогулки. Восторженные чувства с присущей ему пылкостью он изливал в письмах. Матери писал: “Выедешь в степь — чудо! Рожь без границ, гречиха и просо, пчелы с пасеки, журавли да цапли со всех сторон плавают в воздухе, а под ногами бежит ровная степная дорога с густыми полосами цветов ...” Но стоявшая тогда изнуряющая жара не позволяла Васильеву много работать. Так, один этюд он писал почти целый месяц. Спустя некоторое время, под впечатлением красот Знаменского, в том же году он создает одну из лучших своих картин раннего периода “После дождя”, где ощущается полное еди-

нение человека и природы и где ярко выражена лирика художника. Не менее лиричен этюд “Заря в Петербурге”, в ней представлен лишь один момент уличной жизни родного города. Легко узнаваемы озаренные лучами восходящего солнца силуэты зданий: Академия художеств, кунсткамера, шпиль Петропавловской крепости ...

Осенью Васильев вместе с графом Строгановым покинули Знаменское и после краткой остановки в Москве отправились на Украину, в Хотень. Красоты местечка просто очаровали художника. Все приводило его в восторг. “Если бы видели, что здесь за деревья! — сообщал он матери. — Дубы — целый лес — по три и по четыре обхвата, тополя своими верхушками теряются в небе”. Тем не менее в Хотени он написал лишь одну картину “Тополя” и только позднее напишет пейзажи с другими деревьями, так восхищавшими его на Украине.

В 1870 году Васильев вместе с Репиным, его братом Васей, прекрасным музыкантом, и еще одним художником предпринимают поездку по Волге. Инициатором поездки был Федор, он же выхлопотал в Обществе поощрения художников денежную помощь на нее. Их путешествие началось с Твери. Часто на ночевку останавливались на берегу реки, разводили костер, иногда на огонек к их компании присоединялись бурлаки, и велись тогда до самого утра разговоры, конечно же, о тяжелой доле и бурлаков, и художников, да и самой России. Об исключительной впечатлительности Васильева рассказывал Репин, описывая ночную остановку парохода в Плесе, расположенном на гористом берегу в верховьях Волги. “Посмотри, какие звезды! — говорит Васильев. — Бездонное небо и какая широта, туда, вдаль, за Волгу! А над всем — Творец. Помнишь Якова Пасынкова? (Яков Пасынков, герой одноименной тургеневской повести, влюбленный в природу — С.П.). Необходимо зачертить этот мотив! Какая красота! Но вот досада! — вскрикивает он. — Я забыл свой альбомчик”. “Возьми, — предлагаю я свой, — но неужели ты видишь при луне?!”

Репин часто с восторгом вспоминал эту поездку, окончательно подпав под обаяние молодого художника: “Васильев поражал нас на каждой мало-мальски интересной остановке. ...Все ловит магическим карандашом... Не прошло и недели, как мы рабски подражали Васильеву и до обожания верили ему. Его настроение передалось и мне, я почувствовал, что будто мы летим над всем раскинувшимся и исчезающим под нами луговым пространством широкой Волги”.

Результаты поездки оказались неопределимы для всего русского искусства. Известная картина Репина “Бурлаки на Волге” стала этапной и явилась открытием в области бытовой живописи. Три картины, написанные Васильевым, также произвели переворот в пейзажной живописи. Одна из них — “Вид на Волге. Барки”. Для написания ее он использовал множество этю-

дов, зарисовок, рисунков. Сюжет прост: баржи, причаленные к берегу, просушивающиеся после дождя паруса, матросы или бурлаки готовят пищу у костра. Картина построена на контрастах цветовой гаммы, и передает ощущение праздника цвета. Прекрасный мир природы в полной гармонии с человеком. Одновременно реалистическое изображение и возвышенно-романтическое восприятие мира.

Из поездки по Волге художник возвратился уже зрелым мастером. И следующий, 1871 год, стал самым ярким в жизни Васильева. Тогда его картина "Оттепель", вместе с картиной Саврасова "Грачи прилетели", была показана на выставке Общества любителей художеств в Москве и высоко оценена. А на конкурсной выставке Общества поощрения художников Васильеву за нее присудили 1-ю премию, и сразу же с выставки картину купил Третьяков. С этого момента о Васильеве заговорили, как о талантливым, многообещающем художнике. По заказу великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III) он написал копию этой картины, находящейся ныне в Русском музее.

"Оттепель" стала историческим событием того времени в русской живописи. В ней чувствуется эмоциональный, поэтический настрой художника. Известный музыковед и композитор Б.В. Асафьев даже сравнил лирический настрой Васильева в "Оттепели" с лирикой в произведении П.И. Чайковского "Времена года". Но в ней нет ощущения радостного предчувствия весны, как у Саврасова в его знаменитой картине "Грачи прилетели", а, напротив, какое-то необъяснимое чувство тревоги и грусти. Свинцовое, тяжелое небо, черное воронье на рыхлом талом снегу и унылая фигура крестьянина, ведущего за руку ребенка... Эту картину Васильев создавал уже будучи тяжело больным. Болезнь к нему подкралась как-то незаметно. Еще в 1870 году зимой, когда однажды катался на коньках, он сильно простудился и затем, не обращая внимания на недомогание, продолжал усиленно работать. Запущенная простуда спровоцировала наследственный туберкулез. Но тогда он еще не знал, какая трагическая судьба его ожидает. В 1871 году по совету врачей он отправился из Петербурга в уже знакомую Хотень на лечение. В Хотени сделал несколько рисунков и написал небольшую картину "Рожь" — самую радостную за последние годы. Спустя полтора месяца Васильев из Хотени уехал в Крым, в Ялту, где продолжил лечение и провел остаток жизни, написав лучшие свои произведения.

Какой-то злой рок все время преследовал молодого художника. Мало того, что не хватало денег, он никак не мог выбраться из унизительной бедности, так еще прибавилось несколько неприятных обстоятельств. Одно из них, что особенно тревожило, — приближение совершеннолетия. Васильеву исполнился 21 год, и, стало быть, над ним нависло отбывание во-

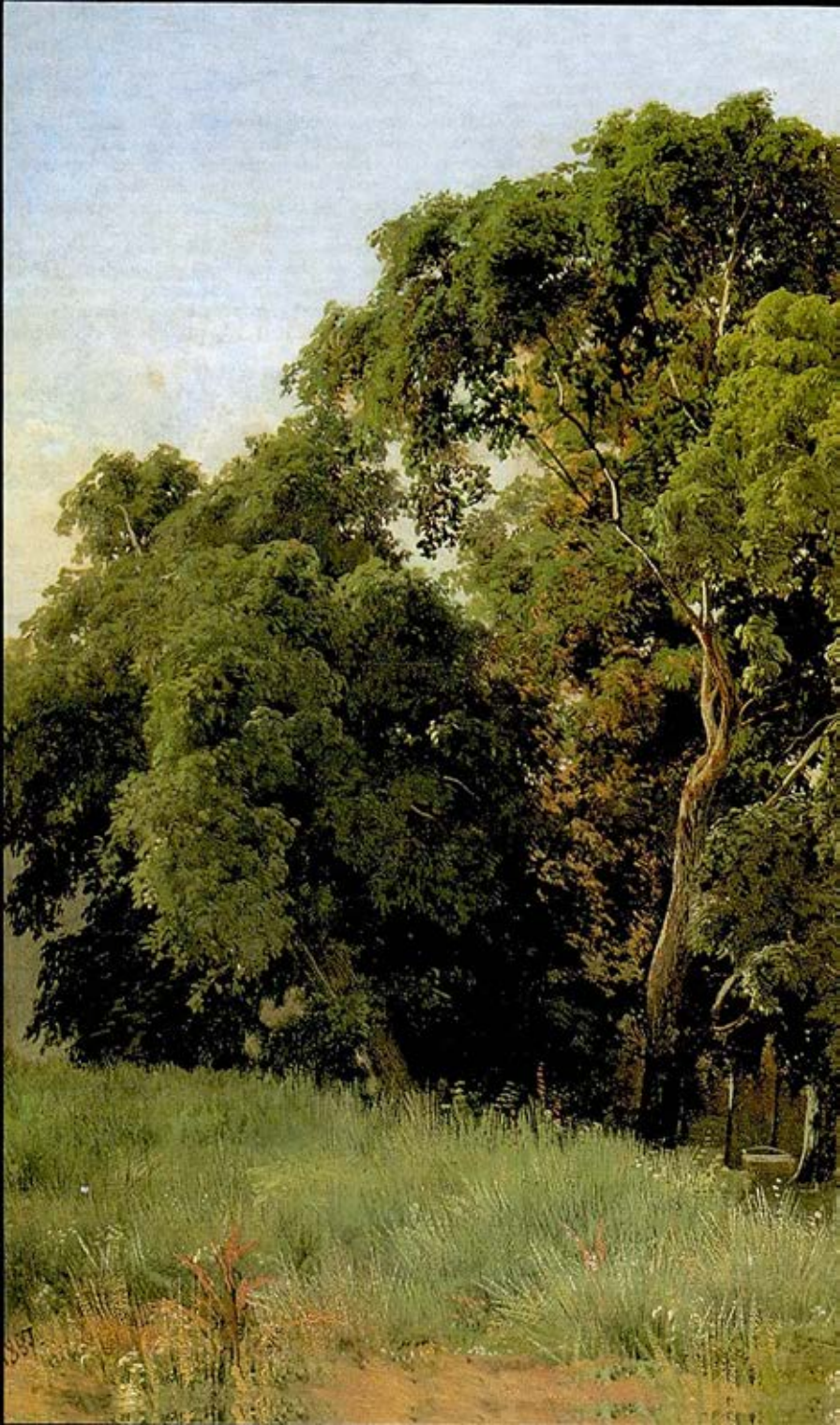

инской повинности. Чтобы как-то отвертеться от призыва в армию, он вынужден поступить вольноприходским учеником в Академию. Руководство Академии направило в Мещанскую управу ходатайство об освобождении Васильева от рекрутского набора. Но, несмотря на это, его арестовали, и только после вне-

После дождя. Проселок. 1867—1869.

сения за него 1 000 рублей (по тем временам весьма крупная сумма) близкими ему художниками, в частности, Крамским и Ге, его отпустили. Другое обстоятельство тоже приносило страдания. Его принадлежность к мещанскому сословию не позволяла иметь паспорт, и он не имел права жить вне пределов Пе-

1857

*В церковной ограде
Старое кладбище Валаамского монастыря. 1867.*

тербурга. В Ялте Васильев жил без всякого “вида на жительство”. Такое положение страшно угнетало и, конечно же, влияло на творчество.

В 1872 году Совет Академии за картины и исключительную одаренность признали Васильева классным художником 1-й степени. Это давало ему возможность получить свидетельство и, соответственно, паспорт, но по уставу Академии он обязан был сдать один экзамен из “наук”. К этому времени здоровье его резко ухудшилось, и он, находясь в Ялте, оказался просто не в состоянии выехать в Петербург. Президент Академии, великий князь Владимир Александрович, не сделал ему исключения и отказал в выдаче свидетельства. Васильев тяжело пережил это сообщение, но ему ничего не оставалось, как смириться с очередным ударом судьбы. Живя в Ялте, он чувствовал себя очень одиноким и свое настроение изливал в письмах друзьям. “...Положение мое самое тяжелое, самое безвыходное: я один, в чужом городе, без денег и больной. Единственная надежда выйти из него — это Вы”, — писал он Третьякову. И друзья ему помогали. Он же расплачивался с ними картинами или же отдавал долг от их продаж. А вот строки из другого письма тоже Третьякову: “Знаете, Павел Михайлович, Вам до смешного завидуют все имеющиеся галереи. Знаете ли Вы это? Ведь у Вас Музей, у Вас история развития русских художников”. А Крамскому восторженно сообщал о приближающейся весне в Крыму: “...Деревья одни цветут, другие покрываются живым изумрудом, трава в пол-аршина, снегу и на горах ни капельки, цветы всевозможных сортов так и лезут из земли. Горы розового тона. Небо — чудного какого-то голубого тона, которого никто не видел на Севере”.

Несмотря на постоянные неприятности и переживания, природа Крыма не могла оставить его равнодушным, и уже в первые же месяцы пребывания там он задумывает картину, самую большую из всех написанных им ранее, которую потом назовет “Прибой волн”, предварительно сделав множество набросков для нее. Он изобразил момент приближения шторма, показав красоту и мощь морской стихии. В письме Крамскому он пишет: “Разлюбезный ты мой друг! Какие, я тебе скажу, тут прелести. Словом, благорастворение воздуха и изобилие плодов земных. А море-то! Море. Тихо катятся перламутровые блестящие волны”.

Из-за материальных трудностей (много денег уходило на лечение, да еще приходилось содержать мать с младшими братьями) Васильев вынужден был брать заказы, хотя они, в большинстве своем, не отвечали его творческим стремлениям. Так, заказанные великим князем Владимиром Александровичем для императорской семьи картины “Горы и море” и “Эриклик. Фонтан” стали просто мучением для его богемной натуры. Особенно тяжело далась “Эриклик. Фонтан”. Ее Васильев писал “с грехом пополам”, заранее предчувствуя плохой результат. “Вчера

начал картину великому князю — преглупейшая и предказаннейшая штука будет”, — сообщал он Крамскому. “Горы и море”, изображающую вид с горы на Ялтинский залив, оценили в 800 рублей, и эта сумма лишь окупила расходы по ее выполнению и уж никак не помогла расплатиться со всеми долгами. Что же касается еще одного заказа — панно для ширм с видами Крыма, задуманного как подарок императрице, то он стал для Васильева просто проклятием. И Крамской, как самый близкий человек, видя мучения друга, постарался забыть его от этой работы. Вообще Крамской всегда откликался на все его тревоги, волнения... Васильев же в минуты слабости не стеснялся изливать ему все, что накапливалось на душе. “Вы там, в своей Серебрянке живете, работаете и прочее, — жаловался он в одном из писем Крамскому. — Оглянитесь кругом, я вижу пустоту около себя: некому и слова сказать, не с кем по душе и об искусстве поговорить, словом, скверно”. Но тоска как приходила, так и быстро уходила, а он продолжал, несмотря на жестокую болезнь, неистово трудиться.

Любуясь южной природой, Васильев тем не менее постоянно вспоминал русскую северную природу, особенно милые его сердцу болота. В Крыму родился по зарисовкам и в основном по памяти, шедевр — картина-воспоминание “Мокрый луг”, поразившая современников свежестью живописи, экспрессией, богатством переходов тонов и полутонов. На ней запечатлен момент единения реальной природы с эмоциональным всплеском человеческой души. За два года пребывания в Крыму Васильев создал двенадцать полотен, и из них ровно половина на тему северной русской природы, множество рисунков и несколько замечательных сепий — все это ценой сверхчеловеческих усилий. Всего же Федор Васильев написал около шестидесяти картин, огромное количество рисунков, акварелей, выпустил несколько альбомов. Последней работой Васильева стала картина “В Крымских горах”, получившая первую премию на очередном конкурсе Общества поощрения художников. В ней мастер достиг вершин с точки зрения многоцветности, эмоциональной насыщенности, лиричности, гармонии человека с природой. И в этом опередил своих современников. Сюжет картины незатейлив, но необычайно тосклив и печален: горное плато, окутанное туманом, сосны, обдуваемые всеми ветрами, одинокая повозка, где сидит женщина с ребенком, рядом медленно бредет крестьянин... И долгая-долгая горная дорога, уходящая в никуда...

“В его пейзаже крымском... есть такая торжественность, такой торжественный шум далекого леса, и эти три сосны вызывают в памяти какие-то забытые стихи... это один из наиболее поэтических пейзажей вообще. Васильев любил природу и понимал ее — ведь это так редко дается человеку!” — писал Крамской в письме Третьякову уже после смерти Федора Васильева, наступившей 24 сентября 1873 года. ■

Вид на Волге. Баржи. 1870

ДЕНИС

Мацуев:

“Первый концерт Чайковского не сыграю и за миллион долларов”

26-летний пианист Денис Мацуев обладает удивительными качествами — богатырским ростом, статью, силой, кипучей энергией, каштановыми кудрями и морем обаяния. При этом он — фантастический виртуоз, победитель XI Международного конкурса имени П.И. Чайковского и одновременно страстный футболист. Самозабвенно играет джаз, обожаем публикой всего мира. Знаменитая фирма “Ямаха” выбрала его своим “лицом” после Святослава Рихтера. На рассвете после победы в конкурсе имени Чайковского в 1998 году английский композитор Эндрю Ллойд Уэббер прислал Денису факс: “Я был уверен в этом. Твой Эндрю”. Йоджи Ямамото подарил кутюрный фрак, но артист предпочитает выступать в классическом. В отличие от многих других уже знаменитых российских исполнителей, уехавших на Запад, Денис живет в России, обожает родной Иркутск и собирается организовать там музыкальный фестиваль.

Несмотря на то, что Денис Мацуев дает по 130 концертов в год, которые еще надо постоянно репетировать, он все же нашел время, чтобы ответить на вопросы нашего корреспондента.

— Как ощущается ваше сибирское прошлое?

— Иркутск — моя родина. Я обожаю это место, приезжаю каждый год, даю концерты для своей любимой публики. Байкал обладает невероятной энергетикой. В пятнадцать лет я приехал в Москву, так как меня заметила программа "Новые имена" и взяла в свою "обойму". Конечно, музыка — это отдельная стезя. Мои родители — пианисты, папа — педагог и композитор. Но моей встрече с программой "Новые имена" помогла судьба: я не мог участвовать в концерте, когда они устраивали прослушивание в Иркутске, так как у нас был футбольный финал, очень ответственный матч двор на двор (я страстный футболист, был центр-форвардом). Никакие разговоры об интересе ко мне руководителей программы не помогли — я не мог подвести команду. Но, к счастью, я успел и гол забить, и в концерте сыграть. Футбол для меня по-прежнему немаловажен, я остаюсь страстным болельщиком.

Когда я приехал в Москву, поддержка программы "Новые имена" была неоценимой: мастер-классы, стипендии, поездки. Я сразу вошел в ритм. Закончил ЦМШ, поступил в Консерваторию к Сергею Леонидовичу Доренскому.

— То есть завоевывать Москву вам не пришлось?

— Не все было легко и гладко, но серьезных испытаний не случалось.

— Вы жили в Москве один или с семьей?

— Полгода прожил у родственников, потом родители броси-

ли все в Иркутске и приехали ко мне. Они верили в меня всегда. Родители — и педагоги, и менеджеры, и администраторы, и импресарио, и домохозяйки. Я — единственный сын. Моя семья всегда и везде со мной.

— Вам важен окружающий быт — предметы, вещи, количество комнат, наличие машины?

— Меня это абсолютно не волнует. Долгое время мы жили скромно, только недавно переехали в центр Москвы. Машину я не водил и не буду, не хочу. Я — человек бешеный. У меня есть водитель, вот он меня и возит.

— Недавно вы подарили "Новым именам" новый рояль?

— Я сыграл благотворительный концерт в посольстве Японии и сборы от него пошли на покупку нового рояля для программы. В течение девяти лет, выступая с "Новыми именами", я прилагал большие усилия по его, т.е. рояля, разрушению.

— А как насчет увлечений молодого поколения — компьютеры, дискотек, модная одежда?

— Я — абсолютно нормальный человек, у меня куча друзей, я обожаю весело проводить время в шумной большой компании. Это по мне, я человек широкий. Было время, когда я следил за модой. Иссия Мияке подарил мне фрак, такой же мятый, гофрированный, как и его платья. Но "от кутюр" — немножко не для меня. На сцене главное — артистизм не в одежде (хотя доля его необходима), а в исполнении. Если мне предстоит играть Шопена, я не могу выйти не во фраке. Рояль и фрак — идеальное сочетание. Компьютер еще не особо вошел в мою жизнь, не

хватает времени. График у меня сумасшедший. Вся жизнь проходит в кресле самолета. Но я уже научился отдыхать и спать в воздухе. К современной музыке я отношусь с интересом. В рок-музыке тяготею к классическим нумирам 60-70-х годов: Rolling Stones, Pink Floyd. Мой большой друг — Эндрю Ллойд Уэббер, автор мюзиклов "Иисус Христос-суперзвезда", "Кошки" и "Призрак оперы". Я ездил к нему на фестиваль в 1995 и 1996 годах под Лондон. Он простой, душевный и очень богатый человек. Я был первым классическим пианистом, игравшим на его фестивале. На "бис" исполнил свои композиции на темы из его опер (я немножко импровизирую и очень увлекаюсь джазом). Кстати, он был первым, кто поздравил меня с победой в конкурсе Чайковского в 1998 году. До сих пор не понимаю, как это произошло. В час ночи по Москве объявили результаты, а в семь утра пришел фанс: "Я был уверен в этом. Твой Эндрю".

— Как началось ваше увлечение джазом, какое место он занимает в вашей жизни сейчас?

— Классика и джаз существуют во мне на равных, развиваются параллельно. Классика — первая любовь, джаз — как любовница. Я не выступаю в джазовых концертах, играю джаз на "бис". Мои нумеры — Оскар Питерсон и слепой пианист Арт Тейтум, обладавший невероятной техникой. У меня обнаружился импровизационный дар. Допускаю, что не все в московской Консерватории меня одобряют, но им и сравнить не с чем. Такого пока не было: лауреат первой премии конкурса

имени Чайковского играет на "бис" свои джазовые композиции. Во время недавнего тура по Америке нанное из моих 45 выступлений заканчивалось джазовыми импровизациями. Пресса признала, что такого еще не было. Джаз всегда со мной, но это — не основное.

— Нет опасности, что ваше увлечение джазом перейдет на коммерческую основу?

— Нет, конечно. Тем более, что я далеко еще не исчерпал репертуар классического пианиста. Но в будущем я хочу сделать какое-нибудь синтетичное шоу, где совместились бы классика и джаз, сольные номера и оркестровые. У меня есть предложения. И у Уэббера есть идеи. Почему нет? Я играл на стадионе, играл под открытым небом, а публика сидела на травке с гамбургерами и кока-колой. Ного-то после Большого зала Консерватории это ломает, меня — нет.

— Концерт отнимает много физических сил. Как восстанавливаетесь?

— Пока я не устаю. Обычно концерт продолжается около трех часов, играю по десять-двадцать бисов. И отдыхать мне не нужно.

— А в футбол продолжаете играть? Это не опасно для рук?

— Сейчас очень редко, элементарно не хватает времени. Иногда хочется потряхнуть старинной. К тому же мне все время внушают, как это опасно. Я ломал левую руку три раза, когда играл в хонкей, — один раз в запястье и дважды пальцы. После чего она стала еще быстрее двигаться. К тому же застрахованным музыкантам нельзя зани-

маться некоторыми видами спорта — волейболом, например, горными лыжами. Но футбол не входит в их число.

— График вашей концертной деятельности очень интенсивен?

— Я даю 130 концертов в год. Это многовато. Постоянные переезды, перелеты, концерты, записи, репетиции. В мае этого года у меня концерты и записи во Франции, выступления в Германии, три концерта в московской Консерватории — с Российским национальным оркестром, с оркестром "Молодая Россия" и сольный, а также поездки по стране. Я никогда не забываю Россию, наша публика — самая требовательная и искренняя, все понимает и чувствует. Если прошел у русской публики — пройдешь везде. Невозможно обмануть русскую душу. Американцев тоже люблю, не потому только, что они сразу встают и начинают кричать.

— Говорят, Святослав Рихтер, гастролируя по России, порой играл на таких разбитых роялях, из которых приходилось выковыривать западавшие клавиши. Когда вы выступаете в России, тоже приходится играть в экстремальных условиях?

— Бывает. Знаете, фирма "Yamaha", лицом которой раньше был Рихтер, передала эстафету мне. Началось все с того, что я играл на рояле "Yamaha", когда выиграл конкурс имени Чайковского. С тех пор везде за границей я играю на своем рояле, который переезжает со мной по всему миру в сопровождении двух настройщиков. Один рояль — для Америки, другой — для Европы, третий — для Азии, четвертый —

дома. Пожалуй, ни у кого из музыкантов нет такой возможности. Раньше я завидовал струнникам, берущим под мышку футляр со скрипкой Страдивари и отправляющимся на гастроли. Я удивляюсь фанатизму тех, кто работает над усовершенствованием рояля "Yamaha". Они добиваются грандиозного прогресса в звучании. В России организовать транспортировку рояля слишком сложно, поэтому на отечественных гастролях я играю на инструментах разного качества.

— Вы выступали со множеством оркестров и знаменитых дирижеров. Кто из них вам наиболее близок?

— После конкурса Чайковского жизнь моя круто изменилась и с каждым годом круг знакомств расширяется. Трудно выделить кого бы то ни было. Знакомство с Владимиром Теодоровичем Спиваковым переросло в необыкновенный контакт и с ним, и с Российским национальным оркестром. Этот человек удивительно талантлив во всех ипостасях. Он достиг невероятного прогресса как дирижер, и оркестр с ним чрезвычайно вырос. И с Марком Горенштейном и его оркестром "Молодая Россия" у нас редкий личный контакт.

— Есть ли у вас любимый концертный зал?

— Зал номер один — Большой зал московской Консерватории. Я дебютировал и в Карнеги-холле, и в Альберт-холле, выступал в Японии, в Париже — танго зала, как в Москве, нет нигде. Надо молиться, чтобы во время реконструкции после следующего конкурса имени Чайковского его

не испортили. Акустика, атмосфера, запах этого зала неповторимы. Самый ответственный концерт для меня — сольный в Большом зале. Но это же и огромный праздник.

— Как вы считаете, виртуозность и эмоциональность, безупречность и артистизм совместимы?

— Все взаимосвязано. Если думать только о том, как бы не зацепить лишние ноты, это сразу отразится на артистизме. Музыкант должен выкладываться весь — и эмоционально, и душевно, и физически. Главное — достичь образа, а каким способом — виртуозностью, эмоциональностью, — дело каждого артиста. Можно быть очень скупым на внешние проявления, но публика будет плакать. Я в принципе никогда не волнуюсь. Считаю, что когда исчезает волнение, заканчивается искусство. Я не согласен. Мое эмоционально-творческое волнение — другого рода. Во мне все кипит, я стремлюсь к своей любимой публике, хочу быстрее выбежать на сцену и начать играть. На конкурсе имени Чайковского многие проиграла именно из-за того, что не справились с нервами.

Мне близок романтический стиль, именно в молодости надо играть романтическую музыку Шопена, Листа, Рахманинова, Чайковского. Старинная и современная музыка требуют интеллекта и опыта, а романтическая — искренности и эмоциональности.

— Как вам, человеку с железными нервами, далась победа на конкурсе Чайковского? Можно ли в музыке побеждать, как в спорте?

— Я не сторонник конкурсов, если честно. Безусловно, это не спорт, и баллы здесь неуместны. Тем более, что в финал выходят музыканты одного уровня. Оценивать невозможно, у каждого члена жюри — свой взгляд. В течение года в мире происходит 160 конкурсов, но настоящих — мало. Конкурс имени П.И. Чайковского в Москве, конкурс Елизаветы в Брюсселе, конкурс Вэна Клайберна в Техасе, конкурс Шопена в Варшаве. С другой стороны без конкурсов карьера музыканта не складывается. Победы — один из наиболее убедительных способов выйти на мировой уровень.

Победить на конкурсе было моей мечтой еще с детства, с Иркутска. На конкурсе Чайковского сложилась неопишуемая атмосфера. И я, несмотря на зеленое сукно стола жюри, рвался на сцену с особым кайфом. Играл для публики и для себя. Параллельно смотрел чемпионат мира по футболу и ходил на туры, где играл в свое удовольствие. Мой профессор Сергей Леонидович Доренский звонил между турами, и мы обсуждали результаты матчей, что тоже помогло. Если бы я занимался по двенадцать часов и слушал всех участников, это бы только помешало.

— Выйдя в финал, вы уже знали, что победите?

— Ни в коем случае. На конкурсе собрались самые сильные пианистические силы мира. Предугадать ничего невозможно. Хотя все мы оставались друзьями, я психологически настроен быть первым.

— Если вам придется выбирать между конкуртом (не своим,

естественно), и матчем, что вы предпочтете?

— Интересный вопрос. Смотря кто играет и тут, и там. Может быть, запишу матч на видеомэгнотофон, послушаю пианиста и, вернувшись, посмотрю матч. Хотя запись не передает атмосферу на стадионе, так же, как и в концертном зале.

— Ного из игронов вы предпочитаете?

— Конечно, мне по душе старое поколение игронов — бразильцы, аргентинцы, испанцы, футболисты-личности. Это более открытый футбол, артистичный. Сейчас игра хотя и командная, построенная на скорости и тактике, но снучноватая.

— Антеры и спортсмены часто снимаются в рекламе. Совместимо ли это со статусом классического музыканта?

— То, что я — лицо "Ямахи" — ничего не значит, это некоммерческий проект. Как вы понимаете, классические музыканты — это не рок-музыканты и не звезды Голливуда или футбола. Хотя по уровню они ничуть не ниже, если не выше. Для меня сейчас главное — мои концерты, расписанные на пять лет вперед. И я знаю, что билеты раскуплены.

— Нанов график ваших перемещений?

— Сегодня — Австралия, завтра — Бразилия. Но я научился преодолевать расстояния. Ничего, нормально: двенадцать часов перелет, потом репетиция, запись. Бывает, приснится, что стою на сцене и должен играть концерт, ноты которого не видел никогда в жизни. Просыпаюсь в ужасе и думаю: "Слава Богу".

— Часто ли вам приходится играть один и тот же репертуар?

— Сейчас, после американских гастролей, я не сыграю Первый концерт Чайковского и за миллион долларов. В ближайший месяц — уж точно. Двадцать пять раз подряд исполнять даже гениальнейшую музыку тяжело. Я стараюсь не играть "на автомате" известные произведения. Это почти невозможно — все импресарио заказывают одни и те же концерты. Приезжая куда-либо не в первый раз, стараюсь не повторять программу. Делать перерывы, чтобы накопить эмоции, не могу — я должен постоянно находиться на сцене.

— У профессора Доренского учились созвездие удивительных молодых учеников — Николай Луганский, Вадим Руденко, вы. Концерт его класса — фейерверк. Что такое новый век российского пианизма?

— Эта идея замечательная. В мире существует мнение, что русская пианистическая школа умирает. Но это абсолютно не так. Можно судить хотя бы по победам на международных конкурсах. Очень важно заявить, что в XXI век мы вошли не на аутсайдерских позициях. Положение русской культуры нелегкое, многие музыканты уехали, старшее поколение уходит. Но у нас есть смена, и есть прекрасные учителя. Я учусь в аспирантуре. Наши отношения с Сергеем Леонидовичем складываются в духе старых традиций общения профессора с учениками: собираемся всем классом, играем, хохмим.

— Вам знакома радость путешествия?

— Обожаю путешествовать. На гастролях график очень плот-

ный, но я всегда нахожу время, чтобы осмотреться. На мою игру все увиденное очень влияет. Собор Парижской богородицы, Пизанская башня, Вестминстерское аббатство, Колизей, Акрополь не могут не потрясти. Нью-Йорк, хоть из стекла и бетона, производит неизгладимое впечатление. Приехать, дать концерт, пройтись по джаз-клубам, расслабиться. В Оверн, под Парижем, я люблю возвращаться. Там жил и умер Ван Гог, это изумительное место для музыкального фестиваля. Меня привлекает именно путешествие, а ни в коем случае не жизнь за границей. Я категорически отвергаю предложения остаться. Как ни странно,

я патриот. Я люблю свою страну и родину, Иркутск. У нас потрясающий красавец-театр, с удивительной акустикой. Бывая на Байкале, я ощущаю его силу каждый день. У меня есть яхта, и мы с друзьями ходим на рыбалку на омуля. Когда встаешь утром и видишь дно на километровой глубине самого чистого в мире озера, это невероятно. Я заряжаюсь там каждый год. У меня есть мысль сделать там фестиваль. В этом году я собираюсь осуществить эту идею, поддержка уже есть. Приезжайте. И погоду хорошую зананем, я поговорю со своими.

Беседу вела

Наталья КОЛЕСОВА.

Запоздалое

ПРИЗНАНИЕ

Леонид ЛЕРНЕР

"Кросна" — как ласточкино гнездо, приютившееся в щелке новоробатского небоскреба. Спасаясь от шума и ярости суперстолитного проспекта, я зашел в уютную тишину маленькой галереи и замер: стены "Кросны" дышали одухотворенными анварелями, пастелями и холстами. В нежных перламутровых облаках летел ангел с розовыми крыльями, из огня и пламени зрил грозный Илья Пророк, Апостолы Петр и Павел вели меж собой неслышимый разговор...

Впрочем, святые эти образы явно выходили за рамки наноа, ибо, таившие суровую трепетность икон, картины были пронизаны живыми ритмами вена, грохочущего за стеной.

— Наталью Ностани ни с кем не спутаешь, — заметила хозяйка галереи Ольга Ностина. — Она вся вышла из той, я бы сказала, фантастической жизни, которой была окружена с пеленок. Творчество ее независимо и свободно. Она не участвует в коммерческих выставках, не режиссирует себя через громкие акции, а ведь могла бы: картины Наташи самобытны, да и имя громкое — дочь Георгия Ностани.

Я вспомнил грандиозную посмертную выставку Анатолия Зверева в еще советском Фонде культуры, где впервые увидел на фотографии легендарного Ностани. Большой элегантный человек (которого Зверев называл "отцом", в доме которого нашел приют и первое

признание) обнимал заросшего щетиной художника-бродягу, а рядом, с улыбкой глядя на них, сидела черноглазая девочка. В дни зверевской выставки этой девочке было уже за тридцать, и она, единственная из семьи Ностани, все еще оставалась в Москве со своими детьми. Затем тоже уехала в Афины. С тех пор каждый год приезжает в Москву, в квартиру на Вернадского, откуда, затравленный доблестными ценовскими идеологами, навсегда уехал из СССР ее отец — человек, сохранивший, открывший миру крупнейшее художественное явление XX века, имя которому — русский авангард.

Мудрость "рыбака"

В книге Георгия Ностани "Мой авангард", изданной уже после смерти знаменитого коллениционера Савелием Ямциновым, я обнаружил поразившее меня откровение: "Авангард в СССР, — заметил автор, — был как озеро, полное красной рыбы, на берегу которого один единственный рыбак — Ностани. Вокруг полно народа, но все — мясоеды".

Это было сказано и про меня, и про того же Ямцинова, моего однонашнина, ибо дане в шестидесятых (ногда собрание Ностани достигло пика), все мы, уже отучившись и варясь, нан нам казалась, в самой гуще скандалов от искусства [таких, к примеру, как хрущевское

"кровоизлияние в МОСХ" в Манеже), знали о собирателе авангарда лишь по слухам. О самом же авангарде имели еще более смутные представления.

Спустя много лет я с волнением ходил по залам мюнхенского Ленбаххауса, который немцы называют музеем Нандинского (хотя здесь представлен отнюдь не только Нандинский), с грустью размышляя о странностях нашего бытия. Георгий Костани, рискуя, собрал чуть не столько же работ Василия Нандинского, сколько в этих залах, но музей родоначальника русского авангарда — в Мюнхене. А в Третьяковке, куда, фактически изгнанный из страны, Костани передал сотни уникальных картин самых известных авангардистов (многие из которых оцениваются ныне семизначными цифрами), они и сейчас в немалом числе пылятся в запасниках. Да, именно здесь, за границей, в блистательном музее русского художника, я с болью думал о том, как поздно и с какими утратами мы оцениваем деяния своих подвижников.

Его вело Провидение. Казалось бы, что еще нужно человеку, дом которого уже полон художественных редностей. "Я собирал старых голландцев, древний фарфор и старинное серебро, бухарские ковры и самаркандские ткани", — читаю у Костани. Но! "Все, что я собирал, уже было и в Лувре, и в Эрмитаже, даже в частных собраниях. Продолжая в том же духе, я мог бы разбогатеть, не больше..." К этой, непостижимой даже для истинного коллекционера, мысли он пришел после того, как движимый фантастической интуицией, приобрел первые авангардистские картины — Ольги Розановой. Принес их домой, повесил рядом с "голландцами" и...

"Возникло ощущение, что я жил в комнате с зашторенными окнами, а теперь они распахнулись и ворвался солнце!"

С этого дня, продав и раздарив все, что собирал раньше, Георгий Костани начал коллекционировать только авангард.

Фактически ничего не зная о художниках-авангардистах (кроме того, что они под запретом), всюду натываясь на полное отрицание этого искусства, либо на разочарование в нем даже таких знатоков, как Николай Харджиев — в недавнем прошлом друг и единомышленник Малевича, Георгий Костани ни разу не усомнился в своем пророческом видении. "Поверьте мне, — уговаривал его Харджиев, — это пустая затея. Авангард теперь никому не нужен, с ним навсегда покончено". "Вы забудете этим мусором свою чистую коллекцию, — предупреждали его коллеги-собиратели, — да подвергнете свою жизнь опасности". Но эти аргументы не действовали, Костани уже сделал свой выбор. От Харджиева он узнал имена — впрочем, самые известные. Остальных — Попову, Крюка, Кудряшова, Редю и многих других Костани нашел сам, сделав их тоже всемирно известными. Он же, собрав самую значительную художественную коллекцию XX века, помог обрести себя и современным русским художникам. В частности, Анатолию Звереву. Квартира Костани стала для него родным домом. Даже после его отъезда Зверев приходил сюда до последнего дня своей жизни.

"...Вы бы стали сэром Костани"

Наталья Костани открывает дверь, я вхожу и в глаза ударяют зверевские краски. Стены, кори-

дор, двери в комнаты, в кухню — все расписано неистовым художником. Тут же висит почерневшая, опаленная огнем "Церковь" — эту картину вытащили из горевшей дачи Костани.

— Дачу, конечно, подожгли, — говорит Наташа. — Отца всеми способами выживали из России.

Георгия Костани выживали из СССР сорок лет. От более тяжелой участи его спасло лишь то, что он не был советским подданным. И, конечно, жестоким компромисс: уезжая, оставил Третьяковке 80 процентов собранных картин — иначе говоря, чуть не всю свою жизнь, а в музей Рублева передал все, до единой — 150 древнейших икон.

Среди этих икон и родилась Наталья Костани — единственная из четверых его детей, исполнившая мечту отца, став художницей.

— Я родилась в Благовещении, — рассказывает она. — Редчайшая икона XV века висела в комнате, где я, младшая дочка, в полном смысле слова, царствовала. Возвращаясь домой, отец входил ко мне, становился на колени и, открыв объятия, восклицал: "Царица моя!" Мы жили тогда на Бронной, в огромной коммуналке — кроме нас еще 10 семей. Кухня была общая, но отец сумел сделать отдельную ванную и туалет.

— Как к нему относились соседи? Я сам родом из коммуналки. Могу представить: живет рядом эдакий "странный" человек...

— Его так и называли: "чудак-грек". Покупает все необычное. Помню в нашей гостиной ампирный шкаф нарельской березы, украшенный черными женскими головками. В хрустальных его оконцах мерцало старое русское серебро.

Порой мне казалось, что я и одета в это волшебное мерцание. А спала рядом с древнейшим иконостасом.

— А в школе, на улице? Вокруг ведь царило безбожие.

— У нас был совершенно открытый дом. Весь класс прошел через нашу квартиру. Отец натаил ребят на своем "лендровере", такой машины больше ни у кого не было.

— Тебя крестили?

— Крестили всех Костани. Крестными были папины родственники и друзья с острова Самос.

— Костани оттуда родом?

— Бабушка родилась на Самосе, в очень знатной семье. Но род обнищал, был на грани разорения и ей позволили выйти за купца.

— Как же они попали в Россию?

— Поехали сюда торговать. Тут и осели. Но всегда оставались греческими подданными. Моему отцу это подданство досталось в наследство вместе с полной экспроприацией. Оно его защищало и в вере, и в работе, и в собирательстве. Он очень любил Россию, принял бы второе гражданство, но об этом тогда не могло быть и речи.

— Расскажи, как у вас появился Зверев?

— Его привел известный мим, режиссер, друг художников Александр Румнев. Он был от Зверева в восторге. Мне же, еще читавшей сказки про принцев, он не понравился: грязный, небритый, полуоборванный... Вдруг принесли ведра с водой, краски, малярные кисти, убрали все ковры, на полу растелили клеенки. И началось: Зверев окунал в ведра огромные кисти, брызгал фонтанами красок, растирал все это веником, ходил по краскам в ботинках. И из всего этого ужаса внезапно, как солнце, по-

Н. Костани. «Благовещение».

являлась картина! При этом Толя говорил какими-то присказками, тут же сочинял диние, но очень веселые стихи. Отец сразу и навсегда полюбил его.

На посмертной выставке художника, о которой я уже упоминал, было множество фотографий Зверева в доме Костани. На одной из них хозяин и художник чокались стаканами. По поводу чего в залах среди зрителей витало: вот, мол, откуда эти картины — писаны за бутылку.

— До встречи с отцом Зверев и в самом деле писал за рубль, за тройк. Папа впервые дал ему понять — что стоят его картины. Наш дом стал своего рода мастерской, где Зверев писал портреты. Желаящих было не счесть. Для Толи это был огромный стимул, не говоря уже о первых в его жизни приличных деньгах. Впрочем... Уходя, он по-прежнему писал за бутылки.

Георгий Костани собирал авангард. Однако, как исключение, покупал и картины молодых художни-

нов. Многие из этих ребят (нынче уже с мировой известностью) были тогда просто беспомощными. Костани, как мог, поддерживал их. Его внимание много значило, все знали, что вкус у него безошибочный. Это признавал сам Роберт Фальк. Фалька считали уже патриархом, когда он встретил молодого Костани. Поназывая ему свои картины, удивлялся необыкновенной точности его замечаний. И, в конце концов, воскликнул: «Слушай, да кто ты таной!» Костани смутился, решив, что чем-то обидел мэтра. Но тот, обняв его, сказал: «Это же просто фантастика — как ты все чувствуешь!»

— Мне кажется, отец родился с этой миссией — дарить людям удивительных художников, — размышляет Наташа. — Иначе просто не понять — откуда таное видение цели, таная страсть, таное везение. Ведь ему во всем повезло, особенно с мамой. Самые страшные враги коллекционеров — их жены. Так вот, мама была ангелом, послан-

ным Георгию Костани с небес. В 19 лет вытащил ее, светлокудрую, сероглазую русскую красавицу, из медучилища и посадил дома. Ее хотели снимать в кино — не пустил. Называл "золотном", дарил шубы и бриллианты. А встретив у кого-то редкую картину, в нетерпении бунвально врывается в наш дом, забирал недавно им же подаренные шубы и кольца, продавал, снова покупал...

— Терпеть таное — действительно ангелом нужно быть, — улыбаюсь я.

— Дверь в доме не закрывалась. К нам шла вся Москва — и деловая, и богемная. А когда появилась коллекция, чуть не весь мир: послы, советники, директора западных музеев, знаменитые писатели, артисты, музыканты. В домашней гостевой книге сохранились редчайшие автографы: Игорь Стравинский, Эдвард Кеннеди, Марк Шагал... Норман Рид, директор Британской Королевской Академии написал: "Сделай вы для Великобритании то, что сделали для России, вы бы стали сэром Костани..."

Знал бы Норман Рид, как он был наивен. За все эти годы у Костани не появился ни один чиновник от культуры, не говоря уже о деятелях из самого ЦК. Боясь верховного гнева, не жаловали коллекционера ни руководящие музейщики, ни прославленные советские искусствоведы, даже такие, как Алпатов и Лазарев. Лишь в дни его отъезда явились к Костани представители Третьяковки, Пушкинского и Русского музеев, причем из Русского приехал сам его директор Пушнарев. Еще бы, ведь речь шла о разделе бесценного собрания — кому, что и сколько достанется.

Позже, живя уже в Греции, Георгий Костани не раз призывал открыть в Москве музей авангарда, предлагая деньги на его обустройство. И вновь получил категорический отказ. А вот фант, который и вовсе не нуждается в комментариях. Последняя в СССР выставка художников-авангардистов состоялась в 1932 году. После чего началось их тотальное забвение. Когда же в "перестройку", спустя 60 лет, в Третьяковке открылась наконец выставка авангарда, почти целиком составленная из произведений, собранных великим коллекционером, Георгием Костани уже не было на этом свете.

Однако признание все же пришло. Незадолго до его кончины в Афинах побывал Савелий Ямценов, снявший большую телепередачу о жизни Георгия Костани. Поразительно, но фант: весной 1990 года, в день смерти собирателя, миллионы (тогда еще советских) людей впервые увидели с телевизионного экрана этого легендарного человека.

Детектив от Шагала

Жизнь свою, с самого рождения, Наталья Костани отождествляет с главными событиями в жизни отца. Она родилась буквально в те дни, когда в доме появился Малевич; играла в школьные диктанты со Зверевым (завидуя парадоксальной грамотности этого бродяги), когда Георгий Костани совершенно мистически обнаружил у вдовы Булганова, Елены Сергеевны, ранние авангардистские гуаши Нандинского; зананчивала Строгановку, когда в Москву, спустя полвека, вновь приехал Марк Шагал. И, отобедав у французского посла, сразу же отправился в дом Костани, заявив,

Шагал (в центре) с женой в гостях у Ностани. 1973 г.

что приехал взглянуть на картины своей юности.

Это произошло в 1973 году. А первое письмо от Шагала неожиданно пришло к Ностани из Парижа еще двадцатью годами ранее. Художник писал, что хочет познакомиться с человеком, который (нак ему сообщили), собирает русский авангард. Просил, если возможно, отыскать кое-что из его пропавших работ. Завязалась переписка. А в середине 50-х Георгий Ностани впервые отправился в Париж.

— Отец вез Шагалу фотографию "Бэллы" — загадочного (неподписанного) портрета первой его жены, о котором спорили знатоки — фальшак или не фальшак, — вспоминает Наташа. — Он хотел узнать,

что скажет художник, сам же считал, что портрет подлинный.

— И что же Шагал? Признал свою "Бэллу"?

— О, это очень странная история. Она стала настоящим детективом для нашей семьи.

Георгий Ностани две недели гостил у Марна Шагала на его вилле в Сан-Поль де Вансе. Однажды, когда они сидели в знаменитом набачке "Золотые голуби", увешанном картинами Пикассо, Матисса, Кандинского и самого Шагала, художник (осведомленный по письмам Ностани о споре вокруг "Бэллы") вдруг спросил: "Ностани, а вы купили тот портрет?" — "Нет, пока не купил, — ответил коллекционер, — хочу узнать ва-

ше мнение". — "Так вот, — торжественно заявил Шагал, — это действительно моя работа. Проверьте, на этом холсте должен стоять номер. В 1917 году было очень трудно с холстами, они все были наперечет. Короче, если номер стоит — покупайте".

— По приезде отец тут же послал за портретом. Безумно волновался. Но все сошлось. На холсте и в самом деле стояла цифра — 10. Однако история "Бэллы" на этом не кончилась...

В 1959 году в Гамбурге состоялась самая большая выставка Шагала, на которую Костани по просьбе художника привез 14 своих "шагалов". В том числе и портрет Бэллы. Но, в отсутствие Шагала, кото-

рый был в это время болен, "Бэллу" не взяли в экспозицию. Костани бросился к дочери Шагала: "Ида, это ведь ранний Шагал! Взгляните, это же ваша мама!" Ида смутилась. Но "маму" так и не признала.

— А вскоре к нам приехала из Ленинграда сестра Шагала Марьяса, — рассказывает Наташа. — Увидев портрет, воскликнула: "Бог мой, это же Бэлла! Я помню даже портниху, которая шила платье, что на ней".

Костани написал Шагалу, как среагировала на "Бэллу" его родная сестра, и получил ответ: "Я же говорил вам, что это моя работа".

Но затем в Москву явилась дочь Ида с еще одной версией: мол, возможно, эту "Бэллу" написал первый учитель Шагала — художник Бен, который, завидуя успехам ученика, невольно ему подражал. На что Костани решительно возразил: "Я слышал, что Шагал никому не разрешал писать свою жену. Известно, когда в Париже Делоне только высказал это желание, Шагал чуть не зарезал его!"

— Самое поразительное в этом "детективе", — говорю я Наташе, — фантастическая настойчивость твоего отца. Просто невероятно: как мог человек, в коллекции которого были уже сотни редчайших вещей, чуть не два десятка лет биться за одну картину?

— В этом весь Костани, — отвечает Наташа.

— И наков же конец этой истории?

— Мы были уверены, что она закончится, когда Шагал придет к нам. Он приехал. Осмотрев коллекцию, сказал: "Костани, это потрясающе! Вы должны быть награждены за этот труд". Тут отец и поднес Ша-

галу свою "Бэллу", поставил перед ним и напомнил: "Марк Захарович, вы трижды сказали, что это ваша вещь. Нанетса, пришло время ее подписать". Шагал помолчал, затем обернулся к своей второй жене Вава: "Вава, как ты думаешь, это я?" Настала тишина. И в этой тишине прозвучали роковые слова: "Я очень сомневаюсь, Марк", — сказала Вава.

На встречу с Шагалом Георгий Костани пригласил молодых художников Владимира Янкилевского и Отара Нандаурова. "Снажите, Володя, — обратился маэстро к Янкилевскому, — а почему вы не приезжаете в Париж?" — "Это очень сложно, — горько улынувшись, ответил художник. — Мы, конечно, можем поехать, но только если уж навсегда".

Владимир Янкилевский вскоре и в самом деле уехал в Париж — навсегда. А в 1978 году настала очередь Георгия Костани. Думал ли Марк Шагал, что причиной этого вынужденного прощания с Россией станет так восхитившая его коллекция. Между тем о "великой коллекции русского гrena" уже давно писали самые известные газеты и журналы мира. Крупнейшие мировые музеи уже не раз предлагали Костани огромные деньги за картины авангардистов... Да и в НГБ поняли наконец, что "греч-чудак", на хобби которого многие годы смотрели сквозь пальцы, собрал, оказывается, целое состояние. И с этого времени Георгию Костани стало жить в Москве крайне неудобно. Одна за другой следуют кражи, горит дача в Бановке, прослушиваются телефоны, ему угрожают, что объявят спекулянтom и будут судить. В отчаянии он пишет Брежневу и Андропову, просит у них защиты —

письма остаются без ответа. Он перестал спать по ночам. И однажды ночью ясно осознал — надо уезжать...

— Я осталась в Москве с мужем — ученым-микробиологом, которому очень важна была его работа, с сыном и грудной дочкой, — говорит Наташа. — К тому же, кончив Строгановку, я только начинала осознавать себя как художник. А в Москве жил человек, который, можно сказать, открыл во мне это сознание — тихий гений, художник и поэт Виктор Гейдор.

— Однако все твои картины, которые я видел, написаны уже в девятые годы.

— Да, так оно и есть. Я шла к ним очень долго. По-настоящему начала писать только в Греции, куда переехала уже после смерти отца.

— Значит, Георгий Костани так и не увидел картин своей дочери?

— Нет, не увидел. При нем я только вышивала. В один из приездов вышила серебряными и золотыми нитями, украсив бисером, икону Божьей Матери и подарила отцу. А после его смерти отнесла в маленький греческий монастырь.

Дочь Георгия

На стене в гостиной висит большой семейный портрет: Наташа, муж Володя и маленькая Дашка, писанный Анатолием Зверевым сразу после отъезда Костани.

— Толя приходил часто, очень тосновал, плакал и расписывал квартиру. Когда отец в последний раз приезжал в Москву, он постоял среди прощальных зверевских художеств и тихо сказал: "Здравствуй, Толя". В том же году Костани не стало. И, будто завещанные отцом, вскоре явились на свет картины Натальи Костани.

— А все-таки... Почему так поздно? Тебе ведь было уже за сорок?

— Мне и самой не верится, что я пишу всего лет десять. Потому что на самом деле — всю жизнь. Кончила Строгановку как дизайнер. Занималась ювелирной, стеклышки расписывала... А живописцем, как говорил незабвенный Гейдор, уже была. Этого даже отец не знал. Хотя, если бы не он, не его коллекция...

Нажется, и я понимаю, почему так поздно родилась ее живопись. Наталья Костани вся вышла из отцовской коллекции, из удивительного сплава иконописи и авангарда. И сколько же времени потребовалось, чтобы этот сплав из семейной легенды перелился в органику всей ее жизни?..

— Я родила и вырастила четверых детей. Переехав в Грецию, как бы перевела дух. Огляделась. Поняла: все, что положено женщине, я совершила. И на душе вдруг стало удивительно покойно.

Этот покой, воздух страны предков, любимый муж, дом, наполненный ребячьими голосами, материальная свобода (Георгий Костани, уходя, сделал все, чтобы дети его не нуждались), позволили Наталье Костани легко и свободно войти туда, куда так долго и трудно стремилась ее душа. И тогда, как озарение, как светлое покаяние, явилась картина "Связь духовного с земным", почувствовала, будто и в самом деле связана с небом, откуда пришло ее Благовещение. С этим "Благовещением" и приехала в Москву, на гремящий Новый Арбат, в тихую галерею, где состоялась четвертая (после Афин, Нью-Йорка и Вашингтона) ее выставка из серии "Женщины в искусстве".

— Искусство Натальи Костани благовестит, несет надежду, — размышляет искусствовед Ольга Костина. — Ее картины, как авторский дневник, фиксирующий путь художника от хаоса к гармонии. Построенные на сочетании открытых цветов — красного, синего, зеленого, желтого, — они пронизаны живым ритмом "бегущей строки".

Говорят, что так писал свои авареги Врубель.

Ее "бегущие строки" подобны лабиринтам, по которым Наталья Костани путешествует, преодолевая первозданный хаос динамичной непрерывного рисунка — как путеводной нитью Ариадны. И, как выход из лабиринта, к свету — симфония красок, напоминающая то поверхность кипящей магмы, то, напротив, прозрачную морскую глубину. Из этих живописных стихий, словно на волнах памяти, возникают лица и линии. Со "Страстной седмицы" глядят Христос, Мария, Отец Небесный... А может быть, земной? Похож на Георгия Костани.

— Для меня он не просто отец, — говорит Наташа. — В его божественной коллекции я всегда ощущала поэтику иконописания. Но сама пишу с той степенью свободы, которую впитала из авангарда.

— Ты любишь приезжать в свой бывший дом?

— Люблю. Володя мечтает совсем вернуться. У нас деревенский дом под Ногинском, яблоневый сад, за садом течет Клязьма. И дети любят сюда приезжать. Но жить тут, наверное, уже не смогут. Вот подрастут, разбегутся, тогда мы с Володией вернемся. И это тоже завещано мне отцом — он очень любил Россию. ■

TELEPHONE

Хью ПЕНТИКОСТ

МЕРТВАЯ КРАСАВИЦА

РИСУНОК **Алексея Остроменцкого**

Жаркая августовская ночь, скорее, жаркое августовское утро, все-таки половина третьего. В небе почти полная, чуть ли не красная луна. Под ней — бассейн в форме песочных часов, над водой две головы. Воздух наполняет аромат цветов, особенно старается глициния, растущая перед кабинками для переодевания у дальнего конца бассейна. В сотне метров, отделенный от бассейна ухоженной лужайкой, — большой каменный особняк, с вьющимся по стенам плющом. Освещены лишь несколько окон, ясно, что в основном дом спит.

Любители ночного купания лениво плещутся в воде.

Мужчина и женщина. В костюмах Адама и Евы. Плавают бок о бок. Мужчина, золотистый блондин, поворачивается к черноволосой женщине. Протягивает руку, нежно касается ее плеча. Они обнимаются. Их соединяет любовь, не страсть. Мужчина отрывает губы от рта женщины и, рассекая воду, идет к краю бассейна. Женщина тянется вслед, как бы говоря, что сожалеет о его уходе, как сейчас, так и вообще, когда ему случается уходить.

Мужчина вылез из воды и вдоль бортика зашагал к столику и плетеным креслам. Взял с одного из них махровый халат, пошарил в широких карманах. Выудил портсигар и золотую зажигалку, достал тонкую длинную сигару, сунул в рот и щелкнул зажигалкой. Но не раскурил сигару.

Огонек пламени привлек его внимание к чему-то еще. Он застыл, словно статуя, глядя на руку, выглядывающую из-за кустов сирени, что темнели в нескольких ярдах от него. Вокруг кипела обычная ночная жизнь: стрекотали цикады, где-то кричала птица, в бассейне плескалась вода. А рука не шевелилась.

Мужчина наклонился, надел халат, сунул ноги в сандалии и направился к кустам сирени. Обошел их, глянул вниз.

— Черт! — вырвалось у него.

Он наклонился, вновь щелкнул зажигалкой. Не дернулся, не произнес ни слова. Огонек потух. Мужчина вернулся к столику и креслам. Подхватил второй халат и пару сандалий. Подошел к бассейну, где все еще плавала женщина.

— Нет желания составить мне компанию, Джулиан? — игриво спросила она.

— Вылезай из воды, дорогая.

Она тут же подчинилась. Встала рядом, мокрая кожа блестела в лунном свете. Он протянул ей халат. Положил к ногам сандалии, чтобы она могла их надеть. Затем крепко сжал ее запястья.

— Лидия, Кэролайн лежит вон за теми кустами сирени.

Женщина рассмеялась.

— Дорогой, я уверена, что ей и раньше приходилось видеть голых людей.

— Она мертва, Лидия, — прошептал он осевшим голосом.

— Какой ужас!

— Ее убили. Кто-то буквально искромсал ее на куски.

— Джулиан!

— Я хочу, чтобы ты ушла в дом. Обойди бассейн с другой стороны. Не надо тебе на нее смотреть.

— Но я...

— Иди, милая. Это забота полиции. Я хочу, чтобы ты им позволила. Скажи, что произошло убийство. Я останусь здесь. Проследжу, чтобы никто к ней не подошел.

— Но как такое могло случиться, Джулиан? Мы же не слышали ни звука.

— Ее убили до того, как мы сюда пришли.

— А Марку позвонить не надо?

— Пусть его разбудит полиция. Позвони им, а затем поднимись в нашу комнату и оденься. В эту ночь нам спать не придется. — Он наклонился и поцеловал ее в лоб. — Иди!

Джулиан наблюдал, как она обошла бассейн и зашагала к дому. Наконец-то раскурил длинную тонкую сигару и застыл, глядя на кусты сирени, в облаке голубоватого дыма, поднимающемся над его золотистыми волосами.

Глава 1

А все начиналось так весело. Штаб-квартира “Джулиан Квист Эссошиэйтс”, одного из ведущих рекламных агентств, расположена в стеклянном пальце, устремленном в небо над Гранд-центральной станции Нью-Йорка. Работают там сам Квист и близкие ему люди. В кабинетах преобладают пастельные тона. Мебель, на первый взгляд какая-то странная, исключительно удобна и располагает как к дружеской беседе, так и к обсуждению деловых предложений. На стенах картины современных художников, из наиболее модных. В приемной царствует мисс Глория Чард, в одном из своих простеньких нарядов от Руди Гернрейха, в котором от нее невозможно оторвать глаз.

В тот день Лидия сидела в кабинете Квиста вместе с Констанс Пармали, его личным секретарем, и Мэрилин Мартин, знаменитой модельершей. Квист, в светло-синем костюме и желтой водолазке, откинувшись на спинку кресла, полузакрыв глаза, курил длинную тонкую сигару, вроде бы не прислушиваясь к разговору трех женщин. Лидия, скорее похожая на топ-модель, а не на блестящего специалиста по рекламе, черноволосая, обворожительная, таинственная, была его женщиной. На втором этаже двухуровневой квартиры Квиста одна комната принадлежала ей. Всю обстановку составляли шкаф, туалетный столик, комод да кресло-качалка. Кровать отсутствовала. Единственная во всей квартире огромных размеров кровать стояла в спальне Квиста. Квартира Лидии находилась в двух кварталах. Там она бывала редко.

Мисс Пармали, личный секретарь Квиста, худенькая рыжеволосая девушка с хорошей фигурой и стройными ногами, смотрела на мир сквозь затемненные очки в роговой оправе.

Мэрилин в свои пятьдесят пять выглядела как минимум на десять лет моложе. Умная, великолепно одетая, обожающая пари-

ки. Голос ее погрубел от бесчисленных сигарет и бокалов мартины, а язычок оставался по-прежнему острым.

— Видела я “Последнее танго”, — вещала Мэрилин. — Знаю все эти слова, все позы. Я в последнее время стала слишком уж романтической. Нравится мне получать от мужчин цветы. Нравится, когда они открывают мне дверь, красиво ухаживают.

Женская болтовня, думал Квист. Может раздражать, если наминает работу отбойного молотка, а может и умиротворять, если любишь тех, кто болтает. Должно быть, подвел он итог, я типичный свинтус, мужчина-шовинист.

— Меня тошнит от молодости, — не унималась Мэрилин. — Для меня романтический ореол — продукт жизненного опыта. Ничего из того, чем кичится нынешняя молодежь, все их свободы, сексуальные и прочие, не прошли мимо моего поколения. В сегодняшнем стиле жизни нет ничего привлекательного. Я намерена вернуть образ зрелой, романтической женщины — Кэрол Ломбард, Джоан Кроуфорд, Ирен Данн, Нормы Шерер¹.

— Вы не так стары, — вставил Квист.

— Но я не ложусь спать допоздна, потому что смотрю старые фильмы, — отпарировала Мэрилин. — Одежда — лишь часть того целого, что делает женщину модной. Тут и ее прическа, ее фигура, ее мораль, ее жизненная философия.

— Вы цитируете другую Мэрилин, — подала голос Лидия. — Мэрилин Бендер, которая пишет для “Нью-Йорк-таймс” о Прекрасных людях.

— Я беру на вооружение все, что мне подходит, — пожалала плечами Мартин. — В шестидесятых годах мода вышла за рамки одежды, у нее появились совсем иные функции. Одежду теперь создают не для того, чтобы людям было в ней тепло и удобно. Нынче одежда должна прибавлять тем, кто ее носит, сексуальную привлекательность.

— Вы цитируете, — повторила Лидия.

— И пусть, — воскликнула Мэрилин.

— Но вы пришли сюда не для того, чтобы читать нам лекцию, не так ли дорогая? — улыбнулся Квист.

— Я пришла, чтобы нанять вас. Я собираюсь разработать новую романтическую коллекцию для зрелых дам. В наше время, чтобы заставить людей купить нечто, что им совершенно не нужно, особенно в больших количествах, необходимы идолы, которым захотят подражать тысячи женщин. Такие, как Жаклин Кеннеди в шестидесятых. Я хочу, чтобы вы создали для меня богиню моды.

— Какие параметры? — спросил Квист.

— Красота, богатство, социальный статус. Ее должны видеть везде. На приемах, где собираются знаменитости, благотворительных обедах, на лучших курортах, вроде Акапулько, в Лас-Ве-

¹ Известные актрисы театра и кино.

гасе, на бродвейских премьерях. Женщина нужна необычная, не какая-нибудь заносчивая особа. В ней должны сочетаться отстраненность и доступность.

— Я предлагаю Лидию. — Квист улыбнулся черноволосой красавице.

— Внешность подходящая, — покивала Мэрилин. — С манерами тоже все в порядке. Но, к сожалению, она небогата и живет с вами в грехе.

Синие глаза Квиста не отрывались от Лидии.

— Раз уж мы согребшили, я отзову заявление с просьбой пожаловать мне арфу и нимб.

— Я люблю вас обоим, — улыбнулась Мэрилин. — Пожалуйста, давайте серьезно.

Квист стяхнул пепел на бронзовый поднос, что стоял на его столе.

— Жаклин Кеннеди имела и другие достоинства, помимо перечисленных вами. Жена человека, занимавшего в то время едва ли не самый важный пост в мире. Ее, как первую леди Соединенных Штатов, стремились запечатлеть на пленке фотографа всего мира. Каждое ее движение, каждое платье, которое она надевала, оставалось для истории. Ей не приходилось заботиться о рекламе. Ее рекламировали независимо от того, хотела она этого или нет.

— Найдите мне нужную женщину, а потом вы сможете сделать ее не менее знаменитой.

— Богатую, красивую, за тридцать, с социальным статусом, — уточнила мисс Пармали.

— И не живущую в грехе, — добавил Квист, улыбнувшись Лидии. — Ты думаешь о той же кандидатуре, что и я, дорогая?

— Кэролайн Стиллуэлл, — без запинки ответила Лидия.

— Жена Марка Стиллуэлла? — хищно сощурилась Мэрилин.

— Достаточно известная кинозвезда, удалившаяся от дел ради любви, — заметил Квист. — Она вышла замуж за принца в мире финансов. У нее дом в Нью-Йорке, дом в Уэстчестере, дом в Палм-Бич, квартира в Лондоне. Она очаровательна, с безупречными манерами, ей тридцать пять. Можно сказать, вторая Грейс Келли.

— Принц финансов! — фыркнула Мэрилин. — Сегодняшние миллионеры не те великие бароны и пираты, что создали эту страну. Они делают деньги на финансовых манипуляциях. По существу, они всего лишь изобретательные бухгалтеры.

— Не каждый мужчина может стать президентом Соединенных Штатов или принцем Монако, — отпарировала Лидия. — А главное, они платят по счетам.

— В нашем случае ситуация иная, чем с теми двумя куколками, — покачала головой Мэрилин. — Они делали модельеров и кутюрье знаменитыми, надевая их одежды. Те, чьи одежды они надевали, считали себя фантастически счастливыми. У нас все по-

другому. Вы должны убедить ее носить разработанную мной одежду, она должна появляться в тех местах, где мы хотим ее видеть, делать то, о чем мы ее попросим. Она должна согласиться играть с нами в одной команде. Почему вы оба решили предложить мне Кэролайн Стиллуэлл?

— Потому что знаем ее, — ответил Квист. — Она была клиентом нашего агентства, когда снималась в фильмах. Ей я могу выложить все карты на стол, а не ходить вокруг да около. Она или согласится, или откажется.

— Но с чего бы ей соглашаться?

— Потому что у вас потрясающая одежда, — объяснил Квист. — Потому что ни одна женщина не устоит перед предложением каждый раз выходить из дома в новом наряде. Потому что она, возможно, найдет наше предложение в чем-то и забавным. И потому, что она может оказать услугу друзьям. Сколько вы готовы ей заплатить?

Брови Мэрилин взлетели вверх.

— Да у нее и так денег хоть пруд пруди!

— Вас, возможно, и удивит, но жена богатого мужчины никогда не откажется от карманных денег, — заметил Квист. — С ее точки зрения этот аспект только повысит привлекательность контракта.

— Это я оставляю на вас. А что у нее за муж... Марк Стиллуэлл?

— Поглощен своими делами, — ответила Лидия. — Красивый, атлетически сложенный, но весь в делах.

— Если он такой деловой, что даже не обращает внимания на вас, дорогая, будьте уверены, он гомик, — фыркнула Мэрилин.

Лидия посмотрела на Квиста.

— Может, он боится Джулиана.

Мэрилин наставила на нее сверкающий бриллиантами палец.

— Если жизнь в грехе отваживает от тебя других мужчин, ты об этом горько пожалеешь.

— Я впала бы в отчаяние, если б другие мужчины не подкатывались ко мне, — притворно вздохнула Лидия. — Джулиан мог бы подумать, что я недостойна его внимания. Но Марк Стиллуэлл взбирается по золотой лестнице, уходящей в небо. И не намерен смотреть по сторонам, не поднявшись на последнюю ступеньку.

— А беда в том, что он не знает, какая из них последняя, — добавил Квист.

— Так ему наплевать на жену? — обеспокоилась Мэрилин. — Мне не нужны семейные скандалы.

— Скандалов не будет, — заверил ее Квист. — Жена для него — важный социальный символ. Рядом с ней он смотрится настоящим мужчиной. Более того, она его любит и готова ждать, пока он достигнет вершины. С ней стоит поговорить, Мэрилин. Ей, возможно, захочется разнообразить долгое ожидание. Будет хуже, если она откажется и нам придется искать кого-то еще.

На следующий день Квист пригласил на ланч двух ослепительных красавиц. Их появление произвело фурор в "Заднем дворе" Уилларда. Летом этот ресторан Квист предпочитал всем остальным. Собственно, это и был тенистый дворик. Все, как один, повернулись, когда сам Уиллард провел Квиста и его дам через главный зал к столику в садовой зоне. Лидию, черноволосую, знойную, экзотическую, и Кэролайн Стиллауэлл, естественную блондинку, с высокими скулами, чувственным ртом, серо-зелеными глазами. Да и сам Квист, с превосходной фигурой, модно подстриженными золотистыми волосами, в темно-синем блейзере, который сидел на нем, как литой, получил свою долю внимания, естественно, от женщин.

— Два очень сухих мартини со льдом, — заказал Квист, когда они сели за столик, — и, если я не ошибаюсь, Кэролайн, дайкири.

— Ты не ошибаешься, — Кэролайн оглядела переполненный дворик. — Как мило! — Голос, однако, не выражал эмоций. — На ланч я теперь никуда не выхожу. Днем Марк вечно занят. Я думаю, некоторые из этих людей помнят меня по прошлому.

— Какому прошлому! — воскликнул Квист. — Они смотрят на тебя, потому что ты потрясающая женщина.

— Благодарю вас, сэр. Я-то уже думала, что вы двое совсем меня забыли. Мы больше не видимся.

— Во-первых, у нас полно дел, — ответил Квист, — а во-вторых, мы не возвращаемся в круг Прекрасных людей.

— А почему? Вы оба такие красавцы. Вы все еще влюблены друг в друга?

— Я держу Лидию, потому что она иной раз может предложить отличный слоган, — пояснил Квист.

— А я остаюсь с Джулианом, потому что он мой босс, — подыграла ему Лидия.

— Как хорошо, что у вас полное взаимопонимание, — улыбнулась Кэролайн.

Официант принес запотевшие бокалы.

Они молча подняли их и пригубили заказанные напитки. Квист мельком глянул в меню.

— Здешнее фирменное блюдо — лобстер по-ньюбургски. Предлагаю добавить овощной салат и обжаренные в яичном белке гренки.

— У меня прямо слюнки текут, — Кэролайн поставила бокал на стол, подождала, пока официант отойдет от стола. — Джулиан, я, естественно, понимаю, что вы с Лидией пригласили меня на ланч не потому, что давно со мной не виделись. Мы с Марком можем вам чем-нибудь помочь?

Квист рассмеялся.

— Ты, однако, смотришь в корень.

— Но я же люблю вас обоих.

Квист отпил мартини, а потом выложил все от начала и до конца. Пока он говорил, с лица Кэролайн не сходила улыбка.

— Искушение велико, но, боюсь, мне придется ответить “нет”.

— Искушение? — переспросил Квист.

— Мэрилин Мартин — превосходный модельер. Какая женщина не мечтает одеваться у нее. Наверное, мне недостает прежней славы, когда я была у всех на виду. Я не лишена тщеславия, Джулиан. Меня бы это позабавило, я бы с удовольствием помогла тебе. Но... нет.

Лидия посмотрела на Квиста.

— Буквально твои слова, Джулиан.

— Почему “нет”?

— Я не смогу появляться там, где вы хотели бы меня видеть, — ответила Кэролайн. — Из-за Марка. Ему не нравятся светские рауты и премьеры. И он слишком занят. Если он хочет слетать в Лондон, я сопровождаю его. Если он едет куда-то по делам, я еду с ним. Я поломаю все ваши планы.

— Мы и не собирались выставлять жестких условий, Кэролайн. Если ты полетишь в Лондон, мы просто позаботимся о том, чтобы тебя там заметили, сфотографировали. Мы будем подстраиваться под тебя. Если появится свободное время, мы что-нибудь тебе предложим. У нас нет ни малейшего желания сделать тебя заложницей наших планов.

— Все равно нет, Джулиан. — Улыбка Кэролайн показывала, что жизнь у нее не так уж безоблачна. — С Марком я смогу появляться на публике очень редко, а тебя это не устроит. И не забывай про мою гордость, дорогой. Не могу же я появляться в обществе без мужчины. Обо мне подумают Бог знает что.

— Мы могли бы найти вам кавалера, — вставила Лидия.

Кэролайн рассмеялась.

— Марку это может не понравиться... я надеюсь!

— А почему бы нам не спросить у него? — предложил Квист. — Сделай упор на то, что ты оказываешь мне услугу. Но это еще не все.

— Правда?

— Мэрилин Мартин отводит на этот проект шесть месяцев. И готова заплатить за твое участие десять тысяч долларов. Работа есть работа.

Кэролайн повернулась к Квисту, ее рот приоткрылся.

— Десять тысяч долларов?

— Стоимость кольца, что ты носишь на левой руке, — пожал плечами Квист. — Но это будут твои карманные деньги, которые тебе не придется просить у мужа.

— Ты просто дьявол! — воскликнула Кэролайн. — Откуда тебе это известно?

— Будь ты моей женой, я бы хотел держать тебя на коротком поводке. К примеру, ограничивая тебя в деньгах. Но давай поговорим с Марком. Возможно, этот проект окажется полезным и ему. Пусть не прямая, но все-таки реклама “Стиллзулл энтерпрайзес”. Могу я ввести его в курс дела?

Чего только не сделаешь ради клиента, думал Квист.

В полотенце, обернутом вокруг бедер, он сидел в парной "Атлетического клуба". Пот струился из всех пор его тела. Сквозь жаркий туман он едва различал сидевшего на той же скамье Марка Стиллуэлла.

"Старина, на ланч у меня времени нет, — услышал Квист, позвонив Стиллуэлла. — Если хочешь, приезжай в "Атлетический клуб". Разомнемся, потом перехватим по сэндвичу..."

— Чтобы выдерживать такие нагрузки, — объяснил Марк Квисту, когда они встретились в раздевалке, двери из которой вели в тренажерный зал, бассейн и поле для сквоша, — надо поддерживать хорошую физическую форму.

— Я скорее пропущу свидание с самой красивой женщиной в мире, я про свою жену, чем одну из тренировок, Квист. В здоровом теле здоровый дух.

Квиста так и подмывало спросить, не прошло ли детство Марка в отряде бойскаутов.

Не зря Лидия говорила, что он поглощен своими делами, отметил Квист. Не ошиблась она и в том, что внешность у него запоминающаяся. Ни унции жира, рельефные мышцы, квадратная челюсть, решительный рот, чуть поседевшие виски, черные, выдающиеся над глазами. Короче, так в идеале и должен выглядеть преуспевающий бизнесмен.

В тренажерном зале Марк отработал по полной программе: отжимания, наклоны, приседания, упражнения с тяжестями. В бассейне поплавал кролем. Квист, в основном, наблюдал, для приличия несколько раз подтянувшись на турнике да неторопливо проплыв в бассейне пару сотен метров. Затем они проследовали в парную, сменившуюся холодным душем, горячим, снова холодным. После душа — массажные столы, на которых два дюжих массажиста как следует помяли им мышцы, и, наконец, солярий. Они вытянулись на кушетках, служитель закрыл им глаза черными лентами, вспыхнули ультрафиолетовые лампы.

— У нас пять минут, — сказал Марк. — Я тебя слушаю, старина.

У Квиста возникло ощущение, что его можно было бы подавать к столу, положи кто-то ему в рот яблоко. Он заговорил, не видя своего слушателя, не чувствуя его реакции. Изложил идеи Мэрилин, упомянул о десяти тысячах долларов, причитающихся Кэролайн, пояснил, что они постараются максимально подстраиваться под их жизненный уклад.

Затрезвонил звонок. Пять минут истекли. Лампы погасли и служитель снял повязки.

— Господи, как же хорошо, — потянулся Марк.

Он провел Квиста в комнату, где за маленькими столиками сидели несколько мужчин, в одних полотенцах, загорелые и, как показалось Квисту, совершенно обессилевшие. Тут же появился официант.

— Мне, как обычно. — Тут Марк улыбнулся, показав белоснежные зубы. — Большинство из этих бедолаг выжимают из себя все соки, а потом заказывают два или три мартини. И тренировка идет насмарку. Я же беру стакан топленого молока и ржаной гренок. Но ты можешь заказать, что пожелаешь, старина.

— Как насчет танцовщиц? — осведомился Квист.

— Забавная идея, — отметил Марк. — А если серьезно...

— А если серьезно, я бы не отказался от “Кровавой Мэри”.

После ухода официанта первым нарушил неловкую тишину Марк Стиллзуэлл.

— Интересное предложение. — Квист обрадовался: все-таки его слушали. — Ты, разумеется, уже общался с Кэролайн?

— Она ответила отрицательно, но сказала, что я могу поговорить с тобой.

— Удивительная женщина. Всегда сначала думает обо мне. Можно ли желать большего?

— Пожалуй, нет. Я думаю, что идея ей понравилась, и ее так и подмывало согласиться. Но, как ты и сказал, на первом месте у нее ты.

Официант принес стакан топленого молока, ржаной гренок и “Кровавую Мэри”.

— Я, конечно, законченный эгоист. — Марк хмурился, уставившись с стакан с топленным молоком. — Да, у Кэролайн есть все — наряды, драгоценности, меха, дома. Но я не уделяю ей столько времени, как она хотела бы. Не могу. “Стиллзуэлл энтерпрайзес” требует тридцати шести часов в сутки. Ты меня понимаешь, не так ли? Иногда я чувствую, что Кэролайн недостает общения. До нашей свадьбы она обожала всякие вечеринки, приемы. Ее везде принимали “на ура”.

— Это так, — кивнул Квист.

— Но, повторюсь, предложение интересное. — Его темные глаза замерли на лице Квиста. — Могу я поделиться с тобой сугубо личным?

— Если ты не знаешь ответа, не делись.

— Нет, я знаю, что могу тебе доверять. — Марк глубоко вздохнул. — Я один из трех кандидатов на пост президента новой компании, которая должна образоваться после слияния очень крупных капиталов. Люди, от которых зависит решение, входят в высшее общество. Они бывают там, где надо, на короткой ноге с теми, кто не сходит с экранов телевизоров. У меня, мне это передали, они находят только один недостаток: меня мало кто знает. Я действительно старался не привлекать внимания к своему бизнесу.

Квист улыбнулся.

— Так тебе нужен специалист по связям с общественностью.

— Это мне тоже говорили. Но как-то не хочется. Общественности они представят меня не таким, каков я на самом деле. Однако...

— Если Кэролайн вновь начнет появляться в обществе, бывать в нужных местах, общаться с людьми, которые не сходят с экранов...

— Совершенно верно, — просиял Марк. — Но обставить все это надо очень тактично.

— Разве ты можешь представить себе, что Кэролайн допустит какую-то бестактность?

— Разумеется, нет.

— Ее красота, ее обаяние будут лить воду на твою мельницу, — продолжал Квист. — Мы же собираемся рекламировать не Кэролайн Каммингс, бывшую кинозвезду, а миссис Марк Стиллуэлл, очаровательную жену Марка Стиллуэлла, одного из финансовых гениев нашего времени.

Марк нахмурился.

— Но она будет появляться в нарядах, разработанных Мэрилин Мартин. Нет ли тут противоречия?

— Мой дорогой Марк, топорной работы у нас не бывает. В обычной прессе никаких комментариев не будет. “Уименс уиз дейли”, естественно, отметит, что наряды Кэролайн пошиты по эскизам Мэрилин. Это их бизнес. Они же пишут, кто обшивает миссис Пэйли, миссис Форд, миссис Онасис. А в наших пресс-релизах будет другое. Где она была, с кем ее видели, и сотни тысяч женщин будут стараться выяснить, где она достает такие наряды. Произойдет это без нашего участия. Задача у нас только одна: обеспечить ее появление в нужных местах.

— И мне от этого будет польза, не так ли? — спросил Марк.

— Сам факт женитьбы на Кэролайн характеризует мужчину с самой лучшей стороны.

— Думаю, надо попробовать. — Марк взялся за стакан с теплым молоком.

— Есть только одна проблема, — заметил Квист. — Если ты не согласишься изменить свой образ жизни, Кэролайн придется бывать в нужных местах без тебя.

— Это я понимаю. Но у меня нет столько времени.

— Кэролайн не может приходить куда-либо одна. Конечно, ей можно подобрать кавалера, от кандидатов отбоя не будет, но она на это не пойдет, понимая, что тебе такой расклад может не понравиться. И действительно, сплетни могут только навредить тебе.

Марк долго крутил в руке ржаной гренок.

— Мой брат, — наконец вырвалось у него.

— Я не знал, что у тебя есть брат.

— Джероми... Джерри. Он живет с нами. Я хочу сказать, в нашем доме в Уэстчестере. У него там мастерская.

— Мастерская?

— Он художник. Джерри — поздний ребенок... маменькин сынок. У него никогда не было тех качеств, которые позволяют вы-

¹ Ежедневная газета “Женская одежда”.

жить в мире конкуренции, — губы Марка изогнулись в улыбке. — Он очень интересный... внешне.

— Не понял.

— Мы же говорим о фотографиях, не правда ли... Их же должны фотографировать?

Квисту более всего хотелось одеться и уйти, но он не двинулся с места.

— Джерри умеет одеваться. Любая одежда ему к лицу. Хороший наездник. Отлично играет в гольф, сносно — в теннис. В общем, он нам подойдет по всем параметрам, — по голосу чувствовалось, что Марк признает за братом только внешние достоинства.

Потом, значительно позже, Квист подумал, что ему следовало прислушаться к внутреннему голосу и поставить на проекте жирную точку.

— Он хороший художник? — спросил Квист.

— Джерри? — Марк, похоже, уже думал совсем о другом.

— Вроде бы мы говорим о нем, — в голосе Квиста послышались резкие нотки.

Марк пожал плечами.

— Я не специалист, так что ничего сказать не могу. Но с деньгами у него не густо, так что Джерри выполнит мою просьбу сопровождать Кэролайн, когда возникнет такая необходимость. Должен выполнить, потому что зависит от меня.

— А они с Кэролайн ладят?

— Он Кэролайн нравится.

— А она ему?

— Старина, да знаешь ли ты хоть одного человека, кому не нравится Кэролайн? Хочешь встретиться с Джерри, обсудить детали? Завтра он будет в твоём кабинете в назначенное время.

Квист отпил "Кровавой Мэри", жалея, что не заказал двойную порцию.

— Если согласен, я бы хотел поговорить и с твоим братом, и с Кэролайн.

— Разумеется, согласен. Твое предложение нравится мне все больше.

В тот же день, ближе к вечеру, на террасе своей двухуровневой квартиры в Бикмен-Плейс, выходящей на Ист-Ривер, Квист рассказал Лидии о встрече с Марком Стиллиуэллом в "Атлетическом клубе".

— Он, возможно, очень занятый человек, как ты и говорила, дорогая, но занят он, думаю, только собой. Раньше я этого не замечал.

Рекламный проект, призванный одеть зрелых женщин в наряды, разработанные Мэрилин Мартин, стартовал на следующий день, после того, как Квист побеседовал с Кэролайн и Джерри Стиллиуэллом в своём кабинете.

Внешность Джерри не удивила Квиста, скорее обрадовала. Со слов Марка Квист понял, что Джерри не лишен обаяния. Так оно и оказалось. Шесть футов роста, каштановые волосы, чуть выгоревшие на солнце, синие глаза, отличный естественный загар. Крошечные морщинки в уголках глаз говорили о том, что ему нравится улыбаться. В кабинет он прибыл в темно-синей рубашке спортивного покроя, без галстука, в пиджаке в мелкую полоску из тонкой шерсти, вылинявших бежевых брюках. Ничего модного, однако в нем чувствовалась эlegantность.

— Мы требуем от Джерри слишком многого, — первым делом заявила Кэролайн. — Ему придется надолго отрываться от работы, от картин. Я не могу просить его об этом.

— Если б ты попросила, я бы с радостью согласился, — ответил Джерри. — Но мне сказал об этом Марк. От этого радости у меня поубавилось. Но ты знаешь, Кэролайн, я всегда готов тебе помочь.

— Давайте разберемся с этим раз и навсегда, — вмешался Квист. — Вас не просят оказать кому-то услугу, Джерри. Это деловое предложение. За участие в проекте, рассчитанном на шесть месяцев, Кэролайн получит десять тысяч долларов. Вы — пять. Кэролайн придется затрачивать больше времени. Примерки, подбор аксессуаров и все такое. Мэрилин заинтересована в успехе и готова заплатить.

— Пять тысяч долларов! — воскликнул Джерри. — Я смогу поехать в Париж. На пять тысяч долларов я смогу прожить в Париже целый год. — Он широко улыбнулся Кэролайн. — Пожалуй-ста, позволь этой сказке стать явью.

Опять же много позже Квист задался вопросом, не было ли чего между Кэролайн и братом ее мужа. Rapport¹ — такими словами с копами не поговоришь. Но напряжения в отношениях Джерри и Кэролайн вроде бы не замечалось. Напряжение между мужчиной и женщиной может вызываться страстью, ревностью, невозможностью переступить какие-то моральные нормы. Эти же двое вели себя абсолютно естественно. Они нравились друг другу, испытывали взаимное уважение, но никаких скрытых чувств Квист не замечал. Позже обо всем этом он рассказал полиции.

Потребовался месяц, чтобы “проект Стиллзуэлл” перешел в практическую плоскость. За это время Мэрилин Мартин разработала и сшила новые наряды для Кэролайн. Последняя покорно приходила на бесконечные примерки и консультации.

Квист практически забыл об этом проекте, занятый дюжиной более важных рекламных кампаний. Непосредственно Кэролайн занимались Бобби Гиллард, один из лучших специалистов агентства, чем-то похожий на молодого Джимми Стюарта, и Лидия.

Наконец пришла пора, как называла этот этап Мэрилин Мартин, “прогона”. Для первого показа выбрали уик-энд, на который

¹ Взаимоотношения (фр.).

Стиллуэллы пригласили немногочисленных гостей в свое поместье в Уэстчестере. Позвали лишь тех, кто жил неподалеку. Из Нью-Йорка приехали Квист, Лидия, Бобби Гиллард и, разумеется, Мэрилин. Во время уик-энда Кэролайн предстояло впервые продемонстрировать некоторые наряды из новой коллекции. Мэрилин хотела увидеть реакцию гостей, особенно женщин, которые понятия не имели о том, что их хотят использовать в качестве подопытных кроликов.

Квист и Лидия прибыли в его кремовом “мерседесе” в пятницу, аккуратно к коктейлю. Бобби Гиллард и Мэрилин собирались подъехать к ужину.

Квист как раз надевал темно-синий костюм, когда в его дверь постучал Марк Стиллуэлл. На его лице отражалась тревога.

— Ситуация изменилась.

— А что случилось?

— Час тому назад, совершенно неожиданно, мне позвонил Дэвид Ишем Льюис. Ты знаешь, кто он такой? — Квист знал: один из столпов финансового мира. — Он из тех, о ком я тебе говорил. Кто будет принимать решение в вопросе о руководстве новой компании. То есть для меня крайне важно произвести на него хорошее впечатление. Я думаю, он хотел устроить мне проверку.

— В каком смысле?

— Он позвонил, сказал, что он и его жена, Марция, намеревались провести уик-энд в “Беллэйр-Клаб”, но что-то их там не устроило. Вот он и спросил, не приютим ли мы их в одной из наших спален для гостей. Я ответил, что у нас сегодня небольшой прием, и мы будем рады его видеть. Он, разумеется, начал отказываться, но я настоял на их приезде. Думаю, он хотел застать меня врасплох, увидеть, каков я в домашней обстановке. Я не боюсь, ты понимаешь? Скрывать мне нечего. Кроме...

— Кроме участия Кэролайн в проекте Мэрилин.

— Да.

— Не волнуйся, Марк. Мы тоже не хотим, чтобы об этом стало известно. Иначе вся рекламная кампания может пойти на смарку, — Квист улыбнулся. — Мы тебя не подведем, Марк. Мы знаем, какими надо пользоваться вилками.

— Я не о вилках, старина. Но этот уик-энд приобретает для меня особую важность. Ты окажешь мне немалую услугу, если будешь поглядывать на Льюиса. Как сторонний наблюдатель, ты сможешь лучше меня оценить его реакцию.

Следующие несколько часов напоминали представление друг другу актеров новой пьесы, хотя никто из них не знал о намеченной постановке. Кэролайн и Лидия ослепляли. Марк, раскрасневшийся, суетился больше обычного. А вот Джерри Стиллуэлл чувствовал себя как рыба в воде. Дэвида Ишема Льюиса Квист видел впервые. Крупный мужчина, лет пятидесяти с небольшим, с квадратной челюстью, яркими светло-синими глазами под кустистыми темными бровями, с густыми седыми волосами.

Чувствовалось, что он знает себе цену и привык повелевать. Его жена, Марция, лет на пятнадцать моложе, наоборот, держалась очень скованно. Вероятно, еще не успела освоиться в высшем обществе.

Квист обратил внимание и на молодого человека с фигурой профессионального спортсмена, которого звали Патрик Грант, как выяснилось, личного секретаря Марка. Патрика отличали не только накачанные мышцы, но и, как убедился Квист по разговору с ним, цепкий ум. Чувствовалось, что он не прочь приударить за женщинами, а Лидия, как отметил Квист, поразила его в самое сердце.

Из присутствующих Квист особо выделил миссис Беатрис Лоример, вероятно потому, что не мог понять, какую позицию занимает она в семейной иерархии Стилуэллов. Ее представили как тетю Марка, но, должно быть, она родилась много позже отца или матери Марка, поскольку выглядела на его возраст. Если они и не были ровесниками, то разделяло их никак не более пяти лет. По ходу вечера Квист выяснил, что помимо красоты и безупречных манер Беатрис свойственно тонкое чувство юмора. Теорию и практику флирта она освоила досконально, но под миловидным фасадом Квист уловил необычную силу воли и, возможно, даже жестокость.

Томми Байн, молодой человек, живший неподалеку, прекрасно играл на рояле и мог спеть все последние песни Ноэля Коварда. Его невесту, Мириам Толбот (позже в разговоре с Лидией Квист назвал ее "бесстыдной шлюшкой"), куда больше интересовал Марк, к явному неудовольствию последнего, а не молодой мистер Байн.

После коктейлей их ждал ужин "а ля-фуршет". Обслуживал затянутый в белый смокинг Шоллерт, в обычное время дворецкий, другие слуги на глаза гостям не показывались.

Мэрилин и Бобби появились к самому ужину, так что собралась вся группа. Потом Квист отмечал, что при всей напускной веселости вечеринка текла довольно-таки вяло. Молодой мистер Байн играл и играл, Мириам Толбот флиртвала с Марком, все, кроме Марка и Дэвида Ишема Льюиса, выпили чуть больше, чем следовало: срабатывал механизм защиты от скуки. Дамы восхищались платьем Кэролайн, в обтяжку, с обнаженными плечами, длинным разрезом сбоку, то и дело открывающим великолепную ногу. Молодой мистер Байн и его мисс Толбот, похоже, не знали, что в гостях не следует засиживаться допоздна, но, наконец, они отчалили, а затем разошлись по комнатам и все остальные.

Поднявшись к себе, Квист сменил костюм на белый махровый халат и сандалии. Приоткрыл дверь в коридор, убедился, что никого нет, и прошмыгнул в соседнюю комнату.

Лидия сидела у туалетного столика в короткой белой комбинации и расчесывала длинные черные волосы.

— Привет, дорогой, — по голосу чувствовалось, что она ждала Квиста.

— Привет, — ответил он и улегся на ее кровать, заложив руки за голову. — По-моему, все прошло хорошо.

— Если ты имеешь в виду платье Кэролайн, то все прошло великолепно, — поправила его Лидия. — Дамы были в восторге, ради чего, собственно, все и затевалось. Я полагаю, что и у мужчин текли слюнки.

— Только не у Патрика Гранта.

Лидия рассмеялась. Тем особым смехом, каким смеются женщины, почувствовав нотки ревности в голосе их мужчин и зная, что совесть у них чиста.

— Мистер Грант полагает, что женщины забудут Берта Рейнолдса, если на развороте “Космополитена” появится его фотография, — она улыбнулась. — Он напрашивался в гости, а когда я из скромности отказала, пригласил меня в свою комнату.

— Так я мешаю? — полюбопытствовал Квист.

— Идиот! — Лидия еще раз провела гребнем по волосам, с удовольствием любясь собой в зеркале. Все, что ей хотелось, у нее было и без мистера Патрика Гранта. Да, он мог похвастаться великолепной фигурой, белоснежными зубами, черными страстными глазами, но это не волновало. — А ты очень увлекся тетушкой Беатрис, — подколола она Квиста.

— Тетушка Беатрис — потрясающая женщина. — Квист разглядывал потолок, словно надеялся увидеть там не только побелку. — Она знает давно утерянный секрет. Умеет создать вокруг себя ореол загадочности, как сексуальной, так и интеллектуальной.

— А я загадочная, дорогой? — спросила Лидия.

Квист повернул голову.

— Я изучил тебя всю, любимая, от мизинцев ног до темечка, но постоянно чувствую, что чего-то упустил. Разумеется, это твои чары, секретами которых ты ни с кем не делишься.

— Благодарю вас, сэр.

— Этим секретом владеет и Беатрис Лоример. Чем дольше говоришь с ней, тем больше хочется узнать, что же она скрывает за своим шармом и остроумием. Чтобы получить исчерпывающую информацию о подавляющем большинстве современных женщин, достаточно десяти минут. Их одежда показывает все, что можно увидеть, а разговор дает знать о том, что между ушей у них ничего нет. А вот в тебе, дорогая, и в Беатрис Лоример есть нечто, требующее долговременных раскопок.

— И ты хотел бы покопаться в тетушке Беатрис?

— Хочу и обязательно покопаюсь. Но не в постели. А что ты думаешь о великом мистере Льюисе?

— Он бьет свою жену, — буднично ответила Лидия.

— Перестань.

— Я серьезно. Все эти шарфы призваны скрывать синяки. Пару я заметила.

— Не жалею ее. Многие мазохистки сознательно выходят замуж за садистов. Синяки им в радость. Как тебе молодой мистер Байн, этот страстный поклонник Ноэля Коварда?

— Он ловит свой шанс. И не думаю, что собирается строить будущее рука об руку с Мириам.

— Мириам тоже задумывается о будущем, — заметил Квист. — Марк — самый богатый из присутствующих, за исключением того господина, что бьет свою жену.

Лидия удовлетворенно вздохнула.

— Какие они зануды в сравнении с нами, дорогой.

— Какое у тебя, однако, самомнение.

— Ты остановил свой выбор на мне. Вот я и возгордилась.

Квист сел.

— Прежде чем ты превратишь меня в сексуального маньяка, я предлагаю поплавать в бассейне. Посмотри, какая теплая, прекрасная лунная ночь.

— Но я уже расчесала волосы, Джулиан!

— Надень шапочку.

— У меня ее нет.

— Найдешь в кабинке.

— У меня нет купальника. Ты правда хочешь поплавать?

— Это очень возбуждает.

Вдвоем они спустились к бассейну. Остальные гости, хозяева и слуги, похоже, укладывались спать или уже уснули. Они поплевались в теплой воде, лаская друг друга, довольные собой и жизнью, в предвкушении ночи любви.

А потом Квист отправился за сигарой. И нашел за кустом сирени мертвую Кэролайн, так что о любви в эту ночь пришлось забыть.

Глава 2

Внезапно Квисту показалось, что резко похолодало, словно лунный свет выстудил летнюю ночь. Он стоял, провожая взглядом идущую к дому Лидию. Как хорошо, подумал Квист, что ей не пришлось заглядывать за куст сирени. Кэролайн успела снять великолепное платье Мэрилин. К бассейну она вышла, или ее привели, в светло-зеленом халатике. Халатик распахнулся, открыв черные кружевные бюстгалтер и трусики и зеленые, потемневшие от росы шлепанцы. Бюстгалтер порвали, на залитой кровью груди зияли многочисленные ножевые раны. Только маньяк мог так измываться над женщиной. Один из ударов ножом, вероятно, и убил ее. Рот раскрылся в беззвучном крике, широко открытые глаза устали на луну.

Квист не стал возвращаться к кусту, чтобы вновь взглянуть на тело. Он надеялся, что более ему не придется смотреть на бедную Кэролайн. Кроме того, он не хотел затоптать следы, которые могли остаться на мягкой земле и мокрой от росы траве.

Сигара теперь вкусом напоминала тлеющую веревку. Он уже взмахнул рукой, чтобы выбросить ее, но передумал, затушил о землю и сунул окурок в карман халата. Полиция, решил он, скоро придет. Такие районы, где много богатых домов, постоянно патрулируются, так что на звонок Лидии последует незамедлительная реакция.

И точно, не успел он подумать об этом, как вдали послышался вой полицейской сирены, приближающийся с каждой секундой. Вскоре патрульная машина въехала в ворота, с включенными фарами и красным маячком на крыше. Патрульный через широкую лужайку помчался к бассейну: вероятно, Лидия сказала, где обнаружен труп.

Квист не сдвинулся с места, дожидаясь, пока патрульный, высокий черноволосый молодой парень с суровым лицом не подбежит к нему.

— Нам позвонили, — он тяжело дышал. — Сообщили об убийстве. Звонила женщина.

— Моя фамилия Квист. Мисс Мортон и я плавали в бассейне. Я вылез из воды, чтобы взять сигару и нашел ее... за тем кустом. Я попросил мисс Мортон позвонить в полицию.

Патрульный направился к кусту сирени.

— Мой Бог! — вырвалось у него. — Кто она?

— Миссис Марк Стиллиуэлл.

— Жена Стиллиуэлла?

— Да.

— Оставайтесь на месте. Я должен обо всем доложить! — Патрульный помчался обратно к своей машине, на которой то зажегся, то гас красный маячок.

Прошла вечность, прежде чем он вернулся. Похоже, ему тоже больше не хотелось смотреть на тело.

— У ворот стоит какой-то драндулет, раскрашенный всеми цветами радуги. Вы не знаете, чей он?

— Нет.

Патрульный достал из кармана блокнот.

— Давайте разбираться. Вы сказали, ваша фамилия Квист?

— Джулиан Квист. Мисс Мортон и я приехали в гости на этот уик-энд. К бассейну мы пришли около двух часов ночи, чтобы поплавать перед сном.

— Только вы двое?

— Да. Я оставил халат на том плетеном кресле. Вылез из воды, чтобы взять сигару, и увидел руку миссис Стиллиуэлл. А потом и ее саму.

— Кроме вас никого не было?

— Я же вам сказал.

— Вы никого не видели, ничего не слышали?

— Никого и ничего. Все произошло до нашего прихода. — Квист увидел, что в доме начали загораться окна.

— Вы не заметили ее, когда пришли к бассейну?

— Нет.

— Как вышло, что вы здесь один? Где ее муж?

— Я попросил мисс Мортон никого не будить до вашего приезда. Чтобы не затоптали следы, если они остались. Но ваша сирена, похоже, всех переполошила.

— Кто в доме?

Квист перечислил всех: Марк и Джерри Стиллиуэлл, миссис Лоример, Патрик Грант, чета Льюисов, Бобби Гиллард и Мэрилин Мартин, Шоллерт и слуги.

— Вы никого не упустили?

— Два человека уехали раньше. Томми Байн и его девушка, мисс Толбот. Они отбыли около часа ночи.

— Байна я знаю, — кивнул патрульный. — У него коттедж в трех милях отсюда.

— Как только Байн и его девушка отбыли, вечеринка закончилась. Все разошлись по своим комнатам. Мисс Мортон и мне спать не хотелось, и мы решили немного поплавать в бассейне.

— Мотив, — вырвалось у патрульного. — Почему кто-то это сделал?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Квист.

— Эта разноцветная развалюха, — патрульный, похоже, размышлял вслух. — Вроде бы я уже видел ее сегодня у “Лодочного клуба”.

— Я не знаком со здешними достопримечательностями, — признался Квист. — Что это за “Лодочный клуб”?

— Пивная неподалеку от поселка. Прибежище хиппи, длинноволосиков, разных подонков, наркоманов. Мы несколько раз пытались закрыть его, но сверху давали команду “отбой”. Если кто-то из тамошних завсегдатаев крутится поблизости, мы сразу получим ответ. Они прибьют собственную мать, чтобы добыть деньги на свое зелье. Только маньяк мог так изуродовать ее.

Здравая мысль, отметил Квист.

— Могу я узнать вашу фамилию?

— Сержант Поллет.

— Мне надо бы одеться, сержант.

— Подождите, пока не приедет лейтенант Симз. Руководить расследованием будет он.

Время, отпущенное для неспешной беседы, подошло к концу. Квист увидел бегущего к бассейну Марка Стиллиуэлла. За ним следовали Патрик Грант и Лидия. Последняя несла в руках объемистый узел.

— Где она? — прохрипел бледный, как полотно, Марк Стиллиуэлл, остановившись в двух шагах от патрульного.

— Может, вам лучше сейчас не подходить к ней, мистер Стиллиуэлл? Пока лейтенант Симз не осмотрит все вокруг. — Со Стиллиуэллом Поллет говорил уважительно, не то, что с Квистом.

— Что за чушь вы несете, Поллет! Где она?

Марк огляделся. Увидел белую руку, высовывающуюся из-за куста сирени. Отбросил руку Поллета, попытавшегося удержать его. Подскочил к кусту. Наклонился. Жуткий крик разорвал тишину лунной ночи — крик раненого животного.

Патрик Грант уже стоял рядом с Квистом, потрясенный случившимся.

— Сомнений нет? — спросил он. — Это Кэролайн?

— Будьте уверены.

Еще от одного звериного крика по спине Квиста пробежал холодок. Лидия, в брюках и желтом свитере, протянула Квисту узел.

— Одежда, — пояснила она. — Кабинки для переодевания.

Она, естественно, понимала, что в махровом халате он чувствовал себя голым. Поллет тем временем пытался оторвать Марка от тела Кэролайн, так что никто не мог помешать Квисту пойти переодеться. Лидия принесла ему именно то, на чем он остановил бы свой выбор: носки, трусы, туфли из мягкой кожи, брюки, темно-зеленую рубашку и вельветовый пиджак. Надевая брюки, он услышал приближающийся вой сирены второй патрульной машины. Вероятно, она остановилась у ворот, до Квиста донеслись возбужденные голоса.

Он надел пиджак. Лидия (до чего предусмотрительная женщина!) сунула во внутренний карман бумажник. Квист переложил портсигар и золотую зажигалку из халата в пиджак и вернулся к бассейну. И тут же на лужайке появились двое патрульных, которые тащили какого-то человека, Квист не сразу понял, мужчину или женщину. Волосы до плеч, джинсы, джинсовая куртка, кроссовки. Они подходили все ближе. Тут уж Квист увидел, что полицейские ведут юношу лет девятнадцати-двадцати.

— Похоже, мы поймали преступника! — провозгласил лейтенант Симз. Загорелый, черноглазый, с суровым лицом, коротко стриженными седыми волосами, сверлящим взглядом. — Этот сукин сын прятался в кустах у подъездной дорожки. Мы нашли у него нож. Как тебя зовут, парень?

Юноша, похоже, напугался, но старался держаться с достоинством.

— Джонни Типтоу.

— Что это за игру ты со мной затеял? — рыкнул Симз. — Как тебя зовут?

— Джонни Типтоу.

— Не бывает таких фамилий!

— Я его знаю, лейтенант, — вмешался второй патрульный. — Он — певец. Выступает в "Лодочном клубе". Они зовут его Джонни Типтоу.

— А как твоя настоящая фамилия, парень? — спросил Симз.

¹ Tiptoy — цыпочки (англ.).

— Типтоу. Послушайте, что здесь происходит? Я смылся из “Лодочного клуба” около двух часов. А аккурат перед этой халабудой у меня кончился бензин. Окна горели. Я решил, что тут наверняка есть машины, шофер, а, следовательно, и бензин. Только повернул на подъездную дорожку, как завывла сирена. Я отпрыгнул в кусты. Подумал, что включилась сигнализация.

— Дай-ка твой нож, парень, — прорычал Симз. — Ты всегда носишь его с собой?

— Обычно ношу.

Симз направил на нож луч фонаря.

— Похоже, его чистили, втыкая в землю. — Лейтенант передал нож патрульному. — Пошлем в лабораторию. На нем может остаться кровь.

— Я пришел за бензином, — покачал головой Джонни Типтоу. — С чего на нем взяться крови?

— С того, что ты убил им женщину!

— Вы что, чокнулись? Не видел я никакой женщины... пока вы не привели меня сюда.

Симз направился к кусту сирени, Поллет все еще пытался оттащить Марка от Кэролайн.

— Я понимаю, мистер Стиллиуэлл, такому горю не поможешь, но, думаю, мы поймали негодяя, который это сделал, — он бросил взгляд на Джонни Типтоу. — Он, скорее всего, хотел что-то украсть из раздевалки, когда столкнулся с вашей женой. Убить ему, что плюнуть.

— Что вы такое говорите! — заверещал Джонни Типтоу.

— Если юноша не покидал “Лодочный клуб” до двух часов, — подал голос Квист, — и сможет доказать, что говорит правду, тогда он не мог убить миссис Стиллиуэлл.

— А вы кто? — Симз удивленно посмотрел на Квиста.

— Его зовут Джулиан Квист, — пояснил Поллет. — Он плавал в бассейне с мисс Мортон и обнаружил тело.

— Мы пришли сюда без четверти два, — добавил Квист. — Миссис Стиллиуэлл я нашел в половине третьего. Ее убили до нашего прихода, потому что мы не слышали ни криков, ни шума борьбы.

— Эта шелупонь из “Лодочного клуба” солжет и под присягой, лишь бы выгородить своего, — пробурчал Симз.

Из дома к бассейну потянулись люди. Дэвид Ишем Льюис и его жена, Мэрилин, Бобби Гиллард. На террасе застыла Беатрис Лоример. Все, похоже, надели первое, что попало под руку. И лишь Беатрис выглядела, как того требовала ситуация.

Бобби Гиллард и Мэрилин подошли к Квисту.

— Праздник кончился, — прошептал Квист. — Кэролайн больше не сможет демонстрировать ваши модели, Мэрилин.

Мэрилин, похоже, потеряла дар речи, а лейтенант Симз взял инициативу в свои руки.

— Прошу всех вернуться в дом. Нам нужно время, чтобы осмотреть территорию, а вы можете затоптать важные улики.

— Я должен остаться с ней! — выкрикнул Марк.

— Вы встанете там, где я вам скажу, мистер Стиллуэлл. А остальных попрошу в дом. Подождите нас там. От каждого мне потребуются свидетельские показания. Таков порядок, хотя я думаю, что преступника мы уже поймали, — он зыркнул на Джонни Типтоу, которого держал за руки второй патрульный.

Гости направились к дому, где на террасе, словно часовой, поджидала их Беатрис Лоример. Квист, Лидия, Мэрилин и Бобби Гиллард сбились в кучку. Квист почувствовал, как ногти Мэрилин впились ему в руку.

— Пока нам доверяют, Бобби, — тихо проговорил Квист. — Даже не выделили сопровождающих.

— И что?

— Где-то у ворот стоит колымага Джонни Типтоу, — продолжил Квист. — Не смог бы ты обойти дом сзади и посмотреть на нее?

— Почему нет?

— Выясни, сколько в баке бензина. И поосторожнее. Могут приехать другие патрульные.

— Ты не веришь, что ее убил этот парень? — спросила Лидия.

— Если б убил он, то давно бы удрал, даже пешком, — ответил Квист. — Мы же плескались в бассейне сорок пять минут, прежде чем я ее нашел. У него было время, чтобы уйти. Так почему он болтался неподалеку?

— Есть психи, которых манит на то место, где они совершили преступление, — вставил Бобби.

— Есть. Но, возможно, он говорит правду. Иначе слишком уж легкая жизнь будет у Симза и его компании.

— А какое тебе до этого дело? — Мэрилин наконец-то обрела голос.

Лицо Квиста окаменело.

— Кэролайн была моим другом. Я хочу, чтобы наказание понес тот, кто поднял на нее руку!

Чета Льюисов и Патрик Грант прибыли к дому первыми, но Беатрис Лоример осталась на террасе, дожидаясь, пока не подойдут Квист и остальные. Если она и стерла косметику, укладываясь спать, то успела вновь накраситься. Идеально уложенные волосы, твидовая юбка, мужская рубашка, оранжевый шейный платок, туфли на каучуковой подошве. Волнения, не говоря уже о смятении, в Беатрис Лоример не ощущалось.

— Сомнений нет, Квист? — спросила она. — Это Кэролайн?

— Сомнений нет, — коротко ответил Квист.

— Какое ужасное испытание для вас и мисс Мортон, — почувствовала миссис Лоример.

Квист вопросительно посмотрел на нее, словно ему показалось, что он ослышался.

— Не столь ужасное, как для Кэролайн.

— Они предполагают, кто это сделал?

— Они арестовали молодого певца, хиппи, который каким-то образом оказался в поместье. Патрульным представляется, что они столкнулись с еще одним Мэнсоном¹.

— Слава Богу! — воскликнула Беатрис.

— И за что вы благодарите Бога? — полубопытствовал Квист.

— Первой напрашивалась мысль о том, что убийца в доме, среди нас. Как воспринял смерть жены Марк?

— Он вне себя от горя, — уголком глаза Квист заметил, что Бобби ретировался в дом и почувствовал холодные пальцы Лидии, коснувшиеся его руки. Она поняла, что его злит бесстрастность Беатрис Лоример, ее безразличие к случившемуся. И прикосновение Лидии предупреждало: спокойнее, не расплескивай эмоции. Беатрис Лоример скорее напоминала зрителя на корриде, чем человека, внезапно потерявшего близкого родственника. Квист обнял Лидию, показывая ей, что все понял.

— Шоллерт приготовил кофе и сэндвичи. — Беатрис Лоример повернулась к бассейну. — Нам предстоит долгая ночь.

Через высокие стеклянные двери они прошли в холл. Квист увидел, что Дэвид Льюис говорит по телефону, а его испуганная жена жмется к нему. Как только богач чувствует, что попал в передрагу, подумал Квист, он первым делом звонит адвокату. А может, убийство жены собрата по бизнесу как-то отражается на фондовом рынке. Льюис, однако, звонил другому адресату. О чем и сообщил Лидии и Квисту, как только положил трубку. Мэрилин, как и Бобби, исчезла.

— Я позвонил в полицейское управление штата. Они пришлют кого-нибудь из своих детективов. Нам нужен компетентный, не жаждущий славы специалист. Если все это выйдет наружу, пресса учинит рождественский фейерверк.

— Ваше имя почти наверняка попадет в газеты, — заметил Квист.

— Слава Богу, они поймали этого парня, — продолжал Льюис. — Дело закроют до того, как оно успеет раскрутиться.

— Если убил он.

Кустистые брови Льюиса сошлись к переносице.

— У вас есть сомнения, Квист?

— Меня следовало назвать Фома. Пока у меня нет стопроцентной уверенности, я продолжаю сомневаться.

Столовая удивила всех. Две дымящиеся кофеварки, дорогой фарфор, тарелки с сэндвичами, оливки, соленья, маринады. Все выглядело так, будто к ночной трапезе готовились заранее. Квист подумал о том, что такие вышколенные слуги нынче большая ред-

¹ Речь идет о Чарлзе Мэнсоне, возглавлявшем коммуну хиппи, члены которой (женщины) по его наущению совершили несколько убийств в Голливуде, в том числе и беременной киноактрисы Шарон Тейт.

кость. Беатрис Лоример заняла место у кофеварок. Она успешно вошла в роль хозяйки.

— Когда вечеринка закончилась, Кэролайн отвела нас в нашу комнату, — заговорила Марция, вся в шарфах, скрывающих, как предположила Лидия, синяки. В голосе ее слышались истерические нотки. — Она хотела убедиться, что у нас есть все необходимое, и была в таком хорошем настроении. Вообще, такая красивая. Почему она ночью пошла к бассейну?

— Бассейны строят для того, чтобы в них плавать, дорогая, — ответил Льюис. — Вот мистеру Квисту и мисс Мортон захотелось того же. Только чуть позже. К несчастью для Кэролайн, этот парень затаился у бассейна еще раньше.

Лидия увела Квиста в дальний конец столовой.

— Она не собиралась плавать, Джулиан.

— Почему ты так решила?

— Она не надела бы черные кружевные трусики и бюстгалтер, если б хотела искупаться. Она надела бы купальник или пришла бы в одном халате.

— Почему не переодеться в кабинке?

— Это белье она надевала под вечернее платье, — пояснила Лидия. — Его не бросают, где попало. Она надела бы что-то еще или ничего, если б собралась поплавать. И никогда не пришла бы в этих шлепанцах. Если только ее не вызвали к бассейну под каким-то предлогом, и она не побежала туда, забыв обо всем.

— Может, она кого-то заметила и решила проверить, что за незванный гость бродит по поместью.

— Для этого есть Шоллерт и слуги.

— Может, она пошла на встречу с любовником. Отсюда и кружевное белье.

— Только не Кэролайн.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — отрезала Лидия. — Если только ее не вызвал к бассейну Марк. Где он был, когда она выходила из дома?

— Рано или поздно он нам скажет.

В дверях появился Бобби Гиллард и направился к ним.

— Бензина нет, — доложил он. — Ни капли.

— Молодец.

— Полицейских уже не меньше двух десятков. Я едва успел проскочить. Они увозят эту развалюху.

— Что ж, в этом Джонни Типтоу нам не соврал, — кивнул Квист.

Прошло не меньше часа, прежде чем лейтенант Симз появился в доме. Его сопровождал незнакомец, симпатичный мужчина со светлыми волосами в гражданском костюме. Марк то ли остался у бассейна, то ли ему разрешили сопровождать тело Кэролайн в морг округа. Всех попросили собраться в гостиной. Слово взял незнакомец.

— Я — капитан Джэдвин из следственного отдела полицейского управления штата. Расследование этого преступления начинал не я. К счастью, лейтенант Симз отлично справился со своими обязанностями. Судя по всему, преступник у нас в руках. Я говорю про Типтоу. Завсегдатаи “Лодочного клуба” клянутся, что он не уезжал до двух часов ночи, но они наверняка лгут. Во всяком случае, его версия о том, что у него кончился бензин, не соответствует действительности. Лейтенант сообщил мне, что бензина в баке хоть залейся.

Квист искоса глянул на Бобби Гилларда. Тот недоуменно таращился на капитана. Дэвид Льюис раскуривал сигару, расслабленный, довольный собой. Квист понял, что полиция решила сделать Джонни Типтоу козлом отпущения. Льюис дернул за нужные ниточки!

Джэдвин выудил из кармана сигарету, сунул в рот, но закуривать не стал. Когда он говорил, сигарета прыгала вверх-вниз. Его серые глаза, отметил Квист, ничего не упускали.

— Теперь наша задача — связать оставшиеся свободные концы. Как я понимаю, здесь устраивался прием, но только двое из приглашенных не жили в этом доме, я говорю про уик-энд. Когда эти двое уехали, остальные разошлись по своим комнатам.

— За исключением Марка... мистера Стиллуэлла и меня, — подал голос Патрик Грант. — Мы пошли в кабинет. На первом этаже. Поработать. Всегда находятся незавершенные дела.

— То есть мистер Стиллуэлл не поднялся наверх с женой? — спросил Джэдвин.

— Нет. Он поцеловал ее у лестницы, пожелал ей спокойной ночи, и она пошла к Льюисам, чтобы убедиться, что им ничего не нужно. А мы отправились в кабинет.

— Вы говорите, кабинет на первом этаже. Окна выходят на бассейн?

— Нет. Но ночь очень теплая, капитан. Так что все окна нараспашку. Если б Кэролайн закричала, мы бы ее услышали.

— Мисс Мортон и я были наверху, — внес свою лепту Квист. — Криков мы не слышали.

— Я как раз собирался поговорить с мисс Мортон и с вами, мистер Квист, — покивал Джэдвин. — Но сначала хочу задать еще один вопрос мистеру Гранту. Когда вы поняли, что что-то случилось?

— Мы услышали приближающуюся полицейскую сирену, потом на подъездную дорожку свернула патрульная машина.

— Мисс Мортон, как я понимаю, вернулась в дом, чтобы вызвать полицию. Вы ее не видели и не слышали?

— Нет!

— Она вас не искала?

— Если и искала, то не нашла.

Взгляд серых глаз переместился на Лидию.

— Вы искали мистера Стиллуэлла, мисс Мортон?

— Нет. Я позвонила в полицию и поднялась наверх, чтобы взять кое-какую одежду.

— Разве вы не подумали о том, что мистера Стиллуэлла надо незамедлительно известить о смерти жены?

— Джулиан... мистер Квист... велел мне никому ничего не говорить.

Джэдвин посмотрел на Квиста, в его глазах вспыхнули веселые искорки.

— Я кое-что слышал о вас, мистер Квист. У нас есть общий знакомый, лейтенант Кривич из отдела убийств манхэттенской полиции. Вы участвовали в деле Сэндза. Любителя шампанского, как его еще прозвали. Вам нравится играть в детектива.

— Я подумал, что будет лучше, если до приезда полиции никто ничего не узнает, — ответил Квист. — Хотя бы для того, чтобы не затоптали улики.

— Разумная мысль, — кивнул Джэдвин. — Так вы говорите, что были с мисс Мортон наверху?

У Квиста чуть дернулась щека.

— После того, как мы поднялись наверх, я прошел в комнату мисс Мортон.

— Да?

— Да. Мы немного поговорили, а потом решили пойти искупаться. Где-то без четверти два.

— Мы нашли ваш халат в одной из кабинок для переодевания, — заметил Джэдвин. — Но ни плавок, ни купальника мисс Мортон.

— Мы плавали нагишом, — ответил Квист.

Джэдвин посмотрел на Лидию, откашлялся.

— Придя к бассейну, вы не заметили тела миссис Стиллуэлл?

— Нет.

— А находясь в бассейне, вы постоянно видели то место, где обнаружили тело?

— Если вы спрашиваете, капитан, могли ли ее убить, когда мы плескались в бассейне, то ответ однозначный: нет. Мы провели в воде три четверти часа, прежде чем я вылез из бассейна, чтобы достать сигару из кармана моего халата.

— Нагишом?

— Нагишом. Достал сигару и зажигалку. Дул легкий ветерок, поэтому я отвернулся от бассейна, чтобы прикрыть собой язычок пламени. Вот тут я и заметил руку Кэролайн, высывающуюся из-за куста сирени.

— Примерно в половине третьего?

— Часов у меня не было. По моим прикидкам, примерно в половине третьего. Но мисс Мортон позвонила в полицию через шесть или семь минут. Там время звонка зафиксировали.

Джэдвин кивнул.

— Два часа тридцать девять минут. Вы ничего не слышали? Никого не видели? Этот Типтоу, даже по его словам, какое-то время бродил по поместью.

— Я ничего не слышал и никого не видел.

— А вы, мисс Мортон? Когда шли к дому?

— Никого.

— Вы переоделись и вернулись к бассейну?

— И принесла одежду Джулиану, — ответила Лидия. — Сержант Поллет подъехал раньше. Полиция отреагировала быстро.

— Патрульная машина Поллета находилась в миле от поместья, когда с ним связались из участка.

— Как приятно осознавать, что в наше беспокойное время полиция держит марку. — Дэвид Льюис выпустил струю дыма.

Джэдвин быстро опросил остальных. Льюисы сразу отправились в свою комнату. К ним на минутку заглянула Кэролайн, а потом они легли спать и не заметили ничего необычного, пока их не разбудил вой полицейской сирены.

Мэрилин Мартин улеглась в кровать раньше всех. Она так перенервничала, что не смогла уснуть, поэтому выпила таблетку сенанала. Ее тоже разбудила полицейская сирена.

Бобби Гиллард отправился в свою комнату, немного почитал и заснул. Его сон нарушила та же сирена.

Джерри Стиллзуэлл, все еще потрясенный случившимся, практически повторил слова Бобби.

Вот тут Джэдвин повернулся к Беатрис Лоример. Квист подумал, что именно таким женщинам, а Беатрис было далеко за сорок, и адресовала свою коллекцию Мэрилин Мартин. В искусстве обольщения современные молодые девушки не годились ей и в подметки. Даже в ее голосе слышались чувственные нотки.

— Думаю, я последняя, за исключением этого Типтоу, кто видел Кэролайн живой. Я поднялась наверх после всех. И, поверьте ли, долго раздумывала, а не искупаться ли мне. Если б я решила пойти к бассейну, то сейчас лежала бы на месте Кэролайн, — она горестно улыбнулась. — На макияж мне приходится тратить больше времени, чем молодым женщинам. А купание означало, что перед завтраком я должна уложить волосы. Вот и решила пойти спать. На втором этаже столкнулась с Кэролайн, выходящей из комнаты Льюисов. Мы несколько минут поболтали.

— О чем, миссис Лоример?

Беатрис элегантно пожала плечами.

— О вечере, о приеме, о ее платье, надо сказать, великолепно, — она коротко посмотрела на Мэрилин. — О следующем дне.

— О следующем дне?

— О том, как мы его проведем. Ничего особенного. Бассейн, теннис, гольф. До второй половины дня гости могли развле-

каться по своему усмотрению, а к вечеру, если б позволила погода, мы хотели устроить пикник у бассейна. Угостить наших гостей поджаренным на вертеле мясом.

— И какой она вам показалась?

— Кэролайн? Такой же, как всегда. Спокойной, уравновешенной. Вечер ей понравился, правда, Томми Байн переборщил с песнями Ноэля Коварда.

— Ее ничего не тревожило, не беспокоило?

— Нет. Она, правда, сказала, что ей придется найти себе любовника, если Марк будет продолжать работать по ночам. Разумеется, в шутку. Я не знаю женщины, столь привязанной к мужу, как Кэролайн, — Беатрис глубоко вздохнула. — Она очень его любила.

— Кэролайн не говорила, что пойдет искупаться?

— Нет. Одна она бы не пошла, я в этом уверена.

— Но она все-таки спустилась к бассейну.

— Знаю. Ума не приложу, что заставило ее выйти из дома.

— Возможно, она увидела этого Типтоу и решила узнать, что ему нужно? — предположил Джэдвин.

— Чтобы она сама пошла выяснять, что за незнакомец забрел в поместье? Когда рядом Марк и Патрик?

— Но она-таки пошла.

— Объяснение тут одно, капитан. Она увидела внизу человека, которого знала. Одного из нас... или соседа.

— Но вы все находились в доме, когда Кэролайн отправилась к бассейну. — Джэдвин постучал пальцем по блокноту. — Исходя из ваших же показаний. У бассейна никого не было, пока без четверти два туда не пришли мистер Квист и мисс Мортон.

— Ночь-то чудесная, — вставил Дэвид Льюис. — Возможно, она решила погулять по саду под луной. Подышать свежим воздухом, пока Марк не закончит работу. Не хотела ложиться без Марка. К несчастью, в саду ее поджидал убийца.

— Ваша версия не лишена логики. — Джэдвин закрыл блокнот, выдвинул ящик резного флорентийского письменного стола, достал несколько листов бумаги, положил их на полированную поверхность. — Полагаю, нет нужды держать здесь тех, кто не живет в этом доме. Если, конечно, внезапно не откроются новые обстоятельства. Запишите на этих листочках ваши имена, фамилии, адреса, номера телефонов, и утром, если на то будет ваше желание, можете уезжать.

— Утро уже наступило. — Беатрис стояла у окна, вглядываясь в порозовевшее на востоке небо.

Лидия дернула Квиста за рукав.

— Ты не собираешься сказать им об автомобиле этого парня? Кто-то наврал капитану, говоря, что в баке полно бензина.

Лицо Квиста прорезали глубокие морщины.

— Не сейчас.

Глава 3

Редко кто из нью-йоркцев видел, как солнце встает над их городом. И напрасно. Зрелище-то удивительное: солнечные лучи, отражающиеся от стеклянных замков. Квист гнал “мерседес” по Ист-Сайд-драйв. Лидия сидела рядом с ним, Бобби Гиллард и Мэрилин Мартин — на заднем сидении. Настроение у всех было неважное. Квиста очень занимала судьба Типтоу.

— Льюис позвонил кому-то из полицейского руководства, может, даже в Олбани. Естественно, нельзя расшатывать финансового колосса, имя которого Стиллзуэлл-Льюис. Козел отпущения ими найден — бедолага Типтоу. Его алиби, подтвержденному в “Лодочном клубе”, никто не поверит. А чтобы подстраховаться, они подлили в бак бензина. Опять же, чтобы представить ложью его утверждения о том, что в машине кончился бензин. Если бы я не послал Бобби, правды мы бы никогда не узнали. А так в баке нашли бензин, следовательно, вина Типтоу доказана. Дело закрыто. Аплодисменты Джэвину, Симзу и иже с ними.

— А если бы ты противопоставил им показания Бобби?

— Но он не ошибся. Следовательно, Типтоу невиновен. Тогда кто...

— Вопрос на засыпку, — нахмурился Квист.

— Так что ты собираешься делать?

— Наведу справки о братце Джэвине. Интуиция подсказывает мне, что ему можно верить. Но, возможно, мой природный радар вышел из строя.

Квист высадил пассажиров у дома, где жила Лидия, в двух кварталах от Бикмен-Плейс. Бобби и Мэрилин уехали на такси. А Квист загнал “мерседес” в подземный гараж.

В квартире он первым делом включил на кухне кофеварку, а сам поднялся на второй этаж. Побрился, принял душ, переоделся. И когда спустился вниз, выглядел таким свеженьким, будто спал никак не меньше восьми часов. Налил чашку кофе и взялся за телефонную трубку. Минуту спустя он уже разговаривал с лейтенантом Кривичем из отдела убийств.

— Только не говори, что ты приготовил для меня еще один труп, — притворно ужаснулся Кривич.

— Труп есть, но не на вашей территории, — успокоил его Квист. — Ты знаком с детективом по фамилии Джэвин? Из полицейского управления штата? Работает в Уэстчестере.

— Да. Профессионал, хороший коп.

— Неподкупный?

— В каком смысле?

— Могут на него надавить сверху и заставить сфабриковать улики?

— В расследовании убийства?

— Совершенно верно.

— Никогда, — твердо заявил Кривич. — В нашем деле случается многое, Квист. Тут не усердствуй, там не дави. Не позволяй

прессе вывалить в грязи такого-то. Иногда мы и слушаемся. Но фабриковать улики, чтобы осудить невинного? Ни я, ни Джэдвин на это не пойдем.

Квист выложил лейтенанту все, что знал.

— У Льюиса большие связи, вплоть до Белого Дома, — заключил он. — В этом автомобиле бензина не было, а Джэдвин говорит, что был. По крайней мере, утверждает, что так сказал ему Симз.

— У него нет причин не верить Симзу.

— Если только он тоже не покрывает настоящего преступника. Потому что кто-то старается отвести от него удар, лейтенант. Типтоу не убивал, в этом сомнений нет.

— Ты рассказал Джэдвину то, что знаешь?

— Сначала я хотел убедиться, что ему можно доверять.

— Можно, — заверил его Кривич. — Стив Джэдвин — честный коп.

— Спасибо тебе.

— Могу дать один совет.

— Внимательно тебя слушаю.

— Насчет звонка Льюиса. Если он звонил по межгороду, телефонная компания обязательно укажет номер в выставленном Стиллзуэлли счете. Вот вы и выясните, кто выходил на Симза.

— Еще раз спасибо.

— Не за что.

С чашкой в руке Квист вышел на террасу, с которой открывался прекрасный вид на Ист-Ривер. Над гордом уже колыхалось марево августовской жары. Неожиданно зазвонил телефон, и Квист, поставив чашку на парапет, вернулся в гостиную, взял трубку.

— Мистер Квист?

— Да.

— Говорит капитан Джэдвин. Надеюсь, я вас не разбудил.

— Я как раз собирался на работу.

— Я сейчас еду в город. Хочу кое-что выяснить об этом Типтоу. Вроде бы он живет в Ист-Виллидж.

— Понятно.

— Видите ли, мистер Квист, сегодня ночью, когда наша встреча в доме Стиллзуэллов подходила к концу, я услышал слова мисс Мортон, обращенные к вам: "Ты не собираешься сказать им..." К сожалению, окончания фразы я не расслышал. Это еще один свободный конец. А я ненавижу оставлять свободные концы. Вы действительно сказали мне не все?

Квист помялся.

— Да.

— Я бы хотел увидеться с вами. До города доберусь через час.

— Я буду у себя. — Квист дал ему адрес стеклянного пальца у Гранд-сентрал-стейшн.

— Приезжая к вам, словно попадаешь на съемочную площадку. — Капитан Джэдвин все никак не мог оторвать взгляда от

длинных стройных ног мисс Пармали. Она провела его из приемной в кабинет Квиста. А там он, наверное, ел взглядом мисс Чард, подумал Квист. — Пастельные тона, картины современных художников...

— Сотрудницы, — с улыбкой добавил Квист.

— Сравнивая вашу фирму с полицейским управлением, я начинаю думать, а ту ли я выбрал профессию.

— Мы же продаем образы. И, прежде всего, свой, образ фирмы, устремленной в будущее, готовой повести туда любого, кто обратится к нам. — Квист повернулся к Конни: — Как только появится Бобби, попроси его зайти ко мне. И никаких звонков до моего указания.

Джэдвин сел в предложенное ему кресло и очень удивился, найдя, что сидеть в нем удобно, хотя сработали его из алюминиевых труб, а не из привычного дерева.

— Как-нибудь я попрошу вас устроить мне экскурсию по вашей фирме. Но сейчас время дорого, мистер Квист. Вы собираетесь сказать мне то, что я не услышал от вас в доме Стиллиуэллов?

— Я навел о вас справки у Кривича, — ответил Квист. — И сам намеревался позвонить вам.

Серые глаза Джэдви́на выжидающе смотрели на Квиста. Капитан ничего не сказал.

— С Кэролайн Стиллиуэлл меня связывает давняя дружба, еще с тех времен, когда она снималась в кино, — продолжил Квист. — Я всегда питал к ней самые теплые чувства. И хочу, чтобы ее убийца понес заслуженное наказание.

— Я с вами полностью солидарен, — кивнул Джэдвин. — К счастью, убийца в наших руках.

— Я так не думаю!

— Неужели? Снова играете в детектива, мистер Квист?

— Можно сказать, что да.

— Выкладывайте. Я внимательно слушаю.

— Одно я знаю наверняка, капитан: Кэролайн убили до того, как мы с Лидией пришли к бассейну. Если б ее убил Типтоу, у него было бы сорок пять минут, чтобы смыться. Симз считает, что поймал его на месте преступления, а я склонен верить версии Типтоу. Он сказал, что уехал из "Лодочного клуба" после двух часов ночи, аккуратно напротив поворота в поместье Стиллиуэллов у него кончился бензин, и он пошел к дому, чтобы одолжить несколько литров горючего. Но тут подъехала патрульная машина. Он юркнул в кусты, но появилась вторая, и его схватили.

— В "Лодочном клубе" подтверждают его алиби, но его друзья готовы и солгать, — заметил Джэдвин. — А вот насчет того, что кончился бензин. Бензин в баке был. Много бензина.

Дверь открылась, и вошел Бобби Гиллард, широко улыбаясь.

— Добрый день, мистер Гиллард.

— Привет.

— Потому-то я и наводил о вас справки. — Квист знаком предложил Бобби сесть. — Когда Симз попросил нас вернуться в дом, в автомобиле Типтоу не было ни капли бензина.

Джэдвин весь подобрался.

— Я не хотел, чтобы Симз шел по ложному следу, — продолжал Квист, — и попросил Бобби проверить, есть ли бензин в колываге Типтоу.

— И что он выяснил? — спросил Джэдвин.

— Бак был пуст, капитан, — ответил Бобби Гиллард. — Я отвернул крышку и сунул в бак палку. Конец остался сухим. Вернувшись в дом, Дэвид Льюис сразу же кому-то позвонил. Потом сказал нам, что переговорил с кем-то из полицейского начальства, и ему обещали прислать хорошего детектива. Он не хотел устраивать прессе очередной праздник. Когда вы пришли и сказали, что в баке полно бензина, я отнесся к вам с недоверием. Потому что бак был пуст до того, как Симз приказал отбуксировать машину Типтоу в участок.

В кабинете надолго повисла тишина. Ее нарушил Джэдвин.

— Вы не могли ошибиться, мистер Гиллард? Может, вы взяли короткую палку?

— Я отломил ветвь от куста. Она торчала из горловины на добрых два фута. А другим концом уткнулась в дно бака. Я еще повозил им вокруг. Бак был пуст.

— Надеюсь, вы понимаете, почему я поостерегся сразу говорить вам об этом, — вмешался Квист. — Дэвид Ишем Льюис — могущественный человек. Если ему хватит денег, чтобы купить полицию штата, я займусь этим делом сам. Потому что я не намерен допустить, чтобы убийство Кэролайн спустили на тормозах, капитан.

Джэдвин глубоко вдохнул, достал из кармана сигарету, сунул в рот, но не закурил. Как и в доме Стиллвеллов.

— Я бросил курить шесть месяцев тому назад, — пояснил он. — Но все еще играю с ними. Вот что я вам скажу, мистер Квист. В любом стаде есть паршивая овца. Как в полиции, так и в вашем бизнесе. Я знаю Симза двадцать лет. С воображением у него не очень, он из тех, кто действует по инструкции. Но я знаю его, как честного человека! Готов в этом поклясться. Он сказал мне, что в баке был бензин, и я ему верю.

— А нам — нет?

— Разумеется, я верю и вам. Когда мистер Гиллард проверял бак, там не было ни капли бензина. Когда его проверял Симз или кто-то из полицейских по его приказу, бензин был. Одно не противоречит другому.

— Тогда на кого выходил Льюис?

— Не знаю. Возможно, говорил с кем-то из больших начальников. Такие, как Льюис, думают, что перед ними все будут стоять на задних лапках. Но я могу сказать, что ко мне это дело попало

обычным порядком. Я был на службе, другого расследования не проводил, меня и направили к Стиллзуэллам. Совсем не как гасителя рождественских фейерверков.

— Но Льюис с кем-то говорил.

— Давайте придерживаться фактов, Квист. Итак, бак был пуст, когда его проверял мистер Гиллард, а потом в нем появился бензин. Связывать с этим звонок Льюиса — из области догадок. Вы думаете, бензин налили после того, как автомобиль отбуксировали от дома Стиллзуэллов, то есть это дело рук патрульных. Так?

— Похоже на то.

— В гараже Стиллзуэллов четыре автомобиля. Добавьте к ним газонокосилки и минитракторы. У них своя бензозаправка. Так что кто-то из обитателей дома, слуга, шофер, садовник, мог наполнить канистру и перелить из нее бензин в бак машины Типтоу. Мистер Гиллард смог подобраться к ней незамеченным. Кто-то еще чуть позже мог сделать то же самое. И мне представляется, Квист, что Льюис переговорил с кем-то из находящихся в доме. Видите ли, я доверяю копам.

— То есть вы, как и я, полагаете, что Типтоу невиновен?

— Я думаю, такое вполне возможно.

— Тогда почему он должен сидеть в тюрьме?

— Я думаю... оно и к лучшему. Если мы правы, от него больше пользы за решеткой. Как только он выйдет на свободу, станет ясно, что мы ищем кого-то еще. А пока настоящий преступник думает, что мы нашли убийцу, и может утратить бдительность. — Джэдвин поднялся. — Веселенькое утро. Мне нужны ваши письменные показания, мистер Гиллард.

— Разумеется.

— Кривич посоветовал, как найти собеседника Льюиса, — добавил Квист. — Если он звонил по межгороду, номер занесут в счет Стиллзуэлла.

— Если только мы сможем что-нибудь выудить из этого чертова компьютера, — пожал плечами Джэдвин. — Спасибо за помощь. Выходит, все не так просто, как поначалу казалось.

Глава 4

Тот день в «Джулиан Квист Эссошиэйтс» практически не отличался от остальных. Клиенты и потенциальные клиенты осаждали штаб-квартиру. Все желали разговаривать только с Джулианом Квистом, но большинство попадали к его помощникам, и редко кто уходил недовольным.

Для бизнеса день выдался даже удачным. Дэн Гарви, правая рука Квиста, подписал выгодный контракт. Речь шла о рекламном обеспечении строительства гигантского спортивного стадиона под крышей на восемьдесят тысяч зрителей, с катком, теннисными кортами, полем для сквоша, бассейнами. Стадион собиралось построить за четыре года.

— И нам будут платить за то, что все эти четыре года, день за днем, мы будем информировать общественность о ходе строительства, — сообщил Гарви Квисту.

Внешне Дэн Гарви полная противоположность Квисту: черноволосый, не улыбочивый, всегда строго одетый. Оба ростом чуть выше шесть футов, при этом Гарви на сорок фунтов тяжелее, но в них нет ни унции жира. Не так давно он считался восходящей звездой профессионального американского футбола, однако травма колена перечеркнула его спортивную карьеру. Он мог бы сниматься в кино, но предпочел поступить на работу в “Джулиан Квист Эссошиэйтс”. Казалось, его козырь — грубая физическая сила, и мало кто знал о принадлежности к “Фи-бета-каппа”¹.

— Трудная выдалась ночь, — посочувствовал Гарви.

— Трудная. — Перед мысленным взором Квиста возникло исполосованное ножом тело Кэролайн. — Убийца по-прежнему на свободе, а мы ничего о нем не знаем.

— Разумеется, это совпадение. Контракт по “Спортивному комплексу” сейчас в юридическом отделе. Его уже подписал президент компании, финансирующей строительство. Небезызвестный тебе Дэвид Ишем Льюис.

— Он финансирует строительство?

— Если копнуть глубже, посмотреть, кто стоит за подставными фирмами, то да. Двести миллионов баксов. Из одного кармана. Ты думаешь, он подкупил кого-то, чтобы плеснуть бензина в бак развалюхи Типтоу?

— Кто-то за это заплатил. Может, и не Льюис. Доказательств пока нет.

— Мне всякий раз становится не по себе, когда приходится перебегать дорогу одному из этих богачей. За эти пять галлонов бензина он мог заплатить столько, что исполнителю хватит на всю жизнь, а он этих денег и не заметит. Вот она, власть золотого тельца.

— И как он собирается получить прибыль от этого “Спортивного комплекса”?

— Прибыль? Проще простого. Будет сдавать стадион в аренду футбольным командам, хоккейным, бейсбольным. Теннисные турниры, стоянки автомобилей, платные занятия в бассейне. Доллар здесь, доллар там. Через пять лет он получит не двести, а четыреста миллионов.

— Мы, похоже, заняты не тем делом.

— А мне оно нравится, — возразил Гарви. — Приятно осознавать, что ты не замешан ни в каких махинациях.

В дверном проеме возникла Конни Пармали.

— Звонит лейтенант Кривич. Я подумала, что вы захотите с ним поговорить.

¹ Привилегированное студенческое общество.

— Конечно. — Квист наклонился, включил громкую связь, чтобы слова Кривича слышали все трое. — Слушаю, лейтенант.

— Стив Джэдвин заезжал к тебе этим утром?

— Уехал час тому назад. Насчет него ты не ошибся.

— Я не ошибался. — Кривич сделал упор на прошедшем времени. — Я бы хотел поговорить с тобой.

— Нет возражений. Ты где?

— На Гранд-сентрал. Буду у тебя через пять минут. Ты сидишь?

— Да.

— Джэдвин звонил из телефонной будки, должно быть, после разговора с тобой. Кто-то всадил ему в голову полфунта свинца.

Квист замер.

— Рана тяжелая?

— Он убит, черт побери! — взорвался Кривич.

Глава 5

Гранд-сентрал-стейшн. Тысячи спешащих по своим делам людей. Сотни из них находились достаточно близко, чтобы увидеть, что произошло с капитаном Джэдвином. Не увидел ни один. Длинный ряд телефонных будок у входа в отель "Командор". Люди, выходящие и входящие во вращающиеся двери. Десятки людей, поднимающихся и спускающихся в подземку. Будки всегда заняты, желающие позвонить ждут своей очереди.

Выстрелы были. Пять или шесть. Люди слышали выстрелы, но не видели стрелявшего. Их внимание привлек лишь капитан Джэдвин, вывалившийся из будки в окровавленной рубашке. Никто не помнил, чтобы кто-то побежал прочь. Вероятно, убийца, стоя у двери будки, хладнокровно разрядил в капитана Джэдвина всю обойму, а затем смешался с толпой и спокойно удалился. Никто и не пытался остановить его, поскольку его действия не вызвали подозрений.

Кто-то из охранников вокзала оказался рядом. Первым делом он заставил толпу податься назад. Иначе тело просто затоптали бы. Многие подходили, чтобы рассказать, что они видели, но ничего путного узнать не удалось. Кто-то обратил внимание на толстяка, который спешил к будке с телефоном для справок. Другой заметил женщину, очень уж быстро нырнувшую в двери отеля "Командор". Некий бизнесмен, стоящий в очереди у соседней будки, даже не смог определить, из-за шума улицы, с какой стороны раздались выстрелы. А потом Джэдвин вывалился буквально ему под ноги.

— Убийца исчез, словно человек-невидимка. — Лицо лейтенанта Кривича, невысокого широкоплечего крепыша, пылало гневом. — Никто не видел ничего путного.

Квист и Гарви внимательно выслушали рассказ Кривича. Квиста шокировала кровавая картина, нарисованная детективом.

Возможно, все это не имеет отношения к делу Стиллиуэллов, сказал он себе. Но не убедил.

— Как ты договаривался о встрече с Джэдвином?

— Он позвонил по телефону и сказал, что хотел бы со мной встретиться. Он услышал, как Лидия спросила меня, не намерен ли я... кое-что ему сказать. Но тогда я ничего говорить не собирался, потому что сначала хотел навести о нем справки. Что и сделал, позвонив тебе.

— Откуда он звонил?

— Не знаю. Он сказал, что собирается в город, чтобы получить кое-какую информацию о Типтоу. Полагаю, звонил или из участка, или из дома Стиллиуэллов. Ехать оттуда чуть меньше часа. Он прибыл через час с четвертью после звонка.

— Если кто-то подслушал ваш разговор... — Кривич помолчал. — О чем он говорил?

Квист задумался.

— Его интересовало, скажу ли я ему то, что не сказал ночью. Это, мол, свободный конец. А свободные концы ему не по нутру.

— То есть те, кто вас подслушивал, могли понять, что имеющиеся у тебя сведения могут отвлечь внимание Джэdvина от Типтоу. Если уж они идут на крайние меры, то почему не попытались заткнуть тебе рот до того, как ты кому-то что-то рассказал?

Квист пожал плечами.

— После нашего разговора Джэдвин понял, что обвинение против Типтоу липовое. Кто-то из проживающих в доме или патрульных подлил в бак автомобиля Типтоу бензин, чтобы тот не смог выкрутиться. Джэдвин полагал, что патрульные — честные парни. Он сказал, что они подержат Типтоу в тюрьме, чтобы усыпить бдительность настоящего преступника. Думаю, не составит труда выяснить, кто уехал из поместья Стиллиуэллов или полицейского участка в Уэстчестере вслед за Джэdvином. Должно быть, он сел в машину, как только поговорил со мной. Так что добратся до меня быстрее Джэdvина они не могли, разве что устроили бы ему аварию.

Дэн Гарви отвернулся от окна, сунул руки в карманы.

— Ты столкнулся с могущественными людьми, Джулиан. Я про Дэвида Льюиса и Марка Стиллиуэлла. Ни одному из них нет нужды следовать за Джэdvином, чтобы остановить его или заткнуть рот тебе. Они поднимают трубку, звонят, кому следует, и наемный убийца надевает шляпу и идет в указанное место.

Кривич закурил, глубоко затянулся.

— Интересно взглянуть на телефонный счет Марка Стиллиуэлла. Кому звонил Льюис, сказав, что беседовал с полицейским начальством. А если и Джэdvин звонил из поместья? Хочется узнать, кому позвонили после его отъезда.

По телефону Квиста Кривич позвонил в полицейское управление штата. Попросил, чтобы ему подготовили перечень междуго-

родных телефонных звонков из поместья Стиллиуэллов за последние двенадцать часов.

— У меня, конечно, щекотливая позиция. Я не в праве расследовать преступление, совершенное вне Манхэттена, но Джэдвин вел дело Стиллиуэлла, а искать его убийц — по моей части. Думаю, полиция штата мне поможет, и мне придется заодно поискать и убийцу Кэролайн Стиллиуэлл. Я хочу, чтобы ты поехал со мной туда, Квист.

— Почему?

— Ты там всех знаешь и сможешь мне помочь. Более того, если тебя увидят рядом со мной, кто-то может сообразить, что слишком поздно затыкать тебе рот.

— Ты серьезно думаешь, что они могут избавиться от меня?

— Мне будет спокойнее, если они узнают, что смысла в этом уже нет.

По аппарату внутренней связи Квист соединился с мисс Пармали, спросил, не пришла ли Лидия. Не пришла. Он долго колебался, звонить ли ей домой. Все-таки она провела бессонную ночь.

— Когда Лидия придет, скажи ей, куда я поехал и почему, — попросил он Гарви.

Тот кивнул и посоветовал:

— Держись поближе к Кривичу, пока они не поймут, что ты уже выложил все, что знал, дружище. Ты не будешь возражать, если я кое-что разузнаю о нашем новом клиенте, мистере Льюисе? Обычное дело, раз уж мы будем рекламировать его “Спортивный комплекс”. Может, я смогу выяснить, куда он обращается, если ему внезапно требуется наемный убийца.

— Только не переусердствуй, — ответил Квист. — Хотелось бы обойтись без новых покойников.

После того, как Кривич закончил свой рассказ, в кабинете седовласого капитана Миллера, начальника полицейского участка в Паркхерсте, надолго воцарилась тишина. Известие об убийстве Джэдвиана потрясло как самого Миллера, так и лейтенанта Симза, и сержанта Поллета. По существу Кривич поставил под сомнение честь полиции штата. Кто-то налил бензин в бак автомобиля Типтоу. Из слов Кривича следовало, что сделать это мог и патрульный, то ли получив щедрую взятку, то ли выполняя приказ очень большого начальника.

Разумеется, они запротестовали.

— Мы не смогли сразу же провести тщательный осмотр автомобиля, — признал лейтенант Симз. — И без того дел хватало. Я прибыл в поместье с патрульным Уортингом. Увидев колымагу Типтоу, мы остановились. Уортинг залез в бардачок, надеясь найти там водительское удостоверение или регистрационный талон. Не нашел. Тут мы заметили прячущегося в кустах Типтоу и схватили его. Мотивы своего появления в поместье он изложил позже. Я подумал, что проверить наличие

бензина в баке мы всегда успеем. Нам казалось, что не так это и важно.

— Неужели? — насупился Кривич.

— Мы не сомневались, что преступник — Типтоу, что бы он там ни говорил.

— Когда вы проверили бак?

— После приезда капитана я сказал ему, что хочу отбуксировать автомобиль Типтоу на стоянку, где мы держим конфискованные машины. Там достаточно света, чтобы провести детальный осмотр. Он согласился. Мы отбуксировали автомобиль. К тому времени я находился в поместье уже целый час. На стоянке наши эксперты осмотрели автомобиль. Бак был наполовину полон, вот мы и решили, что Типтоу нам солгал.

— Значит, кто-то наполнил бак уже после вашего прибытия.

— Если мы примем версию мистера Квиста, — Миллер недружелюбно глянул на Квиста.

— Я ее принимаю, — отрезал Кривич. — Поймите, капитан, я ни в чем не обвиняю ваших сотрудников. В поместье Стиллиуэлла есть бензозаправка. У них несколько автомобилей, различная техника для ухода за садом. Бензин мог залить кто-то из живущих в поместье.

На столе Миллера зазвонил телефон. Капитан снял трубку, послушал, передал ее Кривичу:

— Это вас.

Кривич говорил с человеком, которого хорошо знал. По ходу разговора взял со стола клочок бумаги, что-то записал. Поблагодарил, положил трубку, несколько секунд смотрел на свои записи.

— После полуночи из дома Стиллиуэлла по межгороду звонили шесть раз. Трижды по одному номеру. Известному нью-йоркскому адвокату Максу Готтфриду. Дэвид Льюис один из его клиентов. Один звонок — доктору Френкелю. Психологическому. Еще один — в фирму Мэрилин Мартин, — Кривич повернулся к Квисту. — И последний — в ваше агентство. Вероятно, звонил Джэввин.

— Мэрилин разрабатывала новую коллекцию одежды для миссис Стиллиуэлл, — подал голос Квист. — Вероятно, она позвонила своим сотрудникам, чтобы остановить все работы. Новые платья Кэролайн уже не понадобятся.

— Льюис сказал, что звонил кому-то из полицейского начальства, — заметил Кривич. — По номерам этого не видно.

— Если б он позвонил сюда, этот номер в счет бы не попал. Местная линия. Но он не звонил. Если б он звонил моим начальникам, к примеру, в Олбани, телефонная компания зафиксировала бы этот звонок и поставила его в счет.

— Но она не зафиксировала, следовательно, в Олбани он не звонил, — Кривич сунул листок в карман. — Я еду в поместье Стиллиуэллов, капитан. Мне придется вторгнуться на вашу терри-

торию и путаться у вас под ногами, если вы не захотите работать со мной в паре. Я думаю, цель у нас одна, потому что Типтоу на преступника не тянет. Работаем вместе или как?

— Вместе, — кивнул Миллер. — Спасибо за помощь. Я хочу поймать убийцу не меньше вашего. Джэдвин был моим давним другом. Мы познакомились еще курсантами, — он повернулся к Симзу. — Расследование ведете вы, лейтенант. Согласны работать с Кривичем?

— Джэдвин верил вам на все сто процентов, лейтенант, — внес свою лепту Квист.

— Я сделаю все, что смогу, — последовал ответ.

Глава 6

— Интересно узнать, кому глубокой ночью понадобился психоаналитик? — задал Кривич риторический вопрос.

В тот жаркий, подернутый маревом августовский день особняк Стиллуэллов купался в солнечном свете, застыв на холме среди ухоженных лужаек и роц.

— Скорее всего, Льюиса мы там не найдем, — заметил Квист, когда машина свернула на подъездную дорожку. — Джэдвин решил нам всем уехать. Но кто-то слышал, как он разговаривал со мной по телефону.

Насчет Льюиса он ошибся. Вместе с Беатрис Лоример он сидел на террасе. На столике между ними стояли чашечки с кофе. При виде Квиста брови миссис Лоример взлетели вверх.

— Джулиан, вы вернулись! — впервые она назвала его по имени.

— По прискорбной причине, — Квист не спускал глаз с финансиста, но лицо Льюиса оставалось бесстрастным. — Это лейтенант Кривич из отдела убийств манхэттенского полицейского участка.

— Узнали что-нибудь новенькое о Типтоу? — Льюис поднял чашку, отпил кофе.

— Пару часов тому назад в Гранд-сентрал-стейшн застрелили капитана Джэдвина, который руководил расследованием убийства Кэролайн Стиллуэлл, — ответил Кривич.

— О, мой Бог! — выдохнула Беатрис Лоример, вцепившись в ручки плетеного кресла.

Льюис поставил чашку на стол.

— Полагаю, что у большинства полицейских предостаточно врагов.

— Джэдвин позвонил отсюда в агентство Квиста, — продолжал Кривич. — Он знал, что у Квиста есть важные сведения, он упомянул об этом в телефонном разговоре и сказал, что едет в Нью-Йорк. Мы думаем, кто-то подслушал его и решил остановить — до встречи с Квистом или после. Его и остановили. После. Квист рассказал ему все, что знал. То же самое он рассказал и мне.

— Не сообщать полиции важную информацию — серьезное правонарушение, не так ли, Квист? — спросил Льюис.

— Причины, по которым мистер Квист решил попридержать известную ему информацию, представляются мне достаточно убедительными, — ответил ему Кривич. — Полиция сообщила вам, что они обнаружили бензин в баке автомобиля Типтоу, то есть тот солгал, утверждая, что мотор заглох из-за отсутствия бензина напротив съезда в поместье Стиллуэллов. Но друг мистера Квиста, мистер Гиллард, проверил автомобиль Типтоу и выяснил, что бак действительно пуст. То ли кто-то из патрульных, то ли кто-то еще залил бензин в бак после того, как мистер Гиллард побывал у автомобиля. Квист не знал, кому он может доверить столь важные сведения. Приехав в город, он позвонил мне, чтобы узнать, можно ли доверять капитану Джэдвину. Я заверил его, что можно. Поэтому он и согласился обо всем рассказать Джэдвину.

— Вы думаете, что один из нас... кто-то из живущих в доме залил в бак бензин? — спросила миссис Лоример, костяшки ее пальцев, сжимающих ручки кресла, побелели.

Льюис пренебрежительно улыбнулся.

— Разумеется, полиция этого сделать не могла... хотя бы для того, чтобы доказать вину Типтоу.

— Мы об этом подумали. Вы сказали Квисту, что звонили кому-то из полицейского начальства, чтобы расследованием убийства миссис Стиллуэлл занялся компетентный, не жаждущий славы детектив. Чтобы, по вашим словам, "пресса не устроила рождественский фейерверк". Но никому из полицейского начальства вы не звонили, мистер Льюис. Мы проверили все звонки по городу.

Брови Льюиса сошлись у переносицы, улыбка исчезла.

— Я неточно выразился. Я позвонил моему адвокату в Нью-Йорк, чтобы тот связался с полицейским начальством.

— Максу Готтфриду?

— Видать, вы подготовились к визиту сюда, лейтенант. — Льюис улыбнулся уголком рта. — Мне нравится человек, который знает ответ на вопрос до того, как задает его. Тем самым почва никогда не уйдет у него из-под ног.

— После этого вы еще дважды звонили Готтфриду.

— Да, звонил. Вы же сказали, что перечень звонков у вас на руках.

— Вас не затруднит сказать, почему?

Вновь улыбка исчезла.

— Я не обязан отвечать на ваши вопросы, лейтенант.

— В данный момент — нет. Но разве вам что-то мешает ответить на них?

Льюис рассмеялся.

— Ловко, лейтенант, очень ловко. Ничего не мешает, просто я не люблю, когда на меня давят. Вас не было здесь этой ночью. Вы не знали миссис Стиллуэлл. Возможно, вы не можете представить себе, в какой ужас повергло нас ее убийство. Что вы обо мне знаете?

— То же, что и все. Столп финансового мира.

— Будь вы знакомы с миром финансов, лейтенант, вы бы знали, сколь хрупок в нем баланс сил. И сущий пустяк может порушить грандиозные замыслы.

— Такой пустяк, как убийство? — вставил Квист.

Брошенный на него взгляд Льюиса сочился презрением.

— Да, такой пустяк, как убийство. Кэролайн Стиллиуэлл была очаровательной женщиной. Я потрясен случившимся, скорблю вместе с Марком. Но меня также заботят мои замыслы, господа. Если мое имя будет упомянуто в связи с убийством, часть этих замыслов может растаять, как дым. Я не могу уехать и не могу руководить отсюда своим бизнесом. Поэтому и передал его в руки человека, которому могу доверять. Моему адвокату. Я звонил ему, чтобы поделиться некоторыми деловыми соображениями.

— И вы также звонили доктору Френкелю?

На лице Льюиса отразилось недоумение.

— Кто такой доктор Френкель?

— Это мой следующий вопрос. — Кривич повернулся к Беатрис Лоример.

— Не знаю я никакого доктора Френкеля, — ответила та.

— Он психиатр... психоаналитик.

— Никогда не слышал о нем, — бросил Льюис.

Кривич глянул в блокнот.

— Кто-то из вас присутствовал при утреннем телефонном разговоре капитана Джэджина с мистером Квистом.

Льюис медленно покачал головой.

— Мы отдали библиотеку капитану Джэджину и его подчиненным, — ответила Беатрис. — Должно быть, он звонил оттуда, когда был один.

— Но есть же параллельные аппараты, по которым можно прослушать разговор.

— Не меньше шести, — кивнула Беатрис. — В доме есть и другие телефонные линии, напрямую связанные с кабинетом Марка. Этот номер в телефонном справочнике не значится.

Кривич нахмурился. Упущение. О втором номере он не подумал, и теперь не знал, куда с него звонили.

— Вы можете дать мне список слуг, миссис Лоример? Горничных, садовников, шоферов... Всех, кто работает в поместье.

— Разумеется.

— Пожалуйста, подготовьте этот список. А сейчас я хотел бы переговорить с мистером Марком Стиллиуэллом, мистером Джерри Стиллиуэллом, мистером Патриком Грантом и миссис Льюис. — Все имена и фамилии Кривич почерпнул из своего блокнота.

— К сожалению, Марка и Пата Гранта нет, — ответила Беатрис. — Они поехали в похоронное бюро. Джерри вы найдете в его студии в глубине сада.

— Боюсь, миссис Льюис ни с кем говорить не сможет, — добавил Дэвид Льюис. — У нее случилась истерика после того, как на-

шли Кэролайн. Нам пришлось обратиться к местному врачу. Ей сделали укол, и сейчас она спит под присмотром медицинской сестры.

— Местному врачу?

— Доктору Тэйбору, — пояснила Беатрис. — Мы его практически не знаем. В этом доме редко кто болеет, — она выдавила из себя смешок.

— Состояние моей жены не позволяет мне уехать, — добавил Льюис. — Иначе я сидел бы в своем кабинете.

— Попрошу вас не затягивать со списком, миссис Лоример, — обратился к Беатрис Кривич. — Прежде всего я хочу поговорить с шофером и старшим садовником.

Гараж, примыкающий к особняку Стиллвеллов сзади, многим мог показаться роскошным жилищем. В нем хватало места для пяти автомобилей и прекрасной мастерской с множеством инструментов и приспособлений, включая подъемник. Если в автомобилях Стиллвеллов что-то ломалось, их ремонтировали на месте. Второй этаж занимала квартира, в которой проживал Лакинз, шофер Стиллвеллов. Квист обратил внимание на бензоколонку, установленную у ворот.

Лакинз, в резиновом фартуке, мыл “порше”. Мускулистый, черноволосый, симпатичный молодой человек, любящий поболтать, как предположил Квист, и посплетничать. Вроде бы скрывать ему было нечего. Да и убийства не шокировали его.

— Насилие, конечно, ужасно, — заявил он, — но от него куда не денешься. Иной раз идешь ночью и не знаешь, останешься живым или нет.

У Стиллвеллов он работал пять лет. О хозяевах мог сказать только хорошее. Его обязанности — поддерживать в исправности все пять автомобилей, возить Кэролайн и миссис Лоример. Марк и Патрик Грант предпочитали сами садиться за руль. Этот “порше” принадлежит Гранту. Марк ездит на “корветте” с опускаемым верхом.

— А прошлый вечер? — полюбопытствовал Кривич.

— Для меня это был вечер отдыха, — ответил Лакинз. — Прием. Мои услуги не требовались. Я... пригласил к себе девушку. Так что я не спал, — он широко улыбнулся. — Как и мистер Квист. Извините, специально мы не подсматривали, но увидели, как вы и ваша дама прошли к бассейну. А потом сняли халаты. Да, там было на что посмотреть!

— С какого места вы их видели? — спросил Кривич.

Лакинз указал наверх.

— Эти окна с широкими подоконниками. На одном мы и сидели, выпивали, любовались луной. Увидели мистера Квиста и его даму, идущих к бассейну. Фантастическое зрелище, знаете ли.

— Долго вы там сидели?

— Нет. Не люблю я все эти поцелуйчики да разговоры. Мы и раньше пропустили по паре стаканчиков, а потом я увлек мою подружку к кровати, где она с большим желанием и сдалась. Отличный выдался вечерок. Мы, можно сказать, только раско-чегарились, когда мне показалось, будто кто-то бродит по кустам.

— В какое время?

— Примерно двадцать минут второго. Я это знаю точно, потому что моя девушка взглянула на настенные часы и сказала, что ей пора домой. Я как раз пытался убедить ее, что домой она еще успеет. Аккурат в это время автомобиль Томми Байна, мистера Байна, отъехал от большого дома.

— Значит, вы что-то услышали. Что именно?

— Шуршание в кустах. То ли вор хотел что-то украсть из гаража, благо, там немало ценного, то ли кто-то тискал там свою подружку. Короче, я подошел к окну, чтобы посмотреть. Потом и моя девушка присоединилась ко мне. Мы ничего не увидели и больше ничего не слышали. Я предложил выпить, она согласилась, я наполнил два стакана, и мы уселись на подоконник. А там мистер Квист и его дама вышли из дома.

— Вам не пришло в голову, что вы слышали, как кто-то убивал миссис Стиллуэлл? — спросил Кривич.

— Да нет же! Мы понятия не имели о том, что произошло. И лежали в постели, когда услышали вой полицейской сирены. Моя девушка тут же оделась и убежала. Ее автомобиль стоял у служебного выезда, знаете, для машин, что привозят продукты, обслуживают прачечные, поэтому едва ли кто видел, как она уехала.

— Я бы хотел встретиться с ней, чтобы она подтвердила ваши слова.

— Зачем, лейтенант? Не надо втягивать ее в это дело. Я... понимаете, у нее муж! Она не скажет вам ничего такого, что вы не услышите от меня.

— Разберемся. Что вы делали после ее отъезда?

— Оделся... и ждал, пока кто-нибудь позовет меня.

— И не пошли к бассейну?

— Мой девиз — держись подальше от копов, пока они сами не обратятся к тебе.

— То есть вы провели здесь примерно два часа?

— Одевшись, я вышел из моей квартиры и стоял у ворот гаража. У всех на виду, не прячась.

— Рядом с бензоколонкой?

— Да.

— Кто брал из нее бензин?

Лакинз изумленно вытаращился на лейтенанта.

— Никто. В прошлую ночь никто бензоколонкой не пользовался. Я бы услышал.

— Даже когда... занимались гимнастикой под одеялом?

— Мотор электрический, — пояснил Лакинз. — После каждого галлона раздается звонок. Совсем как на обычной автозаправке.

— Где еще может храниться бензин на территории поместья?

— В гараже садовника. У него там газонокосилки и пара садовых тракторов. Обычно он заправляет тракторы здесь, но две бочки по десять галлонов держит в гараже. Для газонокосилок, — Лакинз повернулся. — А вот и босс, вернулся из города.

Серый “корветт” подкатил к гаражу. За рулем сидел Патрик Грант. Марк Стиллзуэлл вроде бы и не понял, что они приехали, пока Грант не коснулся его руки. Оба были в черных очках.

Марк с трудом выбрался из машины, словно тело отказывалось ему служить.

— Джулиан! Ты вернулся. — Голос его осип от усталости, душевной и физической.

Квист представил Кривича и сообщил об убийстве Джэвдина. Марк стоял, уперевшись руками о правое переднее крыло “корветта”, наклонившись вперед, будто боялся, что без опоры рухнет на землю.

— Это уж чересчур, — пробормотал он. — Чересчур!

А вот в Гранте усталости не чувствовалось.

— Я, пожалуй, вернусь в дом. Льюис знает?

— Знает.

— Сейчас вся эта шумиха совсем ни к чему. Надо кое-кому позвонить, Марк, — он повернулся, чтобы уйти.

— Одну минуту, мистер Грант, — остановил его Кривич. — Вы или мистер Стиллзуэлл слышали утренний разговор Джэвдина с мистером Квистом?

Грант покачал головой.

— Утром мы были в кабинете Марка. Там свой телефон.

Кривич внезапно разозлился.

— Занимались делами? — спросил он. — Отправили тело мисс Стиллзуэлл на вскрытие и принялись за дела?

— Сволочь, — вырвалось у Марка, который все также опирался о переднее крыло.

— А как поступили бы вы, если б убили вашу жену, Кривич? — У Гранта дернулась щека. — Наверняка попытались бы занять себя чем угодно, лишь бы не сойти с ума от горя! И вам еще хватает наглости обвинять Марка в бесчувственности.

— Пошли, Пат, — Марк выпрямился, черные очки повернулись к Кривичу. — Извините, что сорвался, старина. Как вы понимаете, я сейчас не в себе. История с бензобаком говорит о том, что ее убил не Типтоу?

— Скорее всего.

Марка вновь согнуло, а Патрик Грант окаменел.

— Сейчас параллельно проводятся два расследования, — продолжил Кривич. — Полиция штата ведет поиск убийцы вашей жены. Я ищу мужчину, а может — женщину, застрелившего ка-

питана Джэдвина. Расследования накладываются друг на друга, так что можно сказать, они уже слились в одно. Поэтому здесь нет лейтенанта Симза или кого-то еще из полиции штата. На данный момент поиск преступников веду я, а они разбираются с Типтоу.

— Вы знаете, вся эта полицейская говорильня раздражает, — внезапно заговорил Грант. Его очки ослепительно блестели в прямых солнечных лучах. — Пустой бензобак, полный бензобак, какая, собственно, разница? Типтоу оказался там, где ему быть не следовало. С ножом. Почему-то никто ничего не говорит о результатах экспертизы этого ножа. Его алиби нельзя принимать всерьез. В “Лодочном клубе” подтвердят все что угодно. Тем не менее, вы решили отвести от него подозрения, лейтенант.

— Потому что только так мы сможем найти настоящего преступника.

— Потому что только так вы впутаете в это дело Марка, Дэвида Льюиса и всех остальных. А ваше имя замелькает на первых полосах газет!

— Успокойся, Пат! — Марк не поднимал головы.

— Почему мы? — Грант уже кричал, переполнявшая его злость требовала выхода. — Если это не Типтоу, так еще какой-то бродяга, проходящий мимо воришка, которому позарез потребовались деньги на очередную дозу наркотика! А вы и не думаете его искать! Почему вы нацелились на нас? Мы любили Кэролайн! Все любили! Может, за исключением Льюисов. Они встретились с ней впервые, но это не причина возненавидеть ее, убить. Дайте нам проводить в последний путь ту, кого мы все любили, и поищите настоящего убийцу. Он, возможно, уже далеко отсюда, может, за пределами штата.

— Два вопроса, мистер Грант. — Монолог Гранта не произвел на Кривича ни малейшего впечатления. — Почему кто-то наполнил бак автомобиля Типтоу после того, как нашли тело убитой и в поместье приехала полиция?

— Откуда мне знать? — Грант по-прежнему кипел. — Может, кто-то из патрульных хотел перегнать машину в другое место, залил бензин, а когда сообразил, что к чему, решил промолчать. Может, кто-то из завсегдатаев “Лодочного клуба” подумал, что поможет Типтоу, угнав его развалюху, но сбежал, залил в бак бензин. Может, настоящий убийца хотел скрыться на ней, но не смог завести мотор или испугался полиции. Почему это должен быть человек, пытающийся отвести вину от себя и подставить Типтоу?

— Подсудимый, если он у нас появится, найдет в вас хорошего адвоката, — пробурчал Кривич.

— И с чего связывать убийство капитана Джэдвина со случившимся в этом поместье? — не унимался Грант. — Он много лет служил в полиции. Его заботами многие угодили за решетку, кто-то мог и возненавидеть его. Вот этот кто-то, никоим образом не связанный с нами, мог случайно увидеть его в телефонной будке, подойти и разрядить в него пистолет. Его убийство не имеет ника-

кого отношения к смерти Кэролайн. Это совпадение! Печальное совпадение.

— Мой второй вопрос. — Кривич словно и не слышал Гранта. — Почему миссис Стиллиуэлл спустилась к бассейну аккуратно в тот момент, когда переодевалась, собираясь лечь спать? Если б она увидела на территории поместья незнакомого человека, она не пошла бы сама выпроваживать его. Если б она собиралась искупаться в бассейне, то и оделась бы соответственно. А ее одежда указывает на то, что решение пойти к бассейну принималось спонтанно. Или, может, она частенько бродила по ночам вокруг дома... в домашних шлепанцах?

Марк поднял голову.

— Уже не один час я пытаюсь найти ответ на этот вопрос. Кэролайн, умная, рассудительная, не жаловала безрассудную храбрость. Если б она увидела знакомого, то обратилась бы ко мне, Пату, Шоллерту или Лакинзу. Она бы не вышла навстречу опасности.

— Домашние шлепанцы указывают на то, что она не просто отправилась на прогулку, — заметил Кривич. — Они промокли насквозь, трава перепачкала их. Кэролайн не могла этого не понимать. Следовательно, увиденное в окне заставило ее незамедлительно выбежать к тому месту, где ее убили. У нее не было времени на то, чтобы снять халат и шлепанцы и надеть более подходящий наряд.

— Как бы мне хотелось найти разумное объяснение, — вздохнул Марк. — Если б она увидела, что кто-то из наших домашних животных попал в беду... У нас две маленькие собачки и несколько кошек. Если б с одной из них что-то случилось, она могла бы поспешить на помощь.

Логичное объяснение, подумал Квист. Пожалуй, самое логичное, за исключением истинного, исходящего из того, что убийца поджидал Кэролайн у бассейна с ножом в руке. Или, спеша на помощь меньшему другу, она случайно наткнулась на убийцу? Тогда кого он поджидал?

Марк вроде бы искренне горевал, но Квиста все еще смущала реакция остальных: Льюиса больше всего заботили его грандиозные замыслы, Беатрис хотелось отвести все подозрения от домоладцев, Грант просто ничем не хотел помочь расследованию, Лакинз беспокоился лишь о репутации своей любовницы. Эти люди словно забыли о Кэролайн. А Кэролайн лежала в морге, и теперь ее полосовал скальпель паталогоанатома. И Квист понял, что подозревает всех и каждого. Он чувствовал, что убийцу хотят прикрыть деньгами. Смерть Джэдвина — совпадение? В это он поверить не мог. Его убили до того, как он смог связать воедино все ниточки.

— Мистер Стиллиуэлл, — повернулся к Марку Кривич, — давайте представим себе, что ваша жена увидела одну из ваших собачек, зацепившуюся шерстью за куст. Она поспешила вниз, что-

бы освободить бедное животное, и нос к носу столкнулась с убийцей — женщиной с ножом в руке. Чтобы не дать вашей жене позвать на помощь, он ударил ее ножом.

— О Боже, — выдохнул Марк.

— Но он на этом не остановился, мистер Стиллиуэлл. Он ударил ее еще раз. А потом сорвал с нее халат, бюстгальтер, исполосовал грудь.

— Нельзя ли обойтись без подробностей? — потребовал Грант.

— Из всего этого напрашиваются два вывода, — продолжал Кривич. — Или убийца — психопат, дегенерат...

— Разумеется, он псих! — воскликнул Грант. — Еще один Чарлз Мэнсон, накаченное наркотиками чудовище.

— ...Или этот человек так страстно ненавидел Кэролайн, что просто не мог удовлетвориться обычным убийством. Есть такой человек, мистер Стиллиуэлл?

— Нет! Нет, разумеется, нет! — вскричал Марк.

— Мужчина, которого отвергла Кэролайн? — напирал Кривич. — Женщина, решившая, что миссис Стиллиуэлл увела ее кавалера?

— Грубое животное! Придется научить вас хорошим манерам! — Грант шагнул к детективу.

— Не советую, мистер Грант, — осадил его Кривич и повернулся к Марку. — Извините, что задал этот вопрос, мистер Стиллиуэлл. Но лучше задать его здесь, чем в ходе официального допроса. Должно быть, вокруг вашей жены постоянно вились мужчины. Очень уж она была привлекательна. А до свадьбы вращалась в кругах, где целомудрие не считалось достоинством. Театр, кино. Может, убийца из ее прошлого?

Марк медленно выпрямился, посмотрел детективу в глаза.

— Я могу понять, лейтенант, почему человек, никогда не знавший Кэролайн, задает такие вопросы. Я также понимаю, что эти вопросы — ваша работа. Кэролайн и я поженились шесть лет тому назад. До шестой годовщины нашей свадьбы осталось меньше месяца. Ранее она десять лет снималась в фильмах. В свои тридцать по праву считалась звездой. Она работала со многими голливудскими знаменитостями. Я согласен с тем, что тот мир отличается от привычного мне. Поверите ли, но я не задал ей ни одного вопроса, касающегося ее прошлого, времени, когда мы не знали друг друга.

— Продолжайте, я слушаю, — кивнул Кривич.

— Я встретился с ней в Акапулько. Приехал в Калифорнию по делам, а на уик-энд отправился в Мексику, меня пригласил один из моих деловых партнеров. На той вечеринке была и Кэролайн. Я влюбился в нее с первого взгляда. Через два дня предложил ей руку и сердце, и она... она согласилась, отказалась от карьеры, стала моей, — голос Марка дрогнул. — Спустя несколько дней мы поженились в Калифорнии. Это... наверное, ни раньше, ни позже я не совершал столь импульсивных поступков. Мы буквально влю-

бились друг в друга, лейтенант. А притираться начали уже после свадьбы. Мы установили неписанные правила. Я никогда не задавал вопросы о ее жизни. Вы понимаете, где, с кем. Она ничего не спрашивала о моем прошлом. И каждый прожитый вместе день, месяц, год все теснее связывали нас. Я слишком много времени уделял делам. Она никогда не жаловалась. Ездил со мной, куда я ее просил: в Европу, в Южную Америку, на Дальний Восток. Оставалась дома одна, если я не мог взять ее с собой. Я ей полностью доверял. Без меня она не ходила на вечеринки, не устраивала их у нас дома в мое отсутствие. У меня не возникало и тени сомнения в ее верности. Когда мы выходили в свет, мужчины действительно вились вокруг нее, но я не ревновал. Гордился тем, что она принадлежит мне.

Квист подумал, что такой эмоциональной речи он от Марка не ожидал. Может, трагедия хоть немного отвлекла его от бизнеса. А Стиллиуэлл тем временем продолжал:

— Приведу вам, лейтенант, пример верности Кэролайн. Вчера мы устроили прием, пригласили гостей по особому поводу. Джулиан Квист обратился к Кэролайн с предложением поработать с одним из его клиентов, Мэрилин Мартин, известной нью-йоркской модельершей. Кэролайн могла получить десять тысяч долларов за то, что носила бы наряды, разработанные мисс Мартин на различных светских мероприятиях. Поначалу Кэролайн отказалась, зная, что я не смогу бывать на всех премьерах, приемах, балах, на которых хотела бы видеть ее мисс Мартин. Кэролайн не считала возможным появляться там одной и чувствовала, что я буду недоволен, если ее будет сопровождать другой мужчина. Джулиан обратился ко мне. Я подумал, что более частые выходы в свет только порадуют Кэролайн. Опять же, она зарабатывает деньги на карманные расходы. И предложил, что сопровождать ее будет Джерри, дабы избежать ненужных сплетен. Так мы и порешили. Но лишь потому, что я согласился с участием Кэролайн в этом проекте. Иначе она бы отказала Квисту и мисс Мартин.

— И ваш брат выводил ее в свет? — спросил Кривич.

— Не успел. Этот уик-энд Джулиан назвал "прогоном". Мы хотели собраться в узком кругу. Льюисы приехали неожиданно, в самый последний момент. Кэролайн должна была надеть новые платья, а мисс Мартин и Джулиан хотели посмотреть на реакцию женщин. Если мисс Мартин приходила к выводу, что дело стоящее, вот тогда Кэролайн начала бы выходить в свет со мной или с Джерри, в тех случаях, когда я не мог сопровождать ее.

Кривич захлопнул блокнот.

— Благодарю за откровенность, мистер Стиллиуэлл.

Марк пошатнулся. Чувствовалось, что он держится из последних сил.

— Вы все еще полагаете, что кто-то из живущих в доме мог... мог... — он не закончил фразу.

— Мы только начали расследование, мистер Стиллуэлл, — уклонился от ответа Кривич.

Квист и Кривич нашли Джерри Стиллуэлла в его студии в глубине сада. Каменные стены коттеджа покрывал ковер плюща. Проектировался он с несколькими комнатами, кухней, двумя ванными. Но со временем внутренние перегородки сломали, а в выходящей на север стене прорубили огромное окно, превратив жилые помещения в большую студию. Теперь ее заполняли картины, скульптуры, литографии, кисти, чистые холсты, тюбики краски, мольберты и прочее, прочее, прочее, необходимое художнику для повседневной работы. Картины Джерри удивили Квиста. Рисовал он прекрасно. Яркие краски, динамика — картины казались живыми. Джерри, подумал Квист, нет нужды сидеть в затворниках, в полной зависимости от богатого брата. При соответствующей рекламной поддержке Джерри Стиллуэлл и сам мог бы получать большие деньги.

Джерри они нашли на веранде. Он сидел в шезлонге, лицом к солнцу, закрыв глаза. Вздрыгнул от неожиданности, когда Квист позвал его.

— Джулиан! Я думал, вы давно уехали.

— Уехал и приехал. Никто из большого дома не говорил с вами после нашего приезда?

— Никто не обращает на меня внимания. А со смертью Кэрлайн обо мне просто забудут.

Джерри медленно поднялся. Глаза его затуманились. Из нагрудного кармана рубашки выудил сигарету. Квист щелкнул зажигалкой.

— Мерзкая женщина! — вырвалось у Джерри.

Брови Квиста взлетели вверх.

— Я о Беатрис. Могла бы ввести меня в курс дела.

— Она, наверное, подумала, что вам обо всем расскажет Марк.

— Только не Беатрис. Она отлично знала, что Марк не разговаривает со мной. За исключением тех случаев, когда ему что-то от меня надо, — на мгновение он прикрыл глаза рукой. — Значит, все вернулось на круги своя?

— Что вы хотите этим сказать? — не понял Квист.

— Раз Типтоу невиновен, — губы Джерри изогнулись в горькой улыбке, — вас интересует, где я был в момент убийства Кэрлайн? Это ваш следующий вопрос?

— Таков порядок, — вставил Кривич.

— Здесь. Я выкурил “косячок”: сказался целый вечер с Томми Байном и Нозлем Ковардом. Да еще Мириам Толбот, облизывающая Марка. Ей бы вести себя поскромнее. Вы со мной согласны?

— Она же вышла на охоту, — ответил Квист.

Джерри рассмеялся.

— Добыча давно у нее в зубах. Или вы ничего не знаете? Наш добропорядочный, верный супруге Марк уже не один месяц встре-

чается с ней в отелях, мотелях, уютной квартирке Мириам в Нью-Йорке.

— Роман? — подался вперед Кривич.

— Скорее, нескончаемая оргия. Почему не рассказать вам об этом, раз Кэролайн нас уже не услышит. Бедная Кэролайн, она ничего не подозревала, и только смеялась над попытками Мириам заполучить Марка в свои объятия. Она полагала себя вне конкуренции!

— Если об этом все знали, следовательно, остальные тоже покрывали Марка? — спросил Квист. В нем закипела злость. Двухличности он не терпел.

— Разумеется. И Пат Грант, и Беатрис, а Томми Байн организовывал их встречи. Если ничего другого не получалось, Марк просто ехал в коттедж Томми. Всего-то три мили.

— Я думал, что Мириам — невеста Байна, — вставил Квист.

— Мой дорогой Джулиан, Томми не интересуется девушками с четырех лет, когда он сыграл с одной в "больничку" и решил, что мальчишки куда привлекательнее.

— Эта Толбот ненавидела миссис Стиллуэлл? — спросил Кривич.

— С чего ей ненавидеть Кэролайн? Марк бегал за ней, как собачонка. Денег она получала от него, сколько хотела. А над Кэролайн просто смеялась. Все-то думали, какая Кэролайн красивая, умная, а вот она увела от нее мужа.

— А вы просто наблюдали и не вмешивались? — спросил Квист.

— А что я мог сделать? Открыть ей глаза, чтобы для нее все рухнуло? Пока у нее не было сомнений в верности Марка, я не собирался вставать между ней и мужем.

— Да и не хотелось лишаться денег, которые давал вам Марк, — добавил Квист.

Джерри пронзил его взглядом.

— Как вы думаете, почему я остался здесь и терпел все эти унижения? Чтобы прийти Кэролайн на помощь, когда крыша рухнула бы ей на голову, — он глубоко вдохнул. — Я любил ее, знаете ли. Вы спросите, почему я не раскрыл ей глаза, чтобы занять место Марка?

— Считайте, что спросил.

— Потому что она из тех женщин, для которых существует только один мужчина! Потому что она простила бы его, если б он попросил. Потому что она не видела никого, кроме моего чертова брата! — Джерри затаился, замолчал.

— Вернемся к вчерашнему вечеру, — нарушил тишину Кривич. — После того, как все разошлись, вы пришли сюда. Бассейна отсюда не видно, так?

— Да.

— Вы легли спать?

— Нет.

— А чем занялись?

— Вечеринка основательно испортила мне настроение. Мириам, открыто флиртующая с Марком. Льюис, раздевающий взглядом всех женщин, кроме своей жены, уверенный, что может купить любую. Как я уже сказал, я покурил, потом пропустил пару стаканчиков, подумал о том, а не сжечь ли мне все картины... — вновь горькая улыбка. — Потом услышал вой полицейской сирены.

— Но вы не вышли к бассейну, — вставил Квист. — Я вас не видел ни у бассейна, ни потом в доме.

— Я уже пошел туда. Главный въезд тут рядом, слева от моей студии. Я сразу увидел ярко раскрашенную развалюху, и решил, что патрульный завернул в поместье, чтобы найти водителя. Не буду ему мешать, сказал я себе, вернулся в студию и лег спать.

— И когда вы узнали о случившемся?

— Когда Шоллерт привел сюда капитана Джэдвина.

— Вы рассказали Джэдвину то же, что и нам?

— Может, не столь подробно... но рассказал.

Кривич помялся.

— Капитана Джэдвина застрелили этим утром у Гранд-центральной-стейшн.

Джерри молча смотрел на него.

— Шоллерт был в студии, когда Джэдвин задавал вам вопросы?

— Нет. Полагаю, он вернулся в дом.

— Вы виделись с Марком? Не предлагали свою помощь? — задал вопрос Квист.

— Нет, — Джерри охрип от волнения. — Не хотел я видеть его фальшивую скорбь. Помочь Кэролайн я уже ничем не мог, а остальных я знать не хочу. Джэдвин сказал мне, что они поймали убийцу — Джонни Типтоу. Очень неплохой певец. Я несколько раз ездил в "Лодочный клуб", чтобы послушать его. Не мог он убить Кэролайн.

— Мы думаем, что он и не убивал, — ответил Кривич.

— Тогда кто?

— На этот вопрос ответа у Кривича не было.

— Как по-вашему, что заставило миссис Стиллуэлл пойти к бассейну? Купаться она не собиралась. Она словно что-то увидела и сломя голову бросилась из дому, в домашних шлепанцах.

Джерри медленно покачал головой.

— Я не знаю.

Вопросы Кривича вроде бы иссякли, но нашелся еще один.

— Миссис Стиллуэлл знала, что вы влюблены в нее, Джерри?

Джерри смотрел на свои дрожащие руки.

— Если и знала, то не с моих слов. Я ей ничего такого не говорил. Но она ко мне очень хорошо относилась. Вероятно, знала, потому что Кэролайн все тонко чувствовала, — он посмотрел на Кви-

ста. — Видите ли, я не хотел покидать ее, на случай, что могу ей понадобится, — его лицо закаменело. — Теперь ее нет, и я уеду, как только соберу вещи.

— До моего разрешения никто отсюда не уедет, — отрезал Кривич.

В город Квист вернулся в пятом часу дня. В поместье Стиллвеллов он уже ничем не мог помочь Кривичу. Поставив “мерседес” в гараж, он поднялся в штаб-квартиру “Джулиан Квист Эссошиэйтс”.

Глория Чард встретила его ослепительной улыбкой.

— Без вас нам так тяжело, босс. Люди не верят, когда мы говорим, что вы в отъезде. Они убеждены, что вы прячетесь в каком-нибудь чулане.

— Кто-нибудь из важных клиентов?

— Ни одного из тех, кто не мог подождать. Узнали что-нибудь новенькое?

— Потрясли грязное белье. Никаких улик.

По коридору Квист прошел в свой кабинет. Там его ожидала Конни Пармали, как всегда, в дымчатых, в роговой оправе, очках.

— Похоже, вам самое время выпить, — заметила она.

— Не откажусь, — только усевшись за стол, Квист понял, что у него ноет все тело. Ночь-то он не спал.

Мисс Пармали уже наливала в стакан бурбон, добавила льда, принесла бокал Квисту. Он выпил и благодарно кивнул.

— Скажи Лидии, что я на месте, Конни.

— Она так и не появилась, — ответила Конни. — Вероятно, это убийство выбило ее из колеи.

— То есть она ничего не знает о Джэвине?

— Знает, если слышала выпуски новостей по радио и ти-ви. И “Пост” в вечернем выпуске дала информацию о его убийстве.

— Пожалуйста, позвони ей.

Он потянулся за длинной тонкой сигарой, что лежали в деревянном ящичке на столе. Надо заехать к Лидии, а потом отправляться к себе и немного вздремнуть. О чем-либо думать он не мог, да и не хотел. Кривич — хороший коп. Он найдет все ответы. Квист еще глотнул бурбона и закрыл глаза.

— Лидия не берет трубку, — услышал он голос Конни.

— Позвони в мою квартиру. По коду.

Лидия, у которой был ключ от квартиры Квиста, подходила к телефону лишь по условному сигналу. Следовало набрать номер, дождаться двух гудков, положить трубку, потом перезвонить вновь. Конни об этом знала. Набрала номер, после двух гудков положила трубку, позвонила вновь. После долгого ожидания доложила, что Лидии нет и в квартире Квиста.

— Я еду домой, — объявил Квист. — Надо хоть немного поспать. Как только она объявится, скажи ей об этом. У меня слипаются глаза.

Домой он поехал на такси, хотя его квартира находилась лишь в шести кварталах от работы. С трудом поднялся к себе. Гостиную заливали солнечные лучи. Остановился у телефонного аппарата. Если б Лидия побывала в его квартире, она оставила бы записку рядом с телефоном. Не оставила.

В спальне Квист стянул с себя одежду, прошел в ванную, пару минут постоял под горячим душем, вытерся, вернулся в спальню, опустил жалюзи и вырубился, едва коснувшись головой подушки.

Глава 7

Еще окончательно не проснувшись, он протянул руку и к своему изумлению обнаружил, что рядом никого нет. Повернулся, посмотрел на светящиеся цифры электронных часов, что стояли на столике у кровати. Почти полночь. Он спал больше семи часов.

Квист зажег лампу, сел. Перед его мысленным взором промелькнули события минувшего дня, полного крови и насилия. Он подумал, что Лидия не беспокоит его, полагая, что ему необходим отдых. Потянулся к телефону, набрал ее номер. Гудки, гудки, гудки. И никакого ответа. Квист положил трубку на рычаг, посидел, глубоко задумавшись. Затем встал, накинул халат и спустился в гостиную. Достал из ящика стола записную книжку, нашел номер Глории Чард, позвонил. Королева приемной "Джулиан Квист Эссошиэйтс" сняла трубку после третьего гудка.

— Это босс, Глория, — представился Квист. — Извини, что звоню так поздно.

— Мой вечер еще только начался, — ответила Глория.

— Лидия не появлялась на работе?

— Нет, босс.

— Ничего мне не передавала?

— Через меня — нет.

— Я что-то не могу ее найти.

В голосе Глории зазвучала надежда.

— Может, у вас появился соперник, босс?

— Иди ты к черту, — со смешком ответил Квист.

Он позвонил Дэну Гарви. По его тону чувствовалось, что он не один. Лидию он не видел весь день, она ему не звонила. Квист положил трубку, раскурил одну из своих длинных тонких сигар. Ему нужна Лидия, а он не может ее найти. Такого давно уже не бывало. И на работе, и в свободное время они практически не разлучались. В тех редких случаях, когда она встречалась с кем-то еще, он всегда знал, где она и с кем. Да и она не могла не позвонить, чтобы не узнать, как у него прошел день.

Тут в голову полезли неприятные мысли. Автомобильная авария, грабитель, насильник с ножом. Он вспомнил, как знакомый психоаналитик объяснял ему, что подобные фантазии обычно возникают от распирающей человека злости. Он будто хотел, чтобы Лидия понесла наказание за то, что не связалась с ним.

С другой стороны, фантазии эти возникали не на пустом месте. С ней могло что-то случиться. Нью-Йорк славился своей преступностью.

Квист поднялся в спальню, надел синюю водолазку, темно-синий костюм из тонкой шерсти. На лифте спустился вниз, в теплую августовскую ночь. До квартиры Лидии только два квартала — по ярко освещенной улице. Слева донесся гудок плывущего по реке буксира.

Ночной швейцар в подъезде Лидии знал Квиста. Он заступил на дежурство в восемь вечера. Лидии не видел. Они позвонили по внутреннему телефону. Им никто не ответил.

Квист поднялся на четвертый этаж, вошел в квартиру Лидии, открыв дверь своим ключом. Идеальный порядок. Лидии нет. Он открыл стенной шкаф в спальне, оглядел платья, костюмы, пальто. Он не мог вспомнить, в чем она была, когда утром он привез ее домой.

В гостиной он написал записку и оставил ее у телефона.

“Позвони мне, как только вернешься, если не хочешь, чтобы тебя утопили и четверговали. Люблю. Кв.”

Квист ушел, опасаясь, что упустил что-то более чем очевидное. Вернулся к себе в надежде, что она дожидается его там.

Не дождалась.

Тут уж по его телу пробежал легкий холодок тревоги. Люди, которые знали об их романе, возможно, думали, что связывает их только секс. На самом деле все обстояло иначе. Они так горячо любили друг друга, что несколько часов разлуки превращались в пытку для каждого. И Лидия просто не могла так надолго, больше чем на двенадцать часов, уехать, не дав знать, где она и почему. Она не могла “забыть” позвонить. Они полностью доверяли друг другу, их жизни сплелись воедино, поэтому неожиданное исчезновение Лидии не могло не пугать.

Квист вспомнил, что у него записан домашний телефон Криви-ча. Позвонил.

— Слушаю, — сонно ответил Кривич.

— Это Джулиан Квист. Извини, что бужу тебя посреди ночи.

— Такая уж у копов судьба. Узнал что-нибудь новенькое? У Стиллиуэллов я ничего не раскопал.

— Я думаю, тебе известно о моих отношениях с Лидией Мор-тон.

— Мне остается только позавидовать.

— Вчера утром мы вместе приехали от Стиллиуэллов. Я выса-дил ее у дома примерно в половине десятого. Потом вернулся с тобой в поместье Стиллиуэллов. На работе Лидия в тот день не появилась. Не позвонила мне после того, как я вновь приехал в город. Ее нет дома. Она не приходила ко мне. Если тебе известно о наших взаимоотношениях, ты понимаешь, что такого быть не должно.

— А почему ты звонишь мне? — спросил Кривич.

— Потому что полиция обычно не обращает внимания на подобные жалобы. По их мнению, если слушать каждого, кому не отзвонилась подружка, на расследование настоящих преступлений просто не хватит времени. Я подумал, что ты назовешь мне человека, который может сообщить мне о случившихся авариях, ограблениях, изнасилованиях. Вдруг молчание Лидии объясняется одним из этих происшествий.

— Это можно, — Кривич уже окончательно проснулся. — Но в этом ли истинная причина твоего звонка?

— А в чем еще?

— Может, подсознание говорит тебе, что исчезновение Лидии каким-то боком связано с убийствами Кэролайн и Джэдвина?

— Каким же?

— Надавить на тебя, чтобы ты не высовывался.

У Квиста пересохло во рту.

— Меня бы предупредили, мне бы угрожали.

— Тебе нужно письмо или телефонный звонок, чтобы понять, что к чему?

Квист шумно вздохнул.

— Думаешь, дело в этом?

— Пока не знаю, что и думать, — ответил Кривич. — Список аварий, ограблений и изнасилований я тебе достану. Ты будешь дома?

— Скорее всего, да.

— Дай мне знать, если куда-то уедешь. Список будет у тебя через два часа, не раньше.

— Кривич?

— Да?

Рука Квиста с такой силой сжала телефонную трубку, что побелели костяшки пальцев.

— Почему я так опасен... уж не знаю кому?

— Потому что очень ты настырный. Если вцепился, так не отвяжешься, — ответил Кривич. — Будем надеяться, что наши рассуждения не имеют под собой реальной основы.

Глава 8

Никаких известий от Лидии.

Телефон зазвонил без четверти четыре. Кривич.

— Мисс Мортоң не попала в аварию, не стала жертвой преступлений. В больницы и морги не поступала. Считай это плюсом. Согласно данным полиции, за вчерашний день с молодыми красивыми женщинами в Нью-Йорке ничего не случилось. Позволь личный вопрос. Ты с Лидией не ссорился?

— Господи, да нет же! Мы жили душа в душу!

— Даже не цапались? Может, она решила за что-то наказать тебя?

— Мы же не какая-то несчастная семейная пара!

— Я подумал, что обязан спросить. Потому что...

— Потому что что?

— Потому что мне не хотелось бы думать, что она в руках того мясника, который поработал над миссис Стиллуэлл.

— Еду к тебе. Никуда не уходи.

Квист подошел к бару, налил в стакан чистого бурбона. Руки, ноги, сердце, все похолодело. Прошло лишь двадцать четыре часа с того момента, как Кэролайн спустилась к бассейну и ее буквально разрубили на куски. Он, Квист, несет ответственность за то, что с Джонни Типтоу сняли все подозрения, и полиция нацелилась на семейство Стиллуэллов и их друзей. Джэдвин, похоже, потянул за нужную ниточку, и с ним тут же расправились. Дэвид Льюис и Марк Стиллуэлл могут спокойно спать в загородном особняке, а нанятые бандиты сделают всё, за что им заплатят. Возможно, заплатили и за похищение Лидии. И на чем же будет поставлена точка?

Кривич прибыл меньше чем через полчаса. Мрачный как туча.

— Я все пытался сложить два и два. Ты — богатый человек. Не такой богач, как Стиллуэлл, но не бедствуешь. Твои отношения с мисс Мортон ни для кого не составляли секрета. Может, ее просто похитили.

— Просто?

— Я хочу сказать, что похищение не связано с расследованием смерти миссис Стиллуэлл и Джэдвины. Тогда с тебя потребуют выкуп.

— Я молю Бога, чтобы так оно и было.

— Может, мы слишком заикнулись на Стиллуэллах? Но ты многим наступил на мозоль, сняв подозрения с Типтоу. Заявил публично, что Кэролайн — твой давний друг, и ты найдешь человека, который ее убил. Дал копам всю фактическую информацию, на основе которой продолжается расследование. Вчера ты приехал в поместье со мной. Они могли решить, что ты для них опасен.

— Более опасен, чем полиция?

— Ты действительно давно знаком с Кэролайн Стиллуэлл. Знал ее до того, как она вышла замуж, когда она была Кэролайн Каммингс, кинозвездой. Возможно, известные тебе сведения могут вывести нас на преступника.

— Но я ничего не знаю!

— А вот убийца в этом не уверен. Может, он боится, что ты вспомнишь лишнее. А потому тебя надо вывести из игры. Лидии нет, и ты должен понять, что сие означает. Утром возвращайся на работу, занимайся только своими повседневными делами, сделай вид, что убийство Кэролайн тебя больше не касается. Тогда, возможно...

— А если...

— Мне бы не хотелось даже думать об альтернативном варианте.

— Какой еще альтернативный вариант?

— Месть, — жестко ответил Кривич. — Судя по убийству миссис Стиллуэлл, мы имеем дело с психопатом, который может захотеть покончить с тобой за то, что ты спутал его планы.

— Черт!

— Мы упустили один момент, Джулиан. В это дело вовлечен психоаналитик. Доктор Френкель, которому кто-то звонил из поместья Стиллуэллов. Проживает он в роскошном районе, на Парк-авеню. Полагаю, нам пора навестить его.

— В пять утра?

— Мы можем не спать в такую рань, значит и с ним ничего не случится. Мне кажется, сейчас не до хороших манер.

Ночной швейцар отказывался позвонить доктору Френкелю, пока Кривич не показал ему свою бляху. Их встретил крупный, ширококостный мужчина с большими карими глазами, в халате, надетом поверх светло-синей пижамы. Милтон Френкель внимательно изучил документы Кривича, коротко кивнул Квисту после того, как лейтенант представил своего спутника.

— Вы выбрали крайне необычное время для визита, лейтенант. — Глубокий, мелодичный, хорошо поставленный голос, отметил Квист. В интонациях нет и намек на упрек, чувствуется профессионализм.

Френкель провел их в комнату, вероятно служащую приемной. Четыре кресла, стол, заваленный журналами, две картины кубистов на стенах, дешевые стеклянные пепельницы. Доктор не потратил лишнего на обстановку. Френкель предложил гостям сесть в кресла, а сам устроился на краешке стола, тем самым получив возможность смотреть на них сверху вниз. Старый полицейский трюк, отметил Квист.

— Я лишь могу предположить, что у одного из моих пациентов возникли трения с полицией, — начал Френкель. — Должен сразу сказать вам, лейтенант, что я не могу обсуждать с вами клинические аспекты.

— Прошлой ночью, около трех часов, вам позвонили, доктор.

— Правда?

— По межгороду. Звонок зафиксирован на телефонной станции.

— И что?

— Кто вам звонил?

Глаза Френкеля превратились в щелочки. Он сунул руку в карман, вытащил сигарету, закурил.

— А вы не знаете?

— Если б знал, не задавал вам этого вопроса. Мне известно, откуда звонили, но я не знаю кто.

— И откуда звонили?

— Из поместья Марка Стиллуэлла в Уэстчестере.

— Так вот в чем дело, — кивнул Френкель. — Я прочел об убийстве миссис Стиллуэлл в вечернем выпуске “Пост”. Убили и полисмена? Печальный случай.

— Кто вам звонил, доктор?

Френкель глубоко затаился, выпустил дым к потолку.

— В своей работе я следую определенным этическим нормам, лейтенант, я никому не называю фамилии моих пациентов. Почему-то многие считают, что к услугам психоаналитиков прибегают только чокнутые. Невроз не является симптомом безумия. Я лечу невротиков, а не психопатов. Вы улавливаете разницу?

— Улавливаю.

— С психопатами анализ не срабатывает.

— Оставим лекцию на другой раз, — бросил Кривич. — Сейчас мне нужно знать, кто вам звонил из поместья Стиллуэллов.

Френкель долго изучал кончик сигареты.

— Если б вы знали, кто звонил, я бы подтвердил имеющуюся у вас информацию. Но назвав вам фамилию этого человека, я выйду у него из доверия и уже не смогу дальше пользоваться его.

— Совершено два, возможно, три убийства, — произнес эти слова, Кривич услышал, как шумно сглотнул слюну Квист, но не оторвал глаз от Френкеля. — Этим дело не ограничится, может пойти цепная реакция. Вы хотите, чтобы последующие убийства легли на вашу совесть, доктор?

— Вы думаете, что кто-то из... Тот, кто находится в поместье Стиллуэллов, когда убили миссис Стиллуэлл, застрелил полицейского?

— Или отдал приказ застрелить его, — уточнил Кривич.

Френкель затушил наполовину выкуренную сигарету.

— Если бы меня попросили дать свидетельские показания о вменяемости или невменяемости пациента, я бы их дал. Но добровольно назвать вам фамилию моего пациента — извините.

— Вы удивляете меня, — голос Квиста слегка дрожал. — Вы же понимаете, что лейтенант может потратить много времени, проверяя всех и вся, и не сегодня, так завтра, послезавтра, на следующей неделе, но узнает, кто ваш пациент.

— И эта маленькая задержка может многое изменить? — спросил Френкель.

Квист поднялся, их взгляды встретились. Теперь он смотрел на доктора сверху вниз.

— Достаточно много для того, чтобы дать мне основание вырезать вам сердце, Френкель. Пропала дорогая мне женщина. Возможно, ее похищение санкционировано вашим пациентом. Мою подругу могут пытаться, даже убить, а вы все раздумываете, сказать ли нам то, что мы должны знать, немедленно, а не на следующей неделе. Если благодаря вам с ней что-нибудь случится, даю вам слово... даю вам слово, вы пожалеете о том, что родились на свет.

— У меня нет желания выслушивать ваши угрозы, — ответил Френкель. — Но... вот что я могу вам сказать, мистер Квист. Человек, который звонил мне в ту ночь, не способен на преступления, как совершенные, так и те, что могут совершиться.

— Так зачем он вам звонил?

— Попросить о помощи, — без запинки ответил Френкель. — Между пациентом и аналитиком возникают особые отношения. В процессе анализа пациент становится полностью зависимым от доктора. И в случае кризиса звонит, чтобы получить помощь. Ему важно знать, что доктор всегда рядом.

— Если ваш пациент не несет ответственность за преступление в поместье Стиллуэллов, к чему ему ваше содействие? — спросил Кривич.

— Воздействие чувства вины на подсознание может проявиться самым неожиданным образом, — ответил Френкель. — Мужчина может ревновать женщину или желать женщину, которая принадлежит не ему, или ненавидеть женщину, которая ему отказала, унизив тем самым его мужское достоинство. Потом с ней что-то случается. Подсознательно он чувствует за собой вину, потому что хотел, чтобы она понесла наказание. Если он посещает психоаналитика, он может позвонить доктору, чтобы тот уверил его, что он ни в чем не виноват.

— Так оно и было?

— Гипотетический случай. — Френкель достал новую сигарету.

Квист направился к двери. Взявшись за ручку, обернулся.

— Если эта задержка приведет к еще одной смерти, Френкель, я обещаю вам, что желание наказать вас не останется в моем подсознании.

Глава 9

Семь утра.

Никаких известий. Ни от Лидии, ни о Лидии. Страх железной рукой все сильнее сжимал сердце Квиста. Не к кому обратиться, никто не знал Лидию лучше, чем он сам, каждую мелочь ее жизни, ее прошлое, ее друзей, ее привычки.

В начале восьмого, вернувшись домой, Квист позвонил Дэну Гарви. Вырвал его из глубокого сна.

— Извини, что разбудил тебя, Дэниэль. Извинись и перед дамой, если ты не один.

Гарви тут же послал его к черту.

— От Лидии никаких известий, Дэн. Она просто исчезла.

— Может, она звонила и попросила что-то тебе передать? — Дэн начал просыпаться.

— Я в этом сомневаюсь.

— Кто замещал Глорию, когда она уходила на ланч?

— Не знаю.

— Глория, конечно, ничего бы не забыла, но девушка, которая подменяла ее, могла. Ты уверен, что Лидия не оставила записки в твоей квартире?

— Уверен.

— Может, она ее не закрепила, и записку ветром унесло в окно? Ты не искал ее на террасе? Вдруг зацепилась за куст?

— Не искал... сейчас посмотрю.

— Всегда можно найти рациональное объяснение. Возникли неожиданные проблемы, помешавшие ей связаться с тобой.

— Но куда она могла уехать на всю ночь?

— К заболевшему родственнику. Свари себе кофе. Я приеду через двадцать минут. И приободришься. Мы найдем ответ, вот увидишь.

Квист прошел на террасу, в нем вновь вспыхнул огонек надежды. Двери действительно оставались открытыми весь день. Август-то выдался жарким. Ветром записку могло вынести из гостиной.

Но на террасе он ничего не нашел.

Квист позвонил Глории Чард. Она ответила после второго гудка.

— Я надеялся, что ты уже проснулась. Кто замещал тебя вчера, когда ты уходила на ланч?

— Никто. Я не уходила. А что такое?

— Лидия. — Последняя надежда угасла. — Со вчерашнего утра, после того, как я высадил ее у дома, о ней никаких известий. Я подумал, что ты могла уйти на ланч, а заменившая тебя девушка забыла сообщить мне о ее звонке.

— Я никуда не уходила, босс. Когда вас с Лидией нет, в конторе все идет кувырком. Я только выпила кофе. При моей фигуре ничего другого и не нужно.

— Твоей фигуре не помешает и плотный ланч, — ответил Квист. — Так Лидия не звонила?

— Не звонила и не приходила. Вы очень волнуетесь, да? А вы пытались...

— С полицией и больницами я связывался.

— Чем я могу помочь?

— Оставайся утром на месте и передавай мне все, что каким-то боком может касаться Лидии. Если кто захочет увидеть меня, пропускай.

— Вы думаете...

— Я не знаю, что думать, Глория, но я очень боюсь за Лидию.

Через пару минут подъехал Гарви. Он не стал спрашивать, нашлось ли "рациональное" объяснение. Ответ читался на взволнованном лице Квиста. Гарви прошел на кухню, налил себе кофе. Вернулся с полной чашкой.

— И что, по-твоему, за этим стоит, Джулиан?

— Мне открытым текстом говорят: не вмешивайся.

— Так и не вмешивайся.

— А что будет с Лидией?

— Если они убедятся, что ты вышел из игры, Лидию отпустят.

— Чтобы она сказала нам, кто держал ее взаперти? Едва ли они решатся отпустить ее, сейчас или позже.

Гарви уставился на чашку. Квист внезапно хватил кулаком по подлокотнику.

— Ты задавался вопросом, сможешь ли убить человека? Если они что-то сделают с Лидией, у меня в жизни останется одна цель, Дэниэль. Уничтожить всех этих бандитов, независимо от степени их вины.

— Остынь! — Гарви поставил чашку, достал сигарету, закурил. — Если тебе охота сотрясать воздух пустыми угрозами, валай. А когда закончишь, попробуем разобраться в ситуации.

— Ты думаешь, я шучу? Если Лидии не будет, жить мне незачем.

— Хотелось бы понять ход их мыслей, — гнул свое Гарви.

— Что ты хочешь понять? Мы даже не знаем, за кого собираемся думать.

— Возможно, к тебе еще обратятся с требованием выкупа. Но поразмыслить есть о чем. Если ты будешь и дальше кричать, я уйду в другое, более спокойное место.

Квист обхватил лицо руками.

— Извини, Дэниэль, — голос его дрожал.

— Извиняться не за что. Если нам придется убивать людей, я тебе помогу! Но сначала попробуем разобраться, что к чему. — Он затушил недокуренную сигарету, зажег следующую. — Кто-то из живущих в особняке Стиллуэллов знал, кто убил Кэролайн. Убийцам повезло. Под руку подвернулся Типтоу, и вину едва не удалось свалить на него. Ты, однако, все испортил. Убедил Джэдвина в том, что Типтоу не виноват. Его убили из-за этого? Ты же мог рассказать о том, что знал, и кому-то еще. Что ты и сделал. Ты также объявил во всеулышание, что с Кэролайн тебя связывает давняя дружба и ты приложишь все силы, чтобы найти убийцу. Но ты уже все рассказал копам. Зачем теперь затыкать тебе рот?

— Мне хотят отомстить, черт побери!

— Чего-то мы упускаем, какую-то мелочь, без которой картина далеко не ясна. Если б мы имели дело с психом, жаждущим мести, неужели думаешь, что он не дал бы тебе знать, почему похитил Лидию? Тебе бы позвонили, прислали письмо. Нет, ты бы обязательно узнал, за что расплачиваешься жизнью Лидии.

— Звонки и письма ни к чему. Исчезновение Лидии говорит само за себя.

— Возможно, и нет, — покачал головой Гарви. — Давай представим себе, что мы имеем дело с хладнокровным бизнесменом, который заинтересован отнюдь не в мести. Какая ему польза от убийства Джэдвина? Чем ему выгодно похищение Лидии? Он выигрывает время, Джулиан. Полиция с большим рвением будет искать убийцу Джэдвина, чем убийцу Кэролайн, потому что копы

думают, что убивал один человек. Тебя вывели из игры, похитив Лидию. Наш человек определенно выиграл этим время.

— Время для чего?

— Чтобы оборвать ниточки, которые могли связать его с убийством Кэролайн. Одна или две жизни значения не имеют, если обвинения в убийстве предъявят не ему. Смотри, что получается, дружище. Никто из проживающих в особняке не убивал Джэдвина. Марк, Джерри, миссис Лоример, чета Льюисов, Патрик Грант, все они утром обретались в поместье, ни один не поехал на Гранд-сентрал. Поэтому, если кто-то из них убил Кэролайн, то в Джэдвина стрелял совсем другой человек.

— Ты полагаешь, это совпадение? Убийство Джэдвина не связано с убийством Кэролайн?

— Нет, — покачал головой Гарви, — я так не думаю. Есть еще четверо, о которых мы ничего не знаем. Мы не знаем, что делали Томми Байн, поклонник Ноэля Коварда, и эта Толбот. Мы ничего не знаем о докторе Френкеле. И тем более об адвокате Льюиса, Макс Готтфриде, которому в ту ночь трижды звонил Льюис. Вроде бы Байн и Мириам Толбот поехали домой. Френкель, судя по ночному звонку, был в Нью-Йорке. Как и Готтфрид. Мы предполагаем, что никто из них не убивал Кэролайн. Байна и Толбот стоит проверить, но Френкеля и Готтфрида в ту ночь в Уэстчестере не было.

— И что из этого следует?

— Бандиты. Я упоминал об этом вчера утром. Дэвид Льюис и Марк Стиллуэлл могли нанять убийцу, если б знали где. Пожалуй, и Патрик Грант. Конечно, не следует исключать и остальных, к примеру, миссис Лоример, но я бы поставил на Льюиса или Марка. Итак, они натравили бандитов на Джэдвина и на тебя, через Лидию. Мы будем тревожиться из-за Лидии, а они тем временем попытаются отмыть первого убийцу.

— Интересная версия, — медленно кивнул Квист. — И что же мы можем предпринять?

— Найти возможность надавить на них, — ответил Гарви.

Обычно в штаб-квартире “Джулиан Квист Эссошиэйтс” царит атмосфера веселья и дружелюбия. Собственно, этот товар они и продают. Картины современных художников на стенах, прекрасные женщины, сотрудники, одетые с иголки, бьющая из Квиста энергия, заряжающая остальных, короче, для клиента посещение штаб-квартиры становилось незабываемым событием.

Однако в то утро, на следующий день после исчезновения Лидии, в кабинете Квиста веселья не чувствовалось. Квист сидел за столом, глаза провалились, лицо напоминало маску. Конни Пармали принесла ему кофе, который так и остался нетронутым. В ее глазах, скрытых затемненными стеклами, читалась тревога. Глория Чард покинула приемную и теперь сидела рядом с Бобби Гиллардом, уставившимся в пол. Гарви ходил по кабинету и говорил.

Рассказывал всю историю, от начала и до конца, благо в кабинете собрались только доверенные люди.

— Джулиан должен вести себя так, словно подчиняется их молчаливым приказам. В рабочее время он будет заниматься обычными делами, естественно, не выходя из кабинета. Мы не знаем, кто может за ним наблюдать. Пусть принимает клиентов. Он должен показать похитителям, что дал задний ход, больше не хочет им мешать. — С губ Квиста сорвался стон. Конни протянула было руку, но не решилась коснуться его. — А вот нам придется потрудиться за Джулиана.

— Мы-то готовы, — подал голос Бобби Гиллард. — Но что мы должны делать, Дэн? Как нам вести себя, чтобы они не поняли, что мы работаем на Джулиана?

— Кого мы ищем? — Дэн нахмурился. — Мы ищем бандитов. Тех, кто хочет отвлечь внимание полиции от поместья Стилллуэлов. Чем больше я думаю над этим, тем отчетливей понимаю, что кому-то очень хочется замести следы убийцы Кэролайн Стилллуэлл. Я думаю, что заняты этим несколько человек. Ты заглядывал в утреннюю газету, Джулиан?

Квист поднял на друга мертвые глаза. Газета лежала на столе, но он ее не просмотрел, иначе заметил бы статью на первой полосе, которую Конни обвела красным карандашом. Стандартная практика. Чтобы статья, в которой шла речь об одном из клиентов агентства, сразу попала на глаза боссу.

Гарви указал на газету, Квист посмотрел на нее.

“МАРК СТИЛЛУЭЛЛ ВОЗГЛАВИТ СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС

Дэвид Льюис объявил сегодня, что Марк Стилллуэлл, владелец “Стилллуэлл энтерпрайзес”, займет пост президента и генерального менеджера гигантского “Спортивного комплекса”, строительство которого, финансируемое фирмами, принадлежащими Льюису, должно начаться в этом месяце. Дэвид Льюис сообщил, что, рассмотрев несколько кандидатур, он остановил свой выбор на Стилллуэлле. К сожалению, мы не смогли побеседовать с мистером Стилллуэллом из-за трагической гибели его жены, убитой в ночь на субботу в их поместье в Уэстчестере. Мистер Льюис заявил, что сознательно объявил о своем решении именно сейчас, чтобы “в этот трагический момент показать всем, что я по-прежнему полностью доверяю Марку Стилллуэллу...”

Квист оторвался от статьи.

— Об этой должности и тревожился Марк. Странное время выбрал Льюис. Если, конечно, информация не поступила в прессу до...

— Не поступила, — покачал головой Гарви. — “В этот трагический момент показать всем...” — процитировал он. — В газету пресс-релиз попал после убийства. С чего такая спешка? Какой бы ни была причина, возможно, он хотел заручиться поддержкой Марка, для нас это отличный шанс. У нас контракт на рекламу

“Спортивного комплекса”. Нам об этом пресс-релизе ничего не сообщили, следовательно, мы имеем полное право отправиться к его авторам и задать соответствующие вопросы, ни в коей мере не касаясь убийства.

— Контракт мы получили главным образом из-за твоего спортивного прошлого, Дэн, и твоих связей в этом мире. “Спортивным комплексом” занимаешься ты.

— Значит, займусь и Льюисом, — Гарви закурил. — Слабое звено в их цепи — Мириам Толбот. Если у Марка с ней роман, как сказал Джерри Стиллуэлл Джулиану, при желании она может сильно навредить Марку. Льюис постарается, чтобы эта история не всплыла на поверхность, исходя из деловых соображений. Марк хочет того же, ибо в противном случае у него появляется мотив для убийства жены. Мисс Толбот — мина замедленного действия.

— Она не раскроет рта, потому что прекрасно понимает, сколько стоит ее молчание, — покачал головой Квист.

Гарви усмехнулся.

— Ей также придется какое-то время сторониться Марка. А тут подвернется симпатичный молодой человек, который после вечеринки не может придти в себя от ее роскошной груди.

— О, нет! — воскликнул Бобби Гиллард. — Она же меня съест и не подавится.

— Лишнего жизненного опыта не бывает. Представляться тебе не надо. А ей, скорее всего, потребуется кавалер на то время, пока Марк в трауре. Мириам — твоя пташка, Роберт.

— О Господи! — простонал Бобби.

— Раз мы используем секс как оружие... — Гарви повернулся к Глории Чард.

— Кто достанется мне? Шофер? — спросила Глория.

— Патрик Грант, дорогая, с которым мы просто обязаны пообщаться. К Марку в “этот трагический момент” не подступишься. Но, раз известие о его новом назначении стало достоянием общест-венности, агентство “Джулиан Квист Эссошиэйтс” обязано знать, что к чему. Какой тактики мы должны придерживаться в “этот трагический момент”?

— А кто достанется мне? — Конни Пармали потупила взор, разглядывая свои стройные ноги. — Шофер? Дворецкий?

— Тебе действительно придется взять на себя двух мужчин. Но не тех, кого ты упомянула. Кстати, а как у тебя в последнее время с самочувствием?

— Все в порядке, — удивилась Конни.

— А мне казалось, я заметил симптомы депрессии, — улыбка Гарви стала шире. — Ты не очень хорошо спишь, не так ли?

— Я сплю одна, если тебя интересует именно это, — огрызнулась Конни.

— Тяжелая работа, все-таки секретарь босса, расшатывает твоё здоровье?

— Довольно шуток, Дэниэль!

— Я просто подумал, что тебе не повредит помощь опытного психиатра. У нас есть один на примете. Некий доктор Френкель.

— О! — только и вырвалось у Конни.

— Жалобы придумаешь сама. Мне бы хотелось узнать, где он держит свои записи, касающиеся пациентов. Возможно, в скором времени нам придется побывать в квартире на Парк-авеню без ведома хозяина.

— А кто еще заинтересует меня?

— Мистер Макс Готтфрид, адвокат Льюиса. В “этот трагический момент” агентство “Джулиан Квист Эссошиэйтс” не решается обратиться к главным участникам проекта, Льюису и Марку. Так у кого нам узнавать, какой линии придерживаться, если не у мистера Готтфрида? — Гарви затушил сигарету. — Тебе надо лишь пристально наблюдать за ним. Дернется ли бровь, возникнет ли пауза, если разговор пойдет об убийстве. А без этого не обойтись. Есть вопросы?

Квист не поднимал глаз от стола.

— Ты упустил еще одного человека, который, возможно, знает ответы на многие вопросы.

— Я знаю, — кивнул Гарви. — Но еще не решил, с какой стороны мы сможем подобраться к Беатрис Лоример.

На аппарате внутренней связи Квиста замигала лампочка. Конни взяла трубку, послушала, посмотрела на Гарви.

— Одну из моих жертв ты можешь вычеркнуть. Мистер Макс Готтфрид прибыл к нам, чтобы побеседовать с Джулианом.

Квист резко выпрямился. Возможно, адвокат Льюиса выставит условия возвращения Лидии. Не прямо, но выставит.

Сотрудники тут же разошлись, а Квист раскурил сигару. Его лицо ничем не выдавало бушующих в душе страстей, когда в кабинет, в сопровождении Конни, вошел Макс Готтфрид. Таких уродов Квисту видеть еще не доводилось. Небольшого росточка, с непомерно большой головой, шапкой черных волос, бакенбардами, кустистыми черными бровями, могучим крючковатым носом. Глаза его холодно блестели. Квист сразу подумал, что глаза эти достаточно многое повидали, чтобы сразу отличать зерна от плевел. Кожа так плотно обтягивала выступающие скулы и подбородок, словно череп мистера Готтфрида пытался вырваться из нее. Прибыл он в дорогом темно-сером костюме из тонкой шерсти, белой рубашке, галстук.

Пройдя мимо Конни, остановившейся у двери, Готтфрид изучающе вперился к Квиста. Тот поднялся из-за стола.

Совершенно неожиданно Готтфрид улыбнулся. Доброй, почти отеческой улыбкой.

— Позвольте поблагодарить вас за то, что вы сразу приняли меня, — начал он.

— Пожалуйста, присядьте, — радушно указал на кресло Квист. — Дело в том, что я как раз собирался вам позвонить.

— Зачем? — Готтфрид все еще улыбался.

Чтобы спросить, что ты и твои дружки сделали с Лидией! Вот что хотелось выкрикнуть Квисту.

— Сигару? Или что-нибудь выпить? — Квист искоса глянул на аппарат внутренней связи. Нужные кнопки он нажал заранее, так что теперь Гарви и остальные могли слышать весь разговор.

— Благодарю, я не пью и не курю, — ответил Готтфрид. — В моем бизнесе расслабляться нельзя. Каждую минуту может возникнуть ЧП.

К примеру, три звонка от Льюиса глубокой ночью.

Готтфрид уселся в кресло.

— Так вы сказали, что собирались мне позвонить, мистер Квист.

Квист взял со стола газету.

— Вот эта заметка о назначении Марка Стиллуэлла.

— Вы возражаете? — Готтфрид по-прежнему улыбался.

— Против назначения — нет. С чего мне возражать? Марк — мой друг. С его женой меня также связывала давняя дружба. Я желаю ему только добра. И в данный момент искренне ему сочувствую.

— Да, ему нелегко, — улыбка исчезла. — Дэйв Льюис решил, что сейчас самое время поддержать Марка. Вы возражаете против этого, мистер Квист?

Квист сбросил пепел с кончика сигары.

— Вы постоянно используете слово “возражаете”, мистер Готтфрид. Я же не говорил, что я против чего-то возражаю. Я хотел позвонить вам, чтобы определиться с правилами игры.

— Какой игры?

— Вы бы не пришли сюда, если бы не знали, что мое агентство подписало контракт, согласно которому четыре года мы будем вести рекламную кампанию “Спортивного комплекса”. Или вы пришли сюда для другого? Чтобы посмотреть, как я реагирую на исчезновение Лидии? Вы ждете от нас эффективной работы, мистер Готтфрид. Так вот, пресс-релизы, которые поступают в газеты без нашего ведома и одобрения, нам мешают, даже если они одобрены боссом.

— Вы про Дэйва Льюиса?

— Да.

— Так вы полагаете, что сообщать об этом в газеты не следовало?

— Я полагаю, что не следовало держать нас в неведении.

— А если бы к вам обратились, вы бы согласились с этим пресс-релизом?

— Нет, я бы посоветовал не давать ему ход.

— Так вы все-таки возражаете, — вновь заулыбался Готтфрид.

— Раз уж вам очень нравится это слово, — да.

— Так, может быть, вы скажете, почему?

Квист положил сигару. Очень ему хотелось взять этого карлика за горло и вышибить из него правду. Руки он спрятал под стол, чтобы Готтфрид не видел, как они дрожат.

— Мы должны создать особый имидж человеку, который возглавит “Спортивный комплекс”. Марк обладает многим, что необходимо такому человеку. Симпатичный, далеко не старый, подтянутый, богатый и, до вчерашнего дня, счастливый. От “Спортивного комплекса” ждут удовольствий. После завершения строительства миллионы людей будут приходить туда, чтобы поболеть за любимую команду и поразвлечься. И руководитель комплекса должен ассоциироваться в массовом сознании с развлечениями и спортивными играми. Марк будет ассоциироваться, мистер Готтфрид, но в будущем. Любители развлечений не очень-то понимают скорбящего человека. Я видел Кэролайн. Человек, который должен возглавить развлекательный комплекс, просто не может попасть в подобную ситуацию. И сейчас все помнят лишь о смерти его жены. Через месяц, когда дело закроют и настоящего убийцу посадят в тюрьму, общественность обо всем забудет. Будут новые убийства, новые скандалы. А сейчас даже есть люди, которые подозревают его в убийстве жены. Для имиджа “Спортивного комплекса” это существенный минус.

Готтфрид положил ногу на ногу. Почесал пальцем нос.

— Согласен с вами на все сто процентов. Поэтому я здесь.

— То есть, вы тоже возражаете?

— Можно сказать и так. У нас, как говорится, возникли проблемы.

— У нас?

— Мы должны компенсировать ущерб, нанесенный Марку Стиллуэллу этим пресс-релизом. Мы должны вызвать к нему сочувствие и при этом убедить людей в правильности нашего выбора, показать им, что лучшего руководителя для “Спортивного комплекса” не найти. Как это сделать?

— Одного дня на это не хватит, — ответил Квист. — Надо действовать осторожно, отслеживать реакцию общественности на каждый шаг. До тех пор, пока не найдут убийц. По прошествии какого-то времени он сможет появляться на спортивных соревнованиях, на футболе, хоккее, гольфе.

— Но сейчас главное — пробудить к нему сочувствие, — вставил Готтфрид. — Может, обзорная статья? У меня есть кое-какие связи. С газетами я договорюсь. По-моему, такие статьи у вас пишет мисс Мортон?

Вот оно, подумал Квист. Ради этого он и явился сюда. С трудом ему удалось сохранить бесстрастное выражение лица.

— Действительно, обзорные статьи — ее епархия, — он-таки изгнал дрожь из голоса. — Но мне представляется, что в данном случае это работа для мужчины. Если о Марке будет писать жен-

щина... возможно, это воспримут негативно. Я могу взять статью на себя или послать Дэна Гарви, моего заместителя, в прошлом профессионального футболиста.

Улыбка Готтфрида показала, что он восхищен Квистом, изяществом, с каким тот вышел из сложного положения.

— Оставляю это на ваше усмотрение, мистер Квист. И скажу Дэйву Льюису, что вы со всем справитесь сами.

Возможно, он понял, что хотел сказать ему Квист: я, мол, даю задний ход, не собираюсь кричать на всех перекрестках о похищении Лидии, готов следовать вашим правилам.

— Мне понадобится ваша помощь, — заметил Квист.

— Какая помощь?

— С Марком говорить не стоит. Он сейчас не в себе. Это вполне естественно. Но нам нужен фактический материал о его детстве, школе, колледже. Мне кажется, все необходимое можно получить от Беатрис Лоример, его тети. Можете вы или мистер Льюис убедить ее, что откровенный разговор со мной или Дэном Гарви — в интересах Марка?

Готтфрид сиял, как медный таз.

— Нет ничего проще. Наша встреча, мистер Квист, еще раз убедила меня в том, что вы мастер своего дела.

— Рад, что вы заглянули к нам, — кивнул Квист.

— Я скажу своему секретарю, чтобы вас сразу соединяли со мной, — Готтфрид встал. — На случай, если я вам понадоблюсь.

— Буду вам очень признателен.

Поднялся и Квист. Мужчины обменялись рукопожатием, после чего Готтфрид вышел из кабинета. А Квист с силой ударил кулаками по столу. Этот карлик знал, где Лидия и что с ней случилось.

Появились Гарви и Конни Пармали. Рука Дэна легла на плечо Квиста.

— Успокойся.

Квист повернулся. По его скулам ходили желваки.

— Ты его слышал? Он же меня проверял. Хотел увидеть, как яотреагирую на упоминание о Лидии.

— Если это и так, то экзамен ты выдержал. Ты же ясно дал ему понять, что не будешь поднимать шума, примешь установленные ими правила. Чего ты, естественно, делать не собираешься. Но, Джулиан, вполне возможно, что Макс Готтфрид ничего не знает об исчезновении Лидии, и назвал нам истинную причину прихода сюда.

Квист покачал головой.

— Я нутром чую, все он знает! Ты бы тоже это понял, взглянув ему в глаза.

— Но одну нашу проблему ты решил блестяще, — продолжил Гарви. — Нашел возможность вырваться из кабинета. Теперь ты можешь вернуться в поместье Стиллуэллов. Готтфрид разрешил тебе побеседовать с Беатрис Лоример.

— А что делать мне, босс? — спросила Конни.

— А тебе самое время проситься на прием к доктору Милтону Френкелю, — ответил Гарви. — Чтобы обнажить перед ним невротизированное подсознание или что-нибудь еще, по твоему выбору.

— У тебя не язык, а помело, — улыбнулась Конни.

Глава 10

Квист гнал “мерседес” по Ист-Ривер-драйв, направляясь к мосту Триборо, его пальцы крепче, чем обычно, сжимали руль. Он позвонил Беатрис Лоример, и та согласилась встретиться с ним. Они договорились, что он подъедет к пяти часам. “Мы, разумеется, никого не принимаем, но вам будем рады, — заверила она Квиста, после чего добавила: — Я говорила с Максом Готтфридом”. Квист также позвонил Кривичу. Детектив сообщил, что в Уэстчестере они не нашли ничего путного.

— Проверяем алиби скорее для очистки совести. Пока все, вроде бы, были там, где им и полагалось быть. Включая нашего “голубого”, мистера Байна, и мисс Мириам Толбот. Дамочка провела ночь в доме Байна, а в Нью-Йорк вернулась во второй половине дня. Джэдвина же застрелили гораздо раньше, утром. Версия твоего приятеля Гарви насчет бандитов представляется логичной, если только эти два убийства как-то связаны между собой.

— А ты сомневаешься? — спросил Квист.

— В общем-то, нет, но мне нужны доказательства. От мисс Мортон никаких известий?

— Никаких, — и Квист рассказал ему о визите Готтфрида. — Думаю, он приходил на разведку. Хотел выяснить, как я реагирую на исчезновение Лидии. Я постарался дать ему понять, что сижу тихо и не рыпаюсь.

— А на самом деле не сидишь? — резко спросил Кривич

— Ты бы сидел?

— Все-таки риск очень велик.

— А ты понимаешь, Кривич, что у Лидии нет практически ни одного шанса? — голос Квиста дрогнул. — Может, она уже мертва. И наверняка умрет чуть позже. Моя армия постарается решить эту загадку.

— Твоя армия?

— Люди, которым я готов доверить свою жизнь. И жизнь Лидии.

Кривич помолчал, потом заговорил вновь.

— Держи меня в курсе. Если полиция что-то узнает о мисс Мортон... несчастный случай, авария... я дам тебе знать.

— Если Лидия мертва, дай мне немного времени, Кривич.

— Времени на что?

— Стереть с лица земли всю эту шваль.

— Квист...

Но Квист уже бросил трубку. Подошел к столу в гостиной, открыл ключом ящик, выдвинул, достал револьвер 38-го калибра. Лицензия на ношение оружия у него имелась.

Поместье Стиллуэллов показалось Квисту вымершим. Он подъехал к особняку, остановил “мерседес”. Никто не работал в саду, не плескался в бассейне. Пустовала и автостоянка.

Едва он поднялся по ступеням, как Шоллерт распахнул парадную дверь.

— Миссис Лоример ждет вас, мистер Квист.

Квист последовал за ним, думая о том, что Шоллерт, скорее всего, много чего знает. Его, разумеется, допрашивали и Симз, и Джэдвин, да и, пожалуй, Кривич. Но все ли он рассказал им о ночи, когда убили Кэролайн? Может, он знал, что заставило Кэролайн прийти к бассейну?

Беатрис Лоример встала из-за стола, за которым что-то писала. В синих брюках-бананах и светло-желтой рубашке с открытым воротом. Квист подумал, что на женщинах в возрасте Беатрис брюки сидят не слишком хорошо, но ей удалось сохранить отличную фигуру.

— Вы просто спасли мне жизнь, Джулиан. — Она протянула ему руку. Теплую и крепкую.

— Как так?

— Мы тут совсем заброшенные, всеми покинутые. Грант и Джерри уехали в город. Марк заперся в кабинете. Ни с кем не разговаривает, никого не хочет видеть. Мне представляется, это неестественно. Я вот решила написать несколько писем...

— А Льюисы? — спросил Квист.

— Уехали. Бедная Марция. Она все еще бьется в истерике. Дэвид решил, что должного ухода ей здесь не обеспечат, и ее отвезли в какую-то частную клинику. Кажется, на Лонг-Айленде. — Беатрис пересекла комнату. Остановилась у прелестного флорентийского столика, выполнявшего роль бара.

— Одна я не пью из принципа, потому-то с нетерпением ждала вашего приезда, Джулиан. Что я могу вам предложить?

— “Джек Дэниэлс” со льдом, пожалуйста.

Марцию Льюис полиция не допрашивала — по требованию врачей. Теперь ее перевели в какую-то клинику, то есть к ней по-прежнему хода нет. То ли это ничего не значило, то ли означало, что она слишком много знала. Но с Беатрис на эту тему он говорить не мог. Если она поймет, что расследование убийства все еще интересует его, Лидии, возможно, не поздоровится.

Беатрис приготовила ему коктейль, себе налила джин с тоником, затем присела рядом с ним на кушетку, у двери на террасу.

— Слава Богу, нам есть о чем поговорить помимо несчастной Кэролайн. Макс Готтфрид сказал, что ваше агентство будет вести рекламную кампанию “Спортивного комплекса”.

— Не просто рекламную кампанию, — поправил ее Квист. — Наша задача — создать должный имидж как “Спортивному комплексу”, так и Марку. То есть мы должны знать, какая информация может пойти ему на пользу, а какая причинить урон. И нам не нужны всякого рода сюрпризы.

Беатрис отпила из бокала. Почему-то Квисту вспомнилась фраза одного старого актера: “Неважно, о чем мужчина и женщина говорят на сцене, тема всегда одна — секс”. И Беатрис, умная, образованная, с прекрасной для ее возраста фигурой, постоянно об этом помнила. Сесть на кушетку, посмотреть на него, коснуться руки, передавая бокал, — все элементы тщательно продуманной любовной игры. В другое время его бы это позабавило, заинтриговало. Сейчас тревога за Лидию заставляла забыть обо всем.

— Если и есть человек, которому нечего скрывать, так это Марк, — улыбнулась Беатрис. — Отец оставил ему фирму, но не деньги. Марк заработал их сам. Никто не ставил под сомнение его деловые качества. Набирая силу, он не старался затапывать конкурентов. Насколько мне известно, он и минуты не сидит без дела, опять же обращает особое внимание на физическую форму. Вам нет нужды делать его привлекательным. Он и так притягивает людей. Он много жертвует различным благотворительным организациям. Он же... был женат на очаровательной женщине, упокой, Господи, ее душу. Наверное, цинично так говорить, но случившееся с Кэролайн вызовет сочувствие к Марку, не так ли?

Квист пригубил коктейль, отвел глаза.

— Это реалистичный подход. Как я понимаю, слухи насчет Мириам Толбот, не более чем сплетни?

Квист повернулся, успев заметить, как от озабоченности потемнели глаза Беатрис. Игривые взгляды исчезли.

— Мириам Толбот? — от напряжения голос у нее сел. — Мириам — девушка Томми Байна.

— Об известных людях чего только не говорят, — покивал Квист. — Вот и эту Толбот, скорее всего, приплели, чтобы хоть как-то зацепить Марка. Но мы же не хотим, чтобы разговоры эти начались вновь, да еще в неподходящий момент.

В бокале Беатрис кубики льда звякнули о стекло.

— Что это за разговоры?

Квист пожал плечами, показывая, что это сущий пустяк.

— Вроде бы у него давний роман с Мириам, они регулярно встречаются в отелях, мотелях, а то и в доме Байна.

— Господи! — выдохнула Беатрис. — Если репортеры пронюхают об этом, они же качнут копать!

— И ничего не найдут... если искать нечего. Мириам — секс-пилльная бабенка. В тот вечер она очень уж явно флиртвала с Марком. Я подумал, что она просто хорошо проводит время. Когда же услышал о романе... у меня зародились сомнения.

— Если пошли разговоры, для широкой публики нет никакой разницы, есть в них хоть крупица правды или нет, — заметила Беатрис.

— Если нет, то они заглохнут сами по себе, — возразил Квист. — Моральные суждения — не по моей части, Беатрис. От меня требуется лишь одно: оградить репутацию моего клиента от опасности, если таковая существует.

Он буквально слышал ее мысли.

— Вы и этот нью-йоркский детектив вчера говорили с Джерри. Он поделился с вами этой сплетней?

— Мы спрашивали его об этом, — уклонился от прямого ответа Квист.

— Так детектив знает! И думает, что теперь может приняться за Марка?

— Приняться за Марка?

— Роман с Мириам — мотив для убийства. Детектив может решить, что Марк хотел избавиться от Кэролайн. Чертов Джерри! Я давно говорила Марку, что он должен избавиться от Джерри. Послать его в Париж, куда-то еще.

— Почему?

— Вы не слепой, Джулиан. И, должно быть, заметили, что Джерри был влюблен в Кэролайн.

Квист улыбнулся.

— Как и все мужчины, которые хоть немного знали ее. Женщина-то удивительная. Или вы намекаете, что она отвечала Джерри взаимностью?

— Разумеется, нет! Для Кэролайн существовал только Марк.

Квист поставил бокал на маленький столик.

— Меня заботит только одно: как бы все это внезапно не всплыло. Если за разговорами ничего нет, нам можно не беспокоиться.

— Такого быть не могло!

— Но вы не уверены?

— Еще как уверена!

— Значит, забудем об этом. Я хочу, чтобы вы рассказали мне о Марке. В каких он учился школах, колледже, какими видами спорта занимался, в каких состоит клубах. Чем больше я узнаю о его личной жизни, тем лучше.

Беатрис прошла к бару, вновь наполнила свой бокал. Напряженная, как струна.

— В кабинете Марка есть альбом с его фотографиями и различными биографическими сведениями. Я попыталась взять его до вашего прихода. Но дверь в кабинет заперта. Марк не отвечает ни на стук, ни на телефонные звонки. Думаю, он потрясен случившимся.

Квист наблюдал, как она возвращается к кушетке. Походка, как у актрисы. Сексуальная женщина, пусть ее мысли в данный момент и заняты другим.

— Он здесь? — полюбопытствовал Квист.

Она остановилась на полпути.

— Где ж ему еще быть? Он бы не уехал, не дав мне знать. И полиция то и дело навевается к нам. Куда ему ехать?

Квист пожал плечами, и она его поняла. Марк мог быть в коттедже Байна, в объездах любовницы. Квист не сомневался, что Джерри сказал правду, и Беатрис знала, что тот не лгал.

Так что и она не могла скрыть правды, хотя и пыталась.

Она подошла к кушетке, само обаяние.

— Я еще раз попытаюсь добыть этот альбом... перед вашим отъездом. Но вы же еще не уезжаете, не так ли? Меня совсем не прельщает ужин в одиночестве.

— Я никуда не тороплюсь.

Беатрис рассмеялась.

— Это меня удивляет. Вы не пытались скрывать ваших отношений с мисс Мортон. Я не люблю признавать какие-то достоинства за другими женщинами, но ваша Лидия — создание редкое. Я-то полагала, что она вас ждет.

Вновь разведка... ненавязчивый вопрос. Признает ли он, что она пропала? Откроется ли?

Квист посмотрел на нее, надеясь, что лицо его остается бесстрастным.

— У Лидии действительно масса достоинств. Независимая женщина, превосходный специалист, и столь высокое жалование получает не потому, что я ее люблю. Она его заслуживает. Так что для феминисток Лидия — живой символ равноправия полов. Она также знает, что сексуальность — драгоценный дар природы и пользуется им с любовью и нежностью. Не считает сексуальность оружием, — он сумел выдать себя смешок. — Ради нее я готов на все. На любое преступление. Если понадобится, даже ограблю Банк Англии. — Квист не стал добавлять, что готов оставить убийцу безнаказанным, если Лидии будет гарантирована безопасность.

— Я ей завидую, — Беатрис опустила глаза.

— Почему? Впервые увидев вас, я сказал себе, вот еще одна женщина, которая, как и Лидия, знает, как полностью реализовать свою женственность.

— Как вы милы, Джулиан, — она разве что не замурлыкала.

— Мой интерес к вам не вызывает у вас неприязни?

— Я просто счастлива.

— Вы совсем не похожи на “тетушку Беатрис”.

— Слава Богу, еще никто не посмел назвать меня так!

— Как-то я не могу представить вас живущей здесь с Марком и Кэролайн. Жить затворницей в поместье, когда вы могли бы вести активную жизнь, заниматься общественной деятельностью, не знать отбоя от мужчин. — Он вновь рассмеялся. — Разумеется, со вторым я, скорее всего, ошибаюсь. Свои романы вы держали бы в секрете.

Чувствовалось, что его слова очень понравились Беатрис.

— Я помогаю Марку.

— В роли второй хозяйки?

Она замялась.

— Отец Марка был моим братом. Но из восьми детей я была самой младшей. Я старше Марка всего на четыре года.

— Я бы подумал, что вы моложе, если бы он не представлял вас “тетушкой”.

— Благодаря вам этот день стал для меня праздником. — Беатрис коснулась его руки. — Я начала работать в конторе отца в шестнадцать лет. Так уж получилось, что я легко ориентируюсь в цифрах. И занимала пост вице-президента “Стиллуэлл компани”, когда Марк возглавил фирму. Он доверял мне в деловых вопросах. Доверяет и сейчас. Поэтому, Джулиан, нельзя сказать, что я кисну в этом поместье. Я не уезжаю отсюда, потому что здесь принимаются наиболее важные решения. Я нужна Марку.

И вот тут внезапно все стало на свои места. Квист понял, что подсознательно его тревожила противоречивость Марка. Финансовый гений, работающий от зари до зари, и ежедневные занятия в “Атлетическом клубе”, да еще отнимающий массу времени роман с Мириам Толбот. Влиятельный человек, не стесняющийся прижать своего брата, но смотрящий в рот Беатрис. Может, последние фразы Беатрис — ключ ко всему. Посредственный бизнесмен, неверный муж, искусственно слепленный символ: марионетка, которую дергает за веревочки эта неординарная женщина. Квисту вспомнился вчерашний день. Когда они с Кривичем приехали в поместье, Беатрис и Дэвид Льюис пили кофе на террасе. Если он прав, именно они принимали решения. А Марка использовали как ширму. В этой цепочке Марк был самым слабым звеном. И они будут до последнего покрывать его выходки, потому что брошенная на него тень подставит под удар и их.

Беатрис проговорила, подумал Квист. Желание показать свою значимость и сексуальная неудовлетворенность, соединившись, на мгновение взяли верх над холодным рассудком. Ей хотелось произвести впечатление на симпатичного мужчину, что сидел рядом с ней, вот она и сказала чуть больше, чем хотела. Она, должно быть, догадалась, о чем он думает, и попыталась направить мысли Квиста по другому руслу.

— Поймите меня правильно, Джулиан. Я — не финансовый гений, но Марку нравится обкатывать на мне свои идеи, поскольку я могу дать им адекватную оценку. Мы оба прошли школу моего брата... его отца.

Надо рассеять ее тревоги, подумал Квист. Заигрывая с ним, она дала ему единственное оружие, которым он располагал на этот момент.

— Откровенно говоря, я могу воспринимать вас только как женщину, — он улыбнулся. — Я не проявлю излишнего любопытства, спросив о мистере Лоримере?

Беатрис отпила джина.

— Когда учишься ходить, неизменно падаешь и обдираешь колени. Роберт Лоример, тогда молодой юрист, работал у моего отца. Я влюбилась в него молоденькой девушкой. В мгновение ока я... я превратилась в женщину. Одно его прикосновение сводило меня с ума. Мы удрали в Гринвидж и поженились, тогда так было модно. Скоро, однако, огонь влюбленности погас, а когда развеялся дым, я поняла, что Роберт не такая уж находка. Мой отец с радостью помог мне развязать этот узел.

— А других попыток вы уже не предпринимали?

В ее глазах он прочитал готовность отдалиться ему по первому его слову.

— Более я не видела необходимости связывать себя семейными узами. По-моему, и вы придерживаетесь того же мнения, Джулиан, иначе давно женились бы на мисс Мортон.

— Как вы проникательны. Но давайте вернемся к цели моего приезда сюда. Мы создаем образ Марка, помните? Вы дадите мне альбом с фотографиями?

— Как только Марк выйдет из кабинета.

— Так может, поговорим о Дэвиде Льюисе? Потому что именно его деньги стоят за “Спортивным комплексом”.

Что-то в Беатрис изменилось. Она ушла в себя, насторожилась.

— Интересный человек. Принадлежит к другому поколению. Он начинал посыльным на фондовой бирже, не имея на своем счету ни цента.

— Реальное воплощение американской мечты?

Беатрис кивнула.

— Власть приходят к людям, которые день и ночь грезят ею. Финансовую империю можно построить только в одном случае: если не думать ни о чем другом. Таков Дэвид. Его возможности огромны. Он контролирует бизнес, контролирует государство. В общем, заслуживает внимания.

— Внимания деловой женщины?

— Любой женщины, — отпарировала Беатрис. — “Просите и вам воздастся”. Такие мужчины зачаровывают женщин.

— А сексуально он привлекателен?

Глаза Беатрис сузились.

— Право, не знаю, что и ответить... вам, Джулиан. Видите ли, когда взрослеешь... я хочу поделикатнее обыграть фразу “в моем возрасте”... сексуальное возбуждение приносят не мышцы или эротические фантазии. Отдаться мужчине... все равно, что добавить к напитку еще одну составляющую, — она подняла бокал. — Джин слишком крепок, с резким запахом. Добавим тоник и получим восхитительную смесь. Один тоник тоже пить не будешь. Если предполагаешь, что, смешав ингредиенты, на выходе получишь что-то приятное... В этом для меня источник сексуального возбуждения, — их взгляды встретились. — У нас с вами получилась бы неплохая смесь. В вас я вижу беззаботность, жажду наслаждений, не отягощенную прежними связями. Эта идея сексуаль-

но возбуждает. Смешиваться с Льюисом. Тут другое. Доступ к власти, к сокровищам мира, возможность двигать главные фигуры в шахматной партии, доска для которой — весь мир. Полагаю, это и влечет к Дэвиду многих женщин. Опытная женщина знает, что воздержавшись от секса, можно получить нечто большее. Я хотела, чтобы Дэвид помог Марку. Ради этого и очаровывала его. Теперь цель достигнута, и Дэвид меня больше не интересует.

— Странная у него жена, — заметил Квист. — Он же может купить всех и вся, включая и самых роскошных женщин. А миссис Льюис больше похожа на мышку.

— Они очень давно женаты. Видите ли, некоторые мужчины любят укрощать диких лошадей. А другим нравится бить животных, потерявших волю к сопротивлению.

Брови Квиста взлетели вверх.

— Вы хотите сказать, что Льюис бьет жену?

Беатрис рассмеялась.

— Я надеюсь, это всего лишь образное выражение. Между прочим, меня удивила его заботливость. Несомненно, прежде он очень ее любил. И угольки этой любви еще тлеют. — Она поставила бокал на стол, поднялась. — Пойду посмотрю, удастся ли мне убедить Марка отдать альбом. — Мы поиграли с вами в очень милую игру, Джулиан, хотя я понимаю, что дальше разговоров дело не пойдет. Но, если вы устанете от мисс Мортон или она от вас... Могу вас заверить, мы с вами составим восхитительную смесь.

Квист открыл дверь своей квартиры в начале девятого, еще до наступления сумерек. И тут же гулко бухнуло сердце. На кухне кто-то был. Лидия?

Но в дверях возникла Конни Пармали. Ее глаза, за большими очками в роговой оправе, сузились. Она прочитала мысли босса.

— Извините, но это всего лишь я.

Ключ у нее был, но Квист не помнил, чтобы она хоть раз приходила в его квартиру. Выглядела она очень соблазнительно, в простеньком черном платье с белым ученическим воротником и великолепными стройными ногами, выставленными на обозрение едва ли не до признаков пола.

— Вам просили кое-что передать. И я подумала, что у вас в доме ни еды, ни питья. Вы сегодня ели?

— Так что мне просили передать?

— Лейтенант Кривич ничего нового не узнал. Макс Готтфрид ждет вашего звонка. Он оставил номер домашнего телефона. Дэн думает, что напал на след, но не сказал, кого. Бобби пригласил Мириам Толбот в цирк.

— Подозреваю, ее бы взяли в воздушные гимнастки, — пробурчал Квист. Сел, потому что чувствовал, что ноги отказываются его держать. — Господи, Конни, просто не могу найти себе места.

— Я понимаю. Успехов никаких?

— Одна очаровательная дама пригласила меня в свою постель. Я узнал, что Марк Стиллзуэлл совсем не тот, за кого его принимают. Пустое место. — Он пересказал разговор с Беатрис. — Слабое звено в их цепи, которое мы сможем использовать... Если сможем.

— Спиртное? Кофе? — спросила Конни.

— Кофе с бурбоном, — он закрыл глаза, а Конни ретировалась на кухню.

Не мог он сидеть, сложа руки. Надо что-то делать, искать Лидию! Но кто похититель? Какой смысл бить наугад. Похитителя надо чем-то прижать, заставить его вернуть Лидию.

Вернулась Конни, подошла к бару, добавила в кофе бурбона.

— Я виделась с доктором Френкелем.

— О?

— Мой врач его знает, так что мне удалось договориться о срочной встрече. Мой врач давно уже положил на меня глаз и готов на все, лишь бы заслужить мою благодарность. Он сказал доктору Френкелю, что у меня нервное расстройство, попросил его, как коллегу, принять меня.

— Вы сказали своему врачу, что побудило вас встретиться с Френкелем?

— Я сказала, — лицо Конни оставалось бесстрастным, — что хочу ограбить сейф доктора. Он бы в любом случае мне не поверил, поэтому я решила, что сойдет и правда. Но он надеется, что теперь я сама брошусь в его объятия.

— И что за этим последовало?

— Доктор Френкель принял меня. Я легла на его кушетку, выставив напоказ свои ноги. Он вежливо спросил, что меня тревожит. Я ответила.

Квист устало улыбнулся.

— И что же?

— Вас это не касается. Я подумала, что могу получить дельный совет, раз уж попала к психоаналитику. Дело в том... ни карт пациентов, ни сейфа нет. Ни в приемной, ни в кабинете. Ничего интересного пациенты рядом с собой не найдут, если доброму доктору внезапно захочется справить нужду. Подозреваю, есть еще личный кабинет, но туда никому хода нет.

— Надеюсь, ты получила дельный совет.

— Другим он и быть не может... за пятьдесят-то баксов. А с чего вы решили, что миссис Льюис — пациент Френкеля?

— Вроде бы логичное предположение. Если мы выясним, куда ее увезли, она, возможно, сообщит нам что-то важное, — он поерзал в кресле. — Конни, будь вы на месте Лидии, чего бы вы от меня ожидали?

Глаза Конни затуманились.

— Я бы ожидала, что вы сотворите чудо.

— Какое чудо?

— Вот об этом я бы и не думала. Я бы просто полагалась на вас.
— А я сижу здесь, как пень!
— Может, это и есть чудо, — заметила Конни. — Для этого требуется куда больше мужества, чем метаться по Пятой авеню, потрясая кулаками.

Зазвонил телефон. По кивку Квиста Конни сняла трубку.

Он увидел, как напряглось ее лицо, потом она передала трубку ему.

— Речь не о Лидии, но звонит лейтенант Кривич.

— Они вновь показали зубы. Твой Гарви...

— Что с ним?

— Он в больнице. Беллеву. Избитый до полусмерти. В критическом состоянии. Говорить не может.

— Кто это сделал? Когда?

— Его нашли в проулке между домами в западной части Десятой улицы. Смотритель выносил мусор и едва не упал, споткнувшись об него. Никто ничего не слышал, ничего не видел. Гарви изрядно досталось. Били его профессионально. Ты не знаешь, каким ветром его занесло в ту часть города?

— Он просил передать, что идет по следу. Но не сказал, кого.

— Тебе бы приехать в больницу, — добавил Кривич. — Я тебя подожду.

Глава 11

Лицо Квиста превратилось в маску, вырезанную из светлого камня. Он стоял у больничной кровати, на которой лежал Дэн Гарви. С замотанной бинтами головой, с закрытыми глазами. Дыхание шумно вырывалось у него из груди.

Конни, приехавшая вместе с Квистом, отвернулась к окну. Профессиональное хладнокровие покинуло ее: она расплакалась.

Лейтенант Кривич и врач в зеленом хирургическом халате стояли рядом с Квистом.

— Пятьдесят на пятьдесят — это все что я могу сейчас пообещать вам, мистер Квист. — Врач говорил негромко, словно не хотел, чтобы его услышал Гарви. Хотя в тот момент Гарви не услышал бы и трубу архангела Гавриила. — Его били по голове. Сломали челюсть, скорее всего, проломили череп, это мы узнаем по рентгеновским снимкам. Разумеется, несколько синяков на теле, но здесь как раз ничего серьезного.

— По травмам видно, что били свинцовой или железной трубой, обернутой во что-то мягкое, — вставил Кривич. — Кожа цела, а вот повреждения внутренних органов... У того, кто бил, силы хватало.

— Рентгеновские снимки принесут с минуты на минуту, — продолжил врач. — Тогда и пойдем, нужна ли операция... если он ее выдержит.

Губы Квиста шевелились: он беззвучно ругался.

— Он ничего не сказал, — вздохнул Кривич. — И неизвестно, когда заговорит, если сможет.

— Я бы ругался вслух, — заметил врач.

Квист отвернулся.

— Используйте все средства, доктор. Все, что угодно.

— Я могу предложить лишь молитву.

В коридоре, у палаты Гарви, находилась небольшая ниша, в которой стояли несколько стульев. Квист подумал, что картина эта до боли ему знакома: родственники и друзья ждут, пока появится доктор и скажет, как сложится их дальнейшая жизнь.

— Мне нужна помощь, — прервал тяжелую тишину Кривич.

— А кому нет? — отозвался Квист.

— По телефону ты сказал, что Гарви уцепился за ниточку.

— Мы все пытались найти Лидию. — Квист посмотрел на Конни.

— Ранним вечером он позвонил в квартиру мистера Квиста, — пояснила Конни. — Я была там... на случай, что кто-то захочет ему что-нибудь передать. Дэн сказал: "Я вроде бы нашел одну зацепку... но пока рано тешить себя надеждой. Позвоню еще раз, как только смогу". И вот что из этого вышло.

— Избили его в проулке между домами на Десятой улице, между Пятой и Шестой авеню. Проулок выходит на Одиннадцатую улицу, между какими-то садиками, что находятся за домами. — Кривич смотрел на Квиста, словно ожидая, что эти сведения о чем-то ему напомнят. — Техник-смотритель там один на три или четыре дома. Он собирает мешки с мусором в одно место, откуда их утром увозят на автомобиле, и буквально споткнулся о тело Гарви рядом с Десятой улицей. В темноте.

Квист покачал головой.

— Понятия не имею, каким ветром занесло Гарви в ту часть города. Конни, может, там живут его друзья?

— Дэн никого не посвящал в свою личную жизнь, — ответила Конни.

Кривич уставился на нераскуренную сигарету, что держал в руке.

— Сколько раз им надо повторять одно и то же, Квист? Если тебя заботит безопасность твоей девушки, может, тебе действительно стоит выйти из игры? Видишь, что они сделали с твоим другом.

Квист сжал предплечье детектива с такой силой, что тот даже поморщился от боли.

— У Лидии не будет ни единого шанса на спасение, если мы будем сидеть сложа руки. Они не позволят ей уйти. Она же заговорит. Я надеюсь лишь на одно: они не убьют ее на случай, что она им понадобится.

— Для чего?

— Чтобы позвонить мне. Убедить меня, что она жива, и мне надо сделать то-то и то-то. А потом... — Квист отпустил Кривича, отвернулся.

— Они следят за тобой и, похоже, следили за Гарви. Они опережают тебя на шаг, какой бы путь ты ни избрал. Потому что ты не знаешь, кто за тобой следит.

— И что ты предлагаешь?

— Мне бы хотелось дать тебе дельный совет, но у меня его нет.

— Возможно, такой совет могу дать я, — Квист глубоко вдохнул. — Найди миссис Льюис. Вроде бы ее отправили в какую-то психиатрическую клинику на Лонг-Айленде. И никто из нас с ней не переговорил. Я готов спорить, что она — пациентка Френкеля. Если так, он может сказать, где она сейчас. Нажмите на Беатрис Лоример и Патрика Гранта. Думаю, Марк Стиллуэлл — это ширма, а решает все Беатрис. Опять же, готов спорить, Марция Льюис что-то видела. Но Стиллуэллы и сам Льюис пойдут на все, чтобы об этом не стало известно. Шанс у Лидии один: кто-то должен заговорить до того, как они ее убьют. Мы спасем ее, если узнаем все сами. И тогда ее показания уже не будут иметь никакого значения, поскольку нового в них ничего не будет. Полагаю, наша последняя надежда — Марция Льюис.

Кривич медленно кивнул.

— Я найду миссис Льюис.

— Возможно, завтра или послезавтра будет поздно, — Квист уже кричал. — Если Дэн действительно потянул за ниточку...

— Я также сделаю все, чтобы защитить Гарви, — добавил Кривич.

— Защитить его! Господи, да он одной ногой на том свете!

— Его избили потому, что он узнал что-то лишнее, не так ли? — спросил Кривич. — В проулке его оставили умирать. Но он не умер... пока. Газетчики получили сведения о том, что он еще жив, до того, как я успел вмешаться. Как только он откроет свои глаза и заговорит, кому-то придется держать ответ. Так что я возьму под охрану не только его палату, но и весь этаж.

— Словно снежный ком! — воскликнула Конни. — Убийство на убийстве!

Кривич закурил.

— Так происходит всегда, когда заговорщики пытаются скрыть правду. Вовлекается все больше людей, совершаются все новые преступления. Если бы Джэдвин смог арестовать убийцу Кэролайн в первую ночь, никто бы не похитил мисс Мортон, а вы с Гарви занимались бы привычными делами. Смотрите, что получается. Миссис Стиллуэлл заметила что-то из окна и выскочила из дома, чтобы предпринять какие-то действия. Ее не просто убили. Исполосовали ножом. А теперь давай погадаем на кофейной гуще. Допустим, миссис Льюис что-то увидела и рассказала об этом своему мужу, а может, и остальным. И в этой истории оказалась замешанной очень важная для них персона. Поскольку Кэролайн Стиллуэлл они помочь уже не могли, было принято решение уберечь эту персону от наказания, чтобы

не порушить “планов громадьє”. А тут им еще улыбнулась удача. На территории поместья задержали Джонни Типтоу, можно сказать, идеального козла отпущения. Они слышали его оправдания, так что один из них не счел за труд прокрасться к гаражу садовника, взять канистру бензина и залить его в бак машины Типтоу, чтобы доказать лживость его утверждений. Естественно, они понятия не имели, что твой мистер Гиллард уже проверил бак автомобиля. Джэдвин начал коситься в их сторону. А потому решили убраться и его. Но выпавшее из его рук знамя подхватил ты, следовательно, тебя надо остановить, пока ты не добрался до миссис Льюис и не вывел их на чистую воду. Они пришли к логичному выводу, что остановить тебя можно лишь через Лидию Мортон. Но тут в игру вступил Дэн Гарви и, похоже, вызнал что-то очень важное. Так что пришлось и ему вынести смертный приговор. Как ты понимаешь, они уже не могут остановиться. Будут убивать и убивать, — Кривич переводил взгляд с Квиста на Конни. — Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Мне знакома переполняющая вас ярость. Я знаю, что нет смысла советовать вам отойти в сторону и положиться на нас. Вас просто разорвет, если вы будете сидеть сложа руки. Но я прошу лишь об одном, Квист: ни на секунду не забывайте об изрезанной в куски Кэролайн Стиллуэлл и разбитой голове Дэна Гарви. То же самое может поджидать каждого из вас за ближайшим углом.

Конни, не мигая, смотрела на детектива.

— Дэн, возможно, кому-то звонил, оставил какие-то записи в своем кабинете. Может, мне связаться с его секретарем, заглянуть в кабинет?

— Нам это только на руку, — ответил Кривич. — Но прошу вас, мисс Пармали, будьте осторожны.

— Я поеду с ней, — вызвался Квист. Куда еще он мог поехать?

К штаб-квартире “Джулиан Квист Эссошиэйтс” Конни и Квист подъехали на такси. Сидели бок о бок на заднем сидении, его рука сжимала ее. Безумные мысли копошились в голове Квиста. Око за око. Он поедет в Уэстчестер, схватит Марка Стиллуэлла за грудки и методично переломает ему все кости, пока тот не заговорит. А как насчет сексопильной мисс Толбот? Боготворит ли ее Марк, как он боготворит Лидию? К сожалению, нет, с горечью подумал Квист. Для Марка на первом месте Марк. Тогда, может, завлечь в постель Беатрис Лоример, а уж там найти способ заставить ее заговорить? Или ему поехать к доктору Френкелю и разнести его берлогу? Найти доказательства того, что Марция — пациент доктора, и вырвать у Френкеля название клиники, в которой ее держат.

— Вы ломаете мне руку, Джулиан, — подала голос Пармали.

Он посмотрел вниз, увидел, что от напряжения у него побледнели костяшки пальцев.

— Моя милая Конни, пожалуйста, извини. Я... боюсь, я готов кого-то убить.

Охранник в вестибюле хорошо их знал. Они часто приходили по вечерам и расписывались в его регистрационной книге.

— Видать, рабочего дня вам нынче не хватило, — улыбнулся охранник. — Вы не первые.

— Как так? — не понял Квист.

Охранник указал в регистрационную книгу.

— Тут уже отметились мистер Гиллард и мисс Чард.

Они поднялись на лифте. Квист открыл дверь своим ключом. В приемной ярко горел свет. Из коридора доносился мелодичный смех Глории.

— Бобби, Глория, — позвал Квист.

Они появились вместе. Глория — в потрясающем темно-синем платье, сшитом для нее, Квист это знал, Мэрилин Мартин. С оголенными плечами и большим декольте.

— Вы слышали, что случилось с Дэнном? — в голосе Бобби звучала тревога.

— Мы только что из больницы, — ответил Квист.

— Как он? — спросила Глория. В агентстве много судачили о том, что она и Гарви встречаются не только в рабочее время.

— Плох.

— Я хотела поехать в Беллеву, но мы с Бобби решили, что сначала надо найти вас. В вашей квартире никто не брал трубку, поэтому мы приехали сюда, на случай, если вы появитесь здесь. Можем мы чем-нибудь помочь Дэнну?

— Врач предложил помолиться.

— Господи! — выдохнула Глория. — Бедный Дэн. Полиция знает, как это случилось?

— Пока еще нет.

Конни прошла в кабинет Гарви.

— Ни мне, ни Бобби не повезло, — отчиталась Глория. — Хотя у Бобби все сорвалось в самый последний момент.

— Я ходил с мисс Толбот в цирк, — пояснил Бобби.

— Странные вкусы у этой сексапильной дамочки, — бросил Квист.

— Да уж, — кивнул Бобби. — Я-то цирк ненавижу. Не могу смотреть на людей, которые ходят по проволоке да перелетают с трапеции на трапецию. А Мириам не отрывала от них глаз. Похоже, все ждала, что кто-нибудь да сорвется.

— Она говорила... о Марке?

— Я пытался что-нибудь выудить у нее, разумеется, не в лоб. Но... у меня сложилось ощущение, что она смеялась надо мной, словно точно знала, почему я пригласил ее в этот вечер. А согласилась только потому, что хотела прощупать меня. Так что мне приходилось действовать очень осторожно.

— А результат?

— Когда представление закончилось, и я гадал, что же делать дальше, она неожиданно предложила поехать к ней. Рассмеялась и добавила, что обожает комфорт и уют. Я как раз ловил такси, когда к нам подошел мальчишка, продающий газеты. На первой полосе красовалась физиономия Дэна. Под заголовком “БЫВШАЯ ФУТБОЛЬНАЯ ЗВЕЗДА ИЗБИТ И ОГРАБЛЕН. ЕГО ЖИЗНЬ ВИСИТ НА ВОЛОСКЕ”. Фотографию взяли из архива. Из тех времен, когда он еще играл в футбол. Мириам сразу стало не по себе. Внезапно она сказала, что у нее жутко разболелась голова. И, если я ее прощу, домой она поедет одна. Оставила меня на тротуаре с разинутым от удивления ртом: так быстро все произошло.

— Значит, никаких результатов?

— Никаких, за исключением того, что она знала о моих намерениях. И смеялась надо мной.

— Я не могу похвалиться даже таким успехом, — продолжила Глория Чард. — Во второй половине дня я поехала в “Стиллуэлл энтерпрайзес” на встречу с Патриком Грантом, чтобы обсудить рекламную кампанию “Спортивного комплекса”. Хотя в приемной ждали другие люди, он сразу пригласил меня в кабинет. — Глория улыбнулась. — Я надела одно из платьев Руди Гейнрейха и выглядела потрясающе. Похлопала глазками и пару раз вильнула бедрами. Он, конечно, все понял, я видала, как зажглись у него глазки, но со вздохом объяснил, что сейчас не может уделить мне ни минуты. Должен разгрести кучу дел, накопившихся из-за случившейся трагедии. Однако глазки загорелись еще ярче, он с радостью встретится со мной вечером. На обед пригласить не успеет, но угостит лучшим шампанским. Тогда, мол, и поговорим о “Спортивном комплексе” или о чем-нибудь еще. За икрой. Он пообещал заехать за мной в девять вечера. Записал мой адрес и номер телефона. Многообещающе пожал на прощание руку, заглянул в глаза. И все! Не приехал, не позвонил! Этот сукин сын продинамил меня. Такое случилось со мной впервые.

— Похоже, мы их напугали, — нахмурился Квист. — Бьем по всем целям.

— На что мог наткнуться Дэн? — спросил Гиллард. — Я готов поклясться, газетная публикация потрясла мисс Толбот.

Конни позвала их в кабинет Гарви. Квист вошел первым, Бобби и Глория — следом за ним. Стены украшали фотографии спортивных знаменитостей, все с благодарственной надписью Дэну, и команд, в которых он играл, в школе, в колледже, профессиональной лиге.

Конни стояла у стола, не отрывая глаз от исписанной страницы большого блокнота.

— Ничего особенного, босс. Я переговорила с секретарем Гарви. День у него начался, как обычно. Но с ланча он не вернулся. Лишь пару раз позвонил, чтобы узнать, нет ли у вас чего нового.

Вроде бы и встреч у него во второй половине дня не было. Может, только с ним, — она протянула блокнот Квисту.

Гарви постоянно что-то рисовал. Бегающий по бумаге карандаш помогал ему думать. Вот и этот лист покрывали геометрические фигуры, забавные лица, готические буквы. Буквы сложились в два слова, мужские имя и фамилию: Эд Викерс.

— Каждое утро он открывает чистый лист, — заметила Конни. — Все это он нарисовал сегодня.

— Почему-то нет женщин с голой грудью, — пробормотал Квист. — Эд Викерс... Ты знаешь, кто это?

Конни кивнула.

— Да. Сразу вспомнила, — она указала на одну из групповых фотографий. — Футбольная команда колледжа Дэна.

Квист подошел к фотографии. Обычное дело — игроки в три ряда, первый сидит на земле, второй — на скамье, третий стоит. В левом верхнем углу Гарви написал: "НЕПОБЕДИМЫЕ — ЧЕМПИОНАТ ШТАТА, 1963". Капитан команды, светловолосый здоровяк, сидел в центре второго ряда с мячом в руке рядом с Гарви, который выглядел совсем мальчишкой. Фамилии всех игроков были напечатаны под фотографией. Капитана, что держал мяч, звали Эд Викерс.

Квист повернулся к Конни.

— Ему позвонил давний друг. Вот он и записал в блокнот его имя и фамилию.

— Готическими буквами, — рассеянно ответила Конни. Она пролистывала телефонный справочник Манхэттена. Наклонилась, ее палец побегал вдоль колонки фамилий, остановился, она подняла голову, посмотрела на Квиста. Ее глаза за дымчатыми стеклами очков округлились. — Эдвард Викерс живет на Манхэттене.

— И что такого? — Приятель Гарви по колледжу несколько не интересовал Квиста.

— Адресок любопытный. Западная часть Одиннадцатой улицы.

Квист вздрогнул, уставился на Конни.

— Вы хотите, чтобы я позвонила ему и спросила, не связывался ли с ним Дэн?

— Нет, — покачал головой Квист. — Я думаю, мне следует самому заглянуть к мистеру Викерсу.

Глава 12

Номер двадцать шесть в Западной части Одиннадцатой улицы. Когда-то особняк, теперь многоквартирный дом, выходящий в тот самый проулок, в котором нашли Дэна Гарви.

У дверей Квист прочитал список жильцов. Викерс занимал квартиру на втором этаже. Квист замаялся. Конни умоляла его не ехать в одиночку, но он отослал ее в свою квартиру, на случай, что появятся новые известия о Лидии. Викерс, возможно,

ни при чем, сказал он Конни, но сам в это не верил. Все-таки Дэна нашли в проулке, примыкающем к этому дому. Разумеется, Викерс мог быть добрым другом Дэна. Возможно, тот подумал о нем, записал имя, позвонил, заехал, чтобы получить какие-то сведения. На него могли напасть до того, как он пришел к Викерсу, или когда он уже ушел от него. Однако, если Дэн звонил Викерсу или заезжал к нему, тот должен знать, на чей след вышел Дэн.

Квист глубоко вдохнул и позвонил в квартиру 2R.

Мгновение спустя из динамика домофона послышалось: "Да?"

Квист наклонился к микрофону.

— Мистер Викерс? Я — друг Дэна Гарви. Вы можете уделить мне минуту?

— Дэна Гарви! — в голосе слышалась радость. — Это же надо! Конечно. Заходите.

Щелкнул замок входной двери, и Квист переступил порог. Чувствовалось, что в подъезде за порядком следят. Чистенький столик для корреспонденции. Ковер на полу и лестнице, по которому недавно прошли пылесосом. Квист бывал в таких домах. Аренда двухкомнатной квартиры стоила здесь от трехсот до трехсот пятидесяти долларов в месяц.

Он начал подниматься по лестнице, когда на площадке второго этажа возникла гигантская фигура. Рост шесть футов десять дюймов, вес — двести пятьдесят фунтов, только мышцы, ни грамма жира, светлые волосы, белозубая улыбка. Рубашка с короткими рукавами, фантастические бицепсы. Когда мужчины обменялись рукопожатием, Квисту показалось, что его рука попала в железные тиски.

— Друг Дэна? Как поживает этот сукин сын?

— Меня зовут Джулиан Квист. Дэн работает у меня.

— Заходите, Джулиан, заходите. По моему разумению, выпить никогда не поздно. Заходите.

Квист догадался, что квартиру эту здоровяк Викерс арендовал с обстановкой или ее снимала его дама. Мебель выглядела слишком уж хрупкой для его габаритов.

— Что вам налить? — Викерс направился к столику, уставленному бутылками. — Я как раз собирался пропустить стаканчик, чтобы скрасить свое одиночество, — выглядел он таким домашним.

— Бурбон, если он у вас есть. Можно со льдом?

— Уже наливаю. Рад видеть вас, Джулиан, хотя не очень-то понимаю, чем обязан вашему визиту, — он протянул Квисту полный стакан.

Квист не знал, что и думать. В Викерсе не чувствовалось ни злобы, ни враждебности. Он решил играть в открытую.

— С Дэном несчастье. Этим вечером его нашли без сознания, избитого до полусмерти, в проулке, что проходит за вашим домом. Сейчас он в больнице Беллеву. В критическом состоянии.

— Господи! — воскликнул Викерс. — Рядом с моим домом?

— Его нашел техник-смотритель.

— Но он выживет, не так ли?

— Мы надеемся. В сознание он еще не пришел. И, возможно, так и не придет.

— Этот чертов город кишит грабителями, — прорычал Викерс.

— Мы пытаемся выяснить, что привело Дэна в эту часть города, — продолжал Квист. — Он записал в блокнот ваши имя и фамилию.

— Мои имя и фамилию? Это же надо!

— На стене в его кабинете висит фотография футбольной команды вашего колледжа. Я узнал вас по ней.

— Отличная была команда. В тот год мы сделали всех. Дэн был лучшим защитником из тех, кого мне доводилось видеть. Не бежал, а парил над полем, словно орел.

— Увидев вашу фамилию в блокноте, я решил, что Дэн мог позвонить вам, даже заехать. Тем более, что нашли его буквально у вашего порога...

Викерс недоуменно уставился на Квиста.

— Я не видел Дэна и не разговаривал с ним семь... восемь лет. У каждого своя жизнь. Он стал профессионалом. Я оказался слишком медлительным. С габаритами, как у меня... Они берут только тех, кто быстро бегаёт. В колледже мы были близки, потом наши пути разошлись. Моя фамилия в его блокноте! Чудеса, да и только.

— Он вам не звонил?

— Нет. Я бы с радостью повидался с ним. Может, он решил удивить меня неожиданным приездом, но по пути на него напали?

— Возможно, так оно и было, — к бурбону Квист так и не приоткрылся. Что-то его настораживало. Викерс держался очень естественно, но все же...

И тут Квисту стало все ясно. В квартире они были не одни. Кто-то еще находился то ли на кухне, то ли в спальне, то ли в ванной. Женщина, которой принадлежала квартира, решил Квист. А настораживал его слабый аромат духов.

— Извините, что потревожил вас. Надеюсь, я ничему не помешал?

— Конечно же, нет. Выпейте, дружище. Могу я чем-нибудь помочь Дэну?

— Только одним. — Квист выдавил из себя улыбку. — Позвольте мне воспользоваться вашим туалетом.

— Конечно, конечно. — Викерс не почувствовал подвоха. — Вон та дверь, рядом со спальней.

Квист поставил стакан, поднялся. Болело все тело. Он направился к указанной двери. Прошел мимо спальни, чистой, опрятной. Никого не было и на кухне. Он открыл дверь ванной, ожидая столкнуться лицом к лицу с подружкой Викерса. Но никого не нашел и в ванной. Закрыл за собой дверь, уставился в свое отраже-

ние в зеркале над раковиной. Глаза его напоминали горящие угли. И тут его осенило. Он понял, почему сердце учащенно забилося, как только он вошел в квартиру Викерса. Причина тому — тот самый запах духов.

Теперь он точно знал, что произошло с Гарви. Дэн пришел сюда как незванный гость. Должно быть, поднялся на второй этаж без звонка по домофону. Постучался, а когда Викерс открыл дверь, проник в квартиру и увидел женщину, которую не нашел Квист.

С запахом он ошибиться не мог. Эти духи Беллини создал для одной женщины... Лидии!

Квист посмотрел на свои ладони, мокрые от пота. Сейчас Лидии здесь нет, но она была тут недавно. Запах духов Беллини рассеивался довольно быстро.

И его следующий шаг, решил Квист, для Лидии — вопрос жизни и смерти. Он попытался поставить себя на место Дэна Гарви. Тот искал бандитов, нанятых Дэвидом Льюисом или Марком Стиллиуэллом. Каким-то образом всплыло имя капитана его футбольной команды. Гарви, должно быть, знал, чем занимается Викерс. По словам Викерса, их пути разошлись, но Дэну было известно, каким путем пошел Викерс.

А кроме того, предположил Квист, ему удалось получить какую-то информацию, связывающую Викерса с тандемом Льюис-Стиллиуэлл. Дэн приходил сюда не для того, чтобы возродить прежнюю дружбу. Он хотел застать Викерса врасплох. И застал. Викерс держал Лидию в своей квартире.

Дэн, конечно, парень крепкий, подумал Квист, но устоять против этого здоровяка-блондина не мог. Викерс избил Дэна, а потом оттащил в проулок и бросил, считая его мертвым. И теперь, должно быть, ему несладко. Гарви-то жив. Если он заговорит, Викерсу крышка. Разделавшись с Гарви, Викерс должен был заняться Лидией. Увести ее подальше от места, где могли найти Гарви. И сейчас... То ли Лидия сидела под охраной другого тюремщика, то ли ее труп покачивался среди гнилых грейпфрутов и другого мусора в Северной реке.

В дверь постучали.

— С вами все в порядке? — спросил Викерс.

— Да-да, — откликнулся Квист. — Сейчас выхожу.

Он выпрямился, попытался взять себя в руки. Спустил воду, открыл дверь, вернулся в гостиную. Викерс успел вновь наполнить свой стакан и надел пиджак из тонкой шерсти. Квист понял, что после ухода гостя он тоже не засидится. На Квиста Викерс старался не смотреть.

— Так вы говорите, Дэн в Беллеву?

— Да. В палате интенсивной терапии.

— Я бы хотел ему чем-то помочь. Что-то для него сделать, когда он выйдет из больницы.

— Если выйдет.

Викерс повернулся к Квисту и широко улыбнулся.

— Дэн — парень крепкий. Он выкарабкается. Должен выкарабкаться.

— Я надеюсь, — ответил Квист.

— Готов поспорить, — и Викерс осушил стакан.

Лидии Квист мог помочь только одним: выбраться отсюда живым и связаться с Кривичем. Викерс, он в этом не сомневался, попытается добраться до Дэна, чтобы навсегда заткнуть ему рот, и Кривич должен встретить его во всеоружии.

— Спасибо за бурбон, — Квист выдавил из себя улыбку. — Я очень надеялся, что вы сможете пролить свет на случившееся с Дэном. Хотя бы установить время нападения, если его избили после того, как он побывал у вас.

— Только ко мне он не заходил, — покачал головой Викерс. — Пожалуйста, держите меня в курсе. Мой телефон есть в справочнике.

— Я знаю. По справочнику я и нашел ваш адрес.

— Честно говоря, меня удивило, что вы не позвонили перед тем, как приехать сюда.

Тут Квист решил рискнуть.

— Я звонил. Но вы, должно быть, отлучились.

Отлучился, чтобы избавиться от Лидии!

— Совершенно верно. Ходил в “Кафетерий” на Шестой авеню. Скажите Дэну, что мне известно о случившемся и я желаю ему скорейшего выздоровления.

— Обязательно скажу. Еще раз извините за поздний визит.

— Жаль, что ничем не смог вам помочь.

На прощание они вновь обменялись рукопожатием.

Квист вышел из квартиры, спустился по лестнице, каждую секунду ожидая удара в спину. В холле обернулся. Здоровяк, стоявший на площадке второго этажа, помахал ему громадной рукой.

Выйдя из подъезда, Квист быстро направился к середине улицы: приятели Викерса могли поджидать его у проулка. Но у Квиста сложилось впечатление, что Викерс работает в одиночку.

Он поспешил к Шестой авеню, оглядываясь в поисках телефонной будки. Увидел одну на углу, позвонил в больницу, попросил соединить его с Кривичем. Ему ответили, что лейтенанта нет.

— Тогда подзовите копа, которого он оставил за себя. Дело срочное.

Вскоре в трубке раздался спокойный, уверенный голос.

— Сержант Уинстон слушает.

— Я — Джулиан Квист. Приходил с лейтенантом Кривичем.

— Я знаю, мистер Квист.

— Кажется, мне известно, кто избил Дэна Гарви. Этого человека зовут Эд Викерс. Я думаю, вскорости Викерс объявится в больнице, чтобы добить Гарви. Кстати, как он?

— Без изменений, сэр. Не буду зря тратить время, выслушивая ваши резоны. Можете описать его?

— Личность он заметная. Бывший футболист, рост шесть футов девять дюймов, блондин, вес двести пятьдесят — двести шестьдесят фунтов. У него квартира в доме двадцать шесть по Западной Одиннадцатой улице, рядом с тем проулком, где нашли Гарви.

— До Гарви он не доберется.

— Но приложит к этому все силы, будьте уверены.

— До Гарви он не доберется, мистер Квист.

— Как мне найти Кривича?

— Скорее всего, он дома, — ответил Уинстон. — Лейтенант не спал тридцать шесть часов кряду. Телефон у вас есть?

— Да. Позаботьтесь о Гарви. Этот Викерс знает, что на карту поставлена его жизнь.

— Если он появится здесь, то ему не поздоровится. Через несколько минут мы возьмем его квартиру под наблюдение.

— Я думаю, он уже едет в больницу.

Глава 13

Лейтенант Кривич слушал внимательно. Он слишком хорошо знал Квиста, чтобы предположить, что его выводы — плод разыгравшегося воображения. Если Квист заявлял, что Лидия Мортон была в квартире Викерса, сомневаться в этом не приходилось. Но доказательства? Кривич не мог получить ордер на обыск на основании того, что Квист “унюхал” свою девушку в квартире Викерса.

— Значит, ты нашел сережку, которую и опознал, — подвел итог Кривич.

— Но я ничего не нашел.

— Ты нашел сережку, которую и опознал, — повторил Кривич. — Встретимся в моем кабинете. Сережку принеси. Иначе мне не получить ордера на обыск.

— Хочешь сфабриковать улики?

В голосе Кривича зазвучала обида.

— Ты же принесешь мне сережку и поклянешься, что нашел ее в квартире Викерса. Разумеется, это ложь, но откуда мне об этом знать?

— Я понял. Думаешь, твой сотрудник в больнице сможет защитить Гарви?

— Если не сможет, значит, это невозможно.

А время уходило, драгоценное время. Такси как сквозь землю провалились, так что до своей квартиры на Бикмен-Плейс Квист добрался через полчаса. Конни Пармали спала на диване в гостиной. Разыскивая на втором этаже квартиры маленькую шкатулку, в которой Лидия держала драгоценности, Квист рассказывал обо всем Конни. Она напомнила ему, что он не отзвонился Максу Готтфриду.

— Он перезвонил полчаса назад. Сказал, что дело срочное.

Квист нашел шкатулку, достал сережки с лазуритом, которые подарил Лидии на день рождения в прошлом году. Сунул одну в карман. Но взгляд Конни не позволил ему уйти.

— Возможно, речь пойдет о Лидии.

— Первый раз он позвонил давно, до... — Он не договорил. Возможно, Гарви нашел Лидию в квартире Викерса уже после звонка Готтфрида. — Соедини меня с ним, Конни.

Квист спустился вниз, налил чашку кофе из кофеварки, которую предусмотрительно включила Конни.

— Мистер Квист может поговорить с вами, мистер Готтфрид, — услышал он и взял трубку.

— Извините, что беспокою вас в столь поздний час, — впрочем, извиняющихся интонаций Квист не услышал, голос адвоката звучал недружелюбно.

— Я сейчас очень тороплюсь.

— И все-таки вам придется найти время, чтобы выслушать меня. Вы и ваше агентство прекращаете всякую деятельность по рекламной кампании Марка Стиллзуэлла и “Спортивного комплекса”. До особых указаний.

— И от кого они поступят?

— От моего клиента, Дэвида Льюиса, который также ваш работодатель. Ему не нравятся ваши действия, Квист. Он хочет поговорить с вами, чтобы решить, стоит ли и дальше иметь с вами дело.

— И что же ему не нравится?

— Вот это он со мной не обсуждал. Но я уполномочен передать вам следующее: или вы даете задний ход, или пожалеете о том, что не прислушались к дельному совету.

— О чем же я пожалею?

— Я лишь выполняю указание моего клиента. И не знаю, что имеет в виду мистер Льюис. Но вот что я могу вам сказать, исходя из собственного опыта. Если Дэвид Льюис кому-то угрожает, он не блефует.

Квист глубоко вздохнул.

— Вы можете сказать Льюису, что передали мне его слова, дружище. Можете также сказать, что я понял, о чем речь и лично позабочусь о том, чтобы стереть его с лица земли, если он попытается выполнить свою угрозу.

— Что за чушь вы несете, Квист!

— Чушь, говорите? Так вот, я тоже не блефую, Готтфрид. И вы теперь сможете спать спокойно только в том случае, если понятия не имеете, о чем говорим мы с Льюисом.

Квист положил трубку, пальцы его сжались в кулаки. Он повернулся к Конни.

— Ты права.

— Насчет Лидии?

— Именно. Или я немедленно даю задний ход, или...

— Значит, надо давать задний ход. — Он посмотрел в ее широко раскрытые глаза, обнял, на мгновение прижал к груди. Присутствие близкого человека успокаивало, иначе он бы взвыл от раздирающей его душевной боли.

— Слишком поздно. Они не позволят ей уйти. Она сможет опознать Викерса, даже если Дэн не сделает этого первым. Лидию можно спасти, если...

— Если что?

— Если загнать их в угол. Возможно, уже поздно, но...

— Джулиан, может, вам стоит остановиться? Все-таки это не ваше дело. Пусть преступников ловит Кривич!

— Если я остановлюсь, а Лидия не вернется, в жизни у меня останется только одна цель: отплатить им так, чтобы память о моей мести пережила меня на века. — Он наклонился, поцеловал Конни в лоб. — Молись за нас, Конни, если знаешь как.

— Человеческий мозг, что компьютер, — вещал Кривич, напоминая школьного учителя. — Он битком набит информацией. Разница между машиной и человеком в том, что из первой можно получить нужную информацию, нажав несколько кнопок, и нет необходимости прерывать всю кучу. — Он сидел за столом в своем кабинете. Перед ним лежала компьютерная распечатка. — Мы ввели в компьютер всю информацию по делу Стиллиуэлла. Фамилии, даты, биографические данные. А также все материалы по Эду Викерсу. Имя, фамилию, адрес, телефонный номер. Не забыли и про то, что он был капитаном футбольной команды колледжа в 1963 году. Затем я задал компьютеру два вопроса. Были у Эдварда Викерса нелады с законом? Есть ли связь Эдварда Викерса с делом Стиллиуэллов? И получил два ответа.

— Какие же? — нетерпеливо спросил Квист.

— В обоих случаях — “да”. За последние восемь лет Эдварда Викерса арестовывали трижды, всякий раз за нападение, сопровождаемое побоями. Мистер Викерс просто обожает избивать людей в общественных местах. Один раз он едва не убил свою жертву, оставив калекой на всю жизнь, но каким-то чудом адвокат сумел уладить все без суда — за подозрительно крупную сумму. Таких денег Викерс заработать не мог. Платила не страховая компания, следовательно, у Викерса был очень богатый спонсор. Каждый раз при аресте его интересы представлял блестящий криминальный адвокат, некий Макс Готтфрид. Как тебе это нравится?

— Одно к одному! — воскликнул Квист.

— А теперь о втором “да” компьютера, — продолжал Кривич. — О связи Викерса с делом Стиллиуэллов, более осязаемой, чем тот запах, что ты учуял в его квартире. Компьютер эту связь нашел. После нашей последней встречи я проверил личный номер Марка Стиллиуэлла в уэстчестерском особняке. В

день убийства с него тоже звонили по межгороду. В том числе и Викерсу, в его квартиру на Одиннадцатой улице. — Кривич грохнул кулаком по столу. — Мне очень хочется повидаться с этим Викерсом. Я хочу знать, где он был в то самое время, когда Джэдвина застрелили у Гранд-сентрал. И хочу знать, куда он запрятал твою девушку.

— Уверен, что он направился в больницу.

— А я уверяю тебя, что там он еще не появился. Тебе не нравятся полицейские методы, не так ли? Что ж, сержка, которую ты принес, поможет мне получить ордер на обыск квартиры Викакса. Улика, сфабрикованная полицией, так?

— Я не возражаю.

— Не возражаешь, пока мы льем воду на твою мельницу. В противном случае ты бы кричал на всех углах о наших противозаконных методах. А на что готова ради тебя мисс Пармали?

— Конни? Она-то тут причем?

— Вчера она побывала у Френкеля. По направлению личного врача, чтобы Френкель помог ей справиться с депрессией, так?

— Ты же знаешь, это был предлог.

Кривич разглядывал потолок.

— Бедняжка пришла в надежде на помощь. А коварный доктор Френкель попытался овладеть ею. Это может стоить ему карьеры.

— Да кто его в этом обвинит?

— Надеюсь, мисс Пармали. — Кривич посмотрел на Квиста. — Если пригрозить доктору Френкелю публичным обвинением в попытке изнасилования, он, возможно, скажет нам, где искать миссис Льюис.

Квист выдавил из себя улыбку.

— Скверный, бесчестный, коварный коп. Но мне другого не надо.

— Ты найдешь сейчас мисс Пармали? В четыре утра наш добрый доктор может оказаться более сговорчивым.

На столе Кривича зазвонил телефон. Тот снял трубку, слушал. Его лицо закаменело.

— Сейчас еду, — бросил он, положил трубку на рычаг, но не сдвинулся с места.

— Насчет Викакса ты не ошибся, — он посмотрел на Квиста. — Он действительно объявился в больнице.

— Его взяли? — воскликнул Квист. — Викакс знал, где Лидия!

— Взяли, — вздохнул Кривич. — Он оглушил какого-то врача в служебном помещении, надел его зеленый хирургический халат и маску и направился в палату Гарви. Я не зря говорил тебе, что мой Уинстон знает свое дело. Он опознал Викакса, остановил его, сорвал с лица маску. Викакс набросился на него. Уинстон применил оружие. Теперь Викакс ничего не сможет нам сказать... до Судного дня!

У Квиста защемило сердце. Викерс знал, где Лидия, а теперь он мертв. Кривич ничем не сможет ему помочь. Его люди защитили Дэна Гарви, но утеряли ключ от темницы Лидии.

Выяснилось, что Викерсом интересовался не только Кривич. Детектив Пуччи, занимающийся организованной преступностью, давно имел на него зуб.

— Я пять лет пытаюсь засадить его за решетку, — говорил он Кривичу и Квисту. Втроем они стояли в больничном морге у громадного тела, ожидающего вскрытия. — Специализация этого парня — промышленный шпионаж. Подслушивающие устройства, покупка документации, запугивание, даже убийства. Однажды я уж решил, что все, он получит срок за убийство профсоюзного лидера одного сталеплавильного завода. Но дело развалилось. Когда корпорации не могут решить вопрос легальным путем, они нанимают профессиональных убийц.

— Бандитов, — пробормотал Квист.

— Правильно, — кивнул Пуччи. — Бандитов. Слышали о Максе Готтфриде? Есть тут такой адвокат.

— Не только слышали, но и тесно общались, — ответил Квист.

— Он объявлялся всякий раз, когда мы думали, что Викерс у нас в руках. Наверное, лучший криминальный адвокат во всей стране.

— Мог Викерс работать на одного человека? — спросил Кривич. — К примеру, на Дэвида Льюиса.

Пуччи пожал плечами.

— Я всегда спотыкался на Готтфриде. Полагаю, Викерс работал на всех, кто мог оплатить его услуги. Сегодня — на меня, завтра — на него против меня, — детектив прищурился. — Макс Готтфрид — адвокат Дэвида Льюиса, не так ли? Если бы Льюису потребовались услуги бандитов, Готтфрид наверняка порекомендовал бы Викерса.

— У меня нет доказательств, Пуччи, — заметил Кривич, — но я уверен, Викерс или один из его подручных убил капитана Джэдвина. Я думаю, он похитил мисс Лидию Мортон. Постарайся с этим разобраться, — он посмотрел на Квиста. — Сережка нам больше не нужна. Этот покойник — достаточный повод для получения ордера на обыск.

— Мы этим займемся, — кивнул Пуччи.

— Никакой информации прессе, — предупредил Кривич. — Я еду в Уэстчестер поговорить с возможными работодателями Викерса. Не хочу, чтобы Готтфрид влезал в это дело до того, как я выясню кое-какие подробности. Не хочу, чтобы Дэвид Льюис узнал, что здесь произошло. И никто не должен знать о состоянии Дэна Гарви. Понятно?

— Понятно, — кивнул Пуччи. — Викерс хотел добить Гарви?

— Несомненно, но доказательств нет, — Кривич посмотрел на Квиста. — Поедешь со мной за город? Марку Стилллуэллу придется объяснять, с чего это он звонил Викерсу.

— Доктор Френкель? — спросил Квист.

— С ним придется обождать, но я прикажу установить наблюдение за его домом. На случай, что он поедет навестить пациентку... или ее привезут к нему.

Квист сидел рядом с Кривичем на переднем сиденье полицейского автомобиля без опознавательных знаков, несущегося по пустынной Ист-Ривер-драйв. Его переполняла ярость. Душа требовала отмщения за Лидию и Дэна. Все началось с модных платьев, а закончилось кровавой драмой. Ему вспомнился ланч с Лидией и Кэролайн в "Заднем дворе" Уилларда, когда все посетители не могли оторвать глаз от двух веселых, обаятельных красавиц. Теперь одну убили, вторую похитили. Арест, суд, обвинительный приговор для убийцы. Такой исход его не устраивал. Он хотел, чтобы убийца понес наказание от его руки.

— У тебя револьвер. — Кривич не отрывал глаз от дороги.

— Да.

— Отдай-ка его мне.

— У меня есть разрешение на ношение оружия.

— У тебя нет разрешения убивать, — отрезал Кривич.

— Ты полагаешь, я только об этом и думаю?

— Я это знаю. Сезон охоты не открывался, даже на убийц.

— Может, мысли об убийстве и остановят меня. Но, если Лидия и Гарви...

— Хватит ребячиться, — оборвал его Кривич. — Сеть на них уже заброшена. На всех. Льюис через Готтфрида связан с Викерсом. Кто-то из дома Марка звонил Викерсу. Мириам Толбот убежала от Бобби Гилларда, узнав о случившемся с Гарви. Вне поля нашего зрения лишь Марция Льюис. Но мы найдем ее в течение нескольких часов.

— Найдем живой?

— Не могут они убивать всех подряд. Сейчас они постараются избежать наказания за уже содеянное. Хочу задать тебе вопрос, если, конечно, ты сейчас способен на логичные рассуждения. Что направило Гарви на след Викерса? Их давнее знакомство — случайное совпадение. Гарви повел бы себя иначе, если бы речь шла о незнакомом ему человеке. Но почему Викерс? Разыскивая бандитов, которые могли работать на Льюиса, он наверняка получил информацию, выведшую его на Викерса. Что ты на это скажешь?

Квист задумался.

— Может, он знал, чем теперь занимается его давний приятель? И подумал, что Викерс назовет ему имена тех, кто работает на Льюиса или Стилллуэлла или на них обоих. Возможно, он понятия не имел, что те наняли Викерса.

— Любопытная версия, но не очень-то убедительная. — Стрелка спидометра дрожала у цифры семьдесят миль. Кривич мог не опасаться дорожной полиции. — Если ты прав, Викерс держал Лидию в своей квартире и не пустил бы на порог никого, даже старого друга. Просто не ответил бы на звонок или стук в дверь. Но что-то случилось, и ему пришлось избавляться от Гарви. И причина случившемуся только одна: Гарви догадался, что Лидия в квартире Викерса.

— Может, он действительно ходил в “Кафетерий”, как и говорил мне, оставив Лидию одну, связанной. Гарви ее нашел, но не успел освободить, вернулся Викерс.

— Как Гарви проник в квартиру? По пожарной лестнице и через окно? Он бы не избрал такой путь, если бы не подозревал Викерса.

— Дэн просил передать мне, что напал на след, но не знает, приведет ли он куда-нибудь.

— Если б он предполагал, что Лидия в квартире Викерса, попытался бы он вызволить ее в одиночку? Не сказав тебе или мне? Он знал, что Викерса просто так не объедешь. Стал бы он рисковать безопасностью Лидии, пытаясь изобразить героя?

— На него это не похоже.

— Значит, в цепочке наших рассуждений недостает какого-то звена.

— Нам недостает Лидии.

Они мчались сквозь лунную ночь, занятые своими мыслями. Квист спрашивал себя, как он поступит, если... если Лидия ушла навсегда? Хватит ребячиться, сказал ему Кривич. Он и вел себя, как взрослый, пока двое суток тому назад не высадил Лидию у подъезда ее дома, ожидая увидеться с ней вновь через несколько часов. Он создал отличное агентство, он заработал много денег, он жил так, как ему хотелось, прекрасная женщина делила с ним все радости и беды. Он знал, что со временем бизнес ему надоест, и тогда он и Лидия отправятся путешествовать или купят себе остров. Они имели полное право делать все, что заблагорассудится, потому что их действия никому не причинили бы ни малейшего вреда. И вот теперь все эти мечты рухнули, уничтоженные человеком, готовым сокрушить всех и вся ради спасения собственной шкуры.

Пальцы Квиста ласкали рукоятку револьвера, что лежал в кармане пиджака. Он получил разрешение на хранение оружия, потому что стены его квартиры украшали дорогие картины. Если б их украли, никакая страховка не возместила бы стоимость похищенного. И закон счел возможным разрешить ему самому охранять свою собственность.

Он искоса глянул на Кривича, который сбросил скорость, чтобы не проскочить поворот в поместье Стиллуэллов, благо до него оставались считанные мили. На квартирных воров сезон охоты круглый год, подумал Квист, а вот поднять руку на тех, кто похи-

тил самого дорогого мне человека я не в праве. И я не могу поднять руку на убийцу. А не пойти ли тебе к черту с такой логикой, приятель!

— Ты что-то сказал? — спросил Кривич.

— Если и сказал, то не хотел, чтобы ты меня услышал.

Вновь они помолчали, а через пару минут Квист увидел особняк Стиллуэллов, застывший на холме в лунном свете.

— Им бы лучше ответить на наши вопросы, — вырвалось у него.

— Если не ответят, то завтрак им принесут в казенной посуде.

Ни одного окна не светилось в большом, заросшем плющом особняке. То ли все спали, подумал Квист, то ли в темноте строили коварные планы.

Они остановили машину у парадной двери, поднялись по каменным ступеням. Кривич позвонил. Они подождали, потом Кривич позвонил вновь. В доме начали зажигаться окна, наконец открылась дверь, и перед ними предстал Шоллерт, в халате поверх светло-желтой пижамы.

— Добрый вечер... вернее, доброе утро... господа.

— Мне надо поговорить с мистером Стиллуэллом, — объяснил Кривич неурочный визит. — С мистером Марком Стиллуэллом.

Шоллерт мигнул.

— Мне представляется, что его нет дома, лейтенант.

— Вам представляется?

— Вечером он уехал на "корветте". Я не слышал, чтобы он вернулся. Возможно, потому, что пару раз задремал. Если вы войдете в дом, господа, я его поищу.

— Вы плохо спите, Шоллерт? — спросил Квист.

Лицо дворецкого осталось бесстрастным.

— После этой трагедии, мистер Квист, нам всем не до сна.

— В чем дело, Шоллерт? — слышался с верхней площадки лестницы голос Беатрис Лоример.

— Приехали мистер Квист и лейтенант Кривич, мадам. Хотят поговорить с мистером Марком.

— Так приведи его.

— По-моему, он еще не вернулся, мадам.

— Мы хотим видеть вас всех, Беатрис, — крикнул Квист. — Вас, Марка, Джерри и Патрика Гранта.

— Дайте мне минуту, чтобы что-нибудь на себя накинуть, — ответила Беатрис. — Еще что-то случилось?

— Случилось, — Квист повернулся к дворецкому. — Может, мне сходить за Джерри, Шоллерт?

— Мистера Джерри нет, — ответил тот. — Вчера утром он уехал в Нью-Йорк. И собирался вернуться лишь к похоронам, которые назначены на завтра. Если вы позволите, сэр, я схожу посмотреть, вернулся ли мистер Марк, и позову мистера Гранта.

Они остались ждать в холле. Шоллерта долго не было, появился же он полностью одетый.

— Как я предполагал, господа, мистер Марк не вернулся. Мистера Гранта я разбудил, и он сейчас подойдет.

Тут по лестнице спустилась Беатрис, в темно-красном халате, уже аккуратно причесанная. Немногие женщины могут так быстро выйти к мужчинам, отметил Квист.

— Надеюсь, больше никого не убили, Джулиан? — озабоченно спросила она. — Сколько же это может продолжаться?

— Вы знаете, где сейчас Марк Стиллиуэлл, миссис Лоример? — спросил Кривич.

— Вечером он решил проехаться по окрестностям. Вы же понимаете, как ему сейчас тяжело. Вот он и надеялся, что поездка хоть немного отвлечет его от горестных мыслей.

— Вас не тревожит его отсутствие?

— Нет. А с чего мне тревожиться?

— Все-таки половина пятого утра, миссис Лоример.

— Он уже не ребенок, лейтенант. И не должен спрашивать у меня, можно ли ему задержаться.

По ступеням сбежал Патрик Грант, в спортивной рубашке и брюках, туфлях из мягкой кожи.

— Привет, Квист... лейтенант. Как я понимаю, в такое время вы могли приехать только по делу.

— Это точно, — кивнул Кривич.

— Во всяком случае, мы можем где-нибудь присесть. Пройдемте в гостиную, — проговорила Беатрис, пошла первой, села на диван, взглядом предложила Квисту сесть рядом. Тот, однако, остался стоять у кресла с высокой спинкой, всем своим видом показывая, что игры кончились.

— Шоллерт, пожалуйста, принесите нам кофе.

Дворецкий отбыл. Грант закурил и устроился на краешке стола.

— Так по какому вы приехали делу, лейтенант? — спросил он.

Кривич, как и Квист, остался стоять.

— На следующее после убийства миссис Стиллиуэлл утро из этого дома неоднократно звонили по межгороду. С занесенного в справочник номера трижды адвокату Максу Готтфриду и один раз доктору Френкелю. Мистер Готтфрид объяснил, что обусловило эти звонки. Доктор Френкель, сославшись на конфиденциальность отношений врач-пациент, отказался сказать, кто ему звонил.

— Полагаю, что Дэвид, — слишком уж быстро ответил Грант. — Марция была в истерике. А больше врач никому не требовался. Дэвид в конце концов вызвал местного эскулапа, доктора Тэйбора.

— Это мне известно, — продолжил Кривич. — Между прочим, вы или миссис Лоример знаете, куда отправили миссис Льюис? Вы, миссис Лоример, говорили Квисту о какой-то клинике на Лонг-Айленде.

— Мне так сказал Дэвид. Названия клиники он не упомянул, — ответила Беатрис.

— Если бы вы задали этот вопрос мистеру Льюису, он бы вам все и сказал, — вставил Грант.

— После отъезда отсюда Льюис не хочет с нами разговаривать, — ответил Кривич. — Но я приехал сюда не для того, чтобы спрашивать о местонахождении миссис Льюис. — Его холодный взгляд остановился на Гранте. — Меня интересуют телефонные разговоры, что велись с личного номера Марка Стиллвелла.

— В то утро забот хватало, — ответил Грант. — Надо было отменить назначенные встречи, известить двух-трех друзей. Разумеется, мы звонили и по этому телефону.

— Откровенно говоря, интересует меня только один ваш звонок. Я бы хотел знать, кто звонил Эдварду Викерсу и почему.

Грант замер.

— Кто такой Эдвард Викерс, Пат? — спросила Беатрис.

— О, я знаю, кто такой Викерс, миссис Лоример, — ответил Кривич. — Профессиональный убийца, матерый бандит. Вот кто он такой, миссис Лоример. Повторяю вопрос, кто ему звонил и почему?

Квист обратил внимание, что Беатрис не смотрит на Патрика Гранта. Хотя такой взгляд, если бы она действительно не знала, о ком идет речь, был бы более чем естественным.

Вот тут Грант, пожалуй, допустил ошибку. Он мог бы заявить, что знает не знает никакого Викерса, но избрал другой путь.

— Как-то странно вы его называете. Профессиональный убийца, матерый бандит.

— А как его следует называть? — полюбопытствовал Кривич.

Грант бросил окурочек в камин. Не попал, соскользнул с краешка стола, подошел к окурочку, поднял его, бросил на серую золу в камине. Он явно тянул время.

— Мы полагаем, что Викерс убил капитана Джэдвина. И хотим знать, не получил ли он соответствующих инструкций из этого дома.

Грант повернулся.

— Вы арестовали Викерса?

— Нет.

— Есть у вас улики против него?

— Мы знаем, что ему отсюда звонили, — ответил Кривич. — Знаем, что его адвокат — Макс Готтфрид, которому тоже звонили в ту ночь. И нам очень хочется знать, кто звонил Викерсу, мистер Грант, и почему.

Грант закурил новую сигарету.

— Я звонил.

— Пат! — нотки удивления в голосе Беатрис прозвучали фальшиво.

— Почему? — повторил Кривич.

Грант уже все продумал, так что не замедлил с ответом.

— На утро я и Марк Стиллзуэлл назначили ему встречу в Нью-Йорке. Как вы понимаете, приехать мы не могли. Я позвонил Викарсу, чтобы отменить встречу.

— Как вы заботливы с партнерами. И что же за дела у вас и Марка Стиллзуэлла с Викарсом?

— Не уверен, что обязан отвечать на этот вопрос, лейтенант.

— Тогда позвольте предположить, что вы позвонили Викарсу с тем, чтобы приказать избавиться от капитана Джэдвина.

— Это абсурд, лейтенант! — воскликнула Беатрис. Ее лицо побледнело, несмотря на румяна.

Грант все еще стоял у камина.

— Бизнес — сложная штука, лейтенант. Я знаю Викарса как детектива. Вернее, специалиста по промышленному шпионажу. Мы обратились к нему, чтобы получить конфиденциальную информацию по одной корпорации, с которой собирались вести дела, и...

— Слушайте, день у меня выдался трудным, да и ночью поспать не удалось. Поэтому не надо рассказывать мне сказок, мистер Грант.

Грант сухо улыбнулся.

— Это правда, лейтенант. Я могу лишь сожалеть о том, что вы мне не верите.

— Вчера вечером вы договорились о встрече с моей сотрудницей, Глорией Чард, но не пришли. Почему? — спросил Квист.

Грант пожал плечами.

— Не смог разгрести кучу дел, что обрушилась на меня.

— И приехали сюда, чтобы заниматься ими и вечером? А может, вы заволновались, узнав, что Викарс избил до полусмерти моего партнера, Дэна Гарви, и решили предупредить Беатрис и Марка, что возможны неприятности?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Где Лидия? — в лоб спросил Квист. Голос его дрогнул.

Грант весь подобрался.

— Что все это значит? Откуда мне знать, где Лидия? Почему вы этого не знаете?

— Потому что о ее местонахождении известно вам! Потому что Викарс работает на вас, и он похитил Лидию!

— Да вы сошли с ума! — Грант отступил на шаг.

Кривич вздохнул.

— Как я и сказал, день выдался длинным. И чтобы наконец-то подвести черту, я вас арестую по обвинению в заговоре с целью совершения убийства.

— Я имею право позвонить адвокату! — выкрикнул Грант.

— Конечно, только не звоните Максиму Готтфриду. Он займет соседнюю с вами камеру. Насколько я помню, телефон в холле. — Кривич повернулся и вышел из гостиной.

Беатрис вскочила, простерла руки к Квисту.

— Джулиан, это безумие! Вы же не думаете...

— Я думаю, Беатрис, как и сказал мне лейтенант, что вам еще долго придется есть из казенной посуды. Если только...

— Если только? — Она коснулась его руки холодными, как лед, пальцами.

— Вы кого-то покрываете. Дэвида Льюиса? Или Марка, вашу ширму? Что видела Марция Льюис? Где она? Мы хотим задать ей этот вопрос.

— Я же сказала, Джулиан, на Лонг-Айленде.

— Я вам не верю. Я не верю ни слову из того, что вы мне уже сказали. В одном я вам сочувствую. Когда все начиналось, вы и представить себе не могли, что случится такой обвал. Мой партнер, Гарви, возможно, не выживет, так его отделал Векерс. Векерс работал на вас. Я думаю, вы знаете, кто убил Кэролайн, кто подлил бензин в бак машины Джонни Типтоу. Вам известно, что именно Векерс застрелил капитана Джэдвина, вы знаете, где сейчас Марция Льюис. Я не могу сказать, какой приговор вынесет вам суд, но, если Дэн умрет, а Лидия не вернется ко мне живой и невредимой, вам придется убить и меня, чтобы спасти свои жизни.

— Джулиан!

— Где Марция Льюис?

— Я же сказала, где-то на Лонг-Айленде.

— Я вам не верю. Где Марк? В постели с Мириам Толбот? Теперь, когда Кэролайн мертва, ему нет нужды возвращаться на ночь домой?

Кривич вернулся из холла.

— Лейтенант Симз уже едет сюда. Миссис Лоример, соберите вещи, которые вы возьмете с собой в тюрьму.

— Ну и сказочку сочинили вы с Квистом, — воскликнул Грант. — Улик против нас у вас нет. Ни одной.

— Тогда адвокат быстренько освободит вас, — ответил Кривич. — Но у меня есть против вас и второе обвинение. Вы помогали прятать Марцию Льюис, свидетельницу убийства.

Беатрис повернулась к Гранту.

— Пат, а почему бы нам не...

— Замолчите, Беатрис!

— Марк! А как же Марк? — спросила Беатрис.

— Лейтенант Симз захватит его по пути, — ответил Кривич. — Он в коттедже Байна с Мириам Толбот, не так ли?

Беатрис направилась к двери. На полпути обернулась.

— Джулиан, передайте Лидии, что я очень сожалею о случившемся.

— Почему бы вам не помолчать, Беатрис! — набросился на нее Грант.

— Как я ей что-то передам, если не могу ее найти? — воскликнул Квист.

Беатрис покачала головой и вышла из гостиной.

— Вы можете позвонить адвокату, мистер Грант, — напомнил Кривич.

Полчаса спустя Симз привез перепуганного Марка. Догадка Кривича оказалась верной. К удивлению Квиста, Кривич не пожелал остаться в Уэстчестере, чтобы допросить арестованных. Вместо этого он заторопился в Нью-Йорк и настоял, чтобы Квист поехал с ним.

— Ты даешь им шанс прикрыться очередной ложью, — протестовал Квист. — Беатрис что-то знает о Лидии. Дай мне время вытрясти из нее правду!

— Лидия будет в безопасности, когда мы закроем дело, но не раньше, — твердо заявил Кривич. — Вот и поедем закрывать его.

— Как?

Кривич завел двигатель. Машина резко рванула с места.

Глава 14

— Я не мог отказать Гранту в праве позвонить адвокату. Он позвонил Мэйдстоуну, партнеру юридической фирмы Готтфрида, и лишь сказал, что они арестованы по обвинению в заговоре. Ничего больше.

— Что из этого следует?

— От него требовалось одно, Джулиан, — позвонить. А слова не имели никакого значения. Звонок — это сигнал. Мы вышли на них, а потому они вводят в действие заранее оговоренный план.

— Какой план? О чем ты говоришь?

— План, который должен их спасти. Мы практически обо всем догадались, но вот доказательств-то у нас нет. Через несколько часов Мэйдстоун выпустит их под залог, и они подготовят версию, к которой не подкопается ни один прокурор. Без Марции Льюис нам в суде делать нечего. Все спишут на Викерса. Грант рассмеялся бы нам в лицо, если б узнал, что Викерс мертв.

— Но мы же не знаем, где искать Марцию Льюис!

— Одно мы знаем наверняка. На Лонг-Айленде ее нет, потому что они говорят, что она там. — Он поднял трубку радиотелефона, набрал номер. — Говорит лейтенант Кривич. Мне нужен ордер на обыск резиденции доктора Милтона Френкеля на Парк-авеню. Я буду там через сорок минут.

— Не уверен, что мы сумеем так быстро получить ордер, — ответили ему.

— Надо суметь, — отрезал Кривич. — И возьмите под наблюдение здание, в котором находится квартира доктора. Я хочу знать, кто выходит из здания, кто входит. Если выведут женщину лет сорока... — он посмотрел на Квиста.

— Блондинку, очень худую.

— Блондинку, очень худую, — повторил Кривич в трубку, — организуйте слежку. И не упустите ее. Если упустите, я вам голову поотрываю.

Они вновь мчались по автостраде. Еще царствовала ночь, но на востоке небо уже посветлело.

— Деньги покупают практически все, — философствовал Кривич. — Адвоката, врача, убийцу. Всех можно купить, имея достаточно денег. Пока Марция в безопасности, потому что она небезразлична Льюису. Но если вопрос встанет ребром, она умрет от передозировки успокоительного или снотворного. Но не в доме доброго доктора. Иначе ему будет не так-то просто выйти сухим из воды.

— Они ее убьют?

— Чтобы спасти свою шкуру, они убьют кого угодно. Она знает, кто начал эту бойню, изрезав на куски Кэролайн Стиллуэлл, — он ударил по рулю кулаком. — Если б я мог ответить на два вопроса, я бы обошелся без Марции. Что заставило Кэролайн Стиллуэлл спуститься к бассейну в ту ночь? И как Гарви вышел на Викерса?

Они подъезжали к мосту Триборо, когда зажужжал радиотелефон Кривича.

— Ордер готов, лейтенант, дом на Парк-авеню обложен. Пока все тихо.

— Я подъеду через десять-двенадцать минут, — ответил Кривич, вдавливая в пол педаль газа.

Уличные фонари еще горели, но светлая полоска на востоке становилась все шире. Наконец они выехали на Парк-авеню. Еще минута-другая, и показался дом Френкеля. У подъезда стоял большой черный лимузин. В конце квартала Квист заметил еще один автомобиль, как догадался Квист, с детективами. Кривич остановился параллельно полицейскому автомобилю.

— Рад, что вы уже здесь, лейтенант, — по голосу Квист узнал Пуччи, которого видел в больнице. — Что-то готовится. Из лимузина вышли трое мужчин и скрылись в подъезде. Один из них — Дэвид Льюис. Я его узнал. Видел фотоснимки в газетах.

— Тогда не будем терять времени, — ответил Кривич. — Ордер при тебе?

Пуччи похлопал по карману.

Кривич припарковал машину у тротуара и вместе с Пуччи и Квистом направился к дому Френкеля. Они еще не дошли до лимузина, когда дверь подъезда открылась, и из нее вышла группа людей. Льюис поддерживал жену с одной стороны, незнакомый мужчина — с другой. Вернее, не поддерживали, а тащили ее. Еще один мужчина открыл заднюю дверцу лимузина.

— Пора бы остановиться, мистер Льюис, — разорвал тишину голос Кривича.

Процессия застыла. Посмотрев на еще открытую дверь, Квист успел разглядеть доктора Френкеля, но тут же дверь захлопнулась. Кривич и Пуччи прибавили шагу, и тут сопровождающие Льюиса достали пистолеты. Пуччи нырнул за лимузин, спеша достать оружие. А Кривич повел себя неожиданно: бросился к

Льюису и его жене. Квист увидел, как он покачнулся, словно его ранило, но не остановился, пока не врезался в Марцию Льюис, повалил ее на землю и прикрыл своим телом. Один из телохранителей Льюиса уже лежал на земле, второй пытался взять на мушку Пуччи.

Квист метнулся к Дэвиду Льюису, вдавил дуло револьвера в его шею.

— Прикажете им бросить оружие, Льюис. Или останетесь без головы.

Но приказы уже запоздали. Пуччи уложил второго охранника. Квист присел рядом с Кривичем и визжащей Марцией Льюис. Кривич повернулся к нему. Его лицо перекосило от боли.

— Я подумал, что ее пристрелят прямо у нас на глазах!

— Сильно тебя ранило?

— В плечо. Могло быть хуже.

Он с трудом поднялся, держась за правую руку. Квист помог встать Марции. Льюис напоминал статую. Открылась дверь, появилась доктор Френкель.

— Мой Бог! — вырвалось у него. — Мой Бог!

Пуччи уже вызывал полицию и “скорую помощь”.

— Долго вы еще будете держать на улице вашу пациентку, доктор? — спросил Кривич.

— Я должна кому-то сказать! — вопила Марция. — Я должна! Я убила ее. Слышите, я убила ее!

Дэвид Льюис напоминал человека, которому довелось засвидетельствовать конец света. Он сидел в большом кресле в кабинете Френкеля. Доктор, взглянув на рану Кривича и убедившись, что это не более чем царапина, увел Марцию Льюис в другую комнату.

— Сейчас она не может говорить. Сами видите, она не в себе. Может, позже, когда я успокою ее...

— Это неважно, — вмешался Льюис. — Я сам скажу все, что могла бы сказать она. Все равно уже ничего не скроешь...

Его грандиозные замыслы рухнули, как картонный домик.

Квист едва сдержался, чтобы не задать главный для себя вопрос. Но понял, что надо дать Льюису выговориться, пока тот не передумал.

— Возможно, вы мне не поверите, в свете того, что я вам сейчас расскажу, но я люблю Марцию. Да поможет ей Бог. Мы встретились, когда она была молодой и красивой. Но она не стала частью моей жизни, за исключением времени, проведенного в спальне. Деньги, власть, на это ей было наплевать. Марция, бедняжка, стала терять чувство реальности. Доктор Френкель пытался помочь, иногда ей становилось лучше, но все реже и реже. Доктор предупреждал, что она психически больна, что ее надо поместить в клинику, но я не мог пойти на такое. Я держал ее при себе, стараясь уберечь от самой себя.

Быстрее, молил Квист. Ради Бога, расскажи о главном и о Лидии.

— Я мог купить все, что хотел, потому что в моих руках были власть и деньги, — продолжал Льюис. — Женщины! Марция и секс стали понятиями несовместимыми, а я жаждал женщину, — он тяжело вздохнул.

— Кэролайн Стиллиуэлл? — спросил Кривич.

Льюис кивнул.

— Господи, как она была прекрасна! Весь вечер я не отрывал от нее глаз и понял, что она должна стать моей. Я пошел в ее комнату, когда все улеглись. Сказал, что хочу ее, должен обладать ею. Она рассердилась, потому что я застал ее раздетой, в одних трусиках и бюстгальтере, накинула халатик и потребовала, чтобы я немедленно ушел. Не стала кричать или звать на помощь, зная, что для карьеры Марка мое слово может оказаться решающим. И я знал, что ей это известно. А потому предложил ей сделку. Если она отдается мне, Марк получит все, что ему хочется. Встанет рядом со мной на вершине финансовой пирамиды. Кэролайн любила Марка. Я думал, что ради него она пойдет на все. Но она указала мне на дверь. — Льюис облизал пересохшие губы. — Я... я попытался овладеть ею. Я достаточно хорошо знал Марка и не сомневался в том, что он никому ничего не скажет. Марк — пустышка. Все решения принимают Беатрис и Пат Грант. Мне было что предложить за их молчание. Вот я и... попытался взять Кэролайн силой. И тут в комнату ворвалась Марция. — Льюис закрыл лицо руками. — О Боже!

Они ждали продолжения.

— Марция кипела от ярости. Обзывала Кэролайн грязными словами. Хотела наброситься на нее, но я встал между ними. А потом вылетела из комнаты, крикнув, что покончит с собой. — На лбу Льюиса выступили капельки пота. — Марция угрожала самоубийством сотни раз, поэтому я не придавал ее словам никакого значения. Страсть к Кэролайн угасла. Я вернулся в свою комнату. О том, что случилось потом, я узнал от Марции.

— Она намеревалась покончить с собой? — спросил Кривич.

— Надо прожить много лет с человеком с больной психикой, чтобы понимать, что к чему, лейтенант. В такое состояние ее привела не ревность. Она знала, что я не могу хранить ей верность. Марция буквально обезумела от страха, испугалась, что я покину ее, что она останется одна. Жизни она боялась больше, чем смерти. Она убедила себя, что ее посадят в сумасшедший дом, если я от нее уйду. Я слишком хорошо знал Марцию, чтобы поверить в ее решимость покончить с собой. Теперь мне известно, что она пошла на кухню и схватила там большой нож. Наверное, она думала, что я последую за ней, остановлю ее. Но я ушел к себе, а она выбежала с ножом в сад.

— И Кэролайн увидела ее? — спросил Квист.

— Да. И побежала следом, чтобы остановить Марцию.

На один вопрос ответ получен, подумал Квист.

В безумных иной раз вселяется невероятная сила. Марция набросилась на Кэролайн, ненавидя ее всей душой, и...

— Убила ее, — закончил за него Кривич.

— Марция вернулась в дом с окровавленным ножом и наткнулась на Патрика Гранта. Она... она ничего не собиралась скрывать. Сказала, что сделала. В тот момент она хотела рассказать об этом всему миру! Грант как-то убедил ее помолчать и отвел наверх ко мне. Взял у нее нож, чтобы вымыть его, затем спустился вниз, к Кэролайн. Ей помощь не требовалась. На этом и строились наши дальнейшие действия: мы исходили из того, что Кэролайн уже ничем не помочь.

Я был не в себе, ни о каком контроле над ситуацией не могло идти и речи. Марция забилась в свою комнату. Марк и Грант прямо заявили мне, что нет нужды отдавать Марцию в руки полиции. Копы найдут другое объяснение убийства. А скандал повредит моим деловым интересам. Они же готовы мне подыграть... за определенную плату.

— Назначение Марка главой “Спортивного комплекса”? — спросил Квист.

— По крайней мере, номинальным. Это бы означало, что контролировать “Комплекс” будут Грант и Беатрис. Я... помоги мне, Господи... согласился. Поэтому мы выбрали столь неудачное время для пресс-релиза, Квист. Они требовали гарантий, что я сдержу слово. Контракт мы подписали еще до того, как вы и мисс Мортон нашли тело Кэролайн.

И тут нам улыбнулась удача. Арестовали Типтоу. Чтобы окончательно загнать его в угол, Грант залил бензин в бак автомобиля, не зная, что Гиллард уже проверил, есть ли в баке бензин. Вы, мистер Квист, обратили внимание полиции на нас, и мы впали в панику. Марцию, все еще пребывавшую в шоке, я отправил к доктору Френкелю. И вот в этот самый момент Грант потерял голову. Он решил, что Джэдвина надо остановить. Да и вас тоже. Со мной он не посоветовался. Нанял Викерса, который убил Джэдвина и похитил мисс Мортон, чтобы вывести вас из игры.

Это была чудовищная глупость, но мы все уже по уши завязли в этой истории. Я предупредил Гранта: больше никаких убийств, или мы с Марцией сами пойдем в полицию. Он мне это обещал.

— Где Лидия? — выкрикнул Квист. Его терпение лопнуло.

— Не знаю. Все шло мимо меня. Вчера вечером Готтфрид сообщил мне, что Викерс убил вашего сотрудника Дэна Гарви. — Тело Льюиса содрогнулось от рыданий. — И выяснилось, что я — трус, Квист. Я не мог заставить себя пойти в полицию. Решил увезти Марцию из Штатов, куда-нибудь на край земли. Нанял двух парней Викерса, чтобы они помогли мне. Через несколько дней Френкель сознался бы, что Марция какое-то время находилась у него. В этом нет ничего преступного. Он, как мог, заботился о пациенте.

— Тем более, ему хорошо платили, — бросил Квист.

Зазвонил телефон. Кривич взял трубку. Странное выражение появилось на его лице. Он протянул трубку Квисту.

— Тебя. В управлении знают, что ты со мной.

О Дэне, подумал Квист. Неужели умер?

— Да?

— Дорогой!

Комната поплыла у него перед глазами.

— Лидия! Господи, где ты?

— В твоей квартире, любовь моя.

— С тобой все в порядке?

— Абсолютно, дорогой. Поторопись, я тебя жду.

Она действительно его ждала!

Прижалась к его груди. А он долго не мог произнести ничего, кроме ее имени.

— Все хорошо, дорогой, все хорошо. — Ее руки ласкали его лицо, волосы.

Наконец он отступил на шаг.

— Тебе не причинили вреда?

— Нет. Поверишь ли, Джулиан, я могла уйти в любую минуту.

— Тогда почему...

— Сядь в это кресло, а я принесу тебе выпить и все расскажу.

Потом...

— Я знаю, что будет потом, — заулыбался Квист. — Господи, какое счастье видеть тебя целой и невредимой.

Лидия налила в стакан бурбон, добавила льда.

— После того, как ты высадил меня у моего дома, я только успела принять душ и переодеться, помнишь, мы собирались встретиться на работе, когда в дверь позвонили, и передо мной возник этот гигант, Эд Викерс. Конни сказала мне, что ты тоже с ним познакомился.

— Ты знаешь, что он мертв? Он попытался прикончить Дэна в больнице, но копы застрелили его. Так что произошло дальше?

— Викерс привел очень убедительные доводы. Если ты мне дорог, я должна сделать то, что он скажет. Исчезнуть. Ты поймешь, что это предупреждение, что тебе рекомендуют держаться подальше от расследования смерти Кэролайн. Если ты будешь пайнковой, меня вскорости освободят. Если же я не соглашусь подыграть ему, тебя убьют, как только ты высунешь нос из дому. — Лидия принесла Квисту полный стакан. — Не думаю, что он блефовал, Джулиан.

— Точно не блефовал. — Квист отпил из стакана. Чистый нектар.

— Он отвез меня в свою квартиру на Одиннадцатой улице. Ко мне не приставал. Не смешивал личное с бизнесом. Иногда отлучался. “Вот телефон, — сказал он мне, уходя в первый раз. — Вы можете позвонить, вызвать помощь, можете просто выйти из

квартиры. Но учтите, если вы это сделаете, живым вам Квиста не видеть". — Лидия наклонилась, поцеловала Квиста в щеку. — Я очень хотела вновь увидеть тебя живым, дорогой. Так что, поверишь или нет, я сама выбрала заточение. Меня так и подмывало позвонить тебе, но я боялась, что он как-то об этом прознает.

— Дэн. Откуда взялся Дэн? — спросил Квист.

— Дэн влез через окно в ванной. Викерс как раз ушел на Шестую авеню купить сэндвичи. Он не собирался уморить меня голодом, а готовить не умел. И тут появился Дэн. Он попытался увести меня с собой, так что мне пришлось чуть ли не отбиваться от него. Я ему все объяснила. Если бы я ушла, тебя бы убили. Я и пыталась узнать, как он меня нашел, и уговаривала уйти до возвращения Викерса.

— Как он тебя нашел?

— Он искал не меня. И удивился не меньше моего, когда мы столкнулись нос к носу. Дэн наводил справки о Патрике Гранте. Один из его сокурсников продал Гранту страховой полис. В ходе разговора сокурсник упомянул, что на Гранта работает еще один их общий приятель, Эд Викерс. Он как-то встретил Гранта и Викерса в одном из баров Гринвич-Виллидж. Они еще поболтали, вспоминая студенческую жизнь.

— И Дэн знал, какая у Викерса работа?

— Да. Он же искал бандитов, которых могли нанять Льюис и Марк, и получалось, что в возможном списке фамилия Викерса должна занимать первую строчку. Он дожидался, пока Викерс выйдет из дома, чтобы залезть в квартиру и найти какие-нибудь улики, связывающие Викерса со Стиллуэллом и Льюисом. Он и представить себе не мог, что наткнется на меня. И тут мы услышали поворачивающийся в замке ключ. Дэн ретировался через окно, но недостаточно быстро. Викерс погнался за Дэном по пожарной лестнице и нагнал-таки в проулке. Вернулся Викерс побелевший от ярости. "Твой дружок не понимает, что ему говорят", — процедил он. Кому-то позвонил, а затем сказал, что отвезет меня в другое место, потому что Дэн мог кого-то предупредить о визите сюда. Он отвез меня в квартиру в центре Манхэттена. Оставшись одна, я быстро выяснила, чья эта квартира. Мириам Толбот!

— Ты ее видела?

— Нет. Но нашла письма, фотографию Марка Стиллуэлла.

— Их всех арестовали. — Квист коротко рассказал о том, что произошло после ее исчезновения. Поставил на столик пустой стакан. — Сейчас позвоню в больницу, моя красавица, а потом...

— Я звонила туда перед самым твоим приходом. Дэну лучше. Но говорить с ним еще нельзя.

— Тогда чего мы ждем? — Квист обнял Лидию за талию и увлек к лестнице, что вела в спальню.

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

ПЯТОЕ КОЛЕСО В ТЕЛЕГЕ

"Профессия дает нам известные привычки, которые идут от нашего труда. Как у кузнеца от работы остаются следы на его мозолистых руках, так и у нас, защитников, защитительная жилка остается нашим свойством не потому, что мы хотим отрицать всякую правду и строгость, но потому, что мы видим в подсудимых по преимуществу людей, которым мы сострадаем, прощаем и о которых мы сожалеем".

Федор ПЛЕВАНУ

С давним моим другом, московским адвокатом, которого я назову Николаем Сергеевичем Потаповым, я договорился встретиться в одном из районных судов. У него там шел длинный процесс. "Попробуем совместить приятное с полезным, — сказал Николай. — Времени ни на что не хватает. А так я с тобой пообщаюсь, не отходя, можно сказать, от рабочего места". "Но ты же будешь занят", — засомневался я. "Буду. Вот и увидишь, как и что. А пауз для моих, как ты говоришь, откровений возникнет предостаточно — замучаешься записывать. Или я нашего судопроизводства не знаю. Заседание назначено на десять. Так дай Бог, чтобы к одиннадцати начали. Вот тебе пауза номер один".

Без пятнадцати десять я отыскал нужный мне зал судебных заседаний. Рядом на скамейке сидели две настороженные немолодые женщины. Без пяти десять появился Николай. Женщины поднялись ему навстречу. И он их отвел в сторонку. Мне были слышны обрывки разговора, из которого я понял, что где-то была проведена какая-то независимая экспертиза, что Николай сомневался по поводу статуса эксперта, но будет ходатайствовать о приобщении материалов экспертизы к делу. В пять минут одиннадцатого он куда-то ушел. Вернулся. Объявил: "Людей еще из Бутырки не привезли. Да и второй заседатель не пришел пока. Будем ждать". Женщины обреченно сели на скамейку. Глаза у них сделались совсем большими.

Подошел ко мне: "Что я тебе говорил"...

В это время его окликнула проходящая по коридору дорожная, строго одетая женщина — без всяких сомнений адвокатесса. После обмена обычными репликами адвокатесса спросила: "Кто у вас судья?" Николай назвал фамилию. "Вам повезло, голубчик, — почему-то вздохнула адвокатесса. — У вас нормальный процесс. А у меня"... И она назвала женскую фамилию. Николай понимающе кивнул. "Я бы заявила отвод, — опять вздохнула адвокатесса, — так ведь все равно не удовлетворят. А ее — судью — только озлобишь. Ну что ж, обоим нам ни пуха ни пера. Идите, голубчик, к черту. Да и я за вами".

— Вот оно — прикосновение к правосудию, — сказал Николай. — Перво-наперво интересуемся — кто судья. Более того, полезно знать, в каком она или он пришли сегодня настроении. Творят правосудие люди — не машины. А люди они люди и есть. Кто добрее, кто злее, кто ленивее, кто умнее... Нигде сие не записано, но адвокат обязан учитывать и использовать этот сугубо человеческий фактор. Короче: психологом надо быть. Это важно еще и потому, что наш уголовный закон предлагает судье перечень размытых наказаний. За одно и то же преступление можно получить пять лет или десять. Общий режим или особый. С конфискации или без. А можно вообще получить наказание ниже низшего предела — и такое право есть у судьи. Кто-то называет это бедой нашего законодательства. Но я считаю эту не-

определенность великим благом. В России по-другому нельзя. И те юристы, которые писали Уголовный кодекс, тот, старый, 1961 года рождения, были людьми мудрыми. В новом кодексе этот принцип всего лишь повторен. Так что почти все зависит от состояния судейской души. Иной раз и организация. Да-да... Прокурор просит четыре года зоны, адвокат — два. По идее судья должен дать три. А дает шесть! Потом выясняется, что у него во время процесса ныла печень.

Н слову сказать, мы стремимся все сделать для того, чтобы, упаси Господи, чем-то не раздражить судью. Посему даже выработали нечто вроде униформы. Адвокат не должен быть одет чересчур богато или подчеркнуто бедно. Явиться на суд в смокинге, в галстуне-бабочке, в золотых запонках и дорогих часах — невысказано. Хозяин процесса — не ты, а судья. Он из тебя, в пух и прах разодетого, в заседании мальчишка для битья сделает. Из простого и понятного соображения: у него нет смокинга и дорогих часов. И, скорее всего, никогда не будет. Опять же не явишься в суд в протертом свитере и джинсах. Судья в этом случае поймет одно: ты нарочито прибедняешься. Тебя за это могут даже обвинить в неуважении к суду. Сказанное справедливо не только для России. В Америке примерно то же самое. А во Франции, к примеру, в мантии одеты не только судьи, но и обвинитель с защитником. Это нивелирует отличия — под мантией галстук "от Версаче" не разглядишь.

Из тех же соображений адвокат, делающий свое дело, а не стремящийся продемонстриро-

вать себя, любимого, никогда не станет в процессе употреблять латынь. Когда-то в этом не было ничего особенного. И судьи, и прокуроры, и многие из присяжных заседателей латынь знали на весьма приличном уровне. А нынче, допустим, свернешь что-нибудь вроде "Кви прудест" — "Кому выгодно", получится красиво, эффектно. И глупо. Даже оскорбительно. Судья-то иной раз, прости Господи, и родного-то языка толком не знает. Он тебе эту латынь припомнит. И будет считать тебя выскочкой и зазнашкой.

В коридоре появилась не лишняя эффектная девица. Открыла дверь. "Можно заходить?" — заискивающе спросили ее женщины. "Нет!" — хмуро отрезала девица, она же судебный секретарь. Николай подошел к барышне. "Привезли?" — поинтересовался он. "Да", — сказала скупая на слова секретарша. "Пожалуйста, скажите конвою, что судья разрешил мне переговорить с моим клиентом до заседания. Вы же слышали". "Скажу", — буркнула девица. "А как с заседателем?" — не унимался адвокат. "Едет", — зло проскрежетала секретарша.

Николай отсутствовал минут пять. Вернулся. К нему бросились женщины: "Ну как он, что?" "Неважно, — вздохнул Потапов. — Лекарства ему нужны. Вот я тут записал. Остальное, как всегда — мыло, паста зубная, что-нибудь сладкое". "Бедный мой мальчик", — заплакала одна из женщин. "Бедный мальчик", как это можно было прочесть в висящей на дверях бу-

мажке, обвинялся в убийстве из хулиганских побуждений.

Я не хотел быть адвокатом. После армии поступил в ВЮЗИ — Всесоюзный юридический заочный институт.

В учебе я подавал некоторые надежды. Сокурсники говорили: "Тебе надо идти в адвокаты". "Не пойду", — ответил я. "Почему?" — удивлялись ребята. "Не могу я защищать заведомых негодяев. То есть, я буду знать, что каной-нибудь хмырь убил или ограбил человека, и говорить что-то о нем хорошее... Увольте". Насчет презумпции невиновности я имел тогда весьма смутное представление. Да и мой профессор по этому поводу сказал, как отрезал: "Советскому праву презумпция невиновности не нужна". Я так до сих пор и не понял: то ли он так горько шутил, то ли высказывал собственные убеждения. По странному совпадению фамилия профессора была Шаламов. О другом Шаламове, философе и писателе, в досталь ввкусившем премудрости наших репрессивной и пенитенциарной систем, а также ненужности презумпции невиновности советскому праву, я тогда еще не знал.

После института я немало лет проработал в прокуратуре — помощником прокурора, следовательно, начальником отдела. То есть, я обвинял. После написанных мной обвинительных заключений людей сажали в тюрьму и везли в зоны. Да я и сам сажал, за несколько минут набросав постановление о взятии под стражу и подмахнув эту бумаженцию у прокурора. И ненавидел адвокатов, норовящих вставить палки в колеса исполняемой мною работы. Имен-

но в колеса, потому что машина, частью которой я был, крутилась. И знай себе перемальовала попавших в нее людей. А ежели уподобить эту машину телеге, то адванатура в ней была пятым колесом. Мешала. Была ненужной.

Но однажды наступил вечер, когда я, сидя в одиночестве в своем заваленном папками с делами кабинете, понял, что больше не могу. Можно сказать, что машина перемолола и меня. Это ощущение копилось во мне давно, а непосредственным поводом, повергшим меня в тоску, стало одно дело. Был убит парень. Из охотничьего ружья, которое висело на стенке и которое, как абсолютно прав был Чехов, в конце концов выстрелило. Вместе с молодым человеком в квартире находились двое его друзей. И больше — никого. Сидели ребята, выпивали. Стали, как это часто водится, подначивать друг друга. Слово за слово — началась ссора. Один из них схватил ружье и всадил дробовой заряд в обидчика. А теперь попробуйте определить: кто из оставшихся в живых стрелял, если каждый из них валит вину на другого, когда нет свидетелей, когда они оба оставили отпечатки пальцев на стволе и прикладе, когда дело происходило в квартире убитого, и о том, что ружье заряжено, эти двое могли и не знать, когда следственный эксперимент так и не помог разобраться в истинной картине преступления? Задержали их не сразу, так что проводить экспертизу на предмет обнаружения на их руках следов ружейного масла и пороховых частиц было бессмысленно. А одежду они свою

после убийства тщательно выстирали, потому как она у обоих была забрызгана кровью. Кому предъявлять обвинение? Двум сразу нельзя. Мудрено было представить, что они оба держали ружье. Не предъявлять обвинение тоже нельзя: один из них убийца. Люди, с которыми они общались после убийства, ничего вразумительного не сообщили. Один из парней имел некоторый опыт обращения с оружием — ходил с отцом на охоту. Другой имел мотив: убитый вроде бы год тому назад отбил у него девушку. Но мотив этот был косвенным доказательством. Если бы убийство произошло в первые дни или хотя бы недели после любовной драмы — тогда другое дело. К тому же девушка и со "счастливым соперником" миловалась недолго. Ушла к еще одному их знакомому. Но два отвергнутых ею молодых человека вполне мирно и весело гуляли на ее свадьбе. У обоих появились новые девушки. Убийство по неосторожности? Но оба парня до описания решающего момента говорили одно и то же: была ссора... Исходя из их показаний, получалось, что тот, кто стрелял, схватился за ружье не случайно, выходит, что он все-таки знал, что оно заряжено. Короче — полная неочевидность. И все возможности для установления истины по делу — исчерпаны. Начальство от моих сомнений отмахнулось, велело не мудрствовать и не тянуть кота за хвост. Раз у одного есть мотив — его и сажать. К тому же именно этот подозреваемый куда чаще своего приятеля (а теперь врага) путился в показаниях.

Вообще-то такие дела в следственной и судебной практике встречаются. Дела, в которых все неочевидно. Когда-то поступали просто: бросали фигурантов связанными в пруд — кто выплывет, тот и прав. Современная юриспруденция оперирует в этих случаях косвенными доказательствами. Они и ложатся в основу приговора. Посему в убийстве был обвинен тот, который имел хоть какой-то мотив.

А я сидел и думал: вправе ли я и мои коллеги по следственной работе решать судьбу человека почти наобум?.. В принципе я и сам склонялся к тому, что убийцей был именно этот парень. А если нет? Причем, вероятность этого "нет" составляла отнюдь не сотые доли процента. Пренебречь такой вероятностью было никак нельзя. А я пренебрегал. Потом ею пренебрег суд, отправив парня на восемь лет в зону. Адвокатам тогда удалось переквалифицировать обвинение на убийство без отягчающих обстоятельств. Я думаю, что и суд был рад этому. Все-таки парню давалась возможность освободиться досрочно. Со статьей об убийстве с отягчающими обстоятельствами рассчитывать на досрочное освобождение он не мог.

Я же про себя понял главное: я взял грех на душу. Соображения насательно того, что я, скорее всего, прав, как-то не успокаивали. От этого понимания я не отделился до сих пор.

Я ушел из прокуратуры. Юридический мир, как и всякий профессиональный мир, довольно тесен. Все мы так или иначе знаем друг друга. Связей у меня хватало. Я их малость поднапряг. Заручил-

ся протекцией. И перевелся в адвокатуру.

Заседание началось в пять минут двенадцатого. В зале сидело человек десять. Я и не заметил, как и когда они подошли. За решеткой маячил бледный невзрачный паренек. Он вяло ответил порывающимся броситься к нему женщинам. Вошел судья с заседателями. Мы встали. Слушаемое дело интересным мне не показалось. К тому же это было уже не первое по нему заседание. Примерно через полчаса, ушедших на допрос одного из свидетелей, Николай внес ходатайство о проведении посмертной психиатрической экспертизы потерпевшего, который мог, по мнению защиты, спровоцировать запредельное озлобление убийцы. За этим ходатайством тут же последовало другое: Николай просил суд назначить психиатрическую экспертизу своего подзащитного и поручить ее специалисту из какого-то независимого научного центра. Прокурор немедленно возразил против всего предложенного. Суд удалился на совещание... А мы снова вышли в коридор.

Между тем тогда в адвокаты попасть было очень и очень непросто. Считалось, что это одно из самых хлебных мест в стране. Хлебное-то хлебное, только адвоката, как волка, всю жизнь кормят ноги. Чтобы иметь деньги, надо было работать. Без выходных, а порой и круглосуточно. Бегать из суда в тюрьму. От прокурора к следователю. Мороки хватает.

Мэтры, конечно, могут позволить держать при себе молодняк, который выполняет за них черновую работу. Только не всякий становится мэтром. Далеко не всякий. На Москву с ее тридцатью тремя судами, плюс городским и областным судом, плюс Верховный суд России приходится ну, наверно, десятка два-три этих так называемых мэтров. О большинстве из них широкая общественность знать не знает. Знают двух-трех, которые бесперечь мелькают на экранах. Только этих, которые мелькают, адвокатами уже не назовешь — это общественные, политические деятели. Впрочем, для этого тоже надо иметь особый склад ума и особые способности, надо уметь сделать так, чтобы завораживало одно твое имя. Не справедливость и логика юридических рассуждений, а то, как они сказаны, с какой интонацией, в каком месте, по какому случаю. Я, если честно, им завидую — я так не могу. Я придерживаюсь старого, как мир, адвокатского правила: хочешь выиграть процесс или добиться в нем нужных тебе и твоему клиенту результатов, помалкивай. К тому же, выступление на телевидении, вообще всякое публичное выступление адвоката по существу какого-либо еще не рассмотренного судом дела — палка о двух концах. Судьи, которым предстоит разбирать это дело, тоже ведь смотрят телевизор и читают газеты. И часто ведут процесс, исподволь руководствуясь чувством противоречия. Их раздражает апелляция адвоката к общественному мнению, воспринимают они такую апелляцию как попытку давления на суд. Что

весьма часто оказывается справедливым. И если прикинуть, сколько процессов выиграли эти сверхизвестные адвокаты, то получится не слишком впечатляющая цифра. Но я далек от иронии. Эти люди говорят вещи, доселе нашему народу неизвестные. Хотя бы о том, что права конкретного Ивана Петровича Сидорова в любом случае не менее важны, чем интересы государства. Наверное, в этом и есть главное их предназначение.

В общем в адвокатуре так: много работаешь — прилично получаешь, работаешь меньше — соответственно уменьшаются заработки, не работаешь — клади зубы на полку, как и все. Деньги — деньгами. Но есть еще один, может быть, более важный фактор, заставляющий юристов мечтать об адвокатской стезе: независимость. Над адвокатом нет начальства. Руководство коллегии заведует тобой в той сугубо административно-бытовой части, когда тебе надо уйти в отпуск, оплатить больничный... Еще ты должен определенное число дней отдежурить в консультации. Ну и, разумеется, заведующий консультацией может обязать адвоката взять дело в порядке 47-ой статьи УПК. Это когда безденежному обвиняемому предоставляется за счет государства профессиональный защитник. В остальном же ты — вольная птица. Набирай клиентов, создавай свою клиентуру, сам планируй свою работу — день, месяц, год. Само собой, ты должен в назначенное время являться в суд, когда надо, к следователю, встречаться с подопечным... Иной раз и в командировки ездить: у нас закон, слава Бо-

гу, позволяет нанять какого угодно адвоката из какой угодно консультации. Но это как раз и есть твоя работа. Именно за это тебе и платят деньги. В советские времена такая свобода была неслыханным чудом. Потому и рвались юристы в адвокаты. Правда, власть к такой свободе подпускала немногих — тысяч тридцать на всю страну. Коллегии были весьма закрытыми организациями. И закрытость свою блюли.

Заседание продолжилось. Оба ходатайства адвоката были отклонены. Женщины зашушукались. Николай остался невозмутим. Допросив еще одного свидетеля, судья поинтересовался, пришли ли в суд два милиционера, которые задержали обвиняемого сразу после убийства. Секретарша ответила, что пришли. "Объявляется перерыв, — сказал судья. — Заседание продолжится через час".

"Жертвую тебе своим обедом, — вздохнул Николай, когда мы вышли из зала. — Впрочем, ничего приличного, где можно перекусить, в округе нет".

Я понимаю, что от материального вопроса все-таки не уйти... Раньше адвокату не разрешалось зарабатывать в месяц больше трехсот рублей. Так оно часто и происходило само собой. Но не менее часто бывало, что адвокат, заключая с клиентом официальный договор и сдавая его на регистрацию в своей коллегии, указывал далеко не всю оговоренную сумму. Разницу он, разумеется, клал в свой карман. И называлась эта разница минст. Присматривающее за коллегиями Мини-

стерство юстиции вяло боролось с этим, понимая, что бороться бессмысленно. Но время от времени кого-то из нашего брата ловили, устраивали показательную гражданскую казнь — выгоняли адвоката с волчьим билетом в зубах. В наше время ничего такого, конечно, нет. Зато есть налоги и отчисления в общий котел коллегии. Необъявленные гонорары — это теперь личное дело получающего их человека. Не поймают — черт с тобой. Поймают — налоговая полиция из тебя душу вытрясет. Но я не слышал, чтобы ловили и трясли.

А в целом стало так: появился рынок. Возникло множество новых адвокатских объединений. Да и любой гражданин нынче может защищать интересы другого гражданина в уголовном суде. Расплодилось множество халтурщинов. У них иной раз нет юридического образования. А стоят они куда дешевле профессионального защитника. Так что озабоченный защитой своих прав гражданин стоит перед выбором: нанять хорошего, но дорогого адвоката, или плохого, но относительно дешевого. Только на хорошего адвоката денег у населения нет (это несколько сотен долларов). У многих нет средств и на дешевого (это несколько тысяч рублей). Человек вправе потребовать бесплатного адвоката, но все прекрасно понимают, что толку от такого специалиста мало. Натуру не обманешь: каким бы честным и добросовестным ни был адвокат, он все равно станет отдавать предпочтение тому из своих клиентов, кто в состоянии оплатить его услуги. Многие вообще отказываются от защитника, резонно понимая, что эта формальность

может только затянуть процесс, а, следовательно, и пребывание в следственном изоляторе. Нет, думает отчаявшийся сиделец, надо быстрее уезжать в зону — из зоны куда больше шансов выйти живым и относительно здоровым, в зоне чистый воздух, не так тесно, лучше питание, там легче...

Было у меня несколько таких клиентов. Я — им: потерпите, есть немало шансов опровергнуть доводы следствия, доказательств вашей вины неочевидны... "Понимаем, — отвечали мне эти люди. — И вины нашей нет, а если и есть, то не в том, что пытаются навесить нам следствие. Но нет уже мочи терпеть. Погибаем. Потому и подписываем признание. Уж скорей бы суд. Вот на суде вы уж постарайтесь, чтобы срок поменьше был, режим помягче, а может, совсем повезет — дадут условно или с отсрочкой". "Что вы делаете?! — орал я. — Вы суда будете год ждать, в тюрьме сидючи. Сам суд продлится несколько месяцев. А кассация? Да и потом этапа будете еще ждать". "Следователь обещал в суде похлопотать"... И я со страхом думаю: сколько же у нас безвинных людей пошло по этапу — лишь бы вырваться из тюремного ада. Срок казался им избавлением!

Несколько лет назад защищал я одного старика. Человек этот всю жизнь занимался строительством и поближе к пенсии получил некую скромную начальственную должность в одном из московских районов. Никаких богатств он не скопил — жил с женой и дочерью в малогабаритной двухкомнатной квартире. Старой закалки человек — так о нем можно сказать. Но тут решено было в кани-

то высоких кругах дискредитировать одного из районных руководителей. А старик, которого мне пришлось защищать, на свою беду служил под началом этого уготованного к шельмованию человека.

И вот пришли к старику, арестовали, посадили в Бутырку и сказали, что для того, чтобы выйти на свободу, ему надо заложить своего начальника со всеми потрохами. А если старик на такую подлость не согласится, то его самого обвинят во взяточничестве. И тут же нашли трех кавказцев, которые готовы были подтвердить, что именно через старика передавал какие-то суммы своему начальнику. Это, конечно, выглядело полным бредом, но старику от этого легче не было. Старик начальника своего топить не стал... Я-то не исключаю, что у районного руководителя рыльце и впрямь было в пушку. Но старик о махинациях своего патрона не знал, а что-либо выдумывать отназвался напрочь. И, разумеется, попал под пресс. Нет, его не били, не допрашивали с пристрастием, не лишали передач и свиданий с женой. Его просто держали в Бутырке. В переполненной камере. По мнению следователей, выполнявших заказ вышестоящих инстанций, одного этого должно было хватить. Если не через месяц, то через два месяца старик должен был обязательно сломаться и подписать компромат на своего начальника. Старик не сломался и через полгода, и через год. Ему было отчаянно плохо. Отказывало сердце, он задыхался, рядом харкал кровью умирающий туберкулезник, перестали слушаться ноги. Но он не сдавался. Но и следователь стоял на своем. Между ни-

ми шел самый настоящий поединок. Следователю было уже плевать на само дело, которое все больше и больше разваливалось. Он хотел во что бы то ни стало дожать старика.

Я видел этого следователя. И, честное слово, ощущал, что с головой у него не все в порядке. Глаза у него бегали и в то же время излучали какой-то потусторонний свет. Есть, есть такие, которых увлекает сам процесс, которые пошли в следователи не ради карьеры, а для того, чтобы упиться своей властью над попавшими в их лапы людьми. Нормальный человек должен тяготиться такой властью. Она искусственна. Следователь получает ее не в силу каких-то личных своих качеств, но всего лишь в силу возложенных на него обязанностей.

Я был бессилён. Писал десятки жалоб. Пытался через суд изменить меру пресечения. Суд против прокуратуры не пошел. Видно, и суду приватно разъяснили, что в этом деле заинтересованы наверху. Старик оставался единственной надеждой следствия на то, чтобы выдвинуть пусть хилое, но обвинение опальному районному руководителю.

Но мой доверитель так и не сдался. Он писал замечательные письма жене. И она отвечала ему. Эти люди мужественно переносили свалившуюся на них трагедию. Рушился их мир. Рассыпались в прах убеждения, которые они хранили еще с комсомольской юности. И жили только встречей. Только в нее и верили. Больше им все равно верить было не во что. На все это было больно смотреть. Платить за мои услуги они не могли — прежние их сбережения съе-

ли гайдаровские реформы, отложенное на черный день быстро иссякло. Мог ли я их бросить? Уверен, что подавляющее большинство моих коллег никогда бы этого не сделало.

Он вышел из тюрьмы через два года. Дело было отправлено судом на дополнительное расследование. Держать старика в тюрьме на законных основаниях было уже нельзя. Он увидел свободу смертельно больным человеком. Рак уже грыз его. Но — вы не поверите — старик был счастлив. О раке он знал, но бодрился. После он несколько раз звонил мне. Благодарил. А я кричал, чтобы он не смел этого делать. Ведь я ничем не помог ему. Пусть не по своей вине — это все равно. Через полгода звонки прекратились. А я все никак не решался набрать его номер телефона. Да так и не решился...

Вот так и утверждаешься в давно уже не оригинальной мысли: наша юриспруденция начинается с наказания — наказанием и заканчивается. И будь ты хоть трижды невиновен, но ежели, не дай Бог, конечно, станешь ты объектом внимания наших органов, борющихся с преступностью, то тебя сначала подвергнут наказанию — посадят сперва в изолятор временного содержания (теперь так называют все ту же КПЗ), а потом отправят в следственный изолятор. А это и есть тюрьма. И пусть тебя признают потом невиновным, ты все равно уже срок отбыл. Хорошо еще, если несколько месяцев, а полгода, а год, а четыре года? А если следствие по твоему делу уже закончено, то и жаловаться-то некуда. Ты уже числишься за судом. А ко-

гда у него до тебя руки дойдут? А что такое российские тюрьмы — объяснять не надо: застенки, пребывание в которых всеми мыслимыми правозащитными организациями признано пыткой. А под пыткой человек может признаться в чем угодно.

И ведь что интересно: тебя все-таки признают виновным, хотя и первокласснику будет ясно, что ты чист перед законом, — и все потому, что ты уже отсидел. Ты уже отбыл реальный срок. Ты уже наказан. Оправдать тебя никак нельзя. Тогда ты получаешь возможность жаловаться на следствие, на прокуратуру, будоражить общественное мнение, требовать компенсаций. Вот суд тебя и приговаривает ровно на такой срок, какой ты уже отсидел. Иной раз в приговорах можно встретить экзотические цифры: Н.Н. приговорен к одному году, двум месяцам и пятнадцати дням. Хотя, конечно, чаще округляют. В большую, само собой, сторону. Такие приговоры у нас нынче считаются оправдательными.

Перерыв кончился. И перед судом предстал первый свидетель — милиционер. Рассказ его изысками не отличался. В тот вечер они с напарником разъезжали в своей "канарейке" по закрепленной территории. Услышали шум. Подъехали поближе. Уже в пешем порядке обогнули гаражи. Увидели подсудимого, бьющего потерпевшего обломком трубы. Схватили. Пресекли. Надели наручники. По рации вызвали подмогу, попросив заодно, чтобы из дежурной части позвонили в "скорую". "У адвоката есть вопросы к сви-

детелю?" "Есть. В каком виде был обвиняемый?" "В крови. Пьяный". "Почему вы решили, что пьяный?" "Да ведь заметно было". "А у вас что — был с собой прибор для определения содержания винных паров в выдохе?" "Нет". "То есть, это ваше личное мнение?" "Мое". "Обращаю внимание суда, что в деле отсутствуют данные наркологической экспертизы на предмет содержания в крови моего подзащитного алкоголя на момент совершения преступления. Скажите, свидетель, мой подзащитный оказывал вам сопротивление при задержании?" "Да вроде нет". "Не надо гадать. Постарайтесь ответить точно". "Ну не оказывал". "Однако на предварительном следствии вы утверждали, что вам было оказано сопротивление. Как это понимать?" "Ну я в горячке был, могло и показаться". "Значит, вам это всего лишь показалось — так?" "Да". "Вы сказали, что подсудимый бил потерпевшего обрезком трубы. Вы видели эту трубу?" "Видел". "Вы отняли ее у нападавшего?" "Да". "И что потом сделали с ней?" "Отбросил". "Куда?" "Не помню, в сторону куда-то". "В какую именно сторону, вправо, влево, вперед, назад? Постарайтесь вспомнить". "Влево, кажется". "Допустим. Далеко?" "Нет, там узкое место". "То есть, обломок должен был остаться на месте преступления?" "Должен". "Вопросов больше к свидетелю не имею. В связи с допросом свидетеля считаю необходимым обратить внимание суда на следующее обстоятельство. Как видно из схемы места преступления, убийство

было совершено в узком проходе между двумя рядами гаражей. Так что отброшенный свидетелем обломок трубы неизбежно должен был попасть в стенку гаража, отскочить и остаться на месте преступления. Однако в протоколе осмотра места происшествия нет никакого упоминания об этой трубе. Тем более, об ее изъятии. В обвинительном заключении можно прочесть, что мой подзащитный заранее приискал орудие убийства. На предыдущем заседании он утверждал, что не помнит, чем он бил пострадавшего. Данные психиатрической экспертизы свидетельствуют, что он перенес в детстве черепно-мозговую травму, эксперты не исключают, что одним из ее последствий могут быть провалы в памяти. Так что у нас нет оснований не верить ему. Но чем тогда был убит потерпевший? Согласно только что выслушанным показаниям свидетеля орудие убийства должно было остаться рядом с трупом. По крайней мере не далее двух-трех метров от него. Но где же оно — это орудие? Среди вещественных доказательств оно не фигурирует. На основании только что сказанного ходатайствую о вызове в суд работника органа дознания, следователя и эксперта-криминалиста, которые участвовали в производстве осмотра места происшествия и изъятии с него вещественных доказательств. А также присутствовавших при этом понятых".

И опять взвился прокурор, протестуя против ходатайств. И опять суд удалился на совещание.

Мне стало понятным, куда гнет Николай. Парень-то на суде своей вины не признал. Сказал, что шел мимо гаражей, услышал стон, подошел, увидел умирающего человека, склонился над ним, перепачкался его кровью, попытался приподнять разможенную голову... Тут его и застала милиция.

Николай повернулся к своему подзащитному и стал что-то тихо внушать ему. Тот время от времени кивал. Закончив беседовать с подзащитным, Николай предупредил женщин, чтобы они позвали его, когда вновь начнется заседание. И мы вышли.

Главная задача адвоката состоит вовсе не в том, чтобы освободить от наказания преступника, а в том, чтобы его наказали правильно. Если выдвинутые мною аргументы невиновности подзащитного будут грамотно, логично и законно опровергнуты обвинением, то — извините. Вы, батенька, злодей. Место вам в тюрьме. Но коли сделано этого не будет, коли хотя бы один из моих аргументов останется неопровергнутым, тоже — извините. Выпускайте человека на свободу и считайте его невиновным, поскольку обратного не доказано. На том со времен Древнего Рима держится уголовная юриспруденция. Замечу, что законы, по которым государство сажает своих граждан в тюрьмы, подчас бывают очень лукавы. В 30-40-е годы у нас ведь сажали тоже по закону. А тогдашний закон допускал особые совещания — председатель суда, прокурор и начальник НКВД. О защитнике и речи быть

не могло. Подсудимого, и того в заседание не вызывали.

Нынешние законы, конечно, далеки от совершенства. Но если вспомнить историю отечественной адвокатуры советского периода, то жаловаться грех. Уже одно то, что адвокат сегодня может принять участие в деле с момента задержания гражданина — благо для России великое, хотя в 90 процентах случаев нарушаемое дознанием и следствием. Ну, а о суде присяжных мы десять лет назад и помыслить не могли.

Однако почти все, в том числе и прокуроры с судьями, уверены, что защитнику надо одно — за полученные от обвиняемого деньги во что бы то ни стало, всеми правдами, а пуще неправдами освободить его от ответственности и тем поправить справедливость. Те, кому довелось побывать на уголовных процессах, наверняка заметили одну особенность: судья весьма лояльно ведет себя с прокурором и не упускает случая нахамить адвокату. Судья сочувственно выслушивает любую прокурорскую галиматью. И чуть ли не зеваёт во время выступления защитника. А потом приговор слово в слово повторяет обвинительное заключение, а по поводу доводов защиты туда вписывается одна фраза насчет того, что они не нашли подтверждения в ходе судебного заседания. Не нашли, потому что не искали. Не нашли, потому что не были услышаны.

Я и сам множество раз ловил себя на ощущении, что говорю в пустоту, что выступаю перед стеной, от которой отсканивает горох. И это ощущение знакомо на-

ждому — вот в чем ужас-то! — адвокату.

Нас позвали в зал. Судья зачитал решение. На следующее заседание вызывались все те, кого и просил вызвать Николай. Потом судья объявил перерыв и назначил время следующего заседания. Конвой приказал всем выйти из зала. К судебному столу бросилась мать сидящего за решеткой парня. Что-то стала говорить судье. "Хорошо, — ответил судья. — Начальник конвоя... Я разрешил, пусть поговорит. Минут десять". "Да ведь время у нас...", — начал было возражать сержант. "Ничего. Другие процессы еще не кончились, так что успеете его со всеми отправить". "Идите, мамаша, вот тут сядьте, — распорядился конвоир. — Только ничего не передавать. Прочих прошу освободить помещение".

"Мне надо ее дождаться", — сказал Николай.

Я скептик. В какую-либо результативность обещанной судебной реформы не верю. Для того, чтобы она стала реальностью, надо не законы переделывать — людей, государство, страну. Для этого нужна другая психология. Будем откровенны — сие невозможно. По крайней мере в обозримом будущем.

Ну, хорошо. Изменим законы. А люди, исполняющие их, останутся теми же. И они по-прежнему всякого представшего перед ними человека заранее будут считать преступником. У нас не привыкли отправлять правосудие. У нас привыкли судить. То есть, осуждать. Судья, прокурор, следователь по-

лучают огромную власть над людьми. Есть такие, кто осознает свою ответственность за умелое пользование этой властью. Есть такие, кому все до лампочки, кто просто тянет ляжку. Это хотя бы терпимо. Но я встречал и таких, кто этой своей властью упивался. Именно они-то потом чаще всего и выходят в большие юридические начальники. Они-то и формируют правовую политику... Кто в пределах района, кто области, а кто и государства.

Много говорят о судебной независимости. Нет, милостивые государи, никакими "эпохальными" законами этой независимости не добиться. Я и в прежние времена знавал судей, которые были по-настоящему независимы. Они разбирали дела, сообразуясь только с законом: и тем писаным, от имени которого они выносили приговор, и тем внутренним нравственным законом, о котором писал Иммануил Кант и который мы чаще всего зовем совестью. Есть такие судьи и сейчас. После общения с такими судьями я понимал, что и я работаю не зря.

Да что там рассуждать о столь "высоких материях". Организация судебной работы в России безобразна до полной невозможности. Прежде всего в районных судах. В месяц судья должен рассмотреть несколько десятков дел. Вникнуть в суть каждого дела, разобраться с каждой человеческой судьбой невозможно. Поток! Конвейер! Все делается по шаблону. Именно в этом кроется одна из главных причин тех чудовищных приговоров, о которых нынче пишут в газетах и говорят по телевизору — это когда голодного старика сажают на пять лет за кражу старого вело-

сипеда или двух мешков с отрубями. Непонятно было разобраться, некогда было понять. Хотя, с другой стороны, прокуратура почти никогда не опротестовывает суровые наказания. Зато страсть как любит сочинять протесты по поводу мягкости приговоров. В свою очередь судьи не любят прокурорские протесты и побаиваются их, потому и карают по всей, как говорится, строгости.

В конце концов начинает твориться чертовщина. Из дела может пропасть все что угодно. Понятно бы, кабы по злему умыслу. Только умысел такой — явление относительно нечастое. Документы, вещественные доказательства исчезают из-за элементарной небрежности. Это в Москве у судей есть компьютеры. В российской глубинке судьи не знают, с какой стороны подойти к прибору. В одном из районных судов — я сам видел — добытые компьютеры (целых две штуки!) председателем суда были заперты в чулан. "Не работают?" — хотел я было посочувствовать. "Работают, только судьи на них в игры играют. За уши не оторвешь", — пояснил мне местный коллега. Да о чем это я! В судах писчей бумаги нет, ручек, конвертов, бланков для повесток. И почти нигде и никогда, простите за подробность, не работают туалеты.

Общение с клиентами — тоже особый пласт адвокатской работы. Я ни в коем случае не вступаю со своими доверителями и их родней в панибратские отношения. Прежде всего нельзя, чтобы тебя отождествляли с твоим подзащитным. А ведь большинство из них — люди не самого лучшего разбора. Вот, кстати говоря, почему адвокаты дороги: общение с каким-ни-

будь детоубийцей самым сильнейшим образом воздействует на психику. К тому же адвокат становится хранителем некоей тайны. А люди со своими адвокатами, как правило, бывают очень откровенны — не меньше, чем с врачами. А тайна эта может оказаться весьма гнусной. К тому же дружба с клиентом или с его близкими может наложить на адвоката определенные обязательства, которые далеко не всегда адвокат способен выполнить. И потом: это весьма двусмысленно получается — дружишь, а деньги-то берешь.

Ни в коем случае нельзя обнадеживать своего подзащитного. Даже в процессах, где тебе вроде как светит победа. Дело неожиданно для тебя способно принять самый неприятный оборот. С доверившимися тебе людьми надо быть — в отличие от медиков — предельно честным. Врач в силу тех или иных обстоятельств может скрыть от больного, что он неизлечим. Адвокату такая скрытность заказана. Подзащитный должен знать, что его ждет или может ждать. "Меня могут расстрелять?" — спросил меня клиент, признавшийся и изобличенный детоубийца. "Могут", — ответил я. "Тогда зачем мне адвокат?" "Затем, чтобы вы не упустили шанс хотя бы чуть-чуть снизить степень своей вины. Это "чуть" может означать жизнь. Впрочем, если вы считаете, что адвокат вам не нужен, то давайте расстанемся. Ваша мать не будет тратить деньги, а я время".

Знаешь, когда я почувствовал, что мне все-таки надо было стать адвокатом? Участвовал я в одном процессе — в северном областном городе. Тамошние прокуроры воз-

намерились посадить трех мужиков за предпринимательскую деятельность — время еще стояло на дворе махровое. Я защищал одного из них. Вины на них, конечно, никакой не было. Наоборот, они пользу приносили. Но чтобы прочим не было повадно, бросили их за решетку. Районный суд передал прокуратуре не стал. Оприходовал мужиков на восемь лет. Но все в этом деле было шито белыми... точнее, черными нитками. Дошло дело до областного суда. И тот их оправдал. Это сейчас собираются разбирать нассационные дела в присутствии подсудимых, а тогда и мысли о таной возможности не возникало. Были они в суде, их бы тут же освободили. А так пришлось мне со своими коллегами мчаться с определением в местную тюрьму. А время уже к вечеру... Запросто могли бы нас тюремные власти послать, отложив освобождение до утра. Однако не послали. Прониклись. Лишняя ночь в тюрьме... Да еще тогда, когда знаешь, что уже свободен... А они знали! Такие известия до тюрьмы долетают мгновенно. Схватили мы наших мужиков, привезли на квартиру к одному из них. Он жил в городе, а прочим надо было добираться в свой район — на ночь глядя не поедешь. Накрыли нехитрый стол. Все пьют, радуются, плачут. А мужики сидят и ни черта не могут понять... Водка им с деликатесной колбасой в горло не лезет. Вот она — свобода! Вокруг тебя! В тот вечер у них были глаза мудрецов. В те минуты они любили весь мир и всех, живущих в нем людей. Даже своих супостатов...

Тот вечер и стал откровением, которое предопределило всю мою оставшуюся жизнь. ■

Первый космический дом

Свершилось... Как—то просто, тихо и до обидного буднично человечество вступило в новое тысячелетие. Тысячелетие, которое мы до того представляли себе, лишь читая научную фантастику. Вроде и век на дворе уже XXI, но все же реальная действительность сильно отличается от той картины, которую нам рисовали писатели-фантасты и даже серьезные ученые-футурологи всего-то лет 20-25 назад. Все так же ширнает метлой по щербатому асфальту по утрам дворник дядя Вася, все так же народ пытается влезть в переполненный автобус по дороге на работу... В общем, скучно, граждане. Ни тебе обещанных флаеров, ни тебе восторженных отчетов по TV о пыльных тропинках далених планет, ни тебе роботов домашних. Последние, правда, все же существуют, но к кибернетике не относятся, поскольку в обиходе именуются женами. Что же произошло? Тормозим?

Скорее всего, нет. Просто научно-технический прогресс избрал другую область для следующего рывка.

Писатели и ученые 60-70-х годов в своих прогнозах основывались на убеждении, что прогресс

будет развиваться в основном в той же области, что и почти весь XX век — а именно в области авиационных технологий. Внимательный читатель припомнит, что фантасты пророчили освоение Марса и Венеры где-то в 90-х годах прошедшего столетия. При этом по нижним страницам во множестве летали и ездили всевозможные планетарные машины и межпланетные корабли, в устрашающем количестве увешанные стрелками индикаторов, рубильниками и тумблерами. Герой такого романа вполне мог звонить из Москвы на Марс путем кручения диска на телефонном аппарате.

В реальном мире очередной скачок прогресса пришелся на информационные технологии. В итоге в нашу жизнь прочно и окончательно вошли Интернет, мобильные телефоны и лазерные проигрыватели. Впрочем, об этом мы уже не раз писали.

Что же касается космических успехов человечества, то они на сегодняшний день более чем скромны. Земля не вступила в новое тысячелетие в победном гrome космической экспансии, и никто пона не собирается прокладывать дорогу к звездам. Самым ам-

бициозным проектом человечества на сегодняшний день является создание Международной космической станции. Что же это такое и для чего сей проект может послушать?

Идея создания Международной космической станции (МКС) "Альфа" обрела более или менее материальное воплощение в самом начале 90-х годов. Переход же от проектов к конкретным действиям произошел в 1995 году, когда директор НАСА Дэниел Голдин убедил Президента США Билла Клинтона в необходимости ежегодного расходования на программу "Альфа" 2,1 млрд. долларов в течение семи лет. Немаловажным фактором стало согласие России участвовать в этой программе. Проект стал действительно международным после присоединения к нему Европейского космического агентства (ЕКА), Канады и Японии.

Лишь в середине 90-х стало ясно, что орбитальная станция всё же будет построена. К этому времени уже пал "железный занавес", и в работу по созданию орбитальной станции включилась и Россия, имеющая в своём активе богатейший опыт производства космической техники.

Первоначальное название орбитального комплекса — "Альфа" — постепенно вышло из употребления, уступив место аббревиатуре МКС.

Общий внутренний объем станции после сборки на орбите составит 1217 куб.м, масса — 377 т, из них 140 т — российские компоненты, 37 т — американские, 100 т топлива. Планируемое время работы станции на орбите — 15 лет. Американцы уже завершили сбор-

ку научной лаборатории длиной 8,5 м и приступили к работам над жилым модулем. В высокой степени готовности находятся стыковочные блоки "Нод-1" и "Нод-2". В рамках программы "Альфа" большая нагрузка ляжет на многообразные космические корабли (МНК) "Дискавери", "Атлантис" и "Эндевор". За один рейс каждый из них способен доставить на орбиту "Альфы" до 21 300 кг грузов. Основным средством выведения на орбиту грузов будет ракета-носитель (РН) "Протон".

Центральной частью станции станет функционально-грузовой блок (ФГБ), состоящий из приборно-герметичного отсека и герметичного адаптера, разделенных герметичным сферическим днищем. По размерам и основным элементам конструкции он аналогичен существующим модулям "Квант-2" и "Кристалл". Диаметр блока — 4 м, длина — 13 м, масса — 19,34 т. ФГБ будет использоваться как часть обитаемого пространства станции, а также для обеспечения ее электроэнергией и хранения топлива. Модуль создается на основе центральной части российской станции "Мир-2"; в нем космонавты будут жить и проводить эксперименты. Европейцы разрабатывают лабораторию "Нолумбус" и автоматический транспортный корабль ATV под ракету-носитель "Ариан-5".

Сооружение "Альфы" началось в ноябре 1997 года, когда наша ракета-носитель "Протон" вывела на орбиту ФГБ, обеспечивающий электроснабжение, управление, связь и температурный контроль для всей станции.

Фактическое строительство Международной космической

станции началось с того, что на орбиту были выведены российский модуль "Заря" и американский "Юнити". Именно функционально-грузовой блок "Заря" стал главной частью орбитального комплекса на начальном этапе. Этот модуль был создан для энергоснабжения станции и проведения маневров на орбите. Кроме того, до запуска модуля "Звезда" именно на "Зарю" были возложены функции поддержания связи с Центром пилотируемых космических полётов им. Линдона Джонсона в штате Техас, откуда осуществляется частичное руководство монтажными работами. Внутреннее пространство "Зари" разделено на две зоны — приборную и жилую. В приборной зоне размещены блоки бортовых систем. После завершения строительства комплекса модуль "Заря" будет использоваться преимущественно в качестве грузового блока для хранения оборудования и топлива. Вторым элементом Международной космической станции стал американский модуль "Юнити". Он имеет цилиндрическую форму и является по сути дела связующим элементом между жилой и рабочей частью станции. Именно к сделанному из алюминия блоку "Юнити", длина которого превышает пять метров, будут пристыкованы остальные модули.

Первый раз люди ступили на борт Международной космической станции в декабре 1998 года. Это были американский астронавт Роберт Кабана и российский космонавт Сергей Крикалёв, которые прилетели на американском корабле многоразового использования "Индевор". Согласно договорённости, Крикалёв и Кабана одновре-

менно протиснулись внутрь Международной космической станции. Двумя днями ранее американские астронавты Джерри Росс и Джеймс Ньюман совершили первый выход в космос в рамках программы сборки МКС. Они, в частности, произвели стыковку электроразъёмов модулей "Заря" и "Юнити".

В течение последующих месяцев на орбитальную станцию были доставлены инструменты и оборудование. Так, в мае 1999 года американские астронавты Даниэл Барри и Тамара Джерниган установили на поверхности комплекса подъёмные краны, которые предназначались для дальнейшего монтажа МКС. В июле 2001 года к станции в автоматическом режиме был пристыкован российский служебный модуль "Звезда". Он имеет три герметичных отсека и четырнадцать иллюминаторов, некоторые из которых предназначены для фотографирования Земли. Внутри модуля оборудованы спальные места для астронавтов, имеется небольшая кухня (предусмотрен даже холодильник), тренажёры (в том числе беговая дорожка) и рабочий стол. Ещё в течение нескольких месяцев на борту блока "Звезда", который весит 19 тонн, будут находиться системы жизнеобеспечения, электроснабжения, обработки данных и управления полётом и двигателями.

Именно модуль "Звезда" стал временной квартирой для участников первой длительной экспедиции на Международную космическую станцию. Общее руководство было возложено на американского астронавта Уильяма Шеперда, командиром корабля

"Союз" и пилотом МКС стал российский космонавт Юрий Гидзенко, а функции бортинженера возложены на его коллегу Сергея Крикалёва. Члены экипажа прибыли на борт орбитального комплекса в начале ноября и пробыли там в общей сложности три месяца. Затем их сменила следующая экспедиция. Новый экипаж планируется присылать на МКС каждые полгода. В первое время в состав "космической команды" будут входить преимущественно россияне и американцы. В основном они будут заниматься пусконаладочными работами. Впрочем, представители Старого света также готовятся к приключению на орбите.

Действительно, исследовательская лаборатория "Columbus" является гордостью Европейского космического агентства ESA. Этот самостоятельный модуль весом почти в десять тонн имеет длину 6,5 метров, а его диаметр — 4, 5 метра. Самое активное участие в строительстве лаборатории принимают специалисты немецкого аэрокосмического концерна ДАЗА. Модуль "Columbus" будет состоять из десяти отсеков, что позволит проводить до пятисот экспериментов в год! Впрочем, это не единственный вклад Европы в один из самых дорогостоящих международных проектов. Многие предприятия Старого света выполняют сейчас в буквальном смысле "космические" заказы. При этом около сорока процентов от общеевропейского объема работ приходится на долю Германии. В Европе строятся два так называемых соединительных узла для Международной космической станции. В этой работе принимают участие и

немецкие инженеры. В частности, создаётся специальный манипулятор, который будет использоваться при монтаже солнечных батарей. Немецкие фирмы будут также поставлять на станцию лабораторное и компьютерное оборудование. Кроме того, Германия стала фактически главным исполнителем заказа по изготовлению бортового компьютера, установленного на российском модуле "Звезда".

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что порой очень трудно занести создание того или иного технического компонента МКС в актив какой-то одной страны. Например, изготовление транспортного модуля ATV координируют немцы, но в разработке привода и стыковочного блока принимает участие и российская сторона. Управление же модулем будет осуществляться через контрольный центр во французской Тулузе.

Многие задаются вопросом, почему же, собственно говоря, ведущие мировые державы решились на участие в дорогостоящем амбициозном проекте, который не сулит никакой сиюминутной выгоды? Во-первых, они надеются, что выполнение заказов для космической отрасли будет стимулировать развитие наукоёмких технологий в других областях производства. Во-вторых, участники программы намерены вплотную заняться вопросами коммерческого использования космического пространства. Именно поэтому исследования, проводимые на борту МКС, будут носить в первую очередь прикладной характер. Есть и другие новшества. Например, Москва решила заменить обозначенный в проекте стыко-

вочно-складской блок на коммерческий многоцелевой модуль "Enterprise". Его разрабатывает Ракетно-космическая корпорация "Энергия" в сотрудничестве с компанией "Space Hab". Запуск модуля на орбиту планируется осуществить в 2003 году с помощью ракеты-носителя "Зенит". Руководство корпорации "Энергия" надеется, что блок "Enterprise" привлечёт внебюджетные средства, которые можно будет направить на финансирование строительства кораблей для Международной космической станции.

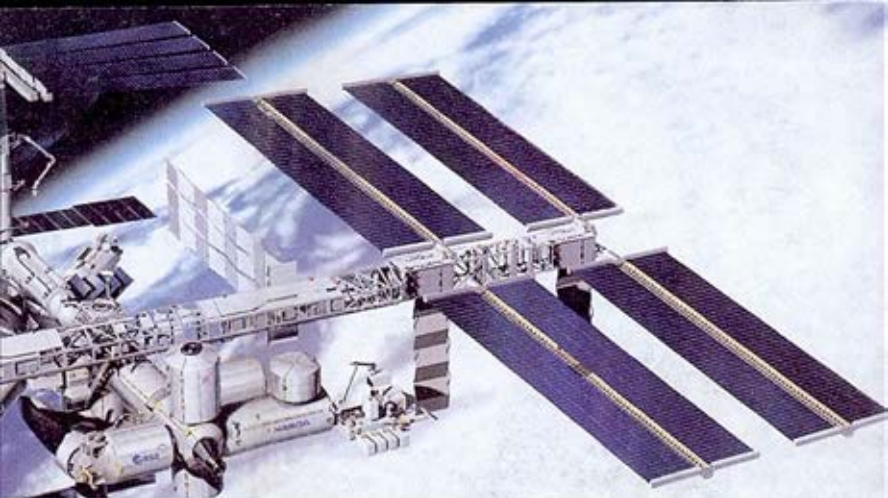
Практическую направленность имеют исследования не только в сфере коммуникационных технологий, но и в области медицины. Так, в невесомости легко моделируется процесс старения. Другой пример — на орбите значительно проще провести анализ протеина, который необходим для создания новых лекарств. Фундаментальная наука тоже не будет забыта. При помощи астрономических наблюдений космонавты попытаются раскрыть принцип расширения Вселенной. Планируется исследовать влияние гравитации на молекулярные структуры, а также про-

вести наблюдения за изменением свойств различных материалов в условиях космоса. Техническая база для решения этих и множества других задач будет создана в течение четырёх-пяти лет.

Почти сразу же после прибытия на станцию Шеперд Гидзенно и Крикалёв полностью смонтировали систему жизнеобеспечения "Электрон". Эта установка вырабатывает кислород из воды.

Обитатели Международной космической станции могут рассчитывать на расширение "космической жилплощади". Уже скоро к комплексу будет пристыкован второй жилой модуль, построенный в США. После этого общий объём внутренних помещений МКС значительно превысит размер пассажирского салона двухпалубного Боинга-747. Исследователям Вселенной будет где развернуться.

Если всё пойдет по плану, то станция будет полностью смонтирована к 2005-2006 году. Примерно в четырёхстах километрах над Землёй будет парить сложная конструкция, длина которой превысит 100 метров, а ширина будет равна 80 метрам — представьте себе 35-этажную башню,

летающую вокруг голубого шарика нашей планеты. Общий вес станции составит около пятисот тонн (приблизительно десяток современных тяжелых танков). В хорошую погоду её можно будет увидеть с земли невооруженным глазом. Планируется интенсивно использовать МКС как минимум до 2013 года. Средний гарантийный срок работы модулей — 15 лет.

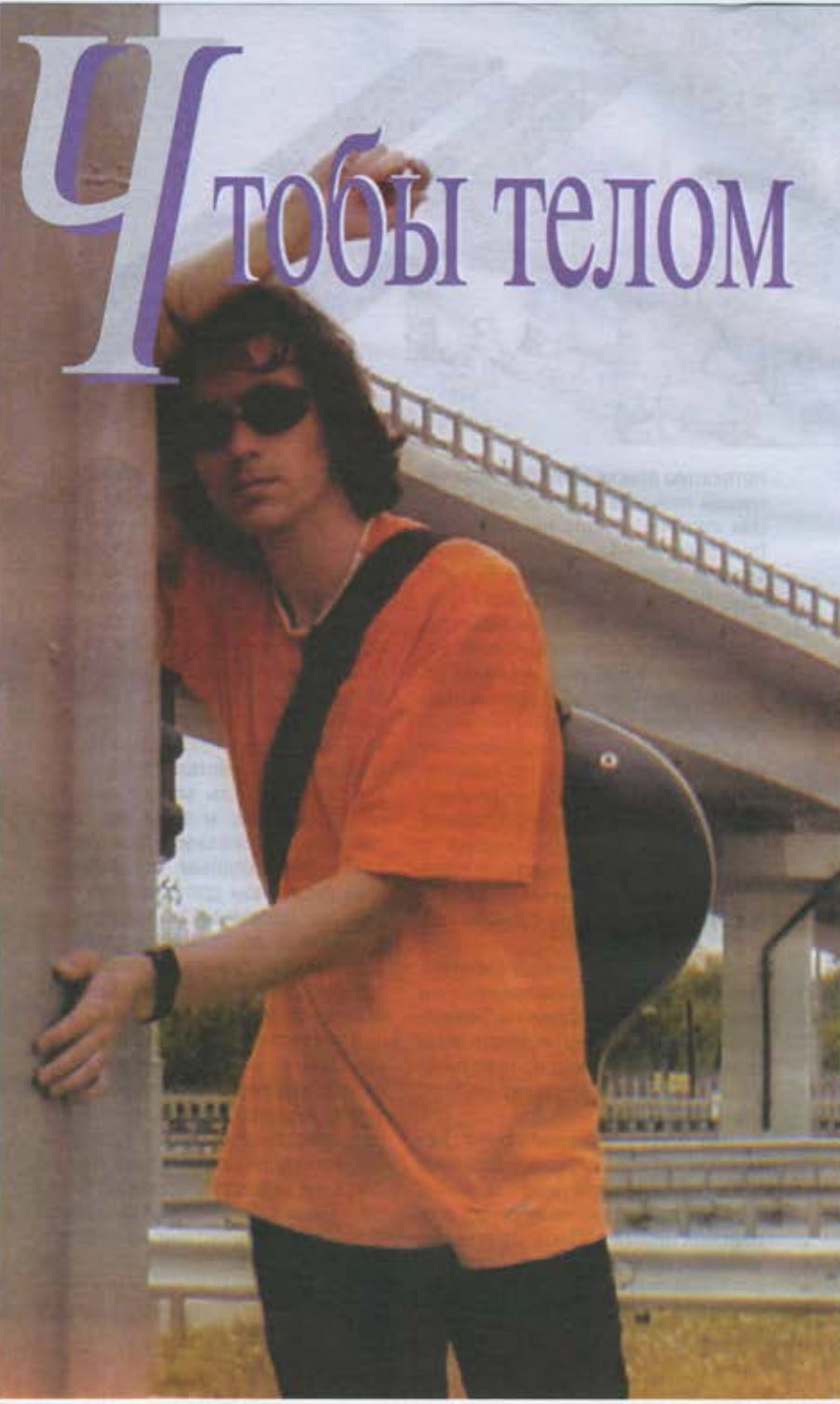
Идет время, и Международная космическая станция из смелого проекта превратилась в реально висящий на околоземной орбите космический дом. Сообщения с борта МКС тоже потихоньку переходят в разряд рутинных новостей. Что же происходит на станции сейчас?

На борту МКС начал работать новый российско-американский экипаж. Юрий Онуфриенко (командир), Дэниел Берш и Карл Уолц осуществили переход из пристыкованного корабля "Индевор" на борт станции.

Но главным техническим моментом стало переоборудование мест в спасательной шлюпке МКС, роль которой выполняет российский корабль "Союз", под новых жителей орбитального форпоста.

Итак, станцию человечество, предположим, построит, а дальше-то что? Во-первых, в космосе появится большая исследовательская лаборатория. А это в свою очередь даст много полезных и нужных сведений о космосе, расширит наши знания о нем. И, во-вторых, в отличие от "субмарин", которыми, по сути дела, являлись орбитальные станции XX века, МКС будет действительно первым домом человечества за пределами Земли. Пусть маленьким, но обитаемым. И, к тому же, этот первый космический дом послужит превосходным испытательным полигоном для создания следующих космических кораблей и внеземных поселений. Кстати, в ближайших планах Российского Космического Агентства значится поэтапная доставка на МКС частей проектируемого марсианского корабля и их испытания в условиях космического пространства. И, будем надеяться, что хоть и с опозданием по сравнению с прогнозами, но все же зацветут яблони на Марсе и вырастут города на Венере. Ведь, как известно, самое большое путешествие начинается с малого шага. ■

У Тобы телом

И ДУШОЙ...

По опросам музыкальных изданий он вошел в первую десятку лучших исполнителей за прошлый год. Сам пишет музыку и тексты к своим песням — романтическим, веселым, иногда и прикольным. Не чужда ему и социальная тема — призыв к здоровому образу жизни, в частности, отказ от наркотиков. И это вполне понятно, ведь Денис, известный на эстраде как Доктор Александров, врач по профессии.

— Когда-то медицинский институт поставлял (конечно, кроме врачей) писателей-сатириков, а теперь, оказывается, может пополнять и нашу эстраду. Денис, после защиты диплома вам пришлось работать по специальности?

— Конечно. Даже в Москве, в Склифе врачом-рентгенологом в приемном отделении трудился почти год. Платили не ахти как, зато было время заниматься музыкой, писать песни. А потом меня под благовидным предлогом уволили. Дело в том, что я приехал покорять Москву из Иркутска, и у меня не было столичной регистрации. Кадровики почему-то только через год спохватились, что взяли на работу бомжа. Но расстались довольно мило, без взаимных обид.

— Так вы родом из Иркутска?

— Я родился в Усть-Илимске Иркутской области. Кстати, красивейший сибирский город, в нем много молодежи, все девушки — красавицы. А в Иркутске я закончил медицинский институт.

— Почему же вдруг решили стать музыкантом?

— Вдруг никогда просто так не бывает. Я всегда увлекался музыкой. В детстве был жутким непоседой, и единственное, что заставляло меня утихомириться — взять в руки гитару. Вся округа собиралась в нашем дворе, чтобы послушать мою игру. В десять лет пошел в музыкальную школу по классу баяна. С удовольствием проучился шесть лет. До сих пор благодарен своим преподавателям. Они много мне дали.

— Что же дальше не продолжили музыкальное образование?

— Мои родители — медики. Они-то и сыграли решающую роль в выборе профессии. Им хотелось, чтобы я продолжил славную традицию семьи Александровых. Бывало, как бы невзначай объясняли мне происхождение и последствия некоторых заболеваний, обучали латыни и расшифровывали названия лекарств. Все делали, конечно же, с дальним прицелом. После долгих уговоров родителей сдал документы в медицинский. По окончании института, год проучился в интернатуре по рентгенологии.

— То есть, сплошная медицина и никакой музыки?

— Что вы! Ни одна студенческая вечеринка или КВН не обходились без моего участия. Девчонки прозвали меня Динотом Ридом за то, что я ни на миг не расставался с гитарой. На каждый мой день рождения друзья дарили мне гитары разных размеров. У меня их скопилось более двадцати. Во время учебы судьба свела меня с замечательным педагогом — Жанной Лещенко, нет-нет, она никакого отношения к Петру или Льву Лещенко не имеет. Жанна научила меня правильно петь, поставила голос.

— А почему решили перебраться в Москву?

— Еще в институте, когда стал писать песни, понимал, что в Иркутске добиться успеха нереально в силу множества причин. Ведь ни для кого не секрет, что весь шоу-бизнес сосредоточен в Москве. Именно здесь возможна полная самореализация. И вот вышел я из вагона на Ярославском вокзале и подумал: "Ну

что, Денис, вот тебе и Москва, завоевывай!" А как ее завоевать без денег и связей? Помог друг, без него вряд ли бы что-нибудь получилось. Собственно, он и надремал записать кассеты с моими песнями и предлагать их всем подряд. Что я и сделал.

— Кто-нибудь из певцов оказал на вас влияние?

— Я вырос на музыке "Битлз" — это и определило все мои музыкальные пристрастия в дальнейшем. Мы с друзьями с великим трудом доставали их песни и, помнится, слушали ночами напролет. А начиналось все с магнитофонных бобин моего отца, который в молодости увлекался музыкой и слушал все, что было в то время доступно: редкие записи "Битлз", "АББА", "Бони М"... Из наших — Высоцкого, "Машины времени", Пугачеву, Антонова. Мне было тогда лет пять, я очень любил Высоцкого, гонял катушки с записями и знал почти все его песни наизусть. С началом перестройки некогда судные прилавки музыкальных магазинов буквально заполнились пластинками хорошего качества. Я по мере своих финансовых возможностей скупал все подряд, а если денег не доставало, покупали вскладчину с друзьями. Переехав в Иркутск, просто утонул в океане новой музыки. Но самое главное, увлекся джазом и блюзом! Я понял, эта музыка способна сделать любого человека чище, добрее... Хочется постоянно развиваться, чтобы достичь совершенства и сыграть на гитаре песню, от которой мурашки по коже...

— Как можно определить стиль Доктора Алесандрова?

— Наверное, стиль не важен, главное, чтобы песни нравились, чтобы они были написаны с душой. Музыка для меня — способ выражения мыслей, ощущения мира. Несколько песен написаны в память о дорогих мне людях, которых уже нет в живых. Много веселых, которых сейчас на нашей эстраде так не хватает. Песня не должна "грузить", она очищать должна, нести добро. Вот и я своими песнями хочу рассказывать людям о мире, любви!

— На одного желания сегодня мало, нужны деньги для раскрутки, для съемки клипов, выпуска альбомов. Кто занимается вашим продвижением в шоу-бизнесе?

— Безусловно, талантливый продюсер может сделать эстрадную звезду даже из человена, не имеющего ни слуха, ни голоса. В таких случаях помогает дорогая техника, огромные деньги. Но хороший исполнитель все же может найти дорогу к слушателю, хотя это сложнее во много крат. У меня нет богатых спонсоров, но есть друзья, которые мне помогают. Например, разносят демо на все радиостанции. В итоге мои песни звучат сразу на четырех станциях. И денег мы ни копейки не платили...

— Вы так и будете всегда зваться Доктором?

— А что, очень даже неплохо звучит, тем более что в музыку-то я пришел уже будучи доктором.

Беседовал

Рамазан РАМАЗАНОВ.

асфальтовыи

КАРТ (англ.) — гоночный микролитражный автомобиль упрощенной конструкции без кузова, предназначенный для соревнований на небольшой площадке.

(Из словаря)

История в самых общих чертах

Теперь вы точно знаете, что такое карт. Я хотел было переписать еще и определение слову "картодром", но в словарях, оказавшихся под рукой, такого термина обнаружить не удалось. И это вполне символично: у нас в стране настоящих картодромов — стадионов, где гоняют на картах, — что называется,

раз, два — и обчелся. (Были раньше, в эпоху СССР, известные картодромы в Прибалтике, в Киеве, Минске, но сейчас это заграница.) В дальнейшем зарубежье таких картодромов и картодромчиков пруд пруди: это и крупные инженерные сооружения, и уютные специальные площадки в парках, скверах или даже в школьных спортивных комплексах. Пришел, уплатил деньги и на-

Вираж

ность на дорогах, почему процветает безграмотность и бескультурие водителей? Не видите связи? Ну, извините, это же элементарно! Если человек с молодых ногтей, как говорят, грамотно водит машину (пусть даже миниатюрную), то это меньше — на всю жизнь! Между тем все знаменитые гонцики "Формулы-1", включая Шумахера, именно на катках совершали свои первые спортивные подвиги, а это, согласитесь, тонке о чем-то говорит...

Есть ли выход? Спросите, что полегче. А я вам предлагаю истории трех моих собеседников.

Александр Гаретный: история любви

— Не стану "заливать", что с детства мечтал о карьере автогонщика или автоменеджера. Вырос я на окраине Москвы, и все было обычно: школа, футбол, работа тонарем на НПО "Энергия", потом ар-

Александр Гаретный.
тайся сам, или пусть катается твой ребенок — научиться ездить на этом автомобильчике можно буквально за десять минут. У нас же во многих городах картодромами считаются площадки с более или менее щербатым асфальтом, на котором уложены старые автомобильные покрышки. Это "резиновое ограждение" и образует трассу. Каково техническое обеспечение, таково в стране дела и с картингом, — они плохи.

А теперь скажите, почему у нас в стране так высока аварий-

мия, институт коммерческого профиля — в общем, ничего особо примечательного. Разве что... да, все началось с того, что пристрастился смотреть гонки "Формулы-1". Сначала, конечно, по телевизору, а потом так увлекся, что решил их "вживую" увидеть. Понравилось. Германия, Австрия, Швеция... Однажды в самолете предложил соседу распить бутылку пива — оназлось, он тоже летит "формулу" смотреть. Так мы с Женей Нолмыновым стали "болеть" уже вместе. Там же, за границей, попробовали нататься на картах и... мечтать, как построим в Москве свой картодром, пронат организуем, отберем самых способных ребятешен, создадим команду... А почему бы и нет? Что, у нас меньше талантов?

Принялись присматривать место — где бы воображаемый картодром приземлить. Приглянулся пустырь в Северном Медведковом, на берегу Яузы. Метро в пяти шагах, и есть гарантия, что никто на это ме-

сто не позарится: водоохранная зона! Мы ведь уже точно знали, что картодром в экологическом смысле — совершенно чистый объект, если строить по современным стандартам. А мы иначе строить и не согласились бы: нинаних скидон "на бедность". И, знаете, сейчас убеждаемся, что в наше время именно так и надо начинать новое дело: создавать все по самым высоким меркам. Пусть это высокопарно звучит, но жить в новом вене — это не просто перенинуть листон календаря.

Тогда только начинался 1999 год. Мы ходили по пустырю, обмеряли его шагами. Сюда свозили грязный снег с улиц: экология та еще. Пустырь — слишком хорошо звучит: на самом деле — свалка, залени мусора, кладбище строительных обломков...

Не это нас пугало. Трудно было идти по кабинетам, убеждать, докучивать. И с самого начала нам, можно сказать, повезло. Глава управы "Северное Медведново" Генрих Касперович сразу заинтересовался проектом — посмотрел наши любительские чертёжи, схемы, расчёты. Наметься, и убеждать особо не пришлось. Кстати, когда мы шли к большим начальникам, которые, казалось, очень далеки от спорта и легкомысленных проектов-проектов, то разговоры получались серьезными, конкретными, по-настоящему деловыми. А когда пошли за помощью к спортивным деятелям — с нами и говорить-то не захотели: мол, вас там много тут ходит, а у нас есть вопросы поважнее. Подумав, мы рассудили, что такое их невнимание — к лучшему.

Мы ведь учебный центр создаем, а не трассу для международных официальных соревнований — вот и будем учиться сами организации учебного процесса, комплектации спортивной команды, проведению соревнований. Решили, что будет у нас "Русская школа картинга "Пилот" — не больше, но и не меньше. До сих пор мы были просто любителями, а теперь картинг — главное дело жизни. Что же, будем любить спорт профессионально!

Евгений Колмыков: история — это мы?

— Вроде бы совсем недавно, в октябре 2001 года мы в торжественной обстановке открывали наш картодром. Когда разрезали красную ленточку над трассой, я, помню, подумал: а ведь это новая веха в истории Медведнова... Село — почти ровесник Москвы, им владел некий Медведна, которому князь Юрий Долгорукий даровал сию землю — так, кажется, сказано в летописях. А теперь и мы с Сашей Гартным несем ответственность за небольшой клочок этой земли — за маленький участок столицы. Выходит, мы тоже стали теперь строчкой в летописи? Забавно... Но если серьезно взглянуть — это, знаете, такая ответственность!

Когда мы только начали строиться, к нам иногда подходили местные жители. Выяснив, что здесь будет картинговая трасса, многие возмущались: вот, шуметь начнете под окнами! Мы объясняли, что карты почти бесшумны. От них ни вони, ни грязи — зато сколько подростков будут проводить свободное время здесь, а не в грязных подвалах! И взрослым сюда дорога не заказана. Все так, кстати сказать, и получилось, и сейчас не слышим ни

одной жалобы на шум... А поверили в нас еще тогда, когда мы стали вывозить отсюда мусор самосвалами: 67 рейсов, до сих пор помню.

И еще: только теперь мы можем оценить меру риска, который взяли на себя власти Северо-Восточного административного округа, когда решились дать нам, "бизнесменам без году неделя", эту землю в аренду и позволили начать стройку. Ведь если что — это они бы отвечали перед жителями: префект Ирина Рабер, ее заместитель по строительству Иван Худошин... Зато теперь могут гордиться: такого картодрома, как в Медведкове, нет ни в Москве, ни во всей России! Может, мне и не пристало говорить о нашем детище, но факт налицо — любой, кто усомнится, может приехать и убедиться.

Самое главное, конечно — трасса. Построена по всем нормам так, что выдержит не только легонькие карты, но и любой грузовик. Это, конечно, теоретически, потому что в крутые виражи и повороты трассы только карты могут вписаться. Протяженность кольца — 964 метра, ширина — до 7 метров. Всюду, где необходимо, стоят металлические ограждения, над стартовой зоной — система красно-зеленых светофоров, а специальные датчики, заложённые под покрытием, ведут постоянный электронный хронометраж каждого карта на трассе: такой новинкой может похвастаться далеко не каждый европейский картодром.

Что-то снажет: расхвастались ребята... А почему бы и нет? Ведь мы не ждали, когда приедут из-за нордона умелые мастера и построят объект "под ключ". Нет, мы с Сашей сами искали рабочих, сами были и грузчиками, и землекопа-

ми, и водопроводчиками, и электронщиками... Сами искали специалистов — таких, как известный гонщик, мастер спорта по картингу Сергей Черединин, ставший главным тренером нашей школы; Сергей Лобанов — один из лучших механиков в московском автоспорте. Теперь можем не беспокоиться за каждый из наших тридцати картов, хотя нагрузка на машины огромная: и пронат, и тренировки "пилотовских" спортсменов, и соревнования!

Еще два слова о наших картах, а то специалисты меня не поймут:

Евгения Нольмов

на чем же, мол, вы катаетесь? Мы закупили двигатели "Хонда" объемом 160 и 270 "кубинов", а всю ходовую часть изготавливает для нас известный московский мастер Володя Раппана. Если удастся накопить денег — будут у нас настоящие гоночные карты, сможем тогда организовать свой гоночный монокласс и подготовим команду для первенства России, для международных соревнований... А гоцинов будем не со стороны брать, а своих вырастить. Скажете — честолюбивые планы? А почему бы и нет?

Виктор Воронов: история началась сегодня...

— О картодроме я ничего не знал еще три месяца назад. Дело в том, что у меня есть сын Алешка, 14 лет. Возраст, как говорят, критический, сами понимаете. А я работаю тонарем, весь день на работе... Он толковый парень, послушный, но разве поручишься за них? Друзья какие-то ходят, не буду же следить — кто да откуда. Вот и стараюсь, чтоб были увлечения: хочешь футбол гонять — хорошо, купим мяч, обувь и все такое. Нравится фотосъемка — аппарат купим, видеокамеру, только снимай! Я для него уже машину приготовил, "Таврию", ему, конечно, кататься хочется, а "прав" еще четыре года ждать. Вот и стал Алешка проситься на картинг. По радио промелькнуло: в Медведково открывается школа картинга. Прямо везенье, это в двух шагах от нас. Добыли адрес, поехали. Сказать, что понравилось — не то слово! Чисто, ан-уратно, красиво. Корпус в два этажа, какой-то необычной архитектуры, даже с балконом для зрителей. Об-

ратили внимание на великолепные гоночные комбинезоны, уложенные на стеллаже. Это кто же, у секретарши спрашиваю, в такой красоте у вас щеголяет? А она отвечает — вот вы и будете, если захотите. Заплатите по тарифу, инструктаж прослушайте, переодевайтесь в раздевалке — и, пожалуйста, на трассу! А сыну вашему сколько лет? Его можно в учебную группу записать...

С этого дня у нас дома главная тема — картодром. Алешка тут простыл недавно, но о том, чтобы пропустить занятие — и слышать не захотел. А уж что они на трассе, за рулем вытворяют — ужас! Повороты в связке, повороты с заносом, обгоны на виражах, повороты с зацепом колес за кромку трассы... А ведь в группах есть и десятилетние, и семилетние малыши. Сидит в карте, один шлем только и виден, а гоняет — дух захватывает! Мы, родители, на балконе стоим, переживаем. Нет, не потому, что за них беспокоимся, их безопасности ничто не угрожает — а болеем за своих, кто лучшее время покажет. У сына уже два кубка дома стоят, грамоты и медаль: первое место на соревнованиях. Серьезные были гонки, несколько московских клубов участвовали... Мы всей семьей, с женой и старшей дочкой, стояли у бортика и переживали. Честное слово, комок в горле стоял, когда объявили: первое место — Алексей Воронов! Я тогда подумал: может, сегодня биография моего сына только и начинается?

А пренним его уличным шатаниям, кажется, конец. Тут на днях заглянули к нему какие-то трое, шепчутся, зовут погулять. А мой им в ответ: некогда, привет! И выставил за дверь. ■

Вниманию подписчиков!

Во втором полугодии 2002-го года цена за один номер журнала — 42 руб., за три — 126 руб., полугодичная подписка — 252 рубля (по каталогу “Роспечати” без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Количество комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Стоимость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

Количество комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Больше квартир — больше оплата

"У меня в собственности имеются доли от двух квартир. Прописана и проживаю в одной из этих квартир. Какое из этих жилых помещений является основным жильем, а какое вторичным? За какое жилье взимается повышенная оплата? Учитывается ли доля в другой квартире при оплате жилья по месту проживания?"

Г.Н. Чихачева, Москва

Прежде всего необходимо отметить, что действующее жилищное законодательство не использует таких понятий, как основное и вторичное жилье. В Гражданском кодексе РФ содержится понятие места жительства гражданина. В соответствии со ст. 20 ГК РФ им признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. В данном случае местом жительства будет являться квартира, в которой вы зарегистрированы, поскольку сам факт регистрации свидетельствует в пользу признания данного жилого помещения местом жительства. Вместе с тем, местом жительства может быть и другая кварти-

ра, если фактически вы преимущественно проживаете в ней и можете взять соответствующую справку в жилищной организации по месту нахождения квартиры.

Что касается вашей ситуации по оплате жилищных услуг в обеих квартирах, то плата по повышенной ставке взимается за ту квартиру, в которой вы не зарегистрированы, но числитесь собственником. В соответствии с п. 1 Постановления Правительства Москвы от 24.02.98 г. "О расчетах за жилищные услуги и отопление" при расчете за жилищные услуги с гражданами, имеющими более одного жилого помещения или незарегистрированными в нем, плата за услугу технического обслуживания взимается по ставкам, рассчитанным исходя из фактических затрат по содержанию дома. При этом с граждан — собственников жилых помещений, имеющих единственное жилье и зарегистрированных в нем, взимается плата по фиксированной ставке, размер которой меньше фактических затрат по содержанию дома. Как видно, наличие у гражданина в собственности другого жилого помещения влияет на размер оплаты жилищных услуг.

Льгота для всей семьи

"Мой отец прослужил в армии более 30 лет, уволился по возрасту. Получает льготу по оплате жилья и коммунальных услуг. В нашем городе не предоставляют эту льготу членам семьи уволенных военнослужащих, ссылаясь на новый закон. Правильно ли это?"

Н.С. Тазина, Московская обл.

Отказ в предоставлении льгот членам семей военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, неправомерен и противоречит положению п.10 ст.15 Федерального закона от 27.05.98 г. "О статусе военнослужащего". В соответствии с указанной нормой правом на льготу обладают граждане, уволенные с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, а при продолжительности службы 25 лет и более вне зависимости от основания увольнения. Вышеуказанные лица и совместно проживающие с ними члены их семей оплачивают в размере 50 процентов общую площадь занимаемых ими жилых помещений, коммунальные услуги (водоснабжение, водоотведение, вывоз бытовых и других отходов, газ, электрическая и тепловая энергия), а также абонентскую плату за пользование радиотрансляционными точками, коллективными телевизионными антеннами.

Таким образом, все совместно проживающие с уволенным военнослужащим члены его семьи должны оплачивать жилую площадь, коммунальные и другие услуги в размере 50 процентов.

Важен каждый день

"Работал на предприятии и получил травму при исполнении трудовых обязанностей. Сейчас прохожу лечение. Как раз с этого месяца мне значительно повысили зарплату. Будет ли повы-

шенный размер считаться при выплате страховки или учитываются только предыдущие месяцы?"

П.А. Савенков,
Смоленская обл.

В соответствии с требованиями п.3 ст.12 Федерального закона от 24.07.98 г. "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" средний месячный заработок подсчитывается путем деления общей суммы заработка за 12 месяцев работы, предшествующих наступлению страхового случая, на 12. При желании застрахованного средний месячный заработок может подсчитываться с учетом фактически проработанных им дней до наступления страхового случая.

Таким образом, целесообразно требовать, чтобы при исчислении суммы выплаты учитывались все дни, проработанные до наступления несчастного случая на производстве, в том числе и те, которые пришлось на заработную плату в новом повышенном размере.

А за что компенсация?

"Я выиграл в суде дело о возмещении морального вреда. Должен ли я платить подоходный налог с причитающихся мне выплат по гражданскому иску?"

С. Гарибулин, Башкортостан

Ответ на данный вопрос содержится в Письме Государственной налоговой службы РФ от 29.09.95 г. "О порядке налогообложения сумм, получаемых гражданами по решениям судов в связи с возмещением им мате-

риальных потерь и морального вреда".

В соответствии с указанным документом не подлежат налогообложению все виды установленных действующим законодательством Российской Федерации компенсационных выплат, связанных с возмещением вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья. Данная норма содержится в ст. 217 Налогового кодекса РФ.

Также не подлежат налогообложению выплаты физическим лицам по решению суда, имеющие характер возмещения причиненного им ущерба, материальных и моральных потерь, которые являются компенсационными согласно Закону Российской Федерации от 07.02.92 г. "О защите прав потребителей".

Выплаты, произведенные гражданам на основании решения суда в возмещение морального вреда в остальных случаях, а также суммы, выплачиваемые по решениям суда и возмещение неполученной физическими лицами выгоды, являются доходом и подлежат налогообложению в общеустановленном порядке.

Таким образом, если возмещение морального вреда в вашем случае не связано с причинением вреда здоровью, со смертью кормильца, а также с защитой прав потребителя, то платить подоходный налог придется.

Уловка должника не пройдет

"По просьбе соседки дала ей в долг денежную сумму под расписку. Когда пришло время отдавать деньги, она отказалась, сославшись на то, что в расписке

указана сумма в долларах и, значит, она недействительна. Правда ли моя соседка?"

А. Тихофеева,

Орловская обл.

По общему правилу, установленному в ст. 317 Гражданского кодекса РФ, денежное обязательство действительно должно быть выражено в рублях.

Вместе с тем, с учетом процессов инфляции, закон, а именно ч. 2 ст. 317 ГК РФ предусматривает возможность выражения денежного обязательства в единицах, привязанных к какой-либо иностранной валюте. В этом случае подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу — курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц, установленному Центральным банком Российской Федерации на день платежа. Стороны в договоре, содержащем денежное обязательство, могут предусмотреть оплату по иному, выбранному ими курсу валюты, а также определение суммы платежа по курсу не на день платежа, а на другой момент, например, на день заключения договора.

Таким образом, расписка недействительна только в том случае, если в ней фигурирует сумма, определенная именно и только в валюте. Если же в полученной вами расписке указана сумма, эквивалентная какому-либо количеству долларов США, то вы можете смело обращаться в суд с исковым заявлением о взыскании долга по договору займа.

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Шахматная игра

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

25. А. СЛЕСАРЕНКО

г. Дубна Московской обл.

2

126. В. ШУМАРИН

Москва

2

27. С. ТКАЧЕНКО

Украина

2

28. В. НОВАЛЕНКО

*г. Большой Камень
Приморского края*

3

29. М. ЧЕРНУШКО

Уссурийск

3

30. Н. КУЛИГИН

Украина

3

31. М. КАЛГИН

Воронеж

4

32. А. СТЕПОЧКИН

Тула

6

33. В. МОРОЗОВ

Москва

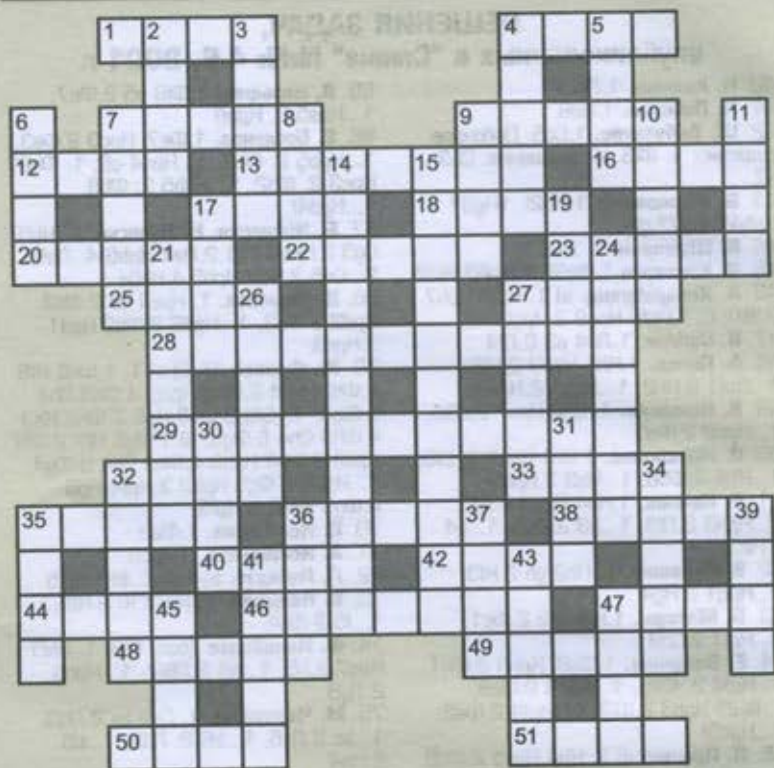

8

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" №№ 4-6, 2001 г.

40. **Н. Акимов.** 1.Лhc7
41. **Л. Лебедев.** 1.Hd6
42. **Ш. Анбулатов.** 1.Сс5. Побочное решение: 1. Фf6. Исправление: Сb3-a2.
43. **В. Марковций.** 1.Hh2!, 1.Hg3? Hph4!, 1.g7? g3!
44. **В. Шумарин.** 1. Лс6
45. **В. Жежерун.** 1.Фе3!, 1.Фб6? Hc5!
46. **А. Хильдебранд.** а) 1. Hpf6 Hph7 2.f8f; б) 1.Hpf6 Hpg8 2.Hpg6
47. **В. Сурнов.** 1.Ld4 e3 2.Лf4
48. **А. Попов.** 1.Hh1 Hph3 2.Hf6, 1...Hpf1 2.Hh2, 1...Hpg1 2.Hpe2
49. **В. Ножакии.** 1. Сb6 Hpe7 2.c8c, 1...Hpc8 2.Фе6
50. **В. Новаленко.** 1.Фf8 Hph7 2. Cf5, 1...Hh6 2.Фh6, 1...He3 2.Hph5
51. **В. Иванов.** 1.Hd4 Hpg4 2.Hf6, 1...Hph3 2.Лf3, 1...h3 2.Лg5, 1...g4 2.He2
52. **В. Лукашев.** 1. Hh2 gh 2.Hf3, 1...Hpg1 2.Hg4
53. **В. Матзюш.** 1.Hf2 Cf2 2.Фс1, 1...Hpf1 2.Ch3
54. **Е. Богданов.** 1.Фa8! Hph3 2.Фh1, 1...Hpf4 2. Фd5, 1...Hph5 2.Фс6; 1.Фa2? Hph3 2.Фf2, 1...Hpf4 2.Фe2, 1...Hph5!
55. **Л. Пронин.** а) 1. Hb4 Hpc5 2.Фd8 Hpb5 3.Фd4; б) 1.Фd2 Hpb5 2.Фd5 Hpa6 3.Фa8
56. **В. Сурнов.** 1. Hpc2 Hpe5 2.Фh6 Hpd4 3.Фd6, 1...Hpe3 2.Фg3 Hpe2 3.f4
57. **М. Матренин.** 1. Hph5 Hpg3 2.Hh3 Hph2 3.Cf4
58. **Г. Козюра.** 1.Фс3 Лb6 2.Hpe5 Лb5 3.Cd5
59. **Е. Богданов.** 1. Hpe2! d4 2.Hb4 e3 3.Hpf3, 1...e3 2.Hpf3 d4 3.Hb4; 1.Hb4? d4 2.Hpe2 e3 3.Hpf3, 1...e3 2.Hc6 Hpe4 3.Hpe2, 1...Hpd4!
60. **В. Морозов.** (# 5) 1...Hpc1 2. Hd2 Лb1 3.Hb3x; 1.b4 Hpc1 2.Hb2 Hpb1 3.He4 Hpe1 4. Hd2 Лb1 5.Hb3x
61. **Н. Акимов.** 1. Фb1
62. **О. Шалыгин.** 1. Фd1
63. **Н. Грюневельд.** 1. Hpd6!, 1.d3? g6!, 1.d4? g5!
64. **А. Скрипник.** 1. Фе7 Hpg3 2.Фh4? 1...d2 2.He2
65. **В. Нозырев.** 1.Фf8 e5 2.Фe7, 1...Hpe5 2. Hpb6
66. **Е. Богданов.** 1.Фe7! Hpc3 2.Фe3, 1...Hpb5 2. Фb7, 1...Hpd4 c6; 1. Фh2? Hrc3 2. Фb2, 1...Hpb5 2. Фb8, 1...Hpd4!
67. **Б. Жежерун, Н. Кулигин.** 1. Hb5 Cg3 2.Hrb4 Ce1 2.Ле1 Hrb6 4. Леbх, 2...Cd6 3.Hd6 Hrb6 4.Hb5x
68. **В. Морозов.** 1. Hpe4 cd 2.Фb3 Hpd2 3.Фd3, 1...Hpd2 2.Фb2 Hpd1 3.Hpe3
69. **Ю. Сушков.** (# 6) а) 1. 1.Фd6 Hf8 2.Фf8 Hrh4 3.Фa3 Hrh5 4.Фh3 Ch4 5.Фg4, 1...Cf6 2.Фg3 Hg5 3.Фh2 Hh3 4.Фh3 Ch4 5.Фg5; б) 1.Фg8 Hf7 2.Фf7 Hrh4 3.Фb3 Hrh5 4.Фh3 Ch4 5.Фg4, 1...Hrh4 2.Фg5 Hrh3 3.Hrf4 Hg6 4.Фg6 Hpa2 5.Hrf3
70. **В. Костенков.** 1.Фa3
71. **А. Ношельков.** 1. Hd5
72. **Л. Лебедев.** а) 1.Cc7; б) 1.Фd5
73. **В. Нозырев.** 1. Hrc5 f6 2.Hf8, 1...f5 2.Фс4
74. **Ф. Накабадзе.** (бел. Лf8) 1. Лh1 Hpg7 2.h5, 1...h5 2.Лf8f7, 1...Hph5 2.Лg8
75. **М. Чернушко.** 1. Ca6 ba 2.Лb3, 1...bc 2.Лс6, 1...b6 2. Лd3, 1...b5 2.Hb4
76. **А. Елифанов.** 1.Фa2 f2 2.Фf7 f1Ф 3.Лg6, 1...e3 2.Фg8 Hrf4 3.Лf6, 1...Hpg5 2.Фh2 e3 3.Фh4
77. **Е. Богданов.** 1.Hb4 Hrc5 2.Фс6 Hpd4 3.Фс7, 1...Hpa7 2.Фс7 Hpa8 3.Ha6, 1...e5 2.Фb8 Hpa5 3.Фa7; 1.He3? Hrc5 2.Фb8 Hpd4 3.Hpd2, 1...Hpa7 2.Hc4 c5 2.Фс7, 1...Hpa5 2.Фb7 c5 3.Фс6, 1...c5!
78. **А. Лобусов.** 1.-13. Hf8-h7-g5-h3-f4-h5-g7-e8-c7-a6-c5-b7-d8-c6x, Побочное решение: 1.Cb3 Hpe5 2.Hg6 Hrf5 3.He7 Hpe5 4.Ca2 Hpd4 5.HcBx

Правильные ответы на все задания прислали: **М. Дерябин** (Налуга), **Г. Карманов** (Сыктывнар), **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Кожаккии** (Магадан), **А. Мотовичев** (Архангельск), **Г. Попов** (Якутск), **А. Роганин** (г. Строитель Белгородской обл.), **Ю Тищенко** (Украина)

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Надежное убежище для иголки. 4. Зерно, из которого гнали лучшую русскую водку. 7. Толстый здоровый мальчик. 9. Силон птицелова. 12. Надна с помоями для идейного противника. 13. Бездельник, повеса. 16. Американоанский поэт и философ, заметивший: "Не печаль наша печальна, а наши дешевые радости". 17. Нидность в самой горячей рене. 18. Связник двух озер. 20. Тансонометрическая категория, иначе называемая коленом. 22. Момент стрельбы из самого мирного пистолета. 23. Следующая за прямой струна скрипки. 25. Отпрыск, на которого родители не надыхатся. 27. Другое название лукичанина. 28. Сортировка с отделением негодной продукции. 29. Русский террорист, бросавший в свои жертвы самодельные снаряды. 32. Участник посиделок на золотом крыльце. 33. Сиамский близнец Европы. 35. Французский гравер "нарандашной манерой", прославившийся

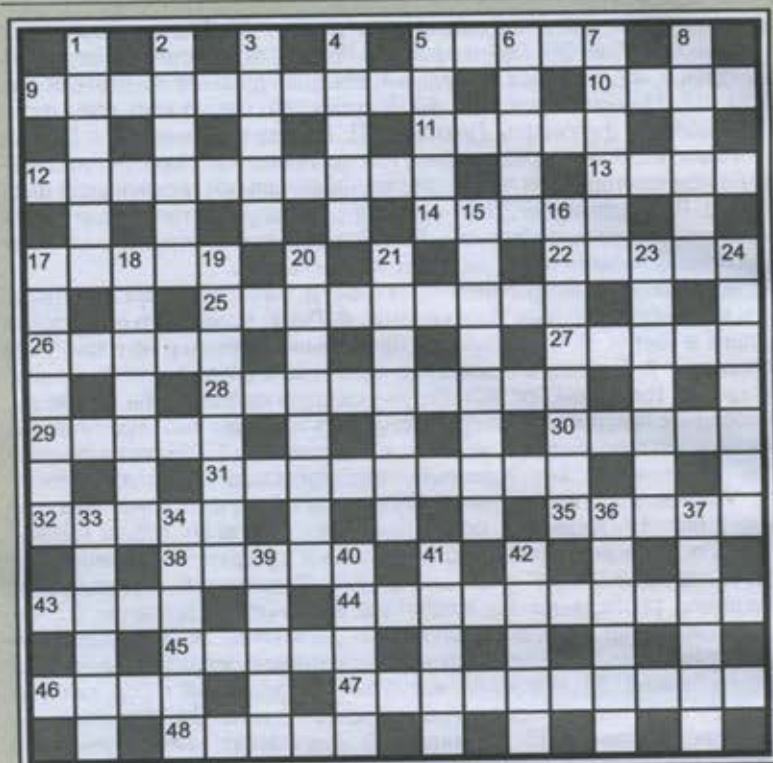
цветными гравюрами с шедевров стиля рококо. 36. Меню человека, недовольного собой. 38. Почти-офицер в России. 40. Восточнославянский бог солнца. 42. Французский ученый, введший дробные показатели степени. 44. Небесный румянец. 46. Государство, где на всех один папа. 47. Любовь в философии Платона. 48. Не раз упоминаемое в Библии растение, и сейчас выращиваемое как пряность. 49. Норвежский скрипач и композитор, один из создателей национальной музыкальной школы. 50. Рыба размером 33-41 сантиметр, которую жители неолита промышляли в бассейне Нязьмы. 51. Музыкальный инструмент, на который похони темные пятна на боках тюленя-лысуна.

По вертикали. 2. Искроприемник огнива. 3. Фруктовое дерево, которого в мире примерно пять тысяч сортов. 4. Рена, тенущая по Калхидской долине в Грузии. 5. Скуперддэй. 6. Генеральный директор конторы "Рога и копыта". 7. Помещичий эпитет И. Тургенева в среде русской интеллигенции. 8. Греческий бог, чьи статуи украшали ветками дуба. 9. Месяц, в середине которого в Поморье прилетает пуночка. 10. Сказочная емкость, в которой медведь нес Машу и пирожки. 11. Черкеска со стоячим воротником. 14. Художник, изображающий мертвую природу. 15. Участок дороги, где автомобиль может получить нонаутирующий удар в бок. 17. Художник, показавший миру, наков он, солдат Швейк. 19. Способ ужения рыбы, один из самых древних и оригинальных. 21. Инструмент "игры" револьвера. 24. Знаменитый подмосковный строитель, растворившийся в политине. 26. Зелень под снегом. 27. Сама по себе горит одна, а в лампочках — десятками. 30. Растущее в селе Марткоби близ Тбилиси дерево, под которым любила отдыхать еще царица Тамара. 31. И в кенсе, и в кутье. 32. Грузинский город, чья марка на бутылке подтверждает хорошее качество вина. 34. Утопленник во спасение "хозяина". 35. Французский композитор, чью популярность предугадал П. Чайковский. 36. Бег от кредитора. 37. Представитель народа, завезшего в Европу сахар после завоевания Персии в VII веке. 39. Хищник, которого английские колонисты в Америке прозвали "люцифером" и нещадно уничтожали. 41. В стихотворении Н. Некрасова "Молодые" муж, в частности, говорит Парасковье: "Есть и ... в огороде — хрен да луновиза". 43. Героиня в опере Л. Яначена "Ее падчерица". 45. Досадное заведение. 47. Блестящий жених Дюймовочки. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 5. Троцкизм. 7. Эплектик. 10. ...предостережение. 13. Шлюха. 14. Горилла. 15. Юннер. 18. Чистюля. 22. Гасконь. 23. Египтолог. 24. Бану. 25. Райт. 26. Саллюстий. 27. Планшир. 30. Онтарио. 36. Руссо. 37. Махорна. 38. Цинля. 41. Носмодемьянская. 42. Пакистан. 43. Манароны.

По вертикали. 1. Доброхот. 2. Шнода. 3. Щебет. 4. Отличник. 6. Заснок. 8. Кресло. 9. Жених. 11. Элли. 12. Верн. 16. Фленсия. 17. Нагайна. 19. Ягуар. 20. Шпиль. 21. Росси. 22. ...Горию. 28. Лгун. 29. Настояна. 31. Алибасов. 32. Игла. 33. Хандра. 34. Холмс. 35. Смярга. 39. Смысл. 40. Устав.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 5. Усмиритель жизни. 9. Самая многочисленная среднеглубинная рыба Охотского моря. 10. Объект поисков медведя, лезущего на гудящий телеграфный столб. 11. Антилопа, чье молоко не свисает. 12. Птица, чьи птенцы крутят головами и шипят в дупле, как гадошата. 13. Финал беременности. 14. Полярный исследователь с девизом: "Бороться и иснать, найти и не сдаваться". 17. Спортивная лодка только для мужчин. 22. Зуб, какой имеет кролик на морковку. 25. Самая популярная дочь лютни. 26. Весомый итог овчинок, стоящих выделки. 27. Дудочка для зверского обмена. 28. Советский поэт, гонявшийся. 29. "Одежка", по которой встречают архитектурное сооружение. 30. Эсминец, ведущий в атаку другие эсминцы. 31. Рождественское дерево у протестантов. 32. Русская водка, названная по зерну, из которого ее гнали. 35. Самое прокопченное помещение в древнеримском доме. 38. Мойра-пряха. 43. Маяк для бабника. 44. Прибавление искусственного глицерина к виноградному вину, придуманное шведским химином, но

позже признанное вредным и запрещенное. 45. Развалина на полотнах романтиков. 46. Американская страна, куда воробьи впервые прилетели в 1951 году. 47. Нызя, с чьим сыном на рунах изображена на портрете Т. Неффа Дарья Пожарская, изобретательница знаменитых котлет. 48. "Ярная заплата на ветхом рублице певца" (А. Пушкин).

По вертикали. 1. Цветок, чей аромат напоминает цветущий виноград. 2. Французский ученый, пионер химического синтеза. 3. Друг Степашки и Наркуши, вместе с ними изгнанный с первого канала ТВ. 4. Кристаллический сланец, дробимый на щебень. 5. Представитель сибирского народа, в фольклорных произведениях называвший себя хоорай. 6. Чуть живее ларго. 7. Доминиканский патриот, возглавлявший борьбу за независимость восточной части острова Гаити. 8. Орган, у кита весящий полтонны. 15. Ходящий в желтых одеждах адепт восточной религии, чей приветственный возглас заканчивается на "харе Рама!" 16. Серийный актер Голливуда, чей талант съели боевики и триллеры. 17. Кремлевская башня, которая была стрельницей, защищавшей мост через Неглинку. 18. Английский адмирал, приказавший прибить подкову к мачте флагманской "Виктории". 19. Древнегреческий философ, отнюдь не прыгавший в кратер Этны, как гласит легенда. 20. Учебное заведение, готовящее специалистов КВН. 21. Фигурист, носивший на руках Людмилу Пахомову. 23. Народное название врача, которого боятся даже отчаянные мужчины. 24. Придорожная трава, которой у нас долго портили кофе. 33. Одна из душистых трав, чьи букетики в средневековой Европе селянки прикрещивали к корсажу на праздниках. 34. Венгерский автобус. 36. Слово, которое у штурмана и в уме, и на языке. 37. Между осмием и платиной. 39. Одно из трех деревьев, на чьих дровах обнаруживают сосиски. 40. Город канадских автомобилестроителей. 41. Настоящая фамилия художника Клода Лоррена. 42. Похожее на зонтик соцветие. ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 4. Эпидемия. 10. Оберег. 11. Смир. 12. Тропинин. 13. Житнов. 15. Омут. 16. Ланечников. 17. ...черт... 18. Ирис. 19. Хам. 22. Град. 24. Нуява. 27. Охота. 28. ...Литта. 29. Етун. 30. Шлиц. 31. Брера. 32. Ранне. 33. Базар. 36. Нибо. 38. Нью. 40. Овца. 43. Нмет. 44. Долголетие. 46. Сенс. 47. Нзинга. 48. Казанова. 49. Тити... 50. Хогарт. 51. Йоммелли.

По вертикали. 1. Мозжечок. 2. Центурия. 3. Щегол. 5. Парсен. 6. Долинг. 7. Манинюр. 8. Ясновидица. 9. Фигуристка. 14. Ваза. 19. Хатаи. 20. Монро. 21. Тонна. 22. Гашен. 23. Алиби. 25. Управление. 26. Вернадский. 34. Заминдар. 35. Ретратта. 37. Бальзам. 39. Юрин. 41. Ночное. 42. Сервал. 45. Ездок.

Обычно с поступлением ребёнка в школу жизнь его и его семьи наполняется массой дополнительных забот. Ведь надо, чтобы ребёнок получал хорошие знания, но при этом не сидел сутками за книжками, а успевал отдыхать и заниматься спортом. Надо проводить ребёнка в школу, накормить обедом и проследить за подготовкой домашних заданий.

Отдавая ребёнка в школу "ЭРУДИТ", вы разом решаете все проблемы.

Дети находятся в школе с 9 до 18 часов. Большую часть времени они, конечно, проводят на уроках. Их не мало, потому что помимо программы средней школы дети углубленно изучают английский язык, а также любые другие предметы — какие им больше нравятся. **Классы по 6-8 человек** позволяют заниматься с каждым ребёнком индивидуально. В школе есть два компьютерных класса и возможность постоянного доступа в Интернет, которой дети не забывают воспользоваться. Обучение в старших классах ведётся по методикам, разработанным на основе программ выбранного вами вуза.

В ежедневной программе занятия спортом (плавание, теннис, шейпинг), ведь по соседству расположен современный Дворец детского спорта. Другая надёжная защита от скуки — творческие предметы: живопись, лепка, хореография, музыка, вокал, актерское мастерство. Среда — экскурсионный день: детей возят на выставки, в театры и на экскурсии (по принципу "лучше один раз увидеть ..."). Получается, что в дополнительных занятиях надобность отпадает: все свои потребности в творчестве и движении ребёнок может удовлетворить в школе! Отпадает надобность и в ежедневных пререканиях из-за неделанных уроков: в оставшееся после основных занятий время дети разбирают с учителями трудный материал, так что дома они в полном вашем распоряжении. Кстати, волноваться по поводу дороги в школу и обратно не надо: туда и обратно ребёнка доставят на машине в сопровождении охраны.

Понятно, что в школе бывает всякое: сложности в учёбе и синяки на коленях, конфликты с одноклассниками и внезапно разболевшийся зуб. Для того, чтобы помогать детям в решении проблем, в школе работают психолог, логопед, педиатр, диетолог, массажист, стоматолог... В нужные моменты проводятся вакцинации и раз в год — специалистами медицинского центра — диспансеризация.

Не зря "ЭРУДИТ" называется "Центром образования". Школа — это последняя ступень в цепочке ясли — детский сад — школа, и отдать ребёнка в Центр можно на любом этапе.

Государственная лицензия № 003890, 003918
Государственная аккредитация.

**Москва, ул. Новорогожская, 26.
Тел: (095) 271-09-10, www.erudite.ru.**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА (МИИБ)

при Всероссийской академии внешней торговли

Министерства экономического развития и торговли РФ

Год основания: 1988

Сроки и формы обучения:

дневное обучение от 5 месяцев до 9 месяцев;

вечернее обучение от 9 месяцев до 1 года 6 месяцев;

заочное обучение от 9 месяцев до 1 года 3 месяцев.

Факультеты:

Специальный коммерческий – профессиональная переподготовка: специалист международного бизнеса (менеджер или экономист международного бизнеса).

Факультет профессионального обучения и повышения квалификации: менеджер по продажам (коммерческий работник) внешнеторговой фирмы, руководитель внешнеторговой фирмы, организация внешнеэкономических операций, международная торговля и проблемы присоединения к ВТО, работник хозяйственной службы заграничных учреждений, юрист в области ВЭД, современные особенности осуществления экспортного контроля, экономика и организация международной инвестиционной деятельности, иностранные языки, биржевой трейдер.

Сроки и формы обучения:

дневное — от 5 до 9 месяцев;

вечернее — от 9 месяцев до 1 года 6 месяцев;

заочное — от 9 месяцев до 1 года 3 месяцев;

Оказывается содействие в трудоустройстве.

ВЫДАЮТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДИПЛОМЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, УДОСТОВЕРЕНИЯ.

Обучение платное. Вступительные испытания: собеседование. Прием заявлений в течение года.

Проводится студенческий обмен с вузами США, Великобритании, Германии, Канады, Нигера; стажировка за рубежом.

Лицензия госкомвуза № 24п - 0162, сертификат тип РФ в области делового образования № 018

117330, Москва, ул. Мосфильмовская 35, стр. 1 (м. Невская, Университет)

тел: 143-85-75, 147-22-78, факс: 147-53-57

E-mail: MIIB@COL.RU WWW.MIIB.NM.RU

Ректор проф. В.М. Безденежных

**МОСКОВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ им. МОССОВЕТА
готовит специалистов на базе ПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**

ЛИЦЕНЗИЯ: серия СПОД, Регистрационный номер 004914, НадГ, от 13.10.1999 г.

Специальность	Сроки обучения		Вступительные экзамены
	Дневное отделение	Заочное отделение	
	<i>Техника и искусство фотографии</i>		
Техник — базовый уровень	1 год 10 мес.	2 года 10 мес.	1) Химия (устно)
Фотохудожник — повышенный уровень (после получения диплома базового уровня)	10 мес.	нет	2) Рус. язык (тест на компьютере)
	<i>Швейное производство</i>		
Техник	2 года 10 мес.	3 года 10 мес.	1) Математика (письменно)
			2) Рус. язык (тест на компьютере)
	<i>Моделирование и конструирование одежды</i>		
Конструктор-модельер	2 года 10 мес.	нет	1) Рисунки
			2) Живопись
			3) Математика (письменно)
			4) Рус. язык (тест на компьютере)
	<i>Экономика, бухгалтерский учет и контроль</i>		
Бухгалтер — базовый уровень	1 год 10 мес.	2 года 10 мес.	1) Математика (письменно)
Бухгалтер с углубленной подготовкой в области налогов и налогообложения (после получения диплома базового уровня)	10 мес.	нет	2) Рус. язык (тест на компьютере)
	<i>Организация бытового обслуживания населения</i>		
Менеджер	нет	2 года 10 мес.	1) Математика (письменно)
			2) Русский язык (тест на компьютере)

ОБУЧЕНИЕ В КОЛЛЕДЖЕ БЕСПЛАТНОЕ

Телефоны для справок: 212-00-33, 212-31-44 Проезд: станция метро "Белорусская" или "Динамо", далее троллейбус 12, 20, 86, 70 до остановки "Тюшинка "Советская" Адрес: ул. Расковой, дом 4.

День открытых дверей 20 апреля 2002 г. в 14.00.

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТО

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02-
факс: (3412) 78-58

АКСИОН **ТНП**

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru

60 лет — верность традициям

ОАО "Красногорский завод им. С.А. Зверева" — крупнейшее в России предприятие по разработке и производству широкого спектра оптико-электронных приборов и систем. Заводская торговая марка "ЗЕНИТ" хорошо известна в России и за ее пределами.

История предприятия началась в прошлом веке с первой в России государственной оптической мастерской. Созданный на ее базе в подмосковном Красногорске оптический завод в феврале 1942 года был преобразован в "Красногорский оптико-механический завод". 60-летний опыт предприятия в области оптического приборостроения, а также наличие в его составе мощного научно-технического центра, многопрофильной технологической службы и специализированных производств, оснащенных точным и высокопроизводительным оборудованием, позволили заводу стать ведущим предприятием оптической отрасли России.

С начала 50-х годов завод начал выпуск первых отечественных фотоаппаратов: "Москва", "Искра", "Зорний", но всемирную известность заводу принесли фотоаппараты семейства "Зенит". Это название стало торговой маркой завода. Зеркальные фотоаппараты "Зенит 12XP", "Зенит 122", панорамная фотокамера "Горизонт 202" давно завоевали признание любителей фотографии.

В числе последних новинок:

- зеркальный фотоаппарат с автоматическим вводом чувствительности пленки по DX-ноду "Зенит 412DX", в 2001 году награжден серебряным дипломом конкурса "Сто лучших товаров России";
- зеркальный фотоаппарат "Зенит-НМ" с ламельным затвором, моторным приводом и двумя режимами экспозиции;
- панорамный фотоаппарат "Горизонт-205pc" предназначенный для профессиональной съемки на неперфорированную среднеформатную фотопленку с размером кадра 55x110 мм.

Широко известны выпускаемые заводом сменные широкоугольные и длиннофокусные фотообъективы:

МС Мир-20М 3,5/20, МС Зенитар-Н, М, Н 2,8/16 ("Рыбий глаз"), МС Вариозенитар-Н 2,8-3,5/25-45, МС АПО Телезенитар-М 2,8/135, МС АПО Телезенитар-Н 4,5/300.

Многочисленные испытания оптических приборов завода, проведенные в странах Западной Европы и Америки, подтвердили высокое качество оптики. На предприятии действует система качества, соответствующая международному стандарту ISO 9001.

Международными наградами отмечены достижения завода в создании образцов новых изделий, развитии производства, международном сотрудничестве: "Золотой Меркурий", "Гран-При", "Коммерческий престиж", "За качество".

ЗЕНИТ — марка, проверенная временем!

Наш адрес и контактные телефоны:

*Россия, 143400, Московская обл., г. Красногорск, ул. Речная, 8
Отдел маркетинга тел/факс (095) 562-83-16, 561-89-26
<http://www.zenit-foto.ru> E-mail: hmz236@zenit-foto.ru*

Он — кандидат наук, доцент, закончил мехмат МГУ и Российскую Экономическую академию, где сейчас и преподает. А еще Александр Гажур учился в художественной школе, частных студиях. И постоянно сотрудничает с галереями Чехии, Португалии, США.

Его техника разнообразна. Пишет маслом, гуашью, акварелью, делает офорты. Стилистика также многопланова — от реализма до абстракции. У Александра много работ на историческую тему, может, потому, что увлекается историей, философией. И в работах, в цвете и красках, передает свое отношение ко многим событиям, когда-то произошедшим в мире. Герои его полотен — Александр Македонский, Артаксеркс, Наполеон... Художник пишет сценки и жанровые картины из эпохи средневековья, Возрождения, галантного века. Но все это не иллюстрация к учебнику истории, а видение художника, переосмысление им того или иного исторического факта. Александр редко пишет с натуры, если только "чистые" пейзажи. Для многих его сюжетов, взятых из легенд, былин, народных сказаний, вряд ли бы подошло реальное изображение природы, каких-то узнаваемых мест. Ведь все эти полотна художника рождаются его фантазией, потому и фоном для них служат причудливые, совершенно сказочные пейзажи, словно взятые из зыбких сновидений.

Главная особенность творчества Александра — символизм. Вот один из сюжетов. Мария-Антуанетта медленно идет по оранжее, вдоль цветущих восхитительных кустов роз. Роскошным убранством, горделивой статью она и сама-то похожа на прекрасный цветок. Но, судя по всему, прогулка ее продлится недолго. Садовники, в темных плащах, скорее напоминающая братьев какого-то ордена, методично срезают розы, и, кажется, одно неосторожное движение, и королева будет обезглавлена. Весьма недвусмысленно и название картины — "Обрезка роз, или Мария-Антуанетта". Символичны и другие картины. "Взятие Константинополя", где сам город предстает как средоточие духовности мира, а его разрушители олицетворяют тщетную суетность бытия, основанную только на уничтожении, а не на созидании...

Странник. Японец.

Последние работы Александра Гажура еще более усложнены. "Сад философов", "Переселение душ", "Суфий" — в них не только ассоциации с хорошо известными историческими событиями, но и философские взгляды самого художника, его оригинальные трактовки мировых религий. "В любом произведении, — говорит художник, — как мне кажется, обязательно должен присутствовать символ, подтекст, второй глубинный смысл. А художнику решать подобную задачу гораздо сложнее. Цвет действует напрямую, стало быть, надо построить сюжет так, чтобы в воображении зрителя возникла дополнительная информация, возможность фантазировать и размышлять..."

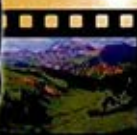
Людмила КАНДАЛОВА

Средние вена. Фазаны.

ЗЕНИТ & ZENIT

**марка,
проверенная
временем!**

**Зеркальные
фотоаппараты "ЗЕНИТ"**
**Панорамные
фотоаппараты "ГОРИЗОНТ"**
Объективы
Фотокомплекты
Фотопринадлежности

**Верность
традициям
качества
и надежности**

**Воронеж (0732) 77-73-14; Екатеринбург (3432) 71-46-61;
Иркутск (3952) 33-04-39; Красногорск (095) 563-56-07;
Красноярск (3912) 21-65-40, 23-57-21; Москва (095) 269-24-14,
933-59-59; Новосибирск (3832) 26-17-68, 66-52-98; Ростов-на-
Дону (8632) 40-95-91; Санкт-Петербург (812) 247-10-10;
Уфа (3472) 28-83-76**

ОАО "Красногорский завод им. С. А. Зверева"

Россия, 143400, г. Красногорск, Московская обл., ул. Речная, 8
тел. (095) 561-80-84, 561-89-26; факс (095) 563-42-65, 562-83-16
<http://www.zenit-foto.ru>

E-mail: kzm@zenit-foto.ru marketing@zenit.istra.ru